

ПОЭТЫ-
ИМАЖИНИСТЫ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

*

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "АГРАФ"

МОСКВА

1767
ББК 84.9.1

ПОЭТЫ-ИМАЖИНИСТЫ

МАТЕРИАЛЫ И РАБОТЫ
ПЕТЕРА ИМАЖИНИЗМА

Составитель, подборка текстов
и оформление издания и приложения
— А. М. ШИШЕЛОВА

2016г.

ПРОБЛЕМЫ 2009

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • 1997

ISBN 5-88986-016-X
ISBN 5-2784-0026-8

12107 ПРОВЕРКА

ББК 84. Р 1
П 67

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ
ТРЕТЬЕ

*Составление, подготовка текста,
биографические заметки и примечания*
Э. М. ШНЕЙДЕРМАНА

- © Издательство «Петербургский писатель»,
серия «Библиотека поэта», 1997.
© Э. М. Шнейдерман, биографические заметки,
составление текста, 1997.
© В. В. Еремин, художественное оформление, 1997.

ISBN 5-88986-016-X
ISBN 5-7784-0026-8

I. ДЕКЛАРАЦИЯ

Вы — поэты, живописцы, режиссеры, музыканты, прозаики.

Вы — ювелиры жеста, разносчики краски и линии, гранильщики слова.

Вы — наемники красоты, торгаши подлинными строфами, актами, картинами.

Нам стыдно, стыдно и радостно от сознания, что мы должны сегодня прокричать вам старую истину. Но что делать, если вы сами не закричали ее? Эта истина кратка, как любовь женщины, точна, как аптекарские псы, и ярка, как стосильная электрическая лампочка.

Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909—умер 1919). Издох футуризм. Давайте грядем дружнее: футуризму и футурию — смерть. Академизм футуристических догматов, как вата, затыкает уши всему молодому. От футуризма тускнеет жизнь.

О, не радуйте, лысые символисты, и вы, трогательно наивные пассажиры. Не назад от футуризма, а через его труп вперед и вперед, левой и левой кличем мы.

Нам противно, тошно от того, что вся молодежь, которая должна искать, приткнулась своею юностью к мясистым и увесистым соскам футуризма, этой горожанке, которая, забыв о своих буйных годах, стала «хорошим тоном», привилегией дилетантов. Эй вы, входящие после нас в непротоптанные пути и перепутья искусства, в асфальтированные проспекты слова, жеста, краски. Знаете ли вы, что такое футуризм: это босоножка от искусства, это нищезанство формы, это замаскированная современностью надсоновщина.

Нам смешно, когда говорят о содержании искусства. Надо долго учиться быть безграмотным для того, чтобы требовать: «Пиши о городе».

Тема, содержание — эта слепая кишка искусства — не должны выпирать, как грыжа, из произведений. А футуризм только и делал, что за всеми своими заботами о форме, не желая отстать от парнаса и символистов, говорил о форме, а думал только о содержании. Все его внимание было устремлено, чтобы быть «погородское». И вот настает час расплаты. Искусство, построенное на содержании, искусство, опирающееся на интуицию (аннулировать бы эту ренту глупцов), искусство, обрамленное привычкой, должно было погибнуть от истерики. О, эта истерика сгнаивает футуризм уже давно. Вы, слепцы и подражатели, плагиаторы и примыкатели, не замечали этого процесса. Вы не видели гноя отчаяния, и только теперь, когда у футуризма провалился нос новизны, — и вы, черт бы вас побрал, удосужились разглядеть.

Футуризм кричал о солнечности и радости, но был мрачен и угрюм.

Оптовый склад трагизма и боли. Под глазами мозоли от слез.

Футуризм, звавший к арлекинаде, пришел к зимней мистике, к мистерии города. Истинно говорим вам: никогда еще искусство не было так близко к натурализму и так далеко от реализма, как теперь, в период третичного футуризма.

Поэзия: надрывная нытика Маяковского, поэтическая похабщина Крученых и Бурлюка, в живописи — кубики да переводы Пикассо на язык родных осин, в театре — кукиш, в прозе — нуль, в музыке — два нуля (00 — свободно).

Вы, кто еще смеет слушать, кто из-за привычки «чувствовать» не научился мыслить, забудем о том, что футуризм существовал, так же как мы забыли о существовании натуралистов, декадентов, романтиков, классиков, импрессионистов и прочей дребедени. К чертовой матери всю эту галиматью.

42-сантиметровыми глотками на крепком лафете мускульной логики мы, группа имажинистов, кричим вам свои приказы.

Мы, настоящие мастерские искусства, мы, кто отшлифовывает образ, кто чистит форму от пыли содержания лучше, чем уличный чистильщик сапоги, утверждаем, что единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление

жизни через образ и ритмику образов. О, вы слышите в наших произведениях верлибр образов.

Образ, и только образ. Образ — ступнями от аналогий, параллелизмов — сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического, многоэтажного построения — вот орудие производства мастера искусства. Всякое иное искусство — приложение к «Ниве». Только образ, как нафталин пересылающий произведение, спасает это последнее от моли времени. Образ — это броня строки. Это панцирь картины. Это крепостная артиллерия театрального действия.

Всякое содержание в художественном произведении так же глупо и бессмысленно, как наклейки из газет на картины. Мы проповедуем самое точное и ясное отделение одного искусства от другого, мы защищаем дифференциацию искусств.

Мы предлагаем изображать город, деревню, наш век и прошлые века — это всё к содержанию, это нас не интересует, это разберут критики. Передай что хочешь, но современной ритмикой образов. Говорим современной, потому что мы не знаем прошлой, в ней мы профаны, почти такие же, как и седые пассажиры.

Мы с категорической радостью заранее принимаем все упреки в том, что наше искусство головное, надуманное, с потом работы. О, большего комплимента вы не могли нам придумать, чудачки. Да. Мы гордимся тем, что наша голова не подчинена капризному мальчишке — сердцу. И мы полагаем, что если у нас есть мозги в башке, то нет особенной причины отрицать существование их. Наше сердце и чувствительность мы оставляем для жизни, и в вольное, свободное творчество входим не как наивно отгадавшие, а как мудро понявшие. Роль Колумбов с широко раскрытыми глазами, Колумбов поневоле, Колумбов из-за отсутствия географических карт — нам не по нутру.

Мы безраздельно и императивно утверждаем следующие материалы для творцов.

Поэт работает словом, беромым только в образном значении. Мы не хотим, подобно футуристам, морочить публику и заявлять патент на словотворчество, новизну и пр., и пр., потому что это обязанность всякого поэта, к какой бы школе он ни принадлежал.

Прозаик отличается от поэта только ритмикой своей работы.

Живописцу — краска, преломленная в зеркалах (витрин или озер) фактура.

Всякая наклейка посторонних предметов, превращающая картину в окрошку, ерунда, погоня за дешевой славой.

Актер, — помни, что театр не инсценировочное место литературы. Театру — образ движения. Театру — освобождение от музыки, литературы и живописи. Скульптору — рельеф, музыканту... музыканту ничего, потому что музыканты и до футуризма еще не дошли. Право, это профессиональные пассажиры.

Заметьте: какие мы счастливые. У нас нет философии. Мы не выставляем логики мыслей. Логика уверенности сильнее всего.

Мы не только убеждены, что мы одни на правильном пути, мы знаем это. Если мы не призываем к разрушению старины, то только потому, что уборкой мусора нам некогда заниматься. На это есть гробокопатели, шакалы футуризма.

В наши дни квартирному холоду — только жар наших произведений может согреть души читателей, зрителей. Им, этим восприимчивым искусства, мы с радостью дарим всю интуицию восприятия. Мы можем быть даже настолько снисходительны, что попозже, когда ты, очумевший и еще бездарный читатель, подрастешь и поумнеешь, мы позволим тебе даже спорить с нами.

От нашей души, как от продовольственной карточки искусства, мы отрезаем майский, весенний купон. И те, кто интенсивнее живет, кто живет по первым двум категориям, те многое получают на наш манифест.

Если кому-нибудь не лень — создайте философию имажинизма, объясните с какой угодно глубиной факт нашего появления. Мы не знаем, может быть, оттого что вчера в Мексике был дождь, может быть, оттого что в прошлом году у вас оценилась душа, может быть, еще от чего-нибудь, — но имажинизм должен был появиться, и мы горды тем, что мы его оруженосцы, что нами, как плакатами, говорит он с вами.

Передовая линия имажинистов.

Поэты: *Сергей Есенин, Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич.*

Художники: *Борис Эрдман, Георгий Якулов.*

Музыканты, скульпторы и прочие: *ау?*

II. ПОЧТИ ДЕКЛАРАЦИЯ

Два полюса: поэзия, газета.

Первый: культура слова, то есть образность, чистота языка, гармония, идея.

Второй: варварская речь, то есть терминология, безобразность, аритмичность и вместо идеи: ходячие истины.

Всякая культура имеет своего Аттилу. Аттилой пушкинской эпохи был Писарев. Свержение писаревщины — подвиг российских символистов. Трудолюбивые реставраторы убили почти четверть века на отмывание кала гениального варвара с прекрасных мумий пушкинского воображения. Уже в двадцатых годах нашего века «Медный всадник» опять столь дерзко сиял на своем пьедестале, что многим казалось лишь мистической фантазмагорией то безнравственное время, когда ложей ему служила мусорная яма.

Наши дряхлеющие педагоги из «Весов» могли спокойно дремать в кожаных гробах своих многоуважаемых кресел: бурса, студенты и передовая интеллигенция из пивных на Малой Бронной, словом, всё то, что до самозабвения и с чувством гражданского подвига орало и пело:

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой
Собралися мы сюда
Ради вольного труда, —

всё это уже научилось отличать бульжник от мрамора и благородную матовую поверхность червонного золота от хамского блеска чищенной меди.

Казалось, что место окончательно расчищено и подготовлено к приходу великих стихотворцев.

Ждали гениев.

Знали по «истории искусств», что сверхчеловеки действуют сокрушительно и революционно, что «чернь» их оплевывает и что «от гениальности до безумия — один шаг».

В результате, из опаски оплевать гениев, ловких шарлатанов принимали за предтеч и посредственных реформаторов этимологии и синтаксиса за литературных мессий.

Трудно было не попасться на удочку. Явившиеся действовали по Диогеновым рецептам. Великий циник говорил: «Если кто-нибудь выставляет указательный палец, то это находят в порядке вещей, но если вместо указательного он выставит средний, его сочтут сумасшедшим».

Было лестно прослыть безумцами и так легко.

Декаденты пели сладенькими голосочками:

Я ведь только *облачко* —
Видите, плыву.

Футуристы базили, как христоспасительные прото-
диаконы:

Хотите, —
Буду безукоризненно нежный,
Не мужчина, а — *облако* в штанах!

Что же это, как не средний палец вместо указательного.

Или, говоря языком литературным, не самый обыкновенный плагиатик, только слегка прикрытый от нескромных, но подслеповатых глазок критики фиговым листочком.

Воистину были замечательные времена. Даже в Алексея Крученых, публично демонстрирующего симфонии своего катарального желудка, начинали веровать наивные Чуковские и апостольствовали о «дыр-бул-щиле» как о новой вере своего поколения.

Десять смутных лет пережило российское искусство. Наконец в 1919 году под арлекинскими масками пришли еще одни. На их знамени было начертано: словесный *образ*. Знамя требовало оружия для своей защиты. Пришлось извлечь его из цирковых арсеналов.

Опять перед глазами сограждан разыгрывалась буффонада: расписывался Страстной монастырь, переименовывались московские улицы в Есенинские, Ивневские, Мариенгофские, Эрдманские, Шершеневические, организовывались потешные мобилизации в защиту революционного искусства, в литературных кафе звенели пощечины, раздаваемые врагам *образа*; а за кулисами шла упорная работа по овладению мастерством, чтобы уже без всякого *братер*¹ через какие-нибудь пять-шесть лет, с твердым знанием материала эпох и жизни начать делание большого искусства.

Спрашивается: как же в 1923 году понимают имажинисты свои задания?

Будем говорить о нашей поэзии. Вот краткая программа развития и культуры образа:

а) Слово. Зерно его — *образ*. Зачаточный.

б) Сравнение.

в) *Метафора*.

г) Метафорическая цепь. Лирическое чувство в круге образных синтаксических единиц-метафор. Выявление себя через преломление в окружающем предметном мире: *стихотворение (образ третьей величины)*.

д) Сумма лирических переживаний, то есть характер — *образ человека*. Перемещающееся «я» — действительное и воображаемое, образ второй величины.

е) И, наконец: композиция характеров — *образ эпохи* (трагедия, поэма и т. д.).

Имажинизм до 1923 года, как и вся послепушкинская поэзия, не переходил рубрики «Г»; мы должны признать, что значительные по размеру имажинистские произведения, как-то: «Заговор дураков» Мариенгофа и «Пугачев» Есенина, не больше чем хорошие лирические стихотворения.

Пришло время либо уйти и не коптить небо, либо творить *человека и эпоху*.

В условиях большой работы усвоенный нами ранее метод расширяется новыми для нас формальными утверждениями. В имажинизм вводятся как канон: *психологизм* и суровое *логическое мышление*. Футуристическое разорванное сознание отходит в область «милых»

¹ Поражать (фр.) — Ред.

куръезов. Малый образ теряет федеративную свободу, входя в органическое подчинение образу целого.

И еще: как форма, как закон: романтическое осознание настоящей эпохи и перенос современного революционного сознания на прошлые эпохи, если пользоваться ими как материалом.

То, что в нашей статье несколько раз было упомянуто имя великого стихотворца девятнадцатого столетия, отнюдь не означает имажинистского движения вспять. Не назад к Пушкину, а вперед от Пушкина. Мы умышленно принимаем за отправную точку вершину расцвета, а не подолгу упадка (Некрасов) российской поэтической культуры (и тут злосчастное подразделение: декаданс, акмеисты и Леф — это цивилизация прекрасного).

1 июня 1923 года

Москва, Петровка, Богословский, 3—46

III. ВОСЕМЬ ПУНКТОВ

1

На обвинение: поэты являются деклассированным элементом! — надо отвечать утвердительно:

— Да, нашей заслугой является то, что мы *УЖЕ* деклассированы. К деклассации, естественно, стремятся классы и социальные категории. Осознание класса есть только та лестница, по которой поднимаются к следующей фазе победного человечества: к *единому классу*. Есть деклассация в сторону другого класса — явление регрессивное; есть деклассация в сторону внеклассовости, базирующейся на более новых формах общества; эта деклассация — явление прогрессивное. Да, мы деклассированы потому, что мы уже прошли через период класса и классовой борьбы.

2

Аэроплан летит в воздушном пространстве, оторвавшись от земли. Земля нужна ему как точка, от которой он отталкивается. Без земли не было бы полета. Аналогия: искусству *быт* нужен только как *отправная точка*. Но заставьте искусство валандаться в быте, и вы получите прекрасный аэроплан, который перевозит по земле (некоторые зовут его трамваем).

3

Поспешным шагом создается новое «красное эстетизирование». Маркизы, пастушки, свирели — каноны сентиментальной эпохи. Машины и сумбур — эстетические привычки буржуазно-футуристической эпохи. *Серп, молот, мы, толпа, красный, баррикады* — такие

же атрибуты красного эстетизирования. Примета зловещая. Фабрикаты штампа. Об аэропланах легко писать теперь, надо об них было писать до изобретения. Легко сейчас воспевать серп и молот. Надо было до революции. Эстетизирование не в том, что воспевать (красивость маркизы не более эстетична, чем красивость баррикад); эстетизирование в том, что воспеваются внешне модные предметы с внешне модной точки зрения.

4

Упреки — ваше искусство не нужно пролетариату — построены на основании ошибки с марксистской точки зрения: смешивается пролетариат с отдельными рабочими. *То, что не надо Сидорову или Иванову, может быть, как раз нужно пролетариату.* Если встать на точку зрения: это не нужно пролетариату потому, что 100 Ивановых это сказали, поведет к выводу, что пролетариату никакое искусство не нужно: часть рабочих и солдат разорвала гобелены Зимнего дворца на тряпки — следовательно, старое не нужно. Часть рабочих отозвалась отрицательно о новом искусстве, следовательно, оно тоже не нужно. То, что нужно пролетариату в 1924 году, выяснится пролетариатом в 2124 году. История учит терпению. *Споры в этой области — прогноз гадалки.*

5

Протестуете против бытописательства? — Да! — За что вы? — За быт? Разъясняем:

Быт можно фотографировать — точка зрения натуралистов и «пролетарствующих» поэтов. Быт можно систематизировать — точка зрения футуристов. *Быт надо идеализировать и романтизировать — наша точка зрения.* Мы романтики потому, что мы не протоколисты. Мы наряду с лозунгом: «Борьба за новый быт» — выдвигаем лозунг: «Борьба за новое мироощущение».

6

Работа человека складывается из двух моментов: 1) так называемой работы (производство), которая служит непосредственной выработке и которую ограничивают пока 8-часовым днем, а потом ограничат и 2-ча-

совым, и 2) работы, которая производится беспре-
станно в психике (умственная), которую нельзя ограни-
чить никаким декретом охраны труда, кроме декрета
смерти. Помогать первой работе взялись производст-
венники. Обслуживать вторую — беремся мы.

7

К спору о том: что, поэт такой же человек, как все,
или он избранник? — Арабский скакун такой же конь,
как и все извозчичьи лошади. Но почему-то на скачках
он бывает впереди других. Кстати: не напоминают ли
пролетарствующий «Леф» и литературные октябристы
из «На посту» — потемкинские деревни.

Мы предпочтем даже тундровые мхи Петербургской
академии пирамидальным тополям из войлока и моча-
лы футурокоммунаров.

8

Октябрьская революция освободила рабочих и кре-
стьян. Творческое сознание еще не перешагнуло 61-ый
год.

*Имажинизм борется за отмену крепостного права
сознания и чувства.*

Анатолий Мариенгоф

Вадим Шершеневич

Николай Эррман

Рюрик Ивнев

Сергей Есенин

Ввиду расхождения с некоторыми выдвигаемыми
здесь положениями, под пунктами отсутствует несколь-
ко имажинистских подписей.

<1924>

IV. <МАНИФЕСТ НОВАТОРОВ>

Предусмотрительные буржуа, берущие в путешествие, кроме жены, зонтика, ребенков и няньки с недельным младенцем, еще порошок для истребления крыс и акушерку на случай будущих возможностей, — всегда с грохотом подкатывают к пристани после команды: «Сходни долой!»

Таков закон: не для добрых обывателей открытое море.

Петербургжцы!

Переезжая на жительство в «Новую Эру», в заботах о сохранности пыльных чемоданов устоявшейся культуры, — вы проглядели Пароход Современности, отчавливший от берегов ваших. Суетня и упаковка багажа лишили вас представления о времени и пространстве, и, отдыхая на пристани у связанных узлов, каждый божий день называете вы «сегодня», не подозревая, что на календаре Эпохи ваше Сегодня уже — Вчера.

В тысяча первый раз, перелистывая после обеда, разогретого на буржуйке, страницы излюбленных «современников» — Ахматову и Блока или обывателя Маяковского, вы наивно думаете, что на Шипке Русского Искусства все спокойно. Вы не заметили, как на отпльившем корабле взвился адмиральский флаг Имажинизма. Канонада наших образов и звон критических рапир с передовых позиций Прекрасного не донеслись до вашего глубокого тыла.

Даты:

1919. Рожденье Имажинизма и первый удар по лжеискусству.

1922. Завоевания Имажинизма простерлись почти по всему русскому искусству, признавшему девственную и действительную образную субстанцию поэзии исхо-

ди из принципа дифференциации материала искусства. Почти покой.

Три года передовая линия имажинизма и отдельные боевые отряды его сражались под знаменем «Утадо» с действующей армией враждебного лжеискусства. Петербург лежал в стороне от военных действий. Тыл мы щадили. Непростойно воинам биться с обозниками. Но петербургские обозники возомнили себя воинами и, дудя в «звучащие раковины», воображают, что это военные трубы. Обознику не быть воином, ибо воин всегда впереди. Обозник, взявший в руки меч, становится — мародером тыла. Петербургские поэты, вы слышите?

Вы слышите, петербуржцы: ваши чувства ежедневно разграбляются мародерами, ваши эмоции расхищаются налетчиками, действующими по фальшивому мандату от имени Поэзии.

Каждая выходящая в Петербурге книга стихов, каждый вечер поэтов должны рассматриваться как сознательное преступление, заслуживающее карты тяжелее, чем вооруженный налет.

Мо<лч>аливый бунт обоза должен быть подавлен.

Воин обязан быть не только завоевателем, но и усмирителем.

Всех петербургских поэтов, достойных носить меч, всех имажинистов, всех поборников Авангардного Искусства мы призываем в свои ряды.

Имажинисты, на прицел!

Поэты: Алексей Золотницкий
Семен Полоцкий
Григорий Шмерельсон
Влад. Королевич

Конец 1922

V. ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

<ИЗ КНИГИ «2 x 2 = 5. ЛИСТЫ ИМАЖИНИСТА»>

Радостно посвящаю эту книгу моим друзьям

ИМАЖИНИСТАМ

Анатолию Мариенгофу,

Николаю Эрдману,

Сергею Есенину

1. История поэтического содержания есть история эволюции образа и эпитета, как самого примитивного образа. Эпитет есть сумма метафор, сравнений и противоположений какого-либо предмета. Эпитет — это реализация какого-нибудь свойства предмета, тогда как образ есть реализация всех свойств предмета.

Эпитеты метафорические выше и поэтичнее эпитетов синкренистических.

Подобно тому как образ слова зачастую переходит в идею слова, эпитет постепенно сливается со словом и, теряя свою природу, перестает быть эпитетом. Я решительно отказываюсь считать эпитетом «красна девица», «мертвая тишина». Нет эпитета и образа вечного: все детонирует во времени.

Эпитеты народного творчества — это нечто застывшее, что указывает на низкую ступень народного творчества вообще. Эпитет поэта есть величина переменная. Чем постояннее эпитет поэта, тем меньше значение этого поэта, ибо искусство есть изображение, а не приготовление.

Застывши во времени, эпитет зачастую перестает быть не только эпитетом, но и реальным понятием. Так, есть случаи народной лени, когда былина называет руку арапа белой.

Сложные эпитеты обычно переходят не в образы, а в символы, чем особенно богата северная и восточная

поэзия. Так, употребление выражений «путь ланей» вместо «горы» или «кубок ветров» вместо «небо» есть не имагинация, а символизация.

2. Революция искусства обычно не совпадает с революцией материальной. Даже наоборот: почти все революции в искусстве совершались в период житейской реакции. Революция в жизни — скачок идей. Революция в искусстве — прыжок методов. В эпоху революций искусство переживает свою реакцию, ибо из свободного оно делается агитационным, государственным. Революционеры в искусстве очень редко бывают политически революционны. Вагнеры — исключение. Житейские революционеры еще реже способны понимать революцию в искусстве. Обычно они носители мракобесия и реставрации в искусстве (Фриче). Искусство и быт в революционном значении — два непересекающихся круга.

3. Эпоха господства индивидуализма в государственном масштабе неизменно вызывает в искусстве коллективизм. Это мы видим хотя бы на примере футуризма, который, несмотря на свои индивидуалистические выкрики («гвоздь у меня в сапоге кошмарнее, чем Гёте»), все же является по природе, по замыслу коллективистическим. Наоборот, в эпоху государственного коммунизма должно родиться в искусстве индивидуалистическое течение, как имагинизм. Это вытекает из вечной необходимости для искусства протеста и предугадывания. Если театр уходит вперед жизни лет на пять, то поэзия — лет на десять. Искусство, не протестующее и не созидающее, а констатирующее, — не искусство.

На смену обывательскому индивидуализму символистов ныне родился идеалистический индивидуализм. Взаимоотношение между первым индивидуализмом и вторым таково же, каково отношение революции материальной и духовной. Коллективная форма творчества есть наиболее древний вид творчества, и стремление к нему есть призыв к реставрации, а не к революции.

4. Поэты символического лагеря, следуя логике идеи символа, всячески приветствовали многообразие пониманий художественного произведения, отвергая право автора на единое правильное толкование. Так как каждое художественное произведение есть только схема материалов, то формуле $a + b$, где « a » и « b » — материалы, придавали значение x , т. е. $a + b = x$. Но это, ко-

нечно, неверно, так как поэт — это точный математик и только он знает точное значение a и b (конечно, левая часть формулы может быть увеличена и приведена к виду $a + b + c + d + e...$). X всегда равен понятию красоты, красота же есть равновесие материалов.

Только автор может быть объяснителем и понимающим своим произведением. Отсюда выводы: 1) если есть единое толкование, то не существует критики и критиков; 2) произведения, не объясненные автором, умирают одновременно со смертью поэта.

Но ясно, что x есть величина переменная, поэтому левая часть формулы есть тоже величина меняющаяся. Материалы Мариенгофа « a плюс b плюс c », материалы Есенина, « a_1 плюс b_1 плюс c_1 ». Однако для a плюс b плюс c есть только одно значение x , так же как только одно значение для a_1 плюс b_1 плюс c_1 . Величина поэта зависит не от колебания значения x , как полагают импрессионисты и символисты, а от нахождения материалов.

Есть только одна интерпретация: авторская. Поэтому, как бы хорошо ни играл пианист Скрябина, Скрябин, играя плохо, играл лучше. Есть только одна художественная форма и один художественный остов, долженствующий из каждого читателя сделать такого же поэта, как творец. Графически это принимает такую формулу цепи: поэт — писание — стихотворение — чтение — поэт.

Критике отводится роль только истории литературы: она должна создавать историю произведения после его написания.

5. Все упреки, что произведения имагинистов неестественны, нарочиты, искусственны, надо не отвергать, а поддерживать, поэтому искусство всегда условно и искусственно. Рисовальщик черным и белым рисует всю красочность окружающего.

Для поэта условность ритма, рифмы, архитектоники заставляет любить условность. Скульптор белым гипсом передает негров. Условность и искусственность есть первый пункт декларации искусства. Неискусственное — не произведение искусства. Где нет искусственности, там нет культуры, там только природа.

6. Неоднократно сравнивали художественное произведение с аккумулятором, который вечно сохраняет энергию путем самонабирания. Устранимость произве-

дений искусства легче всего объясняется существованием единого авторского понимания. Когда это понимание ветшает, все произведение отсушествовывает свою жизнь. Если бы были возможны читательские толкования, произведения были бы вечны.

7. Для имажинистов очень хорошо, что существуют «сочувствующие имажинизму», которые сглаживают переворот в искусстве и своими маленькими успехами у толпы приближают толпу к имажинистам. Для имажинизма страшная угроза в нарождении этого «вульгарного имажинизма», поэтому течение разъясняется, узаконивается. Только то течение, в котором есть противоречия и абсурды, ошибки и заблуждения, долговечно. Без неожиданностей и абсурдов течение превращается в стойло.

8. Религия — это не качество, не свойство, не наука. Это искусство готовых форм.

9. Когда мы отрицаем Пушкина, Блока, Гёте и др. за их несовершенство, на нас сначала изумленно глядят, потом те, кто не махнул безнадежно рукой, пробуют доказать: ведь это прекрасно.

Пусть это было прекрасно, но ныне это не искусство. Астрология была наукой, пока не появилась астрономия, затмившая астрологию точностью. Точно так же существовал классицизм, символизм, футуризм, пока не было имажинизма, превзошедшего все прошлое точностью материала и мастерством формы. Ныне все прошлое умерло не потому, что «оно давит нас, и против него надо бороться» (лозунг футуристов), не потому, что «оно чуждо нам по духу» (лозунг беспринципного новаторства), а потому, что с появлением имажинизма оно превратилось в «мнимую величину».

10. История поэзии с очевидностью указывает на дифференциацию материалов словесного искусства и на победу слова как такового над словом-звуком. Первоначальная поэзия на ритмической платформе соединяла жест танца, звук музыки и образ слова. Постепенно первые два элемента вытеснялись третьим.

11. Все несчастье современных поэтов в том, что они или не знают ничего, или внимательно изучают поэтику. Необходимо решить раз и навсегда, что все искусство строится на биологии и вообще на естественных науках. Для поэта важнее один раз прочесть Брема, чем знать наизусть Потембю и Веселовского.

12. Некогда искусство враждебного нам лагеря пыталось давать нам копию или отображение «чего-то». Ныне все поэты, символисты, футуристы и пр. и пр., заняты одной проблемой, на которую их натолкнул А. Белый: выявление формы пустоты.

13. Те, которые требуют, чтоб содержание и смысл выпирали из стихотворения, напоминают скульптора, который разрешил вопрос светотени, вставив в статую электрическую лампочку, за что и был прозван футуристами гениальным Боччиони.

14. Спор о взаимоотношении искусства и жизни, о том, что является причиной и следствием, — есть спор об яйцах и курице.

Некоторые говорят, что человек потому нарисовал ихтиозавра, что увидел его в природе. Конечно, это не так. Люди потому увидели ихтиозавра, что он был изображен художником. Только тогда, когда поэт изобретет какое-либо явление мира, это явление начинает существовать.

Ихтиозавр, может быть, имел сто ног, но так как его изобразили с четырьмя, то все увидели, что у него четыре ноги. Мы были убеждены, что лошадь четырехнога, но стоило кубистам изобразить шестиногую лошадь, и каждому не слепому стало ясно, что по Тверской бегают именно шестиногие лошади. Природа и общество существуют лишь постольку, поскольку они придуманы искусством. Когда С. Есенин написал:

Посмотрите, у женщины третий
Вылупляется глаз из пупа! —

все увидели у своих женщин этот третий глаз, и теперь женщина с двумя глазами урод, как прежде была уродом одноглазая.

15. Слово в руках науки, которая есть сгущение мысли, является понятием. Слово в руках искусства, которое есть расточение подсознательного, является образом. Поэтому философ может сказать: красные чернила, но для поэта здесь непоборимая коллизия.

16. Искусство, несмотря на его жизнерадостность, несомненно, имеет общее с болью. Только страданиям присущ элемент ритмичности. Соловей поет аритмично, нет ритма в грозе, нет ритма в движениях теленка, задравшего хвост по весеннему двору. Но ритмично стонет подстреленный заяц, и ритмично идет дождь.

Искусство сильное и бодрое должно уничтожить не только метр, но и ритм.

17. Индивидуализированное сравнение есть образ, обобщенный образ есть символ.

18. В каждом слове есть метафора (голубь, голубизна; крыло, покрывать, сажать сад), но обычно метафора зарождается из сочетания, взаимодействия слов: цепь — цепь холмов — цепь выводов; язык — языки огня. Метафора без приложения переходит в жаргон, напр<имер>, наречие воров, бурлаков. Шея суши — мыс — это метафорично, но в разговоре бурлаков или в стихах символистов обычно говорится только «шея», это является уже не метафорой, не образом, а иносказанием или символом.

19. Для символиста образ (или символ) — способ мышления; для футуриста — средство усилить зрительность впечатления. Для имажиниста — самоцель. Здесь основное видимое расхождение между Есениным и Мариенгофом. Есенин, признавая самоцельность образа, в то же время признает и его утилитарную сторону — выразительность. Для Мариенгофа, Эрдмана, Шершеневича — выразительность есть случайность.

Для символизма электрический счетчик — диссонанс с вечно прекрасным женственным, для футуризма — реальность, факт внеполый; для имажинизма — новая икона, на которой Есенин чертит лик электрического мужского христианства, а Мариенгоф и Эрдман — свои лица.

20. Поэзия есть выявление абсолюта не декоративным, а познавательным методом. («Звуки строящихся небоскребов — гулкое эхо мира, шагающего наугад» — В Шершеневич.) Футуризм есть не поэзия, п<отому> ч<то> он сочетание не слов, а звуков. Футуризм внес то, чего так боялся символизм: замену содержания сюжетностью. Игнорируя историю развития образа, футуристы сочетали звуки и понятия и, таким образом, не противодействовали материализации слов.

21. Страх перед тем, что перегрузка образами и образный политематизм приведут к каталогу образов, есть обратная сторона медали: натурализм и философичность приводят к каталогу мнений и мыслей.

22. Символ есть абстракция, и на нем не может строиться поэзия. Образ есть конкретизирование символа. Имажинизм — это претворение разговорной воды

в вино поэзии, п<отому> ч<то> в нем раскрытие псевдонимов вещей.

23. В искусстве может быть отвергнуто все, кроме мастерства. Даже гений подчиняется этому требованию. Гений замысла и не мастер творения в лучшем случае остается Бенедиктовым, в худшем превращается в Андрея Белого. Для открытия Америки мало быть Веспуччи, надо еще найти плотника, который смог бы построить новый корабль.

24. Для того чтобы прослыть поэтом мысли, вроде Брюсова, вовсе не надо особенно глубоко мыслить. Любое словосочетание может быть предметом столетнего размышления философов и критиков. Защищая содержание от нападения формы, старики отлично знают, что в поэзии смысл допустим лишь постольку, поскольку он укладывается в форму. «Великия мысли» поэтов обычно зависят от удачной рифмы или необходимости подчиниться размеру.

25. Единицей в поэтическом произведении является не строфа, а строка, п<отому> ч<то> она завершена по форме и содержанию. Это легко проверяется при переводах. Читая прозаический дословный перевод стихотворения, всегда можно установить: где конец строки.

26. Разве не замечательно, что футуризм все время базировался на прошлом. Хлебников — это пережиток древнеславянских народных творчеств. Бурлюк вытек из персидского ковра. Крученых — из канцелярских бумаг. Имажинисты знают только одно: нет прошлого, настоящего, будущего, есть только создаваемое. Творчество не интуитивно, а строго взвешено на весах современности. Творчество не покер, а строгий винт, где из случайной комбинации карт надо логически сделать самые мастерские выводы.

27. Во многих словах образ заключен в обратной комбинации букв, напр<имер>: парень — рабень (раб, рабочий), веко — киво (кивать), солнце — лоснится. Вероятно, со временем, если поэты не смогут победить образом содержания, они станут печатать свои книги справа налево, для того чтобы образ был очевиднее.

28. Несмотря на все видимые преимущества содержания над образом, образ не может исчезнуть и при какой-нибудь комбинации выявляется. Образ напоминает замечательную цифру 9, которая появляется всюду:

$$\begin{array}{rcl}
 2 \times 9 = 18 & 1 + 8 = 9 \\
 3 \times 9 = 27 & 2 + 7 = 9 \\
 4 \times 9 = 36 & 3 + 6 = 9 \text{ и т. д.}
 \end{array}$$

Наука уничтожает умножением девять образ, но из произведения искусства всегда легко получить первоначальный образ сложением разбитого произведения.

29. Новому течению в искусстве нужно не только сказать новое слово о новом, но и новое слово о старом, пересмотреть это старое и выбросить проношенные штаны. Совсем не важно, что мы, имажинисты, отрицаем прошлое, важно: почему мы его отрицаем. Важно не то, что Христос говорил сбивчиво и что христианство — это сумма беспринципных афоризмов, а важно то, что Христос никогда не был преследуемым новатором; это был скромный рыбак, отлично уживающийся с окружающим и делавший карьеру на буме своих учеников. Важно не то, что Пушкин и Языков плохи, важно то, что Пушкин плох, потому что он статичен, а Языков потому, что он суетлив.

30. Поэты никогда не творят того, «что от них требует жизнь». Потому что жизнь не может ничего требовать. Жизнь складывается так, как этого требует искусство, потому что жизнь вытекла из искусства. Когда сейчас от поэтов требуют «выявления пролетарской идеологии», это забавно, потому что забавна трехлетняя Ньюша, «требующая» от матери права позже ложиться спать. Революция брюха всецело зависит от революции духа. Пора понять, что искусство — не развлечение и не религия. Искусство — это необходимость, это тот шар, который вертится вокруг времени на прочной веревочке жизни. «Поэты должны освещать классовую борьбу, указывать пролетариату новые пути», — кричат скороспелые идеологи мещанского коммунизма. — «Василий! Иди посвети в передней!»

История всего пролетариата, вся история человечества — это только эпизод в сравнении с историей развития образа.

31. Футуризм красоту быстроты подменил красотой суеты. Динамизм не в суетливости, а в статическом взаимодействии материалов. «За нами погоня, бежим, спешим!» — поет футуристическая Вампука. Динамизм вульгарный — в нагромождении идей. Динамизм поэтический — в смешении материалов. Не динамичен лаборант, бегающий вокруг колбы, но дина-

мична тарелка с водой, когда в нее брошен карбид. В этом отличие футуристов от Мариенгофа. Футурист вопит о динамике — и он статичен. Мариенгоф лукаво помышляет о статике, будучи насквозь динамичен. От пристани современности отошел пароход поэзии, а футурист бегает по берегу и кричит: поехали, поехали!

32. Каждое десятилетие возникают в искусстве «мнимые модные величины». Рекламировали радий №606, потом перешли на 914. Рекламировали мистический анархизм Блока, сказочность Городецкого, акмеизм. Сегодняшняя модная мнимая величина — пролетарское искусство.

Забудем о группе бесталанных юношей из Лито и Пролеткультов; не их вина, что этих юнцов посадили на гору: «сиди, как Бог, и вещай».

Пролетарское искусство не есть искусство для пролетариев, п<отому> ч<то> перемена потребителя не есть перемена в искусстве, и разве тот же пролетариат с жадностью не пожирает такие протухшие товары, как Брюсова, Надсона, Блока, В. Иванова? Искусство для пролетария — это первое звено в очаровательной цепи: поэзия для деревообделочников, живопись для пиццевиков, скульптура для служащих Совнархоза.

Пролетарское искусство не есть искусство пролетария, п<отому> ч<то> творцом может быть только профессионал. Как не может поэт от нечего делать подойти к машине и пустить ее в ход, так не может рабочий взять перо и вдруг «роднуть» стихотворение. Правда, поэт может прокатиться на автомобиле, сам управляя рулем, правда, шофер может срифмовать пару строк, но и то и другое не будет творчеством.

То, что ныне называется пролетарским искусством, это бранный термин, это прикрытие модной вывеской плохого товара. В «пролетарские поэты» идут бездарники вроде Ясинского или Князева или недоучки вроде Семена Родова. Всякий рабочий, становящийся поэтом-профессионалом, немедленно фатально порывает со своей средой и зачастую понимает ее хуже, чем «буржуазный» поэт.

33. Необходимо, чтоб каждая часть поэмы (при условии, что единицей мерила является образ) была закончена и представляла самодовлеющую ценность, п<отому> ч<то> соединение отдельных образов в стихотворение есть механическая работа, а не органическая, как полагают Есенин и Кусиков. Стихотворение

не организм, а толпа образов; из него без ущерба может быть вынут один образ или вставлено еще десять. Только в том случае, если единицы завершены, сумма прекрасна. Попытка Мариенгофа доказать связанность образов между собой есть результат недоговоренности: написанные в поэме образы соединены архитектурно, но, перестраивая архитектуру, легко выбросить пару образов. Я глубоко убежден, что все стихи Мариенгофа, Н. Эрдмана, Шершеневича могут с одинаковым успехом читаться с конца к началу, точно так же как картина Якулова или Б. Эрдмана может висеть вверх ногами.

34. Ритмичность и полиритмичность свободного стиха имажинизм должен заменить аритмичностью образов, верлибром метафор. В этом разрушение канона динамизма.

35. Наша эпоха страдает отсутствием мужественности. У нас очень много женственного и еще больше животного, поэтому <что> вечноженственное и вечноживотное почти синонимы. Имажинизм есть первое проявление вечно мужского. И это выступление вечно мужского уже почувствовали те, кто его боится больше других: футуристы — идеологи животной философии кромсания и теории благого мата, и женщины. До сих пор покоренный мужчина за отсутствием героинь превозносил дур, ныне он хвалит только самого себя.

36. Все звукоподражательные стихи, которыми так восхищаются, есть действительно результат мастерства, но мастерства не поэта, а музыканта: звукоподражательность, так же как и ритмоподражательность, есть наследие тех времен, когда в народной поэзии соединились музыка и слово.

37. Каламбуризм в стихах очень хорош, когда он использован как каламбур образов и очень плох, когда он утилизируется как остроумие. Хорошо сказать: «цепь холмов расковалась», поэтому <что> это усиливает метафору «цепь холмов», и, конечно, очень плохо «сыграть ноктюрн на флейтах водосточных труб».

38. Блоковские стихи написаны не метром, однако никто не скажет, что это верлибр. Совершенно так же нет ни одного «корректного стихотворения», где не было бы образов, однако стихи даже с большим количеством образов не могут зачастую называться имажинистическими.

39. Замечательно, что критики бывают сильны только в отрицании. Как только дело коснется одобрения, они не находят никаких слов, кроме убогого: тонко, напевно, изящно. Единственный допустимый вид критики — это критика творческая. Так, именно критикой Верхаррена или Рене Гиля являются не статьи об них, а стихи Брюсова, написанные под их влиянием. Таким образом, самой уничтожающей меня критикой я считаю не шаманский лепет обо мне Фричей или Коганов и присных из этой компании, а книгу стихов И. Соколова.

40. Некогда критик Фриче упрекал Мариенгофа в белогвардейщине и в доказательство цитировал: «Молимся тебе матерщиной за рабочих годов позор», хотя у Мариенгофа ясно напечатано: «за рабьих годов позор».

Цитата как жульничество пошла от апостолов. Так, в Евангелии от Матфея сказано (гл. 5, 43): «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего», и ссылка на Левита, гл. 19, 17—18, где отчетливо сказано: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоём».

Таким образом, критик Фриче только следует своей фамилии и христианскому завету, и упрекать его не в чем. Евангелье ведь тоже искусство для искусства.

41. Имажинизм отнюдь не стремится к намеренному антикляризму, т<о> е<сть> к нарочитой неясности образов и слов. Центрифугное устремление некоторой части футуристов, неясных и туманных по желанию, отнюдь не достоинство. Мы категорически утверждаем, что в имажинистических стихотворениях нет ни одной строки, которую нельзя было бы понять при малейшем умственном напряжении. Мы не стремимся к тому, чтоб нас поняли, но и не гонимся за тем, чтоб нас нельзя было понять.

42. Имажинизм не есть только литературная школа. К нему присоединились и художники, уже готовится музыкальная декларация. Имажинизм имеет вполне определенное философское обоснование. Одинаково чуждый и мещанскому индивидуализму символистов, и мещанскому коммунизму футуристов, имажинизм есть первый раскат всемирной духовной революции. Символизм с головой увяз в прошлом философском трансцендентализме. Футуризм, номинально утверждающий будущее, фактически уперся в болото современ-

ности. Поэтический нигилизм чужд вихрю междупланетных бесед. Допуская абсолютно правильную предпосылку, что машина изменила чувствование человека, футуризм никчемно отождествляет это новое чувствование с чувствованием машинного порядка.

За пылью разрушений настало время строить новое здание. Футуризм нес мистерию проклятий и борьб. Имажинизм есть крестовый поход в Иерусалим Радости, «где в Гробе Господнем дремлет смех». Познание не путем мышления, а путем ощупывания, подобно тому, как «весна ощупывает голубыми ручьями тело земли». В имажинизме немислим не только поэт-слепец, как Козлов, но и читатель-слепец. Поймущий Тютчева, Бальмонта слепец не поймет реальных образов Мариенгофа, так же как глухому чужда поэзия Бальмонта. Наши стихи не для кротов.

Радость в нашем понимании — не сплошной хохот. Разве не радостен Христос, хотя, по Евангелию, он ни разу не улыбается. В огромном университете радости может быть и факультет страданий. Если подходит к травинке человек — она былинка, но для муравья она — великан. Если к скорби подходит футурист, она для него отчаяние. Для имажинизма скорь — опечатка в книге бытия, не искажающая факта. Искусство должно быть радостным, довольно идти впереди кортежа самоубийц. Имажинизм таит в себе зарождение нового, внеклассового, общечеловеческого идеализма арлекинадного порядка. Лозунги имажинистической демонстрации: образ как самоцель. Образ как тема и содержание.

Имажинизм идеологически ближе к символизму, чем к футуризму, но не к их деятелям. Символизм поклонялся богам прошлой вечности, футуризм разрушал их, имажинизм создает новые божества будущего, из которых первым является он сам.

Если, с одной стороны, прав Мариенгоф, восклицая: «Граждане, Душ меняйте белье исподнее!», то, с другой стороны, правы Есенин и Шершеневич, когда первый пишет: «Зреет час преображенья... И из лона голубого, широко взмахнув веслом, как яйцо, нам бросит слово с проклевавшимся птенцом», а второй зовет: «Люди, рассмейтесь, а я буду первый в хороводе улыбок, где сердца простучат; бросимте к черту скулящие нервы, как в воду кидают пищащих котят».

Февраль 1920

VI. АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

БУЯН-ОСТРОВ.

ИМАЖИНИЗМ

Друзьям-имажинистам:

*Сергею Есенину, Николаю Эрдману,
Вадиму Шершеневичу и
Георгию Якулову*

МЕРТВОЕ И ЖИВОЕ

Жизнь — это крепость неверных. Искусство — воинство, осаждающее твердыню. Во главе воинства всегда поэт.

Не для того ли извечное стремление войти в ворота жизни, чтобы, заняв крепость, немедленно и добровольно ее оставить.

Не искусство боится жизни, а жизнь боится искусства, так как искусство несет смерть, и, разумеется, не мертвому же бояться живого. Воинство искусства — это мертвое воинство. Поэтому вечно в своей смерти искусство и конечна жизнь. От одного прикосновения поэтического образа стынет кровь вещи и чувства.

Художник сковывает копыта скачущей лошади, легким прикосновением кисти останавливает бешеное вращение автомобильного колеса, музыкант — водопадный ритм радости и медленное течение грусти. Тут же обрывается маячение маятника пульса, как сменяет циферблат существования творческий круг прекрасного. Поэт — самый страшный из палачей живого.

Красота — синоним строгости. Строгость требует недвижимости. Искусство — делание движения статичным. Все искусства статичны, даже музыка.

Революция с момента воплощения в художественном образе перестает существовать. Рождение Марсель-

сы было рождением смерти французской революции. Величайшее счастье русской революции, что она уберегла свою артерию от прокола поэтического пера. Поэт не пролил еще ее горячую кровь в холодное стекло своей чернильницы.

По существу, революционное государство испытывает сегодня перед искусством такой же страх, какой испытывала религиозная и светская власть перед бахрями — этими превосходнейшими частью поэтами, частью артистами Древней Руси.

Фидий низверг богов Греции. Рафаэль и Леонардо да Винчи убили христианство большого смысла на Западе. Савонарола знал, какой пищи требует пламя его костров. Рублев и Дионисий служили русскому антихристу в образе цвета и формы. Христос должен радоваться поэтической бездарности своих апостолов.

Самая долговечная из всех существующих религий — жизнь. Поэтому-то она является самым трудным материалом для художника. Когда придет такой, который сумеет ее сделать прекрасной, я скажу, что через 24 часа потухнет солнце.

Продолжению человеческого рода не грозит опасность до тех пор, пока безобразия будет господствовать над половым актом.

Только сумасшедшие верят в любовь. А так как поэты, художники, музыканты — самые трезвые люди на земле, — любовь у них только в стихах, мраморе, краске и звуках. Любовь — это искусство. От нее также смердит мертвечиной.

Жизнь бывает моральной и аморальной. Искусство не знает ни того ни другого. Старая истина, о которой приходится напоминать при всяком удобном случае. Тот самый кол, который приходится тесать на голове тупиц второе столетие.

Человек, истинно понимающий прекрасное, должен в равной мере восторгаться поэзией Есенина и Маринингофа, несмотря на то что первый чаёт и видит, как

Едет на кобыле
Новый к миру Спас,

а второй радуется, когда

Метлами ветру будет
Говядину чью подместь.

Искусство есть форма. Содержание — одна из частей формы. Целое прекрасно только в том случае, если прекрасна каждая из его частей.

Не может быть прекрасной формы без прекрасного содержания. Глубина в содержании — синоним прекрасного.

ПАРА ЧИСТАЯ И ПАРА НЕЧИСТАЯ

Не мне отделять в слове и образе пару чистую от пары нечистой. Об этом уже во времена давние писал Виссарион Белинский: «Разве не один и тот же дух Божий создал кроткого агнца и кровожадного тигра, статную лошадь и безобразного кита, красавицу черкешенку и уродя негра? Разве он больше любит голубя, чем ястреба, соловья, чем лягушку, газель, чем удава?» Однако вы спросите, почему в современной образной поэзии можно наблюдать как бы нарочитое соитие в образе чистого с нечистым. Почему у Есенина «солнце стынёт, как лужа, которую напрудил мерин», или «над рощами, как корова, хвост задрала заря», а у Вадима Шершеневича «гонококк соловьиный не вылечен в мутной и лунной моче»?

Одна из целей поэта: вызвать у читателя максимум внутреннего напряжения. Как можно глубже всадить в ладони читательского восприятия занозу образа. Подобные скрещивания чистого с нечистым служат способом заострения тех заноз, которыми в должной мере щетинятся произведения современной имажинистской поэзии.

Помимо того, не несут ли подобные совокупления «соловья» с «лягушкой» надежды на рождение нового вида, не разнообразят ли породы поэтического образа?

Несмотря на всю изощренность мастерства, поэт двигает свою поэтическую мысль согласно тем внутренним закономерным толчкам, которые потрясают как организм вселенной, так и организм отдельного индивидуума. А разве не знаем мы закона о магическом притяжении тел с отрицательными и положительными полюсами?

Поставьте перед «лужей, которую напрудил мерин», «коровьим хвостом», «гонококком» и «мочой» знак «—» и «+» перед «солнцем», «зарей» и «соловьем», и вы поймете, что не из-за озорства, а согласно внутренней покорности творческому закону поэт слил их в образе.

ДВА РИТМА

Рожденная с кровью и плотью вражда искусства и жизни диктует: при всяком усилении мертвого воинства художников укреплять и обеспечивать крепость живых. И наоборот: воинство неукоснительно наблюдает за ростом крепостной мощи. Мы видим бесконечное чередование: то искусство стремительно догоняет слишком зарвавшуюся в победоносном беге жизнь, то жизнь, оказавшаяся в хвосте формы, испуганными руками тянется к ее голове.

Что привело вплотную искусство к имажинизму? Разве не ускорившийся до невероятности ритм жизни?

Колоссальнейший пресс борьбы превратил водянистое тело в непроницаемый ком железа и бетона. Ряд научных открытий сократил расстояние и увеличил скорость, пополнил ум за счет чувства.

Что такое образ? Кратчайшее расстояние с наивысшей скоростью. Когда луна непосредственно вправляется в перстень, надетый на левый мизинец, а клизма с розоватым лекарством подвешивается вместо солнца.

На этот раз искусство становится победителем. Оно уничтожило расстояние, в то время как жизнь его только сократила.

Образ — не что иное, как философская и художественная формула. Когда ритм жизни напоминает пульс мятущегося в горячке, ритм в колеях художественной формы не может плестись подобно груженой арбе с мирно дремлющим возницей-хохлом. Все искусство до наших дней напоминало подобную картину.

Поэтому:

Если бы 10 февраля 1919 года группа поэтов и художников перед своим рынком, торгующим прекрасным, не развесила плакатов имажинизма и не разложила на лотках бумаги и холста словесных и красочных продуктов чисто образного производства, то несомненно, скажем, 10 февраля 1922 года этого бы властно потребовал сам потребитель художественного творчества.

В ЧРЕВЕ ОБРАЗА

Поэтическое произведение, имеющее право называться поэмой и представляющее из себя один обширнейший образ, можно сравнить с целой философской системой, в то же время совершенно не навязывая по-

эзии философских задач, а ряд вплотную спиной к спине стоящих образов — философскими трактатами, составляющими систему.

Для вящей убедительности я считаю возможным процитировать из поэмы «Пантократор» С. Есенина место, почти удовлетворяющее колоссальным требованиям современного искусства:

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури —
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад.
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.

Предельное сжатие имажинистской поэзии требует от читателя наивысшего умственного напряжения — оброненное памятью одно звено из цепи образов разрывает всю цепь. Заключенное в строгую форму художественное целое, рассыпавшись, представляет из себя порой блестящую и великолепную, но все же хаотическую кучу, — отсюда кажущаяся непонятность современной образной поэзии.

Рождение слова, речи и языка из чрева образа (не пускаясь в филологические рассуждения для неверующих по невежеству, привожу наиболее доступные образы: устье — река = уста речь; зрак — зерно = озеро; раздор — дыра и т. д., и т. д.) предначертало раз и навсегда образное начало будущей поэзии.

Подобно тому как за образным началом в слове следует ритмическое, в поэзии образ является целостным только при напряженности ритмических колебаний прямо пропорциональной напряженности образа. Спенсер утверждает, что биение сердца влияет на ритмическое движение целой комнаты, — в той же степени перебой в одном образном звене заставляет звенеть фальшиво или прекрасно всю цепь поэмы.

Свободный стих составляет неотъемлемую сущ-

ность имажинистской поэзии, отличающейся чрезвычайной резкостью образных переходов.

Насколько незначителен в языке процент рождаемости слова от звукоподражания в сравнении с вылуплением из образа, настолько меньшую роль играет в стихе звучание или, если хотите, то, что мы называем музыкальностью. Музыкальность — одно из роковых заблуждений символизма и отчасти нашего российского футуризма (Хлебников, Каменский). Характерно, что Андрей Белый, единственная в символизме фигура, которая останавливает на себе внимание (я меньше всего говорю о Белом как о поэте), сознавал это. В его «Символизме» вы найдете следующие строки: «Ложное проникновение духом музыки есть показатель упадка — нам пленительна форма этого упадка — в этом наша болезнь; мыльный пузырь, перед тем как лопнуть, переливается всеми цветами радуги».

Мы благодарны Белому за эту трагическую откровенность в осознании того направления, которое уже сегодня имеет только историческую весомость.

КЛИШТЕР

Несмотря на десятки существовавших когда-либо и существующих ныне литературных направлений, мы знаем, что существует единая поэзия. Всякая школа верит, что символ веры того формального метода, который она исповедует, объединяет в себе все части единой поэзии. Возводя купол образа над поэтическим храмом, имажинисты с неменьшей тщательностью ведут узор ритмической росписи, ставят символические фигуры химер и заботятся о прочности труб парового отопления как элементе чистейшего реализма.

Дальнейшее развитие искусства может быть понимаемо исключительно как совершенствование мастерства, а в связи с последним и дальнейшее восхождение по ступеням формы.

Рассматривание поэзии с точки зрения идеологии — пролетарской, крестьянской или буржуазной — столь же нелепо, как определять расстояние при помощи фунтов. Ошибка, которая допускается благодаря кажущейся общности слова, широкого потребления его при обстоятельствах, ничего не имеющих общего с искусством.

С словом, заключенным в поэтическую форму, происходит то же, что хотя бы с булыжником после мастерской шлифовки, втиснутым в оправу перстня. При неизменении сущности материала меняется его назначение, объект пользы становится объектом прекрасного.

Даже круглый оболтус не впряжет в повозку одного направления живописца-передвижника с импрессионистом и кубистом, хотя бы все трое писали ажурный дамский чулок.

Почему же подобное происходит в поэзии? Есенина обручают с Кольцовым (крестьянские поэты!) и Шершеневича с Бальмонтом (буржуазные!). А случилось сие потому, что товарищи поэты не спустили вовремя цепных псов на господ Коганов и Фриче, а ранее на Писарева и ему присных.

Мало того, что эти обнаглевшие субъекты вообще трепались языком вокруг искусства, чувствуя его хилость (искусство тогда было действительно простужено на сквозняках упадочности), они пытались шарлатанно врачевать его своим излюбленным средством. Случай весьма напоминает эпизод из одной шутовской комедии, шедшей у нас в С.-Петербурге при дворе Анны Иоанновны, когда Арлекин лечил сухой кашель у Панталоне клиштером, на что последний мудро возражал: «Кашель у меня спереди, а не сзади происходит».

Искусство болело формой, а к нему лезли с клиштером идеологии.

ВВЕРХ И ВНИЗ

Примитивизм есть не что иное, как упадочность в мастерстве. Примитивизм от изошренности — сказка для малолетних. Русская икона? — Новгородская иконопись конца XIV и XV века по формам сложнее западного Возрождения. Футуризм в целом — фазис ломок. Доселе неслыханная глубина падения. Полнейший мрак перед ослепительным молниевым листопадом.

Камень, с известной силой брошенный вверх, достигнув определенной высоты, летит вниз. Повышение предельной высоты зависит от мускульной напряженности человеческого гения. Сила внутреннего толчка есть показатель одаренности художника. Полет творческого камня вниз — смена гениального поколения художников поколением бездарным. Подобные смены в истории человечества обязательны. Это один из законов

бытия, выдуманный для установления относительного равновесия между искусством и жизнью. Уровень жизни измеряется наукой. Здесь мы видим методическое поднятие. Отсутствие в науке гения заменяется системой и трудоспособностью. Perpetuum mobile¹ при подгрических ногах у господина от науки и крылья, ломающиеся на рубеже столетия у художника.

Характерно, что в упадочные эпохи не только не создаются новые художественные ценности, но и притупляется понимание старых шедевров. Николай Морозов, рассматривая Книгу пророка Иезекииля, обнаруживает свое художественное безвкусие непониманием следующего великолепного образа. Иезекииль (или неизвестный мессиянец-астролог, по Морозову) пишет: «Меня охватило вдохновение, и я увидел (в ответвлении Млечного Пути) как бы руку, простертую ко мне со свитком. А вестник неба сказал мне: „Ешь этот свиток и ступай пророчествовать семье Богоборца“».

Николай Морозов для «улучшения слога», по собственному признанию, переводит «ешь» — «прими внутрь», а весь прекраснейший образ съедения пророком звездного свитка (зодиакального пояса) объясняет как нелепое недоразумение, основанное на том, что Иезекииль, «подражающий» Апокалипсису, смешал зодиакальное созвездие с куском коры, выброшенной Иоанну морем, и которую последний съел.

ТАИНСТВО

Так же как тело мертво без духа, мертвенен дух без тела. Потому что тело и дух суть одно. Форма в искусстве есть одновременно и то и другое. Не может быть формы без одухотворенности и одухотворенности без формы. Нет художественного произведения без присутствия одного в другом.

Всякое мастерство искренно. Недоверчивость к художнику публики чаще всего объясняется невежеством последней. Неумение претворить в себе того, что ранее было уже претворено художником.

Восприятие искусства требует длительной подготовки — внутреннего говения. Те, которые подходят к прекрасному как к миске с жирными щами, остаются всегда неудовлетворенными. Искусство никогда не уто-

¹ Вечный двигатель (лат.). — Ред.

ляет жажды и не облегчает голода. Потому что оно есть очищение через причастие. Вот истинный образ таинства, учрежденного Христом, давшим ученикам вкусить тела и крови своей философии. Всякая философия, просочившаяся через пласты масс, становится религией.

Искусство, подобно чуду, требует веры. Если корень веры в чудо прорастает плоть и питается кровью, то на корни искусства проливается ясность из родников чистейшего духа.

Сладчайшая мечта поэта — заставить массу уверовать в его образ. Но подобно тому, как ничего не видит человек, выскочивший из совершенной темноты в полосу яркого света, — масса, ослепленная прекрасным, попросту жмурит от него глаза. Отсюда полная отчужденность народа от искусства и враждебное отношение художников к массе, вызванное вполне объяснимым раздражением.

Сегодняшнее народное искусство должно быть сумеречным. Иначе говоря, это полуйскусство, второй сорт, переходная стадия, столь необходимая для массы и не играющая абсолютно никакой роли в жизни искусства.

Художники, творящие для толпы, должны уподобиться финикиянам, умышленно портящим образцы классического искусства, перед тем как отвезти их к варварам. Необходимое условие бойкой торговли. Рынок не требовал тогда (как не требует и теперь) искусства первого сорта.

Рассматривая с этой точки зрения современную пролетарскую поэзию, мы, конечно, ее приветствуем. Даже больше того, мы преклоняемся перед ее жертвенным подвигом.

ИДОЛ И ГЕНИЙ

Каждое поколение на рубеже своего века воздвигает некую фигуру любимого поэта. Нечто вроде бывшего идола. Все поколение смотрит на него и радуется: они его, а он их. У русских идол носит имя, ставшее общим, — Надсон. Каждое колено имеет своего Надсона. Надсон сегодняшнего дня — Александр Блок.

Другая фигура — гений. О котором писал Эмиль Верхарн, что он не является выражением своего времени (чему доказательство — фатальное расхождение со

средой), что выступает он как мятежник и бунтовщик, всецело поглощенный своею истиной, до которой современникам нет никакого дела.

Цитирую Верхарна специально для идеологов пролетарского искусства (ныне государственного). Ими он канонизирован. Его авторитет сделан пастухом для многих сих из провинциальных и столичных пролеткультов и прочих учреждений, каменной стеной бестолковщины отгородившихся от настоящего искусства.

Каким же, спрашивается, мыслим мы себе поэта-гения?

Прежде всего: вселенная для нас не детская, а поэт не ребенок, только что выучившийся говорить и уплывающий как своим писклявым голоском, так и словом, не потерявшим еще для него своего первородства и загадочности. Для ребенка слово живет со вчерашнего дня, т. е. с того момента, когда он впервые его произнес, и потому сегодня он чувствует в нем и теплогу, и блиск образа.

На нас, которые хотя бы приблизительно, но все же знают истинный день рождения слова, — первым делом выступает — тысячелетняя ржавь, стертость рисунка и холод обыденности ежедневного употребления, где прекрасное, став полезным, утратило все свои качества. Такое слово может быть прямым материалом для поэзии, но ни в коем случае не самоцелью и не самоценной величиной.

Повторяю: образная девственность слова утеряна. Только зачатые нового комбинированного образа порождает новое девство, но уже не слова-звена, а мудроскованной словесно-образной цепи. Кузнец ее и есть поэт-гений.

Взор поэта не видит, а проникает, или видит то, что для других еще сегодня вне зрения (поводырь слепцов). Поэт не повторяет имя, данное ранее, а называет заново, зачерпнув ковшом образа вино нового смысла.

Менее всего мы мыслим, подобно Пушкину, поэзию «глуповатой» и совершенно не представляем себе поэта глупым. Мудрому же творить «глуповатое» все равно что печь, по-библейски, на кале лепешки, рассуждая: человек — не свинья, все съест.

Более чуткие из старых поэтов провидели рождение образной поэзии. Новалис, подразумевая метафору, писал: «Поэты преувеличивают еще далеко недостаточно,

они только смутно предчувствуют обаяние того языка и только играют фантазией, как дитя играет волшебным жезлом отца».

Пылающая фантазия — рождение нового образа. Имажинисты уже не играют волшебным жезлом отца, а, умело владея им, творят три чуда: раскрытия, проникновения и строительства.

МИСТИКА И РЕАЛИЗМ

Телесность, осязаемость, бытологическая близость наших образов говорят о реалистическом фундаменте имажинистской поэзии. Опускание же якорей мысли в глубочайшие пропасти человеческого и планетного духа — о ее мистицизме.

С одной стороны слышатся упреки в нарочитой грубости и непоэтичности нашей поэзии, с другой — в мистической отвлеченности.

Мы радостно принимаем упреки обеих сторон, видя в них верный залог того, что стрелки нашего творческого компаса правильно показывают север и юг.

Потому что: мистика только в том случае имеет оправдание, если корабль нашего глаза не совершает бесконечное и безнадежное плавание в сплошных молочных туманностях. Твердые береговые контуры конечной определенности — вот та надежда, которая заставила обрубить канаты и распустить паруса творческой мысли.

С другой стороны, погружение, прорывание земляных пластов реализма обещает на известной глубине серебряные струи мистического начала.

Мы совершаем оба пути, нимало не сомневаясь в их правильности. Ибо в конечном счете всякий мистицизм (если это не чистейшее шарлатанство) — реален и всякий реализм (если это не пошлейший натурализм) — мистичен.

Май 1920

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вадим Габриэлевич Шершеневич родился в Казани 25 января 1893 года в семье профессора-юриста Казанского (позже Московского) университета Габриэля Феликсовича Шершеневича, крупного ученого-правоведа, видного члена Кадетской партии и автора ее программы, депутата I Государственной думы; мать, Евгения Львовна Львова, была оперной певицей. В девять лет (вместо положенных десяти) он поступил в гимназию. «Такой ранний прием, — писал поэт в «Автобиографии», — был сопряжен со всякими трудностями, вплоть до <...> до прошения на Высочайшее имя, но Николай II вел себя по отношению ко мне милостиво и прилично и препятствий не чинил»¹. После переезда с родителями в 1907 году в Москву он учился в известной частной гимназии Л. И. Поливанова (ранее ее закончили Валерий Брюсов, Андрей Белый, С. М. Соловьев). «От гимназии у меня осталось прекрасное впечатление, — вспоминал Шершеневич, — достаточно указать на исключительный подбор преподавателей <...>. В гимназии я учился прилично, переходил из класса в класс с первыми наградами, что, кажется, противоречит хорошему тону гения и талантливого писателя»². Затем он поступил в Мюнхенский университет, на филологический факультет; продолжил учебу в Московском университете — сначала на юридическом, затем на математическом факультете, который и закончил.

Стихи начал писать «приблизительно в шестом, а может быть, в седьмом классе» и в восемнадцать лет, студентом, напечатал первую книжку — «Весенние проталинки», отмеченную сильным влиянием поэзии Бальмонта. Через два года выпустил вторую — «Саргипа» (1913), отразившую увлечение Блоком. С большой похвалой отозвался о ней Н. Гумилев: «Прекрасное впечатление производит книга Вадима Шершеневича. Выработанный стих (редкие шероховатости едва дают себя чувствовать), неприязнательный, но выверенный стиль, интересные построения заставляют радоваться его стихам»³.

В том же 1913 году у молодого поэта происходит поворот от символизма к футуризму. Вместе с Граалем Арельским, Л. Заком,

¹ РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Д. 119.

² Там же.

³ Г у м и л е в Н. Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 170.

Р. Ивневим, С. Третьяковым и другими он создает группу эгофутуристов. Принимает активнейшее участие в альманахах, выпускаемых издательством «Петербургский глашатай», и занимается подготовкой альманахов московского издательства «Мезонин поэзии», которое фактически и возглавляет. Эту его деятельность отражает следующее письмо к Граалю Арельскому от 10 июля <1913 г.>: «Милый Грааль! Только что, вернувшись с дачи, получил Ваше дорогое письмо. Конечно, хочу еще стихов! Чем больше выбор — тем лучше. „Мезонин“ на 7 <-м> месяце беременности и скоро родит № 1. <...> Извиняюсь за краткость, но мигрень и переводы не дают покоя. Милый! Шлите, сколько можете. <...> Ваш преданный Вад. Шершеневич»¹. Речь здесь идет о первом выпуске альманаха, названном «Вернисаж»; вслед за ним появились и другие. Всего же до конца года Шершеневич успел напечатать стихи в девяти альманахах и сборниках, а также, помимо «Carmina», издать две книги стихов — «Экстравагантные флаконы» и «Романтическая пудра». Он становится пропагандистом и теоретиком футуризма — переводит книги Ф.-Т. Маринетти: «Манифесты итальянского футуризма» (1914), «Битва у Триполи» (1915), «Футурист Мафарка» (1916) и выпускает две книги собственных статей — «Футуризм без маски» (1913; на обл.: 1914) и «Зеленая улица» (1916).

Работоспособность, а главное, быстрота творческого возмужания Шершеневича поразительны: за четыре-пять лет он проходит путь от символизма к эгофутуризму (а ведь совсем недавно, в книге «Carmina», поэт писал о «подавляющем влиянии» на него творчества Блока²) и — 21-летним — начинает разрабатывать теорию имажинизма. Ее зерно, проросшее через полдесятилетия в книге «2 x 2 = 5», мы обнаруживаем в статье «Пунктир футуризма», посланной им 20 февраля 1914 года П. Е. Щеголеву. Он пишет здесь: «Наше сегодня выдвинуло принцип абсолютной дифференциации искусств. Несомненно, что у каждого искусства есть свой материал, над которым он (художник. — Э. Ш.) и оперирует. <...> Роль поэта, таким образом, сводится к тому, чтобы наиболее ярко аналогировать образы. В самом деле, поэзия не что иное, как непрерывная электроцепь образов. <...> Но у прежних поэтов в основу стихотворения был поставлен один образ, которому были подчинены все подбравы. Для выявления темпа прежних веков это был вполне правильный метод. Однако в наше сегодня <...> он (поэт — Э. Ш.) хочет передать весь симультамизм (одновременность. — Э. Ш.) одного мгновения; для этой цели метод подчинения лейб-образу — абсолютно непригоден. Поэтому выдвигается новый принцип — равенства всех образов. В пьесе дается толпа образов, не связанных между собой, равных по важности. <...> Каждый образ живет сам по себе, его можно вынуть, вместе со строфой, из пьесы, и она ничего от этого не потеряет»³.

¹ Частное собрание. Публикуется впервые.

² Шершеневич В. Carmina. Лирика (1911—1912). Кн. 1. М., 1913. С. 139.

³ РНБ. Ф. 627. Оп. 2. Д. 46.

«Толпа образов, не связанных между собой, равных по важности» — потом эта формула войдет как одна из ключевых в «2 x 2 = 5», и Шершеневич будет стремиться применить ее в своих стихах. Пока же теория опережает у него поэтическую практику. Однако, в чем-то еще разделяя постулаты футуризма, поэт уже чувствует себя лишь участником «их изданий»¹.

Убежденность в том, что «искусство должно быть современным, иначе оно не тронет», стремление найти созвучную эпохе форму, новыми средствами передать резко учатившийся ритм жизни — все это проявилось в следующей книге стихов Шершеневича — «Автомобилья поступь» (1916), наиболее значительной у него в дореволюционный период. В предисловии к ней, датированном летом 1914 года, он писал: «Наша эпоха слишком изменила чувство человека, чтобы мои стихи были похожи на произведения прошлых лет. В этом я вижу главное достоинство моей лирики: она насквозь современна. Поэзия покинула Парнас; неуклюжий, старомодный, одинокий Парнас „сдается по случаю отъезда в наем“. Поэтическое, т. е. лунные безделушки, „вперед-народ“, слоновые башни, рифмованная риторика, стилизация, — распродается по дешевым ценам. Этим объясняется мнимая непоэтичность и антиэстетичность моей лирики»².

«В империалистическую войну не служил по болезни», — сообщает Шершеневич в «Автобиографии»³. Но это неверно. В 1915 году, отложив подготовленную к изданию «Автомобилью поступь» и оставив на время учебу, он зачисляется вольноопределяющимся в автомобильную часть и попадает, правда ненадолго, на фронт. Личные острые впечатления от увиденного послужили основой для создания цикла «Священный сор войны», дополнившего книгу.

Многообразна была деятельность Шершеневича в первые годы после Октябрьской революции. «В гражданскую, — писал он, — по ходатайству Наркомпроса был освобожден (от воинской службы. — Э. Ш.) и читал лекции по стихосложению в Пролеткульте»⁴. В отделе ИЗО Наркомпроса готовил к изданию многотомный словарь художников. В начале 1919 года вошел в литературную секцию при Литературном поезде им. А. В. Луначарского. Вместе с Маяковским писал тексты плакатов для РОСТА. С В. Каменским и Р. Ивневым участвовал в организации Всероссийского союза поэтов, а затем, с мая 1919-го, более года был его председателем.

В 1918 году Шершеневич сблизился с Есениным и Мариенгофом. Был учрежден «Орден имажинистов». Основным теоретиком имажинизма стал Шершеневич. В январе 1919 года была опубликована «Декларация», фактически написанная им, в 1920-м — его книга «2 x 2 = 5» и книга Ш. Вильдрака и Ж. Дюамеля «Теория свободного стиха. Заметки о поэтической технике» в его переводе. Яркий оратор, блестящий полемист, он постоянно выступал на мно-

1 Шершеневич В. Зеленая улица. Статьи. М., 1916. С. 8.

2 Шершеневич В. Автомобилья поступь. М., 1916. С. 3.

3 РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Д. 119.

4 Там же.

гочисленных вечерах-диспутах с участием группы, пропагандируя имажинизм, отражая критику литературных противников.

Появились и новые поэтические книги Шершеневича — «Крепаторий. Поэма имажиниста» (М., [1919]) и «Лошадь как лошадь» (1920), которая может считаться основной у него в имажинистский период творчества. Теоретические принципы школы, разработанные в « $2 \times 2 = 5$ » и во многих статьях, были осуществлены в ней на практике.

Решая судьбу рукописи «Лошадь как лошадь», автор внутренней рецензии И. А. Аксенов охарактеризовал ее следующим образом: «Книга представляет собой неталантливый, но довольно характерный образчик психологии деклассированного интеллигента, принципиально беспринципного, тщательно охраняющего целостность своей кожи...»; далее следовал вывод-рекомендация касательно автора: «...тип, подлежащий ликвидации и интересный исключительно с последней точки зрения»¹. Книга все же была издана. В Брюсов отозвался о ней двойственно: «Судить об имажинизме как литературном течении было бы неосторожно по стихам Вад. Шершеневича. Писатель образованный, начитанный и, безусловно, талантливый, он больше всего озабочен вопросами „школы“. Не из стихов т. Шершеневича можно выводить теорию, а его стихи написаны в угоду теории. Это вредит и имажинизму, и стихам т. Шершеневича. В книге больше мыслей, чем эмоций, больше остроумия, чем поэзии, больше формул, чем живых образов»². Более резок в своих оценках был В. Фриче. Отстаивая «классовую чистоту» пролетарского искусства, он интерпретировал образный строй книги как враждебный пролетарской культуре: «Но что это за „образы“? Откуда они взяты? какой средой и какими переживаниями они подсказаны? <...> кабак, игорный дом и притон разврата — вот из какой почвы вырастает пресловутая „имажинистская“ поэзия»³.

Нескрываемую ярость вызывали у официальной критики как стихи имажинистов, прежде всего Мариенгофа и Шершеневича, так и статьи последнего, вызывающе дерзкие, впрямую выражавшие несогласие с политикой нового государства в области искусства: «<...> государству нужно для своих целей искусство совершенно определенного порядка, и оно поддерживает только то искусство, которое служит ему хорошей ширмой. Все остальные течения искусства затираются. Государству нужно не искусство исканий, а искусство пропаганды. <...> Мы — имажинисты — <...> с самого начала <...> не становились на задние лапки перед государством. Государство нас не признает — и слава Богу! Мы открыто кидаем свой лозунг: Долой государство! Да здравствует отделение государства от искусства!»⁴.

¹ РГАЛИ. Ф. 1640. Оп. 1. Д. 1.

² Брюсов В. Среди стихов: 1894—1924. Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 531—532.

³ Фриче В. Пора отмежеваться // «Веч. известия» (М.), 1920, 24 февр.

⁴ Шершеневич В. Искусство и государство // «Жизнь и творчество русской молодежи». 1919, № 28/29, 13 апр. С. 5. См. также его рецензию на кн.: Луначарский А. В. Об искусстве. Пг., 1919 // Там же. 1919, № 34/35, 1 июня. С. 7.

В последующие годы Шершеневич выпустил книгу поэм «Кооперативы веселья» (1921), пьесу «Одна сплошная нелепость» (1922) и книгу о творчестве своих товарищей по «Ордену» Мариенгофа, Ивнева, Кусикова и Есенина «Кому я жму руку» (1921). С 1919 по 1925 год участвовал в девяти коллективных сборниках группы.

В 1926 году Шершеневич издал собственный сборник «Итак итог», действительно оказавшийся его последней поэтической книгой. В ней он отошел от имажинистской поэтики. Существование группы заканчивалось. Окончательный итог течению Шершеневич подвел в своей статье «Существуют ли имажинисты?». Признав, что «имажинизм сейчас мертв», он так объяснял его кончину: «Это произошло в силу объективных причин, лежащих вне поэзии. <...> Сущность поэзии переключена: из искусства она превращена в полемику. <...> От поэзии отнята лиричность. А поэзия без лиризма это то же, что беговая лошадь без ноги. Отсюда и вполне понятный крах имажинизма, который все время настаивал на поэтизации поэзии»¹.

Главной к этому времени у Шершеневича становится работа для театра. Театром он серьезно увлекся в 1910-е годы. Около 1920 года сблизился с А. Я. Таировым. Переводил для Камерного театра пьесы, работал там заведующим литературной частью. В 1922—1923 годах вместе с актером и режиссером Б. А. Фердинандовым возглавлял созданный ими Опытно-героический театр, где осуществлял постановки и выступал в качестве актера. Здесь шли его пьесы «Дама в черной перчатке» и «Одна сплошная нелепость». Пьесы и скетчи Шершеневича ставили в 1920-е годы и другие театры Москвы — Мастерская Н. Фореггера, театр-кабаре «Нерыдай» (здесь он одно время работал заведующим литературной частью), «Кривой Джимми», Драматическая труппа под руководством С. Юренева, театр художественных миниатюр «Палас», районный драматический театр МОНО. Помимо собственных произведений для сцены Шершеневичу принадлежат переводы и переделки многих пьес, в том числе Софокла, Шекспира, Мольера, Дюма-отца, Клоделя, Брехта, инсценировки произведений Вольтера, Мериме, О'Генри, Синклера, а также новые либретто ряда популярных оперетт и несколько киносценариев. В качестве режиссера-постановщика Шершеневич работал как в московских, так и в периферийных театрах, в частности в Саратове. В 1930-е годы участвовал в создании Златоустовского театра классической буффонады, просуществовавшего более полутора десятилетий². Кроме того, он писал на театральные темы: в I половине 1920-х годов — рецензии и фельетоны (часто — под псевдонимами «Аббат Фанферлюш» и «Пингвин») в журналах «Театральная Москва» и «Зрелище»; затем выпустил отдельными изданиями очерки об актерах Н. Бравине, И. Ильинском, А. Кторове, Г. Яроне.

В середине 1930-х годов Шершеневич работал над мемуарами «Великолепный собеседник. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг.».

¹ «Читатель и писатель». 1928, 1 февр.

² См.: К а з а к о в А. «Великолепные дни» Вадима Шершеневича // «В мире книг». 1987, № 9. С. 59.

Первые его стихотворные переводы вошли в сборник «Carmina» (раздел «Чужие песни»). В 1914 году была выпущена книга стихов Ж. Лафорга «Феерический собор» (вступ. статья, примеч. и библиогр. В. Шершеневича переводы В. Брюсова, Н. Львовой, В. Шершеневича). Переводил он также Вийона, Готье, Бодлера (целиком перевел «Цветы зла»), Парни, Гейне, Рильке и других поэтов.

После выхода книги «Итак итог» Шершеневич продолжал писать стихи, но уже с гораздо меньшей интенсивностью, нежели прежде. Из написанного за последние полтора десятилетия жизни ни одно стихотворение напечатано не было. И лишь единственный перевод из «Цветов зла» появился в печати¹. В альбоме А. Е. Крученых сохранилась записка Шершеневича: «Закончил Бодлера. Никому от этого не легче»².

После начала Великой Отечественной войны Шершеневич, признанный не годным к воинской службе, больной туберкулезом, вместе с Камерным театром уехал в эвакуацию в Барнаул. Писал тексты для «Живой газеты», выступал с чтением стихов перед ранеными. 18 мая 1942 года он умер в барнаульском госпитале.

1. МАСКИ

Маски повсюду, веселые маски,
Хитро глядят из прорезов глаза.
Где я? В старинной чарующей сказке?
Но отчего покатилась слеза?

Глупые маски, веселые маски,
Манит, зовет меня ваш хоровод.
Вот промелькнули влюбленные глазки,
Странные маски, куда вас влечет?

Платья безвкусны, размеренны речи,
Мчатся в бессмысленной пляске
Руки, зовущие груди и плечи,
Глупые маски, веселые маски.

Слезы личиной глухою закрою,
С хохотом маску надену свою!
Глупые маски! Стремитесь за мною,
Слушайте: пошлости гимн я пою.

¹ «Красная новь». 1940, № 5/6.

² РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 1077.

Маски повсюду, веселые маски,
Хитро глядят из прорезов глаза.
Где я? В старинной чарующей сказке?
Но отчего покатилась слеза?

1910

2. БЕРЕГ

И видит берег недалекий,
И ближе видит свой конец.
М. Лермонтов

Моя душа о боль земную
Со стоном бьется, и сквозь сны
Мне обещает твердь иную
Незримый голос с вышины.

И правлю я во тьме вечерней
Корабль к маяку вдали...
Шипы окровавленных терний
В венок мой демоны вплели.

Пусть в белизне прибрежной пены
Мелькает райская земля,
Но корабельные сирены
Поют о смерти корабля.

Ах! Берег близко... Руки стынут
В прохладной полумгле ночной.
Я знаю: мрачный жребий вынут
Из Книги Голубиной мной.

Ночное развернулось знамя!
Мне не пристать к земной мете!
И демон, трепеща крылами,
Как птица, реет в темноте.

Исчезни!.. В миг, когда усилья
Покинут мертвенную плоть,
Архангелов незримых крылья
Дух вознесут к Тебе, Господь.

<1913>

3. ОДИНОЧЕСТВО

Я грущу в кабаке за околицей,
И не радует душу вино,
А метель серебристая колется
Сквозь разбитое ветром окно.

В полутемной избе низко стелется
Сизым клубом махорки струя.
Ах! Взгляни, промелькни из метелицы,
Снеговая царевна моя!

Из лугов, из лесов густодебренных,
Из далеких жемчужных полей
Покажись мне на крыльях серебряных
Голубых, снеговых лебедей.

Покажись мне безлунной дорогою,
Хоть на миг из тумана явись
И рукою печальной и строгою
Моих глаз воспаленных коснись!

Неужель одному мне суровую
Перенести мою горе-судьбу?
Иль залечь одному мне в кедровую,
Благовонную смертью избу?

Никого! Я один за околицей
Упиваюсь тяжелым вином,
Да метель серебристая колется
И играет разбитым окном.

< 1913 >

4. МОЛЬБА

Был чист огонь моих желаний,
И он ли небо оскорбил?

Н. Языков

Ушла печальной, оскорбленной
К своей девической земле
И в строгости непримиренной
Затепилась свечой во мгле.

И я побрел душою спящей,
Непробужденной от тревог,
В окрестный полумрак, и в чащи,
И в пыль изъезженных дорог.

Срывал цветы я на откосах
И, как лунатик, брел вперед.
Проваливался часто посох
В утробу жадную болот;
Но и в болотах, на трясине,
Глядя в обманчивый рассвет,
Срывал с тоскою цветик синий
Тебе, о милая, в букет.

Я, весь в цветах полузавялых,
Прошел ночную глубину
И дрожью рук моих усталых
В твою вторгаюсь тишину.
Прости былые оскорбленья!
Я весь в цветах; я изнемог!
И жду, благая, примиренья,
Как солнца полевой цветок.

< 1913 >

5. СУДЬБА

Очаровательный удел,
Овитый горестною дрожью...
Мой конь стремительно влетел
На мировое бездорожье,
Во мглу земного бытия,
И мгла с востока задрожала,
И слава юная моя
На перекрестках отставала.

Но муза мчалась со мной
То путеводною звездой,
Сиявшей горней глубиной,
То спутницею молодою,
Врачуя влагою речей
Приоткрывавшиеся раны
От неоправданных мечей
Среди коварного тумана.

И годы быстрые цвели
Прозрачной белизной черемух...
Мы песни звонкие несли
Среди окраин незнакомых;
В еще не знаемой земле
Переходили хляби моря;
На вечеряющем челе
Горели ветренные зори.

Облитый светом заревым,
В томлень сладостном и строгом,
Венчанный хмелем огненным,
Я подошел к твоим чертогам.

Не изменила, муза, ты,
Путеводительная муза,
Венцом нетленной чистоты
Чело отградного союза
Благословенно оплела,
Разлившись песней величаво.
И только тут к нам подошла
Отставшая в дороге слава.

< 1913 >

6. СМИРЕНЬЕ

Сегодня, мрачный, суетливый,
Всему до странного чужой,
Я пробирался торопливо
Полузаросшею межой.

И, вторя каждому движенью,
К движенью каждому чутка,
За мной спешила дерзкой тенью
Моя жена — моя тоска.

Но всё вокруг с благоговеньем,
С такою кроткой простотой
Впивала с набожным смиреньем
Луч солнца с выси золотой,

Что я — больной, что я — мятежный,
С жестоким профилем лица,

Смирился пред красою нежной
Природы, славившей Творца.

И к ней припал. И всезабвенья
Просил мой молчаливый взгляд.
Так молит у сестры прощенья
Ушедший в молодости брат.

< 1913 >

7. ОБОЖАНИЕ

Ап. Е. С.¹

Уже давно я — в сновиденье,
В младенчестве, из темноты,
В каком-то радостном смущеньи
Угадывал твои черты.

Но, вместе с буйными годами,
Метель и страстная гроза
Закрыли злобными снегами
Твои священные глаза.

И долго, долго в бездорожье,
Томясь предчувствием вешних рек,
Твердил, проникнут буйной дрожью,
Я имя сладкое навек.

Был подан знак — и из пустыни
Пришел я, бледный и больной,
К твоей задумчивой святыне,
Уста смягчить твоей весной.

Я различаю за вуалью,
Когда ты сходишь на крыльцо,
Чуть заснеженное печалью
Благословенное лицо.

И прячусь робко и смиренно
Я в отдаленном тростнике,
И плачу иногда блаженно,
Целуя след твой на песке.

¹ К. Е. С. (нем.). — *Ред.*

Ты не узнаешь и не надо,
Что я томился близ стези,
И — может — лучшая награда
Быть незамеченным вблизи,

Следить за пенем неизменно,
Следить за девичьей рукой
И славословить вдохновенно
Твой ненарушенный покой.

И пусть твое святое имя
Горит нетленной красотой
Над поколениями злыми,
Над их унылой пустотой.

<1913>

8. ПАМЯТЬ

Далёко ты, но терпеливо
Моей покорству судьбе.
Во мне божественное живо
Воспоминая о тебе.

Н. Языков

Ты отошла за травы луга,
В глухую осень, в камыши...
Расплескивает крылья вьюга
Над страшною тоской души.

Прислушиваюсь к милой флейте
И к дальним шорохам сосны.
Жестокою печаль лелейте,
Мои отчетливые сны.

Я вижу в снеге лабиринта,
Где без дорог мои пути,
Краснеет кровью гиацинта
Твое последнее «прости!».

Ты не могла, ты истомилась
В слезах и бормотаньях встреч
И отошла; и закрутилась
Змеею шаль вдоль смуглых плеч.

Я не виню, что ты, больная,
И уходила, и звала,
И, вся цветная, вся хмельная,
С моих страниц ты уплыла.

Но не кляни и ты, что ныне
С губ помертвевших, ледяных
В часы растерянных уныний
К тебе слетает блеклый стих.

Мне кажется, что ночью каждой
И каждым утром, каждым днем,
Когда объят предсмертной жадой
И смертным роковым огнем, —

Ты проплываешь надо мною,
Колбля тонкое копьё,
Дразня минувшею весною,
Суля иное бытие.

Волна — я знаю — беспощадна
И снова не придет к камням,
Но тешиться мечтой отрадно
Изнеможденным берегам.

< 1913 >

9

Порыжела небесная наволочка
Со звездными метками изредка...
Закрыта земная лавочка
Рукою вечернего призрака.

Вы вошли в розовом капоре.
И, как огненные саламандры,
Ваши слова закапали
В мой меморандум.

Уронили, как пепел оливковый,
С догоревших губ упреки...
По душе побежали вразбивку
Воспоминания легкие.

Проложили отчетливо рельсы
Для рейсов будущей горечи.
Как пузырьки в сельтерской,
Я забился, зарябился в корчах.

Ах, как жег этот пепел с окурка
Всё, что было всегда и дорого!
Боль по привычке хирурга
Ампутировала восторги.

< 1913 >

10. L'ART POÉTIQUE¹

И. В. Игнатьеву

Обращайтесь с поэтами, как со светскими дамами,
В них влюбляйтесь, любите, преклоняйтесь
с мольбами,

Не смущайте их души безнадежными драмами,
Но зажгите острогами в глазах у них пламя.

Нарумяньте им щеки, подведите мечтательно
Темно-синие брови, замерев в комплименте,
Уверяйте их страстно, что они обаятельны,
И, на бал выезжая, их в шелка вы оденьте,

Разлучите с обычною одеждою скучною,
В *jupe-culotte*² нарядите, и, как будто в браслеты,
Облеките их руки нежно рифмой воздушною,
И в прическу искусную воткните эгреты.

Если скучно возиться вам, друзья, с ритмометрами,
С метрономами глупыми, с корсетами всеми —
На кокетке оставив туфли с белыми гетрами,
Вы бесчинствуйте с нею среди зал Академий.

< 1913 >

¹ Искусство поэзии (фр.). — *Ред.*

² Женская юбка-брюки (фр.). — *Ред.*

11. ИМПРОВИЗАЦИЯ

(Tristement)¹

Мне завтрашний день известней
Мотива из старой оперетки.
Играет знакомые песни
Ночь с гримасой кокетки.

Каждый день опрятен, изыскан,
Одет с грациозным вкусом
И вкрадчивым шипром опрыскан...
А мне по-вечернему грустно.

Мне хочется — странно признаться! —
Увидеть день элегантный,
Когда он не успел причесаться
После ночи экстравагантной.

В халате, расшитом красным,
Без монокля и без пробора,
Когда он еще может быть страстным
И болтает так много вздора.

Как сделать? Недоумевая,
О помощи прошу всех трагично...
Жизнь мчится по рельсам трамвая
С шаблонною ноткой скрипичной.

< 1913 >

12. СЕГОДНЯ

О, как я влюблен в комфорт,
С каким устроена моя карусель!
Моя судьба приводит меня в восторг
Тем, что я не равен всем,
Для которых двусложье «Лафорг»
Звук пустой совсем.

---

¹ Печально (фр.). — Ред.

Ах, для меня больше, чем bi-ba-bo¹,
Ваша детская старость, Rimbaud²!

Для меня дорого каждое имя
И каждая переплетенная книга —
Как новое зданье, где с остроигол
Кривляется Дьявол над проспектами людскими.

О, новое зданье над людскостью проспекта,
А на нем колоссальный электрический прожектор.

Я презираю академические зданья,
Со знойными вывесками издания!
Долой академические пейзажи!
О, замурованные в классицизме заживо!
О, мертвецы в планометрических экипажах!

Маленькая любовница! На Rue de la Vie³ пойдем
Посмотреть, как рушатся новые небоскребы
Без злобы.
Но их раскрывшиеся животы (почему не утробы?)
Выше, чем старый с антресолями дом.

О, как судьба моя меня приводит в восторг!
Я отверг морг! Для меня дорог Лафорг!
На огне настоящего я сжигаю прошедшее,
И будущее захлебнулось в дыму!..

Милая, почему меня зовут сумасшедшим?
Не знаю, не пойму!

< 1913 >

¹ Бибабо (фр.). — *Ред.*

² Рембо (фр.). — *Ред.*

³ Улица жизни (фр.). — *Ред.*

13. УСТАЛОСТЬ

Mon coeur et mon sommeil; ô échos des coqnées.

J. Laforque ¹

Задыхаюсь; плача, задыхаюсь,
Как под колоколом безвоздушным.
Вздохнуть стараюсь —
Но кошмарно душно.
Как стены чугунные — фразы
Окружающих людей...
В гипсе, сжимающем разум,
Я — без палочки чародей.
Жизнь, как бессонница,
Тянет, унылая.
Маленькая поклонница,
Крошечная и милая!
Вы не знаете этой боли,
Страшней, чем зубная боль!
Задыхаюсь в тисках меланхолии,
И в раны проходит соль.
Разрежьте, разрежьте, разрежьте
Эти чугунные стены...
Пусть польются, как прежде,
Мелодии Шопена.
Моя бутоньерка! Ирис!
Вы завянете на моем сюртуке!
Вы не знаете — ах! — я вырос,
И мне тесно в моей тоске.
Пересохли губы... Синеют
Полукруги у глаз...
Как они смеют?
В который раз!

< 1913 >

14

Такого вечера не было вовеки:
Это первый вечер самый настоящий.
Небо тяжелей, чем веки
Мертвой женщины, в гробу лежащей.
Вы, лежащая в гробу, как в кресле,

¹ Мое сердце и мой сон; о отзвуки нанесенных мне ран.
Ж. Лафорж (фр.). — Ред.

Кажетесь кошмарною виньеткой.
Вы не встанете — я знаю; ну, а если?
Если вскинетесь гримасой едкой?
В палисаднике осины — словно струны
Ветер трогает смычком размерным.
Если вскочите безмерно юной,
Что скажу Вам взглядом я неверным?
Нет! Я знаю: дьявол не обманет,
Навсегда прикованная к гробу!
Ветер на струнах дождя в тумане
До конца разыгрывает злобу.

<1913>

15. SOLO¹

Пусть символисты в шуме мельниц
Поэзят сущность бытия, —
Мои стихи — лишь бронза пепельниц,
Куда роняю пепел я.

Смотрите, бледные постели!
В Ваш мирнолирный хоровод,
Как плащ кровавый Мефистофеля,
Ворвался криком мой фагот.

Кокетничая с Дамой Новой,
С плаща снимаю я аграф,
И в дамский башмачок сафьяновый
Я наливаю vin de grave².

И сам люблюсь на картину:
Ах! С пудреницею в руке
Я фешенебельную истину
Преподношу Вам в башмачке.

7 марта 1913

¹ Соло (ит.). — Ред.

² Белое бордоское (фр.). — Ред.

Вы бежали испуганно, уронив вуалетку,
 А за Вами, с гиканьем и дико крича,
 Мчалась толпа по темному проспекту,
 И их вздохи скользили по Вашим плечам.
 Бросались под ноги фоксы и таксы,
 Вы откидывались, отгибая перо,
 Отмахивались от иступленной ласки,
 Как от укусов июньских комаров.
 И кому-то шептали: «Не надо! Оставьте!»
 Ваше белое платье было в грязи,
 Но за Вами неслись в истерической клятве
 И люди, и зданья, и даже магазин.
 Срывались с места фонарь и палатка,
 Всё бежало за Вами, хохоча и крича,
 И только Дьявол, созерцая факты,
 Шел неспешно за Вами и костями стучал.

23 мая 1913

Я осталась одна, и мне стало скучно...
 Около лежал мой двухнедельный ребенок...
 Было октябрьски... Разноцветились юбочки-тучи,
 И черти выглядывали из-под кучи пеленок...
 И мне стало истерически скучно и печально...
 (Ах, почему вы не понимаете, что такое тоска?!)
 Я от боли утончилась и слегка одичала,
 И невольно к подушке протянулась рука.
 И вот этою самой голубой подушкой
 С хохотом я задушила ребенка...
 Я помню его торчащие уши
 И то, что из прически выпала гребенка.
 Подошла к окошку, побарабанила звонко,
 Улыбнулась в прыгнувший ветер, в стужу,
 Подошла к висячему телефону
 И обо всем сообщила удивленному мужу.
 Подмигнула чертям на электролюстре,
 Надела серое платье, чтобы быть похожей на тучи...
 Вы понимаете, что всё это было от грусти!
 Отчего же врачи говорили про патологический случай?

27 мая 1913

У других поэтов связаны строчки
 Рифмою, как законным браком,
 И напевность метра, как венчальные свечи,
 Теплится в строфном мраке, —
 А я люблю только связь диссонансов,
 Связь на вечер, на одну ночь!
 И, с виду неряшливый, ритм, как скунсом,
 Закрывает строки, — правильно-точен.
 Иногда допускаю брак гражданский,
 Ассонансов привередливых брак!
 Но они теперь служат рифмой вселенской
 Для всех начинающих писак.
 А я люблю только гул проспекта,
 Суматоху моторов, презираю тишь...
 И кружатся в пьесах, забывши такты,
 Фонари, небоскребы и столбы афиш.

9 июня 1913

19. ORCHESTRE MODERNE¹

*An E. S.*²

Тучи расселись чинно в небесные кресла и стулья
 И облачковые тюли, как программы, развернули.

Дождик постучал по люпитру соседней крыши...
 Всё стало ожидательней, глуше и тише.

Завизжал смычок молниеносный, и гулкий гром,
 Как барабан грозный, дробь выбил в тон.

Зашелестели, зазмеились стальные струны;
 Мы ждем, что ураганы в трубы дунут.

Ах, как грустно! Тоска, тоска —
 Опять партитуру жизни уныло вертит рука.

Моросят болезни, неврастения и лживый ветер...
 Ах, есть мгновенья — они длинней, чем столетья!

¹ Современный оркестр (фр.). — *Ред.*

² К. Е. С. (нем.). — *Ред.*

Счастье перегорает, как электролампа,
И добрые мысли с мещанским бантом
Разгуливают по кабинету, важны, как герцог!

О, бархатное, протертое сердце!

10 июня 1913

20

Эпизоды и факты проходят сквозь разум
И, как из машин, выходят стальными полосками;
Всё около пахнет жирным наркозом,
А душа закапана воском.

Электрическое сердце мигнуло робко
И перегорело. — Где другое найду?!

Ах, я вверну Вашу улыбку

Под абажур моих дум.

И будут плакать — как весело плакать

В электрическом свете, а не в темноте! —

Натыкаться на жилистый дьявольский коготь

И на готику Ваших локтей.

И будут подмаргивать колени Ваши,

И будет хныкать моя судьба...

Ах, тоска меня треплет, будто афишу,

Расклеив мою душу на днях-столбах.

13 июня 1913

21

Ах, не ждите от меня грубостей —

У меня их ни в портмоне, ни в бумажнике.

Я не буду делать обаятельных глупостей!

Пора и мне стать отважнее.

О насекомые по земным полушариям

(Ну, чего Вы испуганно заахали?!),

О, я буду сегодня полон сострадания

И приму Ваши сожаления дряхлые.

Душа сегодня в строгости смокинга

И при черном галстукее...

Открываю Америки однобокие

И улыбочато говорю: «Пожалуйста».

Я сегодня всех зову герцогинями
И ручки целую у некоторых.
Ах, этот зал с декадентскими линиями
И с монотонностью лунного прожектора!

Сегодня начинается новая эра...
Я буду солиден на бархате five o'clock...¹
А поверите ль! Хочется даже «Miserere»²
Спеть по-гаерски на мотив кекуока.

24 июля 1913

22

Неосязаемые вечерние карандашки
Затушевывают улицы запросто.
Секунды строгие, строгие монашки
Предлагают перед смертью папство.

Затканный звездами коврик
Облит облаками молочными...
В суете, в миготе, в говоре
Я встречаюсь с лицами отточенными.

Как весело вспомнить сквозь дрожжи улыбок,
Разрыхливших строгость злости,
Свет ресторанный, игравший зыбко
На неуклюжей извозчичьей полости.

Сквозь замкнутость походки гордой
Вспоминаю варианты изгибов
Ночью, когда лапа массивного города
Вытерла брызги трамвайных всхлипов.

Женщины, — сколько вас — бродите, наглые,
Все моей печатью отмеченные!
Память светит ярче магния!
Соединяю минутное и вечное!

---

¹ Послеобеденный чай (англ.). — Ред.

² Помилуй (лат.). — Ред.

Простите, метрессы, простите, кокотки,
Меня — бронзовеющего трупа!..
На последней пластинке моего кодака
Я из вас сделаю великолепную группу...

20 сентября 1913

23

Когда завтра трамвай вышмыгнет, как колоссальная
ящерица,
Из-за пыльных обоев особняков, из-за бульварных
длиннот
И отрежет мне голову искуснее экономки,
Отрезающей кусок красномясой семги, —
Голова моя взглянет беззлобчивей сказочной падчерицы
И, зажмурясь, ринется в сугроб, как крот.
И в карете медленной медицинской помощи
Мое сердце в огромный приемный покой отвезут.
Из глаз моих выпорхнут две канарейки,
На их место лягут две трехкопейки,
Венки окружают меня, словно овощи,
А соус из сукровицы омоет самое вкусное из блюд.
Приходите тогда целовать отвращеньем и злобствуя!
Лейтесь из лейки любопытства, толпы людей,
Шатайте зрачки над застылью бесстыдно!
Нюхайте сплетни! Я буду ехидно, безобидно,
Скрестяруко лежать, втихомолку свой фокус двою,
И в животе прожурчат остатки новых идей.

<1914>

24

Бледнею, как истина на столбцах газеты,
А тоска обгрызает у души моей ногти.
На катафалке солнечного мотоциклета
Влетаю в шантаны умирать в рокоте.
У души искусанной кровяные заусенцы,
И тянет за больной лоскуток всякая.
Небо вытирает звездные крошки полотенцем,
И моторы взрываются, оглушительно квакая.
Прокусываю сердце свое собственное,
А толпа бесстыдно распахивает мой капот.

69

Бьюсь отчаянно, будто об стену, я
О хмурые перила чужих забот.
И каменные проборы расчесанных улиц
Под луною меняют брюнетную масть.
Наивно всовываю душу, как палец,
Судьбе ухмыльнувшейся в громоздкую пасть.

< 1914 >

25

Я не буду Вас компрометировать дешевыми объедками
цветочными,
А из уличных тротуаров сошью Вам платье,
Перетяну Вашу талию мостами прочными,
А эгретом будет труба на железном канате.
Электричеством вытку Вашу походку и улыбку,
Вверну в Ваши слова лампы в 120 свеч,
А в глазах пусть заплещутся чувственные рыбки
И рекламы скользнут с провалившихся плеч.
А город в зимнем белом трико захохочет
И бросит Вам в спину куски ресторанных меню,
И во рту моем закопошатся ломти непрожеванной ночи,
И я каракатицей по Вашим губам просеменю.
А Вы, нанизывая витрины на пальцы,
Обнаглевших трамваев двухэтажные звонки
Перецелуете, глядя, как валяются, валяются, валяются
Бешеные секунды в наксероформленные зрачки.
И когда я, обезумевший, начну прижиматься
К горящим грудям бульварных особняков,
Когда мертвое время, с косым глазом китайца,
Прожонглирует стрелками башенных часов, —
Вы ничего не поймете, коллекционеры жира,
Статисты страсти, в шкатулке карельских душ
Хранящие прогнившую истину хромоногого мира,
А не бравурный, бульварный, душный туш.
Так спрячьте ж спеленутые сердца в гардеробы,
Пронафталините Ваше хихиканье и прокисший стон,
А я Вам брошу с крыш небоскреба
Ваши зашнурованные привычки, как пару дохлых ворон.

< 1914 >

Послушайте! Я и сам знаю, что электрической пылью
 Взыскриваются ваши глаза, но ведь это потому,
 Что вы плагиатируете фонари автомобильи,
 Когда они от нечего делать пожирают косматую тьму.
 Послушайте! Вы говорите, что ваше сердце ужасно
 Стучит, но ведь это же совсем пустяки;
 Вы, значит, не слышали входной двери! Всякий раз она
 Оглушительно шарается, ломая свои каблукы.
 Нет, кроме шуток! Вы уверяете, что корью
 Захворало ваше сердце. Но ведь это необходимо хоть раз.
 Я в этом убежден, хотите, с докторами поспорю.
 У каждого бывает покрытый сыпнойю болезнью час.
 А вот когда вы выйдете в разорванный полдень,
 На главную улицу, где пляшет хóлодень,
 Где скребут по снегу моторы свой выпуклый шаг,
 Как будто раки в пакете шуршат, —
 Вы увидите, как огромный день, с животом,
 Раздутым прямо невероятно от проглоченных людишек,
 На тротуар выхаркивает с трудом
 И пища, пицци излишек.

А около него вскрикивает пронзительно, но скорбно
 Монументальная женщина, которую душит мой
 горбатый стишок,
 Всплескивается и хватается за его горб она,
 А он весь оседает, пыхтя и превращаясь в порошок.
 Послушайте! Ведь это же, в конце концов, нестерпимо:
 Каждый день моторы, моторы и водосточный контрабас.
 Это так оглушительно!

Но это необходимо,
 Как то, чтобы корью захворало сердце хоть раз.

<1914>

Вежливый ветер схватил верткую талию пыли,
 В сумасшедшем галопе прыгая через бугры.
 У простуженной равнины на скошенном рыле
 Вздулся огромный флюс горы.

Громоздкую фабрику года исцарапали,
 Люди перевязали ее бинтами лесов,

А на плечи вспотевшего неба проступили капли
Маленьких звезденят, не обтертые платком облаков.

Крылья мельниц воздух косили без пауз,
В наморднике плотин бушевала река,
И деревня от города бежала, как страус,
Запрятавши голову в шерсть тростника.

А город приближался, длиннорукий, длинноусый,
Смазывающий машины кровью и ругней,
И высокие церкви гордились знаками плюса
Между раненым небом и потертой землей.

<1914>

28

С севера прыгнул ветер изогнувшейся кошкой
И пощекотал комнату усами сквозняка...
Штопором памяти откупориваю понемножку
Запыленные временем дни и века.
Радостно, что блещет на торцовом жилете
Цепочка трамвайного рельса, прободавшего мрак!
Радостно знать, что не слышат дети,
Как по шоссе времени дни рассыпают свой шаг!
Пусть далеко по жилам рек, углубив их,
Грузы, как пища, проходят в желудок столиц;
Пусть поезд, как пестрая гусеница, делая вывих,
Объедает листья суеверий и небылиц.
Знаю: мозг — морг и помнит,
Что сжег он надежды, которые мог я сложить...
Сегодня сумрак так ласково огромнит
Острое значение хрупкого жить.
Жизнь! Милая! Старушка! Владетельница покосов,
Где коса смерти мелькает ночи и дни!
Жизнь! Ты всюду расставила знаки вопросов,
На которых вешаются друзья мои.
Это ты изрыла на лице моем морщины,
Как следы могил, где юность схоронена!
Это тобой из сединок мужчины
Ткань савана сплетена!
Но не страшны твои траурные монограммы,
Смерть не может косою проволоку оборвать, —
Знаю, что я важная телеграмма,
Которую мир должен грядущему передать!

<1914>

72

Маленькие люди пронумеровывали по блюдячим полкам
 Шатающуюся суматоху моторного свербежа,
 А город, причудливый, как каприз беременной, иголкой
 Всунул в суету сугулый излом кривого мятежа.
 И в подпрыгнувшие небоскребы швырнул болюче
 Огромный скок безбоких лошадей,
 Переключкой реклам оглушил замерзающих чучел
 И прессом пассажиров прижал треск и взвизг площадей.
 Вспотевший труд тек по водостокам, взывая,
 Дома накренились в хронику газет впопыхах,
 И, шурша, копошились шепелявые трамваи
 Огненными глистами в уличных кишках.

< 1914 >

Дом на дом вскочил, и улица переулками смутилась,
 По каналам привычек, вспенясь, забурлила вода,
 А маленькое небо сквозь белье облаков загорячилось
 Бормотливым дождем на пошатнувшиеся города.
 Мы перелистывали тротуары выпуклой походкой,
 Выращивая тени в одну секунду, как факир...
 Сквернословил и плакал у стакана с водкой,
 Обнимая женщин, захмелевший мир.
 Он донес до трактира только лохмотья зевоты,
 Рельсами обмотал усталую боль головы;
 А если мои глаза — только два похабных анекдота,
 Так зачем так внимательно их слушаете вы?
 А из медных гильз моих взрывных стихов
 Коническая пуля усмешки выглядывает дико,
 И прыгают по городу брыкливые табуны домов,
 Оседлая друг друга басовым криком.

< 1914 >

...Бой хромой, ковыляющий, с губою закушенной,
 В злобе и в ярости уплелся вдаль пожирать полки,
 А здесь так ненужно в тиши обезоруженной
 Блестит штык лунного луча и сталь реки.

Только бред опавших... Только глина черствая...
Да розовые трупы проросли сквозь луг...
А бой разбежался, и аркою семиверстной
Бризантный чемодан чертит свой пламенный полукруг.
Там всё настоящее, а здесь раненое, игрушечное,
Я лежу, как кукла с разломанной головой,
А там, в синеющем далеке, волною пушечную
Бьет о мол безмолвия неприятельский прибор.
Всё крутись, всё вскружайся, мечись в динамике,
Цепь и над нею огненный мотив,
Словно крыша, а выше — нагибается небо в панике,
Сумасшедшее небо с бинтом Млечного Пути.
Созвездья, трещите, как взрывы шрапнели! Луч луны,
Живот мой испаривай!
О, коли же, острый штык дуны!
Но мерно машет птичье зарево,
Как злобный арьергард войны.

<1915>

32

Сергею Третьякову

Что должно было быть — случилось просто,
Красный прыщ событий на поэмах вскочил,
И каждая строчка — колючий отросток
Листья рифм обронил.
Всё, что дорого было, — не дорого больше,
Что истинно дорого — душа не увидит...
Нам простые слова: «Павший на поле Польши» —
Сейчас дороже, чем цепкий эпитет.
О, что наши строчки, когда нынче люди
В серых строках, как буквы, вперед, сквозь овраг?!
Когда пальмы разрывов из убеленных орудий
В этих строках священных — восклицательный знак!
Когда в пожарах хрустят города, как на пытке кости,
А окна лопаются, как кожа домов, под снарядный гам,
Когда мертвецы в полночь не гуляют на погосте
Только потому, что им тесно там.
Не могу я; нельзя. Кто в клетку сонета
Замкнуть героический военный топ?!
Ведь нельзя же огнистый хвост кометы
Поймать в маленький телескоп!

Конечно, смешно вам! Ведь сегодня в злобе
Запыхалась Европа, через силу взбегая на верхний этаж..
Но я знал безотчетного безумца, который в пылавшем
небоскребе

Спокойно отгачивал свой цветной карандаш.
Я хочу быть искренним и только настоящим,
Сумасшедшей откровенностью сумка души полна,
Но я знаю, знаю моим земным и горящим,
Что мои стихи вечнее, чем война.

Вы видали на станции, в час вечерний, когда небеса так
мелки,

А у перрона курьерский пытит после второго звонка,
Где-то сбоку суетится и бегаёт по стрелке
Маневровый локомотив с лицом чудака.

Для отбывающих в синих — непонятно упорство
Этого скользящего по запасным путям.

Но я спокоен: что бег экспресса стоверстный
Рядом с пролетом телеграмм?!

< 1915 >

33. ПРИНЦИП АЛЬБОМНОГО СТИХА

Муаровый снег тротуарах завивается,
Как волосы височках чиновника.
Девушка из флигеля косога глазами китайца
Под тяжестью тишины!
Девушка, перешагнувшая сны!
Ты ищешь любовника?!

Не стоит! Он будет шептать: останься!
Любовью пригладит души непокорственный клоч
И неумело, как за сценой изображают поток
На киносеансе,
Будет притворяться: страдает от вторника
В гамаке убаюканных грез.
Разве не знаешь: любовник — побитый пес,
Которому не надо намордника.

Наивная! Песок на арене,
Как любовь, для того, чтоб его топтать.
Я не любовник, конечно, я поэт тихий, как мать,
Безнадежный, как неврастеник в мягких тисках мигрени!

Но еще знаю, что когда сквозь окна курица,
А за нею целый выводок пятен проспешит,
Тогда, как черепами,
Сердцами
Играет улица,
А с левой стороны у всех девушек особенно заболит.

И все, даже комиссары, заговорят про Данта
И Беатриче, покрытых занавеской веков.
Верь! Весь звон курантов —
Только треск перебитых горшков.

И теперь я помню, что и я когда-то
Уносил от молодости светлые волосы черном пиджаке
И бесстыдному красному закату
Шептал о моей тоске.

А ты все-таки ищешь молодого любовника,
Красивого, статного ищешь с разбега,
Тротуарами, где пряди снега
Завиваются височками чиновника!

Ну, что же! Ищи!
Свищи!
Сквозь барабаны мороза и вьюги,
Сквозь брошенный игривым снежком плач,
На нежных скрипках твоих грудей упругих
Заиграет какой-нибудь скрипач.

Октябрь 1915

34. ПРИНЦИП РОМАНТИЗМА

А. Мариенгофу

Когда-то, когда я носил короткие панталончики,
Был глупым, как сказка, и читал «Вокруг света»,
Я часто задумывался на балкончике
О том, как любят знаменитые поэты.
И потому, что я был маленький чудак,
Мне казалось, что это бывает так.

Прекрасный и стройный, он встречается с нею...
У нее меха и длинный
Трен.

И когда они проплывают старинной
Аллеей,
Под юбками плещутся рыбки колен.

И проходят они без путей и дороги,
Завистливо встречные смотрят на них;
Он, конечно, влюбленный и строгий,
Ей читает о ней же взволнованный стих...

Мне мечталось о любви очень нежной, но жгучей.
Ведь другой не бывает. Быть не может. И нет.
Ведь любовь живет меж цветов и созвучий.
Как же может любить не поэт?

И мне казались смешны и грубы
Поцелуи, что вокруг звучат.
Как же могут сближаться влажные губы,
Говорившие о капусте полчаса назад?

И когда я, воришка, подслушал, как кто-то молился:
«Сохрани меня, Боже, от любви поэта!» —
Я сначала невероятно удивился,
А потом прорыдал до рассвета.

Теперь я понял. Понял всё я.
Ах, уж не мальчик я давно.
Среди исканий, без покоя
Любить поэту не дано.

Искать губами пепел черный
Ресниц, упавших в заводь щек, —
И думать тяжело, упорно
Об этажах подвластных строк.

Рукою жадной гладить груди
И чувствовать уж близкий крик, —
И думать трудно, как о чуде,
О новой рифме в этот миг.

Она уже устала биться,
Она в песках зыбучих снов, —
И вьется в голове, как птица,
Сонет крылами четких строф.

И вот поэтому часто, никого не тревожа,
Потихоньку плачу и молюсь до рассвета:
«Сохрани мою милую, Боже,
От любви поэта!»

Сентябрь 1917

35. ПРИНЦИП ГАРМОНИЗАЦИИ ОБРАЗА

И один. И прискорбный. И проходят оравой,
Точно выкрики пьяниц, шаги ушлых дней.
И продрогшим котенком из поганой канавы
Вылезаю, измокший, из памяти своей.

Да, из пляски вчерашней,
Пляски губ слишком страшной,
Слишком жгучей, как молния среди грома расплат,
Сколько раз не любовь, а цыганский романс
бесшабашный
Уносил, чтоб зарыть бережливей, чем клад.

И всё глубже на лбу угрюмеют складки,
Как на животе женщины, рожавшей не раз,
И синяки у глаз,
Обложки синей тетрадки,
Где детским почерком о злых поцелуях рассказ.

Но проходишь, и снова я верю блеснувшим
Ресницам твоим
И беспомощно нежным словам,
Как дикарь робко верит своим обманувшим,
Бессильным, слепым,
Деревянным богам.

Октябрь 1917

36. ПРИНЦИП ОБРАТНОЙ ТЕМЫ

Это лужицы светятся нежно и лоско,
Это ногти на длинных пальцах Тверской...
Я иду, и треплет мою прическу
Ветер теплой и женской рукой.

Ах, как трудно нести колокольчики ваших улыбок
И самому не звенеть,
На весь мир не звенеть,
Не звенеть...

Вы остались. Устались, и стаей серебряных рыбок
Ваши глаза в ресничную сеть.

Только помнится: в окна вползали корни
Всё растущей луны между звездами ос.
«Ах, как мертвенно золото всех Калифорний
Возле россыпи ваших волос!..»

Канарейка в углу (как осколок луны) наизала,
Низала
Бусы трелей стеклянных на нитку и вдруг
Жестким клювом, должно быть, эту нить оборвала,
И стекляшки разбились, попадав вокруг.

И испуганно прыснули под полом мышки,
И, взглянувши на капельки ваших грудей,
Даже март (этот гадкий, непослушный мальчишка)
Спотыкнулся о краткий февраль страстей.

Октябрь 1917

37. ИМАЖИНИСТИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Ваше имя, как встарь, по волне пробираясь,
не валится
И ко мне добредает, в молве не тоня.
Ледяной этот холод, обжигающий хрупкие пальцы,
Сколько раз принимал я, наивный, за жаркую ласку
огня!

...Вот веснеет' влюбленность, и в зрачках,
как в витринах,
Это звонкое солнце, как сердце, скользнуло, дразнясь,
И шумят в водостоках каких-то гостиных
Капли сплетен, как шепот, мутнея и злясь.

Нежно взоры мы клоним и голову высим.
И всё ближе проталины губ меж снегами зубов,
И порхнули бабочки лиловеющих писем,
Где на крыльях рисунок недовиденных снов...

...Встанет августом ссора. Сквозь стеклянные двери
террасы
Сколько звезд, сколько мечт по душе, как по небу,
скользит,
В уголках ваших губ уже первые тучи гримасы,
И из них эти ливни липких слов и обид...

Вот уж слезы, как шишки, длиннеют и вниз облетают
Из-под хвои темнеющей ваших колких ресниц,
Вот уж осень зрачков ваших шатко шагает
По пустым, равнодушным полям чьих-то лиц.

...А теперь только лето любви опаленной,
Только листьями клена капот вырезной,
Только где-то шуменье молвы отдаленной,
А над нами блаженный, утомительный зной.

И от этого зноя с головой
Погрузиться
В слишком теплое озеро голубеющих глаз,
И безвольно запутаться, как в осоке, в ресницах,
Прошумящих о нежности в вечереющий час.

И, совсем обессилев от летнего чуда,
Где нет линий, углов, нет конца и нет грез,
В этих волнах купаться и вылезть оттуда,
Завернуться в мохнатые простыни ваших волос...

...Ваше имя бредет по волне, не тоня, издалече,
Как Христос пробирался к борту челнока.
Так горите же губ этих тонкие свечи
Мигающим пламенем языка!..

Ноябрь 1917

38. ПРИНЦИП ЗВУКОВОГО ОДНОСЛОВИЯ

Вас
Здесь нет. И без вас.
И без вас.
И без смеха.
Только вечер укором глядится в упор.
Только жадные ноздри ловят милое эхо,
Запах ваших духов, как далекое звяканье шпор.

Ах, не вы ли несете зовущее имя
Вверх по лестнице, воздух зрачками звеня?!
Это буквы ль проходят строками
Моими,
Словно вы каблучками,
За дверью дразня?!

Желтый месяца ус провихлялся в окошке.
И ошибся коснуться моих только губ.
И бренчит заунывно полсумрак на серой гармошке
Паровых, остывающих медленно труб.

Эта тихая комната помнит влюбленно
Ваши хрупкие руки. Веснушки. И взгляд.
Словно кто-то вдруг вылил духи из флакона,
Но флакон не посмел позабыть аромат.

Вас здесь нет. И без вас. Но не вы ли руками
В шутку спутали четкий пробор моих дней?!
И стихи мои так же прополнены вами,
Как здесь воздух, тахта и протяжье ночей.

Вас здесь нет. Но вернетесь. Чтоб смехом, как пеной,
Зазвенеться, роняя свой пепельный взгляд.
И ваш облик хранят
Эти строгие стены,
Словно рифмы строфы дрожь поэта хранят.

Декабрь 1917

Ты, грустящий на небе и кидающий блага нам
крошками,

Говоря: «Вот вам хлеб ваш насущный даю!»

И под эту лаской мы ластимся кошками

И достойно мурлычем молитву свою.

На весы шатких звезд, коченевший в холодном
жилище,

Ты швырнул мое сердце, и сердце упало, звеня.

О уставший Господь мой, грустящий и нищий,

Как завистливо смотришь ты с небес на меня!

Весь ваш род проклят роком навек и незримо,

И твой сын без любви и без ласк был рожден.

Сын влюбился лишь раз, но с Марией любимой

Эшафотом распятий был тогда разлучен.

Да! Я знаю, что жалки, малы и никчемны

Вереницы архангелов, чудеса, фимиам

Рядом с полночью страсти, когда дико и томно

Припадаешь к ответно встающим грядям!

Ты, проживший без женской любви и без страсти!

Ты, не никший на бедрах женщин нагих!

Ты бы отдал все неба, все чуда, все власти

За объятья любой из любовниц моих!

Но смирись, одинокий, в холодном жилище

И не плачь по ночам, убеленный тоской,

Не завидуй, Господь, мне, грустящий и нищий,

Но во царстве любовниц себя упокой!

Декабрь 1917

40. ОДНОТЕМНОЕ РАЗВЕТВЛЕНИЕ

Знаю. Да. Это жизнь ваша, словно январская стужа,
Вас промерзла на улицах снегом крутящихся дней.

Вы ко мне ворвались, оттирая замерзшие уши,

И присели к камину души, розовевшей теплынюю
своей.

И любовь мою залпом, как чашку горячего чая,
От которой всклублялись мои поцелуи, как пар,
Словно чашку горячего чая,
Выпили, не замечая,
Что угаром рыдал золотой самовар.

Обожглись и согрелись,
Ваши щеки победам
Зазвенели восточную первой зарей.
Вы согрелись.

Готовы болтать вы со мной!
Так послушайте: мне этот холод неведом,
Но порой
Я расплавлен духотой,
Духотой.

И тогда, погрустневший и тихозаботный
И в Евангелие женских ресниц увлекум,
Из звенящего тела, как из чашки, пью чай мой
холодный,
Неторопливо, глоток за глотком.

Этот чай, утоляющий будто нежное слово,
Этот чай — цвета ваших кудрей он, и в нем
Узкой струйкою сахара — сладость бывшего
И, как запах духов ваших, грезящий ром.

Декабрь 1917

41. ПРИНЦИП АРХИТЕКТУРНОГО СОПОДЧИНЕНИЯ

У купца — товаром трещат лабазы.
Лишь скидавай засов, покричи пять минут:
«Алмазы! Лучшие свежие алмазы!» —
И покупатели ордой потекут.

Девушка дождется лунного часа.
Выйдет на площадь, где прохожий част,
И груди, как розовые чаши мяса,
Ценителю длительной дрожи продаст.

Священник покажется, толстый, хороший,
На груди с большущим крестом,
И у прихожан обменяет на гроши
Свое интервью с Христом.

Ну а поэту? Кто купит муки,
Обмотанные марлей чистейших строк?
Он выйдет на площадь, протянет руки
И с голоду подохнет в недолгий срок!

Мое сердце не банк увлечений, ошибки
И буквы восходят мои на крови.
Как на сковородке трепещется рыбка,
Так жарится сердце мое на любви!

Эй, люди! Монахи, купцы и девицы!
Лбом припадаю отошедшему дню,
И сердце не успевает биться,
А пульс слился в одну трескотню.

Но ведь сердце, набухшее болью, дороже
Пустого сердца продашь едва ль,
И где сыскать таких прохожих,
Которые золотом скупили б печаль?!

И когда ночью сжимаете в постельке тело
ближнее
Иль устаете счастье свое считать,
Я выхожу площадями рычать:
«Продается сердце неудобное, лишнее!
Эй! Кто хочет пудами тоску покупать?!»

Январь 1918

42. КОМПОЗИЦИОННОЕ СОПОДЧИНЕНИЕ

Чтоб не слышать волчьего воя возвещающих труб,
Утомившись сесть в этих дебрях бесконечного мига,
Разбивая рассудком хрупкие грезы скорлуп,
Сколько раз в бессмертную смерть я прыгал!

Но крепкие руки моих добрых стихов
За фалды жизни меня хватали... и что же?

И вновь на голгофу мучительных слов
Уводили меня под смешки молодежи.

И опять, как Христа измотавшийся взгляд,
Мое сердце пытлиное жаждет, икая,
И у тачки событий, и рифмой звенят
Капли крови, на камни из сердца стекая.

Дорогая!
Я не истин напевов хочу! Не стихов,
Прозвучавших в веках слаще славы и лести!
Только жизни! Беспечий! Густых зрачков!
Да любви! И ее сумасшествий!

Веселиться, скучать и грустить, как кругом
Миллионы счастливых, набелсветных и многих!
Удивляться всему, как мальчишка, впервой
увидавший тайком
До колен приоткрытые женские ноги!

И ребячески верить в расплату за сладкие язвы грехов,
И не слышать пророчества в грохоте рвущейся крыши.
И от чистого сердца на зов чьих-то чужих стихов
Закричать, словно Бульба: «Остап мой! Я слышу!»

Январь 1918

43. ПРИНЦИП ПРОВОЛОК АНАЛОГИЙ

Есть страшный миг, когда, окончив резко ласку,
Любовник вдруг измяк и валится ничком...
И только сердце бьется (колокол на Пасху)
Да усталь ниже глаз синит карандашом.

И складки сбитых простынь смотрят слишком грубо
(Морщины лба всезнающего мудреца)...
Напрасно женщина еще шевелит губы
(Заплаты красные измятого лица)!

Как спичку на ветру, ее прикрыв рукою,
Она любовника вблизи грудей хранит,
Но, как поэт над конченной, удавшейся строкою,
Он знает только стыд,
Счастливым краткий стыд!

Ах! Этот жуткий миг придуман Богом Гневным,
Его он пережил воскресною порой,
Когда, насквозь вспотев, хотеньи шестидневном,
Он землю томную увидел под собой.

Январь 1918

44. РИТМИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ

Какое мне дело, что кровохаркающий поршень
Истории сегодня качнулся под Божьей рукой,
Если опять грустью изморощен
Твой голос, слабый такой?!

На метле революций на шабаш выдумок
Россия несется сквозь полночь пусть!
О, если б своей немислимой обидой мог
Искупить до дна твою грусть!

Снова голос твой скорбью старинной дрожит,
Снова взгляд твой сутулится, больная моя!
И, опять небывалого счастья чертя чертежи,
Я хочу населить твое сердце необитаемое!

Ведь не боги обжигают людское раздолье!
Ожогам горяч достаточно стих!
Что мне, что мир поперхнулся болью,
Если плачут глаза твои и мне не спасти их?

Открыть бы пошире свой паршивый рот,
Чтоб песни развесить черной судьбе,
И приволочь силком, вот так, за шиворот,
Несказанное счастье к тебе!

Март 1918

45: ПРИНЦИП ЗВУКА МИНУС ОБРАЗ

Влюбится чиновник, изгрызанный молюю
входящих и старый,
В какую-нибудь молоденькую, худощавую дрянь
И натвердит ей, бренча гитарой,
Слова простые и запыленные, как герань.

Влюбится профессор, в очках, плешеватый,
Отвыкший от жизни, от сердец, от стихов,
И любовь в старинном переплете цитаты
Поднесет растерявшейся с букетом цветов.

Влюбится поэт и хвастает: «Выграню
Ваше имя солнцами по лазури я!»

Ну, а как если все слова любви заиграны,
Будто вальс «На сопках Маньчжурии»?!

Хочется придумать для любви не слова, а вздох
малый,

Нежный, как пушок у лебедя под крылом,
А дурни назовут декадентом, пожалуй,
И футуристом — написавший критический том!

Им ли поверить, что в синий,
Синий,

Дымный день у озера, роняя перья, как белые капли,
Лебедь не по-лебязьи твердит о любви лебедине,
А на чужом языке (стрекозы или цапли).

Когда в петлицу облаков вставлена луна чайная,
Как расскажу словами людскими
Про твои поцелуи необычайные
И про твое невозможное имя?!

Вылупляется бабочка июня из зеленого кокона мая,
Через май за полдень любовь не устанет расти,
И вместо прискучившего: «Я люблю тебя, дорогая!» —
Прокричу: «Пинь-пинь-ти-ти-ти!»

Это демон, крестя меня миру на муки,
Человечьему сердцу дал лишь людские слова,
Не поймет даже та, которой губ тяну я руки,
Мое простое: «Дэ-сэ-сэ-фиоррррр-эй-ва!»

Осталось придумывать небывалые созвучья,
Малярною кистью вычерчивать профиль тонкий лица
И душу, хотящую крика, измучить
Невозможностью крикнуть о любви до конца!

Март 1918

46. ИНСТРУМЕНТОВКА ОБРАЗОМ

Эти волосы, пенясь, прибодем, тоскуют,
Затопляя песочные отмели лба,
На котором морщинки, как надпись, риеует,
Словно тростью, рассеянно ваша судьба.

Вам грустить тишиной, набегающей резче,
Истекает по каплям, по пальцам рука.
Синих жилок букет васильками
Трепещет
В этом поле вечернем ржаного виска.

Шестиклассник влюбленными прячет руками
И каракульки букв, назначающих час...
Так готов сохранить я строками
На память,
Как вздох, освященный златоустием глаз.

Вам грустить тишиной... Пожелайте: исплачу
Я за вас этот грустный, истомляющий хруп!
Это жизнь моя бешеной тройкою скачет
Под малиновый звон ваших льющихся губ.

В этой тройке —
Вдвоем. И луна в окна бойко
Натянула, как желтые вожжи, лучи.
Под малиновый звон звонких губ ваших, тройка,
Ошалелая тройка,
Напролом проскачи.

Март 1918

47. СОДЕРЖАНИЕ МИНУС ФОРМА

Для того чтобы быть весеннею птицей,
Мало два крылышка и хвостом вертеть.
Еще надо уметь
Песней разлиться
От леса до радуги впредь.

Вот открою свой рот я багровый пошире,
Песни сами польются в уши раскрытые дней...
Скажите: в какой вы волшебной Кашире
Столько найдете чудесных вещей?!

И сегодня мне весело,
Весело,
Весело,
Я от счастья блаженненько глуп,
Оттого, вероятно, что жизнь мою взвесила
Ты на точных весах твоих губ.

Все мы, поэты, — торгаши и торгуем
Строфою за рубль серебряных глаз,
И для нас
Лишь таким поцелуем
Покупается подлинный час.

Для того чтобы стать настоящим поэтом,
Надо в минуту истратить века
И не верить ребячливо, что станешь скелетом
И что бывает такая тоска,

Что становится сердце дыбом,
А веки весят сто пуд,
И завидуешь допотопным рыбам,
Что они теперь не живут!

...Ах, удрать бы к чертям в Полинезию,
Вставить кольца в ноздрю и плясать
И во славу веселой поэзии
Соловьем о любви хохотать!

Май 1918

48. ПРИНЦИП ПРИМИТИВНОГО ИМАЖИНИЗМА

Всё было неожиданно. До бешенства, вдруг,
Сквозь сумрак, по комнате бережно налитый,
Сказала: «Завтра на юг
Я уезжаю на лето!»

И вот уже вечер громоздящихся мук,
И слезы крупней, чем горошины...
И в вокзал, словно в ящик почтовый разлук,
Еще близкая мне, ты уж брошена!

Отчего же другие, как я не прохвосты,
Не из глыбы, а тоже из сердца и мяс,

Умеют разлучаться с любимыми просто,
Словно будто со слезинкою глаз?!

Отчего ж мое сердце как безлюдная хижина?
А лицо как невыглаженное белье?
Неужели же первым мной с вечностью сближено,
Непостоянство, любовь, твое?!

Изыдаясь в грустях, на хвосте у павлина
Изображаю мечтаний далекий поход
И хрустально-стеклянное вымя графина
Третью ночь сосу напролет...

И ресницы стучат в тишине, как копыта,
По щекам, зеленеющим скукой, как луг,
И душа выкипает, словно чайник, забытый
На спиртовке ровных разлук.

Это небо закатно не моею ли кровью?
Не моей ли слезой полноводится Нил,
Оттого что впервой с настоящей любовью
Я стихам о любви изменил?!

Июль 1918

49. ПРИНЦИП МЕЩАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Жил, как все... Грешил маленько,
Больше плакал... И еще
По вечерам от скуки тренькал
На гитаре кой о чем.

Плавал в строфах плавных сумерек,
Служил обедни, романтический архиерей,
Да пытался глупо в сумме рек
Подсчитать итог морей!

Ну, а в общем,
Коль не ропщем,
Нам поэтам, сутенерам событий, красоты лабазникам,
Профессиональным проказникам,
Живется дни и года
Хоть куда!

Так и я непробудно, не считая потери и
Не копя рубли радости моей,
Подводил в лирической бухгалтерии
Балансы моих великолепных дней!

Вы пришли усмехнуться над моею работой,
Над почтенной скукой моей
И размашистым росчерком поперек всего отчета
Расчеркнулись фамилией своей.

И бумага вскрикнула, и день голубой еще
Кувыркнулся на рельсах телеграфных струн,
А в небе над нами разыгралось побоище
Звезд и солнц, облаков и лун!

Но перо окунули в чернила
Слишком сильно, чтоб хорошо...
Знаю, милая, милая, милая,
Что росчерк окончится кляксой большой.

Вы уйдете, как все... Вы, как все, отойдете,
И в Сахаре мансард мне станет зачем-то темно!
Буду плакать, как встарь... Целовать на отчете
Это отчетливое несохнувшее пятно!

Июль 1918

50. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ОБВИНЯЕМОГО

Не потому, что себя разменял я на сто пяточков
Иль что вместо души обхожусь только кашицей
рубленой, —
В сотый раз я пишу о цвете зрачков
И о ласках мною возлюбленной.

Воспевая Россию и народ, исхудавший в скелет,
На лысину заслужил бы лавровые венки,
Но разве заниматься логарифмами бед
Дело такого, как я, священника?

Говорят, что когда-то заезжий фигляр,
Фокусник уличный, в церковь зайдя освещенную,
Захотел словами жарче угля
Помолиться, упав пред Мадонною.

Но молитвам научен не был шутник,
Он знал только фокусы, знал только арийки,
И пред краюхой иконы поник,
И горячо стал кидать свои шарики.

И этим проворством приученных рук,
Которым смешил он в провинции девочек,
Рассказал невозможную тысячу мук,
Истерзавшую сердце у неуча.

Точно так же и я... Мне до рези в желудке
Противно
Писать, что кружится земля и поет, как комар.
Нет, уж лучше пред вами шариком сердца наивно
Будет молиться влюбленный фигляр.

Август 1918

51. ЭСТРАДНАЯ АРХИТЕКТОНИКА

Мы последние в нашей касте,
И жить нам недолгий срок.
Мы — коробейники счастья,
Кустари задушевных строк!

Скоро вытекут на смену оравы
Не знающих сгустков в крови —
Машинисты железной славы
И ремесленники любви.

И в жизни оставят место
Свободным от машин и основ:
Семь минут для ласки невесты,
Три секунды в день для стихов.

Со стальными, как рельсы, нервами
(Не в хулу говорю, а в лесть!)
От двенадцати до полчаса первого
Будут молиться и есть!

Торопитесь же, девушки, женщины,
Влюбляйтесь в певцов чудес.
Мы пока последние трещины,
Что не залил в мире прогресс!

Мы последние в нашей династии,
Любите же в оставшийся срок
Нас, коробейников счастья,
Кустарей задушевных строк!

Сентябрь 1918

52. СЕРДЦЕ ЧАСТУШКА МОЛИТВ

Я. Блюмкину

Другим надо славы, серебряных ложечек,
Другим стоит много слез, —
А мне бы только любви немножечко,
Да десятка два папирос.

А мне бы только любви вот столечко,
Без истерик, без клятв, без тревог,
Чтоб мог как-то просто какую-то Олечку
Обсосать с головы до ног.

И, право, не надо злополучных бессмертий,
Блестяще разрешаю мировой вопрос, —
Если верю во что — в шерстяные материи,
Если знаю — не больше, чем знал и Христос.

И вот за душою, почти несуразною,
Ширококолейно и как-то в упор
Май идет краснощекий, превесело празднуя
Воробыниую сплетней распертый простор.

Коль о чем я молюсь, так чтоб скромно мне в дым уйти,
Не оставить сирот — ни стихов, ни детей;
А умру — мое тело плечистое вымойте
В сладкой воде фельетонных статей.

Мое имя, попробуйте, в Библию всуньте-ка.
Жил, мол, эдакий комик святой,
И всю жизнь проискал он любви бы полфунтика,
Называя любовью покой.

И смешной, кто у Данта влюбленность наследовал,
Весь грустящий от пят до ушей,
У веселых девчонок по ночам исповедовал
Свое тело за восемь рублей.

На висках у него вместо жилок — по лилии,
Когда плакал — платок был в крови,
Был последним в уже вымиравшей фамилии
Агасферов единой любви.

Но пока я не умер, простудясь у окошечка,
Всё смотря: не пройдет ли по Арбату Христос, —
Мне бы только любви немножечко
Да десятка два папирос.

Октябрь 1918

53. ПРИНЦИП ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

День минус солнце плюс оба
Полюса скрипят проселком веков.
Над нами в небе пам-пам пляшет злоба,
Где аэро качается в гамаке ветров.

Лечь — улицы. Сесть — палисадник.
Вскочить — небоскребы до звезд.
О, горло! Весенний рассадник
Хрипоты и невиданных слез.

О сердце! Какого пророчества
Ты ждешь, чтоб вконец устать
И каждую вещь по имени-отчеству
Вежливо не называть?!

Уткнись в мою душу, не ерзай,
Наседкой страстей не клюхчи
И аппаратиком Морза
По ленте вен не стучи!

Отдираю леса и доски
С памятника завтрашних жить;
Со свистком полицейским, как с соской,
Обмочившись, осень лежит...

Возвращаясь с какого-то пира
Минус разум плюс пули солдат,
Эти нежные весны на крыльях вампира
Пролетают глядеть в никуда.

Ноябрь 1918

54. КООПЕРАТИВЫ ВЕСЕЛЬЯ

Н. Эрдману

Душа разливается в поволжское устье.
Попробуй переплыви!
А здесь работает фабрика грусти
В каждой строке о любви.

А здесь тихой вонью издохшей мыши
Кадят еще и еще,
И даже крутые бедра мачиша
Иссохли, как черт знает что.

А здесь и весна сиротливой обóрванью
Слюнявит водостоки труб,
И женщины мажут машинною ворванью
Перед поцелуем клапаны губ.

А чтоб в этой скучище мелочной
Оправдаться, они говорят,
Что какой-то небесный стрелочник
Всегда и во всем виноват.

Давайте докажем, что родились мы в сорочке,
Мы, поэты, хранители золотого безделья,
Давайте устроимте в каждой строчке
Кооперативы веселья.

В этой жизни, что тащится, как Сахарой верблюдище,
Сквозь какой-то непочатый день,
Мы, даже зная об осени будущей,
Прыгнем сердцем прямо в сирень.

Прыгнем, теряя из глотки улыбки,
Крича громовое: «На!» —
Как прыгает по коричневой скрипке
Вдруг лопнувшая струна.

Январь 1919

55. ПРИНЦИП БАСНИ

А. Кусикову

Закат запыхался, Загнанная лиса.
Луна выплывала воблою вяленой.
А у подъезда стоял рысак:
Лошадь как лошадь. Две белых подпалины.

И ноги уткнуты в стаканы копыт.
Губкою впитывало воздух ухо.
Вдруг стали глаза по-человечьи глупы,
И на землю заплюхало глухо.

И чу! Воробьев канитель и полет
Чириканием в воздухе машется,
И клювами роют теплый помет,
Чтобы зернышки выбрать из кашицы.

И старый угрюмо учил молодежь:
«Эх! Пошла нынче пища не та еще!»
А рысак равнодушно глядел на галдеж,
Над кругляшками вырастающий.

Эй, люди! Двуногие воробы,
Что несутся с чириканьем, с плачами,
Чтоб порываться в моих строках о любви,
Как глядеть мне на вас по-иному?!

Я стою у подъезда придущих веков,
Седока жду отчаяньем нищего
И трубою свой хвост задираю легко,
Чтоб покорно слетались на пищу вы!

Весна 1919

56. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СТАНСЫ

Каждый раз
Несураз-
Ное брякая,
Я в спальню вкатившийся мотосакош.

Плотносложенным дням моя всякая
Фраз-
А
Раз-
Резательный нож!

Я зараз-
Ой дымлюся от крика чуть,
Весь простой, как соитье машин.
Черпаками строчек не выкачать
Выгребную яму моей души.

Я молюсь на червонную даму игорную,
А иконы ношу на слом
И похабную надпись узорную
Обращаю в священный псалом.

Незастегнутый рот как штанов прорешка,
И когда со лба полночи пот звезды,
Башка моя служит ночлежкой
Всем паломникам в Иерусалим ерунды.

И наутро им грозно я в ухо реву,
Что завтра мягчее, чем воск,
И тащу продавать на Сухареву
В рай билет, мои мышцы и мозг.

Вот вы помните: меня вы там встретили,
Так кричал, что ходуном верста:
«Принимаю в починку любовь, добродетели,
Штопаю браки и веру Христа».

И, работу окончив обличительно-тяжкую,
После с людьми по душам бесед,
Сам себе напоминаю бумажку я,
Брошенную в клозет.

Июнь 1919

57. ОДНОХАРАКТЕРНЫЕ ОБРАЗЫ

Спотыкается фитиль керосиновый,
И сугробом навален чад.
Посадить весь мир, как сына бы,
На колени свои и качать!

Шар земной на оси, как на палочке
Жарится шашлык.
За окошком намазаны икрою галочьей
Бутерброд куполов и стволы.

Штопором лунного света точно
Откупорены пробки окон из домов.
Облегченно, как весною чахоточный,
Я мокроту слов
В платок стихов.

Я ищу в мозговой реторте
Ключ от волчка судьбы,
А в ушах площадей мозоли натерли
Длинным воем телеграфа столбы.

Не хромай же, фитиль керосиновый,
Не вались сугробом черным, чад!
Посадить дай мир, как сына бы,
На колени к себе и качать.

Июль 1919

58. ДИНАМАС СТАТИКИ

Б. Эрдману

Стволы стреляют в небо от жары,
И тишина вся в дырках криков птичьих.
У воздуха веснушки мошкары
И робость летних непривычек.

Спит солнечный карась вверху,
Где пруд в кувшинках облаков и непроточно,
И сеет в зерна тени в мху
Шмель — пестрый почтальон цветочный.

Вдали авто сверлит у полдня зуб,
И полдень запрокинулся, неловок...
И мыслей муравьи ползут
По пням вчерашних недомолвок.

Июль 1919

Сокольники

59. ЛИРИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

С. Есенину

Все, кто в люльке Челпанова мысль свою вынянчил!
Кто на бочку земли сумел обручи рельс набить,
За расстегнутым воротом нынче
Волосатую завтру увидь!

Где раньше леса, как зеленые ботики,
Надевала весна и айда —
Там глотки печей в дымной зевоте
Прямо в небо суют города.

И прогресс стрижен бобриком требований
Рукою, где вздуты жилы железнодорожного узла,
Докуривши махорку деревни,
Последний окурок села.

Телескопами счистивши тайну звездной перхоти,
Вожжи солнечных лучей машиной схватив,
В силомере подъемника электричеством кверху
Внук мой гонит, как черточку, лифт.

Сумрак жает трамваи, как огня кукиши,
Хлопают жалюзи магазинов, как ресницы в сто пуд.
Мечет вновь дискобол науки
Граммофонные диски в толпу.

На пальцах проспектов построек заусеницы,
Сжата пальцами плотин, как женская глотка, вода,
И объедают листву суеверий, как гусеницы,
Извиваясь суставами вагонов, поезда.

Церковь бьется правым клиросом
Под напором фабричных гудков.
Никакому хирургу не вырезать
Аппендицит стихов.

Подобрана так или иначе
Каждой истине — сотня ключей.
Но гонококк соловьиный не вылечен
В лунной и мутной моче.

Сгорбилась земля еще пуще
Под асфальтом до самых плеч,
Но поэта, занозу грядущего,
Из мякоти не извлечь.

Вместо сердца — с огромной плешинной,
С глазами холодными, как вода на дне,
Издаваюсь, как молот бешеный
Над раскаленным железом дней.

Я сам в осанне великолепного жара,
Для обеденных столов ломая гробы,
Трублю сиреной строчек, шофер земного шара
И Джек-потрошитель судьбы.

И вдруг, металлический, как машинные яйца,
Смиряюсь, как собака под плеткой тубо, —
Когда дачник, язык мой, шляется
По аллее березовых твоих зубов.

Мир может быть жестче, чем гранит еще,
Но и сквозь пробьется крапива строк вновь,
А из сердца поэта не вытащить
Глупую любовь

Июль 1919

60. ПЕСНЯ ПЕСНЕЙ

Поэма

Борису Эрдману

Соломону — первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней Песней пестро,
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.

От горба Воздвиженки до ладони Пресни
Над костром всебегущих годов,
Орать эту новую Песню Песней
В ухо Москвы, поросшее волосами садов.

Фабричные, упаковщицы, из Киноарса!
Девчонки столиц! Сколько раз вам на спины лечь?
— Где любовник твой? — Он Венеры и Марсы
В пространство, как мировую картель!

Мир беременен твоей красотой,
В ельнике ресниц зрачок — чиж.
На губах помада краснеть зарею,
Китай волос твоих рыж.

Пальцам мелькать — автомобилям на гонке,
Коромыслу плеч петть хруст.
Губами твоими, как гребенкой,
Мне расчесать мою грусть.

Груди твои — купол над цирком
С синих жилок ободком.
В полночи мотоциклетные дырки
И трещины фабричных гудков.

Живота площадь с водостоком пупка посредине.
Сырые туннели подмышек. Глубоко
В твоем имени Демон Бензина
И Тамара Трамвайных Звонков.

Полночь стирать полумрака резинкой
На страницах бульваров прохожих.
От желаний губ пищущая машинка
Чистую рукопись дрожи.

Что трансатлантик речными между,
Ты женщин остальных меж.
Мной и полночью славлена дважды
Шуршащего шепота мышь.

Ты умыть зрачки мои кровью,
Верблюду губ тонуть в Сахаре твоих плечей,
— Я прозрачен атласной любовью
С широкой каймою ночей.

Каждым словом моим унавожены
Поля моих ржаных стихов.
От слов горячих таять мороженому
Отсюда через 10 домов.

Небу глаз в облаках истомы проясниться.
По жизни любовь, как на 5-ый этаж дрова.
Ты прекрасна, моя соучастница,
Прогибавшая вместе кровать.

В сером глаз твоих выжженном пригороде
Электрической лампы зрачок.
Твои губы зарею выгореть
И радугой укуса в мое плечо.

Твои губы — берез аллея,
Два сосца — догоретый конец папирос.
Ты прекрасен, мол твердый шеи,
Под неразберихой волос.

Лица мостовая в веснушках булыжника.
Слава Кузнецкому лица.
Под конвоем любви мне, шаромыжнику,
Кандалами сердца бряцать.

В небе молний ярче и тверже
Разрезательные ножи.
Пульс — колотушка сторожа
По переулку жил.

Пулемет кнопок. Это лиф — ты
От плеч до самых ног.
Словно пение кверху лифта,
За решеткой ресниц зрачок.

Магазинов меньше в пассаже,
Чем ласк в тебе.
Ты дремать в фонарном адажио.
Ты в каждой заснуть трубе.

Как жир с ухи уполовником,
Я платье с тебя на пол.
— Где сегодня твой любовник?
— Он трамваи мыслей в депо.

Сердцу знать свою частушку
Всё одну и ту ж.
Плешь луны к нам на пирушку
Как неожиданный муж.

Твои губы краснее двенадцатника
На моих календаре.
Страсть в ноздрах — ветерок в палисаднике
В передлетнем сентябре.

Весна сугробы ртом солнца лопать,
Чтоб каждый ручей в Дамаск.
Из-за пазухи города полночи копоть
На Брюссели наших ласк.

На улице рта белый ряд домов
Зубов,
И в каждом жильцами нервы.
В твой зрачок — спокойное трюмо —
Я во весь рост первый.

Под коленками кожа нежнее боли,
Как под хвостом поросенка.
На пальцах асфальт мозолей,
И звонка
Луж перепонка.

С ленты розовых поцелуев от счастья ключ,
1—2—3 и открыто.
Мои созвучья —
Для стирки любви корыто.

Фабричные, из терпимости, из конторы!
Где любовник твой?
— Он, одетый в куртку шофера,
Как плевок, шар земной.

В портсигаре губ языка сигарета... Или,
Где машинист твоих снов?
— Он пастух автомобилей,
Плотник крепких слов.

Как гоночный грузовиков между,
Мой любовник мужчин среди.
Мной и полночью восславленный трижды,
Он упрямой любовью сердит.

Его мускулы — толпы улиц;
Стопудовой походкой гвоздь шагов в тротуар.

В небе пожарной каланчою палец,
И в кончиках пальцев угар.

В лба ухабах мыслей пролетки,
Две зажженных цистерны — глаза.
Как медведь в канареечной клетке,
Его голос в Политехнический зал.

Его рта самовар, где уголья —
Золотые пломбы зубов.
На ладони кольца мозолей
От сбиванья для мира гробов.

И румянец икрою кета,
И ресницы коричневых штор.
Его волосы глаже паркета
И Невским проспектом пробор.

Эй, московские женщины! Кто он,
Мой любовник, теперь вам знать!
Без него я, как в обруче клоун,
До утра извертеться в кровать.

Каменное влагалище улиц утром сочтись.
Веснушки солнца мелкий шаг.
— Где любовник? Считать до 1000000 ресницы,
Губы поднимать, как над толпами флаг.

Глаза твои — первопрестольники,
Клещами рук охватить шейный гвоздь.
Руки раскинуть, как просек Сокольников,
Как через реку мост.

Твои волосы — как фейерверк в саду «Гай»,
Груди — как из волн простыней медузы.
Как кием, я небесной радугой
Солнце в глаз твоих лузы.

Прибой улыбок пеной хохота,
О мол рассвета брызгом смех,
И солнце над московским грохотом
Лучей чуть рыжих лисий мех.

Я картоном самым твердым
До неба домики мои.
Как запах бензина за фордом,
За нашей любовью стихи.

Твоих пальцев взлетевшая стая,
Где кольцо — золотой кушак.
В моей жизни, где каждая ночь — запятая,
Ты — восклицательный знак!

Соломону — имажинисту первому,
Обмотавшему образами простое люблю,
Этих строк измочаленных нервы
На шею, как петлю.

Слониха 2 года в утробе слоненка.
После в мир на 200 лет.
В животе мозгов $1/4$ века с пеленок
Я вынашивать этот бред.
И у потомства в барабанной перепонке
Выжечь слишком воскресный след.

«Со святыми упокой» не страшно этим строчкам:
Им в новой Библии первый лист.
Всем песням песней на виске револьверной точкой
Я — последний имажинист.

16 мая 1920

61. СЛЕЗЫ КУЛАК ЗАЖАТЬ

Поэма

Отчаянье проехало под глаза синяком,
И в этой синьке белье щек не вымою.
Даже не знаю, на свете каком
Шарить тебя, любимая!

Как тюрьму, череп судьбы раскрою ли?
Времени крикну: «Свое предсказанье осклабь!»
Неужели страшные пули
В июле
В отданную мне грудь, как рябь?!

Где ты?
Жива ли еще, губокрылая?
В разлуке кольцом горизонта с поэтом
Обручена?
Иль в могилу тело еще неостылое,
Как розовая в черный хлеб ветчина?

Гигантскими качелями строк в синеву
Молитвы наугад возношу...
О тебе какой?
О живой
Иль твоей приснопамятной гибелью,
Бесшабашный шут?!
Иль твоей приснопамятной гибелью,
Ненужной и жуткой такой,
Ты внесешься в новую библию
Великомученицей и святой;
А мне?.. Ужасом стены щек моих выбелю.

Лохмотья призраков становятся явью.
Стены до крови пробиваю башкой.
Рубанком языка молитвы выстругав,
Сотни строк написал я за здравье,
Сотни лучших за упокой.

Любимая! Как же? Где сил, чтобы вынести
Этих дней полосатый кнут?
Наконец, и мой череп не дом же терпимости,
Куда всякие мысли прут.

Вечер верстами меряет згу.
Не могу.
От скрипа ломаются зубы.
Не могу.
От истерик шатается грудь.
Неужели по улицам выпрашивать губы,
Как мальчишка окуроч просит курнуть.

Солнце рыжее, пегое
По комнате бегаёт
Босиком.
Пустотою заскорузлое сердце вымою.
Люди! Не знаю: на свете каком
Неводом веры поймаю любимую.

О нас: о любимой плюс поэте
Даже воробьи свистят.
Обокрали лишь двух мы на свете,
Но эти
Пропажу простят.

На одну
Чашку все революции мира,
На другую мою любовь и к ней
Луну,
Как медную гирию,
И другая тяжелей!

Рвота пушек. По щекам равнин веснушками конница.
Шар земной у новых ключей.
А я прогрызаю зубами бессонницы
Густое тесто ночей.

Кошки восстаний рыжим брюхом в воздухе
И ловко на лапы четырех сел.
Но, как я, мечтал лишь об отдыхе
В Иерусалим Христа ввозивший осел.

Любимая!
Слышу: далеко винтовка —
Выключатель счастья — икнет...
Это, быть может, кто-то неловко
Лицо твое — блюдо весны —
Разобьет.

Что же дальше? Любимая!
Для полной весны
Нужно солнце, нагнувшее вью,
Канитель воробьев и смола из сосны
Да глаза твои, сплошь голубые.
Значит: больше не будет весны?

Мир присел от натуги на корточки
И тянет луну на луче, как
Бурлак.
Раскрываю я глаз моих форточки,
Чтобы в черепа бегал сквозняк.

Счастья в мире настанет так много!..
Я ж лишен
И стихов, и любви.
Судьба, словно слон,
Подняла свою ногу
Надо мною. Ну, что же? Дави!

Что сулят? —
В обетованную землю выезд?
Говорят:
«Сегодняшний день вокзал».
Слон, дави! Может, кровь моя выест,
Словно серная капля, у мира глаза.

В простоквашу сгущая туманы,
На оселке
Моих строк точу топор.
Сколько раз в уголке
Я зализывал раны!
Люди! Не жаловался до сих пор.

А теперь города повзьерошу я,
Не отличишь проселка от Невского!
Каждый день превращу я в хорошую
Страницу из Достоевского!

Череп шара земного вымою
И по кегельбану мира его легко
Моя рука.
А пока
Даже не знаю, на свете каком
Шарить тебя, любимая?!

Судьба огрызнулась. Подол ее выпачкан
Твоим криком предсмертным... О ком?
А душа не умеет на цыпочках,
Так и топает сапогом.

Небо трауром туч я закрою.
Как кукушка, гром закудахчет в простор.
На меня свой мутный зрачок с ханжой
Графин, как циклоп, упер.

Умереть?
Не умею. Ведь
Остановка сердца отменяется...
Одиночество, как лапу медведь,
Сосет меня ночью и не наедается.

Любимая! Умерла! Глаза, как конвой,
Озираются: Куда? Направо? Прямо?
Любимая!

Как же! А стихам каково
Без мамы?
С 917-го года
В обмен на золото кудрей твоих
Все стихи тебе я отдал...
Ты смертью возвращаешь их.

Не надо! Не надо! Куда мне?!
Не смею
Твоим именем окропить тишину.
Со стихами, как с камнем
На шее,
Я в мире иду ко дну.

С душою растерзанной рытвин Галии
Остывшую миску сердца голодным несу я.
Не смею за тебя даже молиться,
Помню: Имени моего всеуе...
Помню: сколько раз с усопшей моею
Выступал на крестовый поход любви.
Ах, знаю, что кровь из груди была не краснее,
Не краснее,
Чем губы твои.

Знаю: пули,
Что пели от боли
В июле:
Фюит... фюит...
Вы не знали: в ее ли,
В мою ли
Вжалились грудь.

Мир. Бреди наугад и пой.
Шагай, пока не устанут ноги!
Нам сегодня, кровавый, с тобой
Не по дороге!!!

Из Евангеля вырвал я начисто
О милосерды страницы и в згу —
На черта ли эти чудачества,
Если выполнить их не могу.

Какие-то глотки святых возвещали:
«В начале было слово...» — Ненужная весть!
Я не знаю, что было в начале,
Но в конце — только мечь!

Душа обнищала... Душа босиком.
Мимо рыб молчаливых
И болтливых
Людей мимо я...
Знаю теперь: на свете каком
Неводом нежности поймаю любимую!

Эти строки с одышкой допишет рука,
Отдохнут занывшие плечи. —
И да будет обоим земля нам легка,
Как легка была первая встреча.

25 августа 1919

62. АНГЕЛ КАТАСТРОФ

Истинно говорю вам: года такого не будет!..
Сломлен каменный тополь колокольни святой.
Слышите: гул под землею? Это в гробе российский прадед
Потрясает изгнившей палицей своих костей.

Жизнь бродила старухой знакомой,
Мы играли ее клюкой.
Я луну посвящал любимой,
Приручал я солнце ей.

И веселое солнце — ромашкой,
Лепестки ее — наземь лучи.
Как страницы волшебной книжки,
Я листал этот шепот ночей.

Я транжирил ночи и песни,
Мотовство поцелуев и слез,
И за той, что была всех прекрасней,
Словно пес, устремлялся мой глаз.

Как тигренок свирепый, но близкий,
За прутьями ресниц — любовь.
Я радугу, как рыцарь подвязку,
Любимой надевал на рукав.

Было тихо — и это не плохо,
Было скучно мне, но между тем
Оборвать если крылья у мухи,
Так и то уж гудело, как гром.

А теперь только ярмарка стона,
Как занозы к нам в уши «пли»,
Тихой кажется жизнь капитана,
Что смываем волной с корабля.

Счастлив кажется турок, что на кол
Был посажен султаном. Сидел
Бы всю жизнь на колу да охал,
Но никто никуда бы не гнал.

Казначейство звезд и химеры...
Дурацкий колпак — небосклон,
И осень стреляет в заборы
Красною дробью рябин.

Красный кашель грозы звериной,
И о Боге мяучит кот.
Как свечка в постав пред иконой,
К стенке поставлен поэт.

На кладбищах кресты, это вехи
Заблудившимся в истинах нам.
Выщипывает рука голодухи
С подбородка Поволжья село за селом.

Все мы стали волосатей и проще
И всё время бредем с похорон.
Красная роза всё чаще
Цветет у виска россиян.

Пчелка свинцовая жалит
Чаще сегодня, чем встарь.
Ничего. Жернов сердца всё перемелет,
Если сердце из камня теперь.

Шел молиться тебе я, разум,
Подошел, а уж ты побежден.
Не хотели ль мы быть паровозом
Всех народов, племен и стран?

Не хотели ль быть локомотивом,
Чтоб вагоны Париж и Берлин?
Оступились мы, видно, словом,
Поперхнулись теперь под уклон.

Машинист неповинен. Колеса
В быстроте завертелись с ума.
Что? Славянская робкая раса?
Иль упорство виновно само?

О, великое наше холопство!
О, души мелкокорслой галдеж!
Мы бормочем теперь непотребство,
Возжелав произнестъ «Отче наш».

Лишь мигают ресницами спицы,
Лишь одно нам: на дно, на дно!
Разломаться тебе, не распеться
Обручальною песней, страна!

Над душой моей переселенца
Проплывает, скривясь, прозвенев
Бубенцом дурацким солнца,
Черный ангел катастроф!

25 сентября 1921

63. ИТАК ИТОГ

Бесцельно целый день жевать
Ногами плитку тротуара,
Блоху улыбки уловить
Во встречном взоре кавалера.

Следить мне, как ноябрь-паук
В ветвях плетет тенета снега,
И знать, что полночью в кабак
Дневная тыкнется дорога.

Под крышным черепом — ой, ой! —
Тоска бредет во всех квартирах,
И знать, что у виска скорей
Чем через год запахнет порох.

Итак, итог: ходячий труп
Со стихотворною вязанкой!
Что ж смотришь, солнечный циклоп,
Небесная голубозвонка!

О солнце, кегельбанный шар!
Владыка твой, нацелься в злобе
И кегли дней моих в упор
Вращающимся солнцем выбей.

Но он не хочет выбивать,
И понял я, как все усталый:
Не то что жить, а умереть —
И то так скучно и постыло!

22 ноября 1922

64. ЧТО ТАКОЕ ИТАЛИЯ?

Другим это странно: влюблен и грусть!
Помнит о смерти, как о свиданье!
Я же знаю, что гробом беременна страсть,
Что сам я двадцатого века виденье!

Другим это ясно: влюблен — хохочи!
Как на медведя, на грусть в дреколья!
Как страус уткнувшись любимой в плечо,
Наивно мечтай об Италии.

Что такое Италия? Поголубее небо
Да немножко побольше любви.
Мне ж объятья твои прохладнее гроба,
А губы мои — как могильный червяк.

Так просто выдавить слова,
Как кровь из незасохшей раны.
Землетрясение в голове,
Но мысли строже, чем икона.

Землетрясение в голове.
И лавой льются ваши губы.
Вам 20 лет, и этим вы правы,
А мне всего один до гроба.

28 ноября 1922

65. НОЧЬ СЛЕЗОПРОЛИТИЙ

Нет! Этот вечер лишний, как другой!
Тоска, как нянька, спать меня уложит,
И взглядом распечатанный трамвай
Небрежный профиль твой не обнаружит.

Испытывай железом и огнем,
Но не пытай предсказанной разлукой.
Уже не долго мне таскать по дням
За пазухой согревшиеся строки.

Собаке можно подавиться костью,
Поэт ли давится ломтем любви,
Во имя слов: Восторг! — Любовь! и — Счастье! —
Забыв иные, худшие слова.

Да, ты вольна в июль велеть морозу,
А в декабре жасминами блеснуть!
Всё, что дала, вольна отнять ты сразу,
Но по частям не властна отнимать!

За вечер кашля, ночь слезопротий,
За этот стыд еще не знанных мук
По мрачной территории проклятий
Скакал, как конь без седока, язык.

Впервые полюс человечьей скуки
Я — капитан страстей — открыл сквозь крик,
И пусть на нем колышут эти строки
В честь уходящей, как победный флаг!

1 января 1923

66. ЖЕРНОВА ЛЮБВИ

Серые зерна молотим и бьем
Тяжелой и пыльною палкой,
В печке нечищенной пламенем томим,
Чтоб насытиться белою булкой.

Грязную тряпку на ключья и в чан
Рычагам на потеху, — и что же?
Выползает из брюха проворных машин
Белоснежной бумагой наружу.

Так мне нужно пройти через зубья судьбы
И в крапиве ожгучей разуться,
Чтобы вновь обеленным увидеть тебя
И чтоб нежным тебе показаться.

6 июля 1923

67. ВЫВОДОК ОБИД

Круги всё уже, всё короче
Вычерчивает в синеве
Твой ястреб страшных безразличий
Над кроткой горлицей любви.

Напрасно биться и бороться,
Себя любимым возомня,
И в чаще страсти не укрыться
От клюва равнодуший мне.

Вниз кинешься ты комом жутко,
И комья к горлу подойдут.
Лишь память клохчет, как наседка,
Скликая выводок обид.

7 июля 1923

68. АРЕНДА У ЛЕГЕНД

Сдержавши приступ пушечного хрипа,
Мы ждем на разветвление двух веков,
Окно, пробитое Петром в Европу,
Кронштадтской крепкой ставнею закрыв.

В повстанческих ухабах, слишком тряских,
Немало месяцев сломали мы.
Вот ключьями разорванной записки
Окрест лежат побитые дома.

Как ребра недругу считают в драке,
Так годы мы считали и не счесть.
Чтоб мы слюной не изошли во крике,
Заткнута тряпкой окрика нам пасть.

Нам до сих пор еще не дали воли,
Как пить коням вспотевшим не дают.
Но нет! Мы у легенд арендовали
Не зря упорство, холод, недоед.

Истрачен и издерган герб наш орлий
На перья канцелярских хмурых душ,
Но мы бинтуем кровельною марлей
Разодранные раны дырких крыш.

Наш лозунг бумерангом в Запад брошен,
Свистит в три пальца он на целый свет.
Мы с черноземных скул небритых пашен
Стираем крупный урожай, как пот.

И мы вожжами телеграфа хлещем
Бока пюссе, бегущего в галоп,
Чтоб время обогнать по диким пушчам,
Покрывшись пеною цветущих лип.

Мы чиним рельсов ржавые прорехи,
Спринцуем электричеством село, —
Так обмывают дочери старуху,
Чтоб чистою на Страшный суд дошла.

12 июля 1923

69. СЛАВА ПОРАЖЕНЬЯ

Свободе мы несем дары и благовонья,
Победой кормим мы грядущую молву,
И мило нам валов огромных бушевань
Победе песни, но для пораженья
Презрительно мы скупы на слова.

Татарский хан
Русь некогда схватил в охапку,
Гарцуя гривую знамен, —
Но через век засосан был он топкой
Российскою покорностью долин.

А ставленник судьбы, Наполеон,
Сохою войн вспахавший время оно, —
Ведь заморозили посев кремлевские буруны,
Из всех посеянных семян
Одно взошло: гранит Святой Елены.

Валам судьба рассыпаться в дрожанье,
С одышкой добежать к пустынным берегам
И гибнуть с пеной слез дано другим.
Победы нет! И горечь поражения
Победой лицемерно мы зовем.

15 июля 1923

70. БЕЛЫЙ ОТ ЛУНЫ, ВЕРОЯТНО

Жизнь мою я сживаю со света,
Чтоб, как пса, мою скуку прогнать.
Надоело быть только поэтом,
Я хочу и бездельником стать.

Видно, мало трепал по задворкам,
Как шарманку, стиховники мук.
Научился я слишком быть зорким,
А хочу, чтоб я был близорук.

Нынче стал я как будто из гипса,
Так спокоен и так одинок.
Кто о счастье хоть раз да ушибся,
Не забудет тот кровоподтек.

Да, свинчу я железом суставы,
Стану крепок, отчаян, здоров,
Чтобы вырваться мог за заставу
Мной самим же построенных слов!

Пусть в ушах натирают мозоли
Песни звонких безвестных пичуг.

Если встречу проезжего в поле,
Пусть в глазах отразится испуг.

Буду сам петь про радостный жребий
В унисон с моим эхом от гор,
Пусть и солнце привстанет на небе,
Чтоб с восторгом послушать мой ор.

Набекрень с глупым сердцем, при этом
С револьвером, приросшим к руке,
Я мой перстень с твоим портретом
За бутылку продам в кабаке.

И, в стакан свой уткнувши морду —
От луны, вероятно, бел! —
Закричу оглушительно гордо,
Что любил я сильней, чем умел.

15 октября 1925

71. НА СОЛЕНОМ ЖАРГОНЕ

Эй, худые, иссохшие скалы
И прибор, что упрям и жесток!
В ночь — в оврагах, как дети, шакалы!
Днем — медузы, из студня цветов!

Там в зените застывшая птица,
Выше воздуха, выше, чем взор!
О Сухум, о Кавказская Ницца,
Прямо в море скатившийся с гор.

Ослепленно белеет по склонам
Через зной снеговая ступень.
Море шепчет соленым жаргоном
Про прибрежную, южную лень.

Словно медленный буйвол по небу,
Солнце едет, скрипя, на закат.
О Абхазия горная, требуй
В свою честь у поэтов баллад.

Руки солнца ожогами снимут
По лохмотьям всю кожу с меня.
Опалительный, ласковый климат!
Долго будешь ты сниться, маня.

Возле пены лежать без раздумий,
Солнце прямо в охапку ловить...
Как прекрасно в палящем Сухуме,
Здоровея и крепня, любить!

15 октября 1925

72. ЖИВУЩИХ БЕЗ ОГЛЯДКИ

Одни волнуются и празднуют победу
И совершают праздник дележа;
Другие, страхом оплативши беды,
Газеты скалят из-за рубежа.

Мне жаль и тех, кто после долгой жажды
Пьет залпом всё величие страны.
Настанет день, и победитель каждый
В стремнину рухнется со страшной крутизны.

Мне жаль и тех, кто в злобном отдаленье,
Пропитанные желчью долгих лет,
Мечтают жалкие отрепья поражения
Сменить на ризы пышные побед.

Видали ль вы, как путник, пылью серый,
Бредя ущельем, узрит с двух сторон
Зрачок предчувствующей кровь пантеры
И мертвечиной пахнувший гиены стон?

Они рычат и прыгают по скалам,
Хотят друг друга от ущелья отогнать,
Чтоб в одиночестве белеющим оскалом
Свою добычу в клочья истерзать.

И путешественник, в спасение не веря,
Внимает с ужасом и жметя под гранит.
Он знает, для чего грызутся звери,
И всё равно ему, который победит.

Мне жальче путников, живущих без оглядки,
Не победителей, не изгнанных из стран:
Они не выпили и мед победы сладкий,
И горький уксус не целил им ран.

18 октября 1925

73. ПРИ КАЖДОЙ ОБИДЕ

Я не так уж молод, чтоб не видеть,
Как подглядывает смерть через плечо,
И при каждой новой я обиде
Думаю, что мало будет их еще!

Вытирает старость, как резинкой,
Волосы на всеползущем кверху лбе,
И теперь уж слушать не в новинку,
Как поет мне ветер ночной в трубе.

Жизнь, мой самый лучший друг, с тобою
Очень скучно коротали мы денек.
Может быть, я сам не много стоил,
А быть может, жизнь, ты — тоже пустячок.

Так! Но я печалиться не стану,
Жизнь проста, а смерть еще куда простей.
В сутки мир свою залечит рану,
Нанесенную кончиною моей.

Оттого живу, не помышляя,
А жую и жаркий воздух, и мороз,
Что была легка тропа земная
И тайком ничто из мира не унес.

Жил я просто; чем другие, проще,
Хоть была так черноземна голова.
Так я рос, как в каждой нашей роце
Схоже с другом вырастают дерева.

Лишь тянулся я до звезд хваленых,
Лишь глазам своим велел весной цвести
Да в ветвях моих стихов зеленых
Позволял пичугам малым дух перевести.

Оттого при каждой я обиде
Огорчаюсь вплоть до брани кабака,
Что не так уж молод, чтоб не видеть,
Как подходит смерть ко мне исподтишка.

1 января 1926

74. БРОДЯГА СТРАСТЕЙ

Блаженное благоденствие детства из памяти заимствуя,
Язык распояшу, чудной говорун.
Величественно исповедаю потомству я
Знаменитую летопись ран.

Захлебнулась в луже последняя весна,
И луна с соловьем уж разлучны.
Недаром, недаром смочены даже во сне
Ломти щек рассолом огуречным.

Много было, кто вспыхнул, как простой уголек,
В мерцавшей любовью теплыни постели.
Из раковин губ выползал, как улитка, язык,
Даже губы мозолисты стали.

На кресте женских тел бывый часто распят,
Ни с одного в небо я не вознесся.
Растреножен в лугах пролетевших лет,
Разбежался табун куролесий.

Только помню перешейки чуть дрогнувшей талии,
Только сумрак, как молнией пронизав наготой,
В брызгах белья плыл, смеясь, как Офелия,
На волне живота и на гребне груди.

Клумбы губ с лепестками слишком жалких улыбок,
Просеки стройно упавших подруг.
Как корабль в непогоду, кренились мы набок,
Подходили, как тигр, расходились, как рак.

Изгородь рук, рвущих тело ногтями,
В туннелях ушей тяжкий стон, зов и бред!
Ваше я позабыл безымянное имя,
К вам склонялся в постель я, как на эшафот.

Бился в бубен грудей кистью губ сгоряча.
Помяните ж в грехах и меня, ротозея!
Я не в шутку скатился у мира в ночи
Со щеки полушария черной слезою.

Я, вдовец безутешный юности голубой,
Счастье с полу подберу ли крошками?!
Пальцы стаей летят на корм голубей,
Губы бредят и бродят насмешками.

Простыни обнаживши, как бельма,
Смотрит мир, невозможно лукав.
Жизнь мелькает и рвется, как фильма
Жизней кровавленных женских языков.

Будет в страхе бежать даже самый ленивый,
И безногий и тот бы бежал да бежал!
Что кровавые мальчики в глазах Годунова
Рядом с этой вязанкой забываемых тел.

В этой дикой лавине белья и бесстыдства,
В этом оползне вымя переросших грудей
Схоронил навсегда ли святое юродство,
Оборванец страстей, захмелевший звездой.

Скалы губ не омоет прибоем зубов
Даже страшная буря смеха.
Коронованный славой людских забав,
Прячусь солнцем за облако вздоха.

Мир, ты мной безнадежно прощен,
И, как ты, наизусть погибающий,
Я выигрываю ценою моих морщин,
Словно Пирр, строчек побоище.

Иступлен разгулом тяжелым моим,
Как Нерон, я по бархату ночи
В строках, населенных страданьем поэм,
Зажигаю пожары созвучий.

Растрянжирил по мелочи буйную плоть
Я с еще не слыханным гиком.
Что же есть, что еще не успел промотать,
Пробежав по земле кое-как?!

Не хотел умереть я богатым, как Крез.
Нынче, кажется, всё раздарено!
Кчёмно ль жить, если тело — всевидящий глаз,
От ушей и до пят растопыренный!

Скверный мир, в заунывной твоей простоте
Исшагал я тебя, верно, трижды!
О как скучно, что цену могу я найти
В преискуранте ошибке каждой.

Ах, кому же, кому передать мои козыри?
Завещать их друзьям, но каким?
Я куда, во сто крат, несчастливее Цезаря,
Ибо Брут мой — мой собственный ум.

Я ль тебя не топил, человеческий,
С головой потерять я хотел.
В море пьянства на лодке выезжая полночью,
Сколько раз я за борт разум толкал.

Выплывает, проклятый, и по водке бредет,
Как за лодкой Христос непрошенный,
Каждый день пухнет он ровно во сто крат
От истины каждой подслушанной.

Бреду в бреду; как за Фаустом встарь,
За мной черным пуделем гонится,
В какой ни удрать от него монастырь,
Он как нитка в иголку вденется.

Сколько раз я пытался мечтать головой,
Думать сердцем, и что же? Немедля
Разум кваканьем глушит твой восторг, соловей,
И с издевкою треплется подле.

Как у каторжника на спине бубновый туз,
Как печаль луны на любовной дремоте,
Как в снежном рту января мороз, —
Так твое мне, разум, проклятье!

В правоту закованный книгами весь,
Это ты запрещаешь поверить иконам.
Я с отчаяньем вижу мир весь насквозь
Моим разумом, словно рентгеном.

Не ты ли сушишь каждый год,
Что можно молодостью вымыть?
Не ты ли полный шприц цитат
И чисел впрыскиваешь в память?

Не ты ли запрещаешь петь
На севере о пальме южной?
Не ты ли указуешь путь
Мне верный и всегда ненужный?

Твердишь, что Пасха раз в году,
Что к будущему нет возврата,
С тобою жизнь — задачник, где
Давно подобраны ответы!

Как гусенице лист глодать,
Ты объедаешь суеверья!
Ты запрещаешь заболеть
Мне, старику, детишной корью.

На черта влез в меня, мой ум?
Прогнать тебя ударом по лбу!
Я встречному тебя отдам,
Но встречный свой мне ум отдал бы!

Не могу, не могу! И кричу я от злости;
Как булыжником улица, я несчастьем мощен!
Я, должно быть, последний в человеческой династии,
Будет следующий из породы машин.

Сам себя бы унес, хохоча, на погост,
Закопал бы в могиле себя исполинской.
Знаю: пробкой из насыпи выскочит крест,
Жизнь польется рекою шампанской.

Разум, разум! Почто наказуешь меня?!
Агасфер — тот бродил века лишь!
Тетивой натянул ты крученые дни
И в тоску мной, о разум мой, целишь.

Теневой стороной пробираюсь, грустя, по годинам.
Задувает ветер тонкие свечи роз.
Русь! Повесь ты меня колдовским талисманом
На белой шее твоих берез.

1926

Нет слов короче, чем в стихах,
 Вот почему стихи и вечны.
 И нет священнее греха,
 Чем право полюбить беспечно.

Ах, мимолетно всё в веках:
 И шаг чугунный полководца,
 И стыд побед, и мощный страх, —
 Лишь бред сердец навеки льется!

Вот оттого, сквозь трудный бой,
 Я помню, тленом окруженный:
 Пусть небо раем голубо,
 Но голубей глаза влюбленной!

Пусть кровь красна, любовь — красней,
 Линяло-бледны рядом с ней
 И пурпур слав, и нож убийцы,
 И даже ночь, что годы длится.

Податливей, чем воск, гранит,
 Писк комара — земли визжанье!
 Все шумы мира заглушит
 Вздох робкий первого признанья!

Вот потому и длится век,
 Любовь, чья жизнь — лишь пепел ночи,
 И повторяет человек
 Слова любви — стихов короче!

1930

Ой, какой я старый! Хуже спится,
 Сердце бьется с каждым днем странней.
 Очень быстро пролетают птицы,
 Но проходят дни еще быстрее.

С каждым часом мне всё меньше нужно,
 Я, как деву, возлюбил покой
 И противен сам себе, недужный,
 Только мудростью своей больной.

Милый друг! Твое ко мне участие,
Может быть, наивно воспою.
Знаю я, и раньше брали счастье
Или гибли в роковом бою.

Нынче нет ни рокового боя,
Нет и счастья, взятого в упор,
Да, сказать по правде, и не стою,
Чтоб победно мне войти в шатер.

Я не тот, не мощный, не вчерашний,
И, как меч, мне не поднять мой стих.
Ой, какой я старый, даже страшно,
Как я вылинял и как утих!

Милая подруга! Мне не спится!
Жизнь! Ты сердце мне окамени!
Очень быстро пролетают птицы,
Но еще быстрее промчались дни.

14 сентября 1931

77. ПРОЩАЙ

Ты изменила, как жена,
Ну что ж, язвы, хули, злорадствуй,
О нищая моя страна
Неисчислимого богатства!

Ты хорошеешь с каждым днем,
Таким соленным и жестоким.
Мы, очарованные, пьем
Заздравье годам краснощеким.

Ты позабыла навсегда,
Ты накрепко, страна, забыла
Всклопоченные те года,
Когда меня ты так любила!

О, та ли ты? Иль я не тот?
Но ясно после расставанья,
Что говор твой не так поет,
Как горькое мое молчанье...

Прими ж последнее прости,
Спеша, смеясь и не краснея,
Но урну с пеплом помести
Ты в залу лучшего музея.

Ведь не совсем уж всё мертво
В твоей душе, неволью братской.
Я был любовник верный твой,
И трогательный, и дурацкий!

14 сентября 1931

78. РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Он верный друг!
В. Брюсов

Там, на вершине скал отвесных,
Откуда смертным схода нет,
Ты шепчешь много слов чудесных,
Безвольный требуя ответ.

На рельсах железнодорожных
Зовя под встречный паровоз,
Ты манишь их, неосторожных,
Чтоб головой под треск колес.

Всем, кто взыскует тщетно хлеба,
Как ведом в глубине ночей
Твой синий плащ, что шире неба,
Твой голос, вскриков всех страстней!

В часы, когда окрест всё тише,
Лишь в сердце отзвук мрачных строф,
И я не раз твой голос слышал,
О черный ангел катастроф.

Пока в безумстве жизни жаждал
И счастья требовал еще,
Уже успел коснуться дважды
Моих избранниц ты плащом.

И вот теперь я в третий вижу,
Вернее, чувствую вблизи,

Что тот, кого я ненавижу,
Опять плащом пресиним движет
И вновь вниманьем мне грозит.

Сгинь, пропади, здесь место свято!
Кричу и бормочу одно:
«Иль нет тебя вблизи, проклятый,
Иль прибыл ты теперь за мной».

6 июля 1932

79. ВЕЧЕР ЖИЗНИ

Поля нелюбящей страны,
Нелюбящей, но столь любимой!
Молю отныне тишины,
Как раньше жаждал порох дыма!

Уже для драки рукава
Не засучу я при обиде.
Все стали взрослыми слова,
Ребятами которых видел.

Сколь равномерен крови шаг,
Не осуждаю подлость строго!
Забыл я трудно слово «враг»,
«Друзья» забыл я легче много!

Любовь, и слава, и палаццо —
Ничто не может привлекать.
Не нужно право ошибаться,
Чтобы ошибки исправлять.

Я ночи сплю и спозаранья
Улыбкой встречу солнца свет
И презираю вспоминанья
О буйстве незрелых лет.

И в холод ледяной строки
Как прежде не ворвется оклик.
И все волненья далеки,
Как в перевернутом бинокле.

23 августа 1932

Весна визжит сквозь стекла звонко,
Щекочет старый снег лучом,
И сердце мчится вперегонку
С наивным уличным лучом.

В такие дни постыдно жалки
Истрепанные звуки слов,
И только солнце и фиалки
Тебе я посвятить готов.

Не оттого ль, весну встречая,
Ее не встретил я ни раз,
Что никогда в эпоху мая
Твоих вблизи не видел глаз.

Да, ты возникла небылицей,
Какой не ведал человек,
На голос твой стремятся птицы
И рыбы плещутся из рек.

Твоей походкой вековые
Плывут просторы в небесах.
И шорох имени Марии
Лепечет ветер на углах.

Ты кудри скрала у валькирий,
Иль обронил их аргонавт?
Пусть мы ошибка в этом мире,
Но есть ошибки лучше правд.

И легкомыслие порою
Так мудро пишет нам счета,
Что мы оправданы весною,
Когда рассудок — нищета!

19 марта 1933

От самых древних поколений
Я суеверно сохранил:
«Любовь не знает сожалений,
И кто жалел, тот не любил».

Любовь, ты палачей жесточе
И во сто крат злей бытия.
И ветер резче в эти ночи,
Чем взмах крылами воронья!

Над каждым первым поцелуем
Последний ладан панихид.
И оттого мы так ревнуем,
Но терпим бешенство обид.

Сжимая пистолет заране,
Влюбленный, в свой черед поймешь,
Что сладостный огонь желаний
Порой на ненависть похож.

Любовь! Твой чуден плащ над миром,
Но плащ твой с выпушкою бед.
Твой страшный глаз глядит сапфиром,
Но в нем ясней рубинный след.

И всё ж пленять не перестанешь,
Любовь последняя моя,
И ты убьешь, но не обманешь
Певучий почерк соловья.

23 марта 1933

82

Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст...

А. Пушкин

Смотри: по крышам, шаг ломая,
Ночь бегло прячется пред днем.
О, сколько ветра, сколько мая
В желанном шепоте твоём!

Между возможным и химерой
Нет силы проложить между,
Но как в неслыханную веру
В твою любовь перехожу.

И громко радуюсь при этом,
Твердя в жасминовых стихах,
Что ты, весна, зимой и летом
Владычествуешь впопыхах!

И грозной путаешь морокой
Намеченных судеб русло,
И сердце стало синеоко
Всей анатомии назло.

О, пусть в грядущих поколениях
Меня посмеют упрекать,
Что в столь чудесных сновиденьях
Я жизнь свою сумел проспать,

Что не умел шептать я тише,
Чем половодие в крови,
Что лучшее четверостишье
Ничтожнее, чем миг любви.

И сердце поступью недюжной
Обязано установить:
«Всё незначительное нужно,
Чтобы значительному быть!»

30 июля 1933

83. А. Н. А.

С восторгом розовых детей,
Раскрыв широкие ресницы,
Мы перелистываем дней
Неповторимые страницы.

И в урне мозга бережем
Меж мыслей, часто беззаботных,
Мы также пепел наших жен,
Как и красавиц мимолетных.

Стремясь сквозь зной и сквозь буран,
Назло противореча нервам,
Приемлем натиск страшных ран
За право быть недолго первым.

И, вставши в первые ряды
И даже подчеркнувши это,
С утра деремся до звезды
И пьем победу до рассвета.

Но в победительной войне
Не сможешь, воин, — это ведай! —
Ты отуманиться вполне
Неомраченною победой.

Зашепчут тайны ран бывших,
Кровоподтеки всхлипнут болью,
И память зло растравит их
Какой-то ядовитой солью.

Вести мы можем тщетно речь,
Что всё пройдет, как юность,
Мимо,
Но в сердце суждено сберечь
Слова обиды нерушимо!

26 мая 1934

84—85. ПЕРВЫЙ СРЕДИ ПОСЛЕДНИХ

И Стеньке показалось, что уже
стоит перед ним палач и что сам
он уже на лобном возвышении...
Он очнулся... Была тихая ночь.

Ровунский. Стенька Разин

1

В былые дни, когда на плаху
Взводил преступника палач,
То лиходей, доверясь страху,
Нес покаяние сквозь плач.

И передгробовая повесть
Дымилась правдою остро.
Мне суд один — моя же совесть,
И мой палач — мое перо!

Я сам тропую однобокой
Побрел, прищурясь, меж трясин.

Был самодержцем в топком роке,
Себе был поводырь один.
Так слушай, современник, строки
Клятвопреступника годин!

Я, жизнь принявши за невежду,
Пытался лгать ее глазам,
И вот я оказался между,
Точнее: и ни здесь, ни там!

Отстав от весен на мгновенье,
Поддавшись шипу темноты,
Не жал я руку вдохновенью,
И, стыдно пряча дерзновенье,
Блуждал я пародийной тенью
И не был с нашим днем на ты.

Подобен восковым старухам,
Что вечности обречены,
Служил проводником я слухам
И не приник врачевным ухом
К груди страдающей страны.

Мы нити Парок сами режем,
Стремясь под гробовой настил.
Возможность стать под старость свежим
Я безнадежно упустил.

Ну что ж, палач, верши расправу!
Готов чернила я пролить
И этой книгой оплатить
Мое сомнительное право
Среди последних первым быть!

15 июня 1934

2

Проспал почти семнадцать лет
По воле лени и инерций,
И лишь шептал какой-то бред,
Да билось по привычке сердце.

С душой бродившей налегке,
С глазами, что от сна намокли,

Я видел жизнь лишь вдалеке,
Как в перевернутом бинокле.

И не заметил, дармоед,
Немой, недвижимый и незрячий,
Однофамилицу побед,
Окрашенную в цвет удачи.

Меж тем давно заменены
Под подозрительные стоны
Соломенные дни страны
Годами стали и бетона.

Меж тем все топоры стучат,
Как шаг тяжелый великана,
Бредущего не наугад,
А по шоссеиной глади плана.

Я спал в бреду, пока гроза
Считала зимы, весны, лета...
И вот вскочил, открыв глаза
Когда-то зоркого поэта.

И, огорошенный с утра,
Я заспанные тру ресницы
И чувствую: давно пора
Студеной жизнью мне умыться!

И истина яснее мне,
Досель не слыханная в мире,
Не объяснимая вполне,
Как будто дважды два четыре!

17 июня 1934

Сергей Александрович Есенин (родился 21 сентября 1895 г. в с. Константинове Кузьминской волости Рязанской губернии; скончался с собой в ночь с 27 на 28 декабря 1925 г. в Ленинграде) был вместе с В. Шершеневичем и А. Мариенгофом основателем и одним из наиболее деятельных участников имажинистской группы. Впоследствии он расценивал даже самые ранние свои стихи, написанные в начале 1910-х годов, как имажинистские по своей сути¹.

Имажинистскому периоду предшествовали годы творческой связи с Н. Клюевым, знакомство с которым относится к 1915 году. Есенин впоследствии неоднократно признавал, что считает его своим литературным учителем. Однако прошло менее трех лет — и творчество Клюева, ориентированное на архаику, формально однообразное, перестало удовлетворять Есенина: Клюев, писал он Р. В. Иванову-Разумнику в апреле 1918 года, «только изограф (пересказчик. — Э. Ш.), но не открыватель»²; и в другом письме к нему же, от 4 декабря 1920 года: «...уж очень он <...> слаб в форме и как-то расти не хочет. А то, что ему кажется формой, ни больше ни меньше как манера и порой довольно утомительная»³. Есенин искал новых тем, свежих средств выражения.

Осенью 1918 года он познакомился с Мариенгофом и Шершеневичем. Сближение с ними, подобно ему озабоченными поисками новых путей в поэзии, оказалось для Есенина естественным и современным.

В январе 1919 года Есенин выступил в качестве одного из авторов «Декларации» — литературного манифеста имажинистов, а в дальнейшем и другого программного документа группы — «Восемь пунктов» (1924). В феврале 1919 года он, вместе с Мариенгофом и Шершеневичем, организовал кооперативное издательство «Имажинисты», в котором вышли в свет четыре его поэтических сборника: «Трерядница», «Радуница», «Преображение» (все — 1921) и «Пугачев» (1922), а также несколько коллективных сборников с его участием. Вместе с Мариенгофом он написал устав «Ассоциации вольнодумцев» (так официально называлось объединение имажинистов),

¹ См. примеч. к ст-нию № 86.

² Е с е н и н С. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1980. Т. 6. С. 86. Далее: Е с е н и н С. Собр. соч.

³ Там же. С. 101.

утвержденный А. В. Луначарским 24 сентября 1919 года, и был избран председателем «Ассоциации». До конца того же года Есенин участвовал, вместе с другими, в организации имажинистского литературного кафе-клуба «Стойло Пегаса» и, вместе с Мариенгофом, книжного магазина «Московской трудовой артели художников слова». Наряду с другими имажинистами он сотрудничал в 1919 году в газете «Советская страна» и в журнале «Жизнь и творчество русской молодежи», а в дальнейшем — в имажинистском журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном». Участвовал в выступлениях в Москве и других городах, а также в совместных имажинистских акциях, таких как «переименование» московских улиц и росписи стен Страстного монастыря. «Это были годы, — вспоминал Шершеневич, — когда легче было сосчитать часы, которые мы, Есенин, Мариенгоф, Кусиков и я, провели не вместе, чем часы дружбы и свиданий»¹.

Наиболее близкие дружеские отношения установились у Есенина с Мариенгофом. Поселившись в 1919 году вдвоем, они делят бытовые тяготы, вместе работают, строят совместные творческие планы, совершают поездки в Петроград, Харьков, на Кавказ. «Самое лучшее время в моей жизни считаю 1919 год. Тогда мы зиму прожили в 5 градусах комнатного холода. Дров у нас не было ни полена», — писал Есенин в автобиографии от 14 мая 1922 года².

При всем различии творческих манер Есенина и Мариенгофа (в частности, разнице в понимании роли образа в стихах), при том что первый, как писали тогда, стоял на правом, а второй — на левом фланге имажинизма, в их стихах тех лет немало перекличек, явные черты взаимовлияния. «В начале своего возникновения творческий союз Есенина с Мариенгофом был плодотворным для обоих. У них шло здоровое и полезное обоим соревнование», — писал один из друзей Есенина Л. Повицкий³.

В произведениях, созданных Есениным в этот период, критики, большей частью с осуждением, отмечали немало примет имажинизма — и в «Кобыльях кораблях», «Пантократоре», «Сорокоусте», «Исповеди хулигана», и в ряде небольших стихотворений, и в одном из наиболее крупных его произведений — драматической поэме «Пугачев». Не только Есенин имажинизму, но и имажинизм Есенину дал немало — как в образном плане, так и в отношении ритма, рифмы. Большое значение придается разногласиям Есенина с другими участниками группы. Они были. Но дискуссии возникали и среди остальных (к примеру, довольно резкая полемика в печати между Шершеневичем и Мариенгофом по поводу произведений для современного театра⁴).

¹ Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 570.

² Есенин С. Собр. соч. Т. 6. С. 238.

³ С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1986. Т. 2. С. 238.

⁴ См. примеч. 140.

Есенин состоял в имажинистской группе около шести лет, по август 1924 года. Рамки имажинизма становятся ему тесны ко времени возвращения из-за границы, где он пробыл с 10 мая 1922 года по 3 августа 1923 года. «Сейчас я отрицаю всякие школы, — писал он в автобиографии от 20 июня 1924 года. — Считаю, что поэт и не может держаться определенной какой-нибудь школы. Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово»¹.

Однако помимо чисто творческих существовали и другого рода причины разрыва — бытовые.

Критики, в особенности в послевоенный период, стремились усилить просоветский характер мировоззрения и творчества Есенина и потому всю вину за «искривление» линии его творчества возлагали на его соратников по имажинизму, и прежде всего — на Мариенгофа. При этом приходилось прибегать к искажению фактов и замалчиванию документов — некоторых писем, воспоминаний. В изданиях Есенина исчезали посвящения Мариенгофу².

В недавно опубликованных воспоминаниях Г. А. Бениславской, чьи объективность и детальное знание жизни поэта в его последний период не могут вызывать сомнений, виновницей ссоры Есенина с Мариенгофом автор называет сестру поэта Екатерину Александровну: «Вообще Катя в жизни С. А. совершенно невольно была злым гением, постоянно нарушая и без того неустойчивое душевное равновесие его <...>. Трудно представить, но я хорошо знаю, что в разрыве С. А. с Мариенгофом (которого С. А. очень любил) она сыграла главную роль, хотя С. А. почти не говорил об этом. А корни были вот в чем. Когда С. А. был за границей, денежные дела у Мариенгофа были очень плохи. «Стойло <Пегаса>» закрылось, магазин ничего не давал, и Мариенгоф с Мартышкой (придуманное Есениным шутовское прозвище жены Мариенгофа А. Б. Никритиной. — Э. Ш.), ждавшей тогда ребенка, форменным образом голодали. Я это знаю от лиц, живших в одной квартире с ними. Катя, по ее словам не знавшая нужды при С. А., неоднократно обращалась к Мариенгофу, зная, что часть денег из магазина принадлежит С. А., но денег не получала. Не зная, а может быть, по легкомыслию не желая вникнуть в положение Мариенгофа, она возмущалась и, кажется, даже писала С. А. о том, что Мариенгоф не дает денег. Во всяком случае, по возвращении <Есенина> из-за границы она говорила об этом С. А., который, как и следовало ожидать, страшно обозлился на Мариенгофа»³.

Далее последовал отказ Есенина «из эстетических чувств и чувств личной обиды» от сотрудничества в редактируемом Мариенгофом журнале «Гостиница для путешественников в прекрасном» по

¹ Есенин С. Собр. соч. Т. 5. С. 228.

² См., напр.: Есенин С. Соч.: В 2-х т. М., 1955 / Сост., подгот. текста и примеч. К. Зелинского и П. Чагина. Здесь без посвящений Мариенгофу напечатаны «Сорокоуст», «Я последний поэт деревни...» и «Пугачев»; ст-ние «Прощание с Мариенгофом» вообще отсутствует.

³ С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С. 79.

причине того, что Мариенгоф поместил в № 1(3) за 1924 год его стихи после собственных, а не по алфавиту авторов, то есть не впереди. «Совершенно не расходясь с группой и работая над журналом «Вольнодумец», в который и приглашаю всю группу», — писал Есенин в правление «Ассоциации вольнодумцев» 7 апреля 1924 года¹ и пригласил участвовать всех, кроме Мариенгофа. Издание журнала, впрочем, не состоялось.

31 августа 1924 года в «Правде» было напечатано открытое письмо Есенина и Грузинова, сообщавшее об их выходе, а точнее, о роспуске ими, «создателями имажинизма», группы. Грузинов, впрочем, «Декларацию» не подписывал, в группу был принят позднее и, следовательно, создателем ее не являлся. Однако инициатива письма принадлежала именно ему. Об этом свидетельствует Ройзман: «Я не вытерпел и заявил Ивану, что на этот литературный трюк именно он подбил Есенина. Грузинов не возражал, самодовольно улыбаясь. Он пояснил, что трюк направлен против Мариенгофа, который вообразил себя вождем»².

За два месяца до появления открытого письма Есенин признавал, что «течение имажинизм <...> повернуло формально русскую поэзию по другому руслу восприятия...»³.

86

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

1910

87. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Разумнику Иванову

1

Облаки лают,
Ревет златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!

¹ Есенин С. Собр. соч. Т. 6. С. 142.

² Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 241.

³ Автобиография от 20 июня 1924 г. // Собр. соч. Т. 5. С. 228.

Перед воротами в рай
Я стучусь:
Звездами спеленай
Телицу-Русь.

За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь.
Небесного молока
Даждь мне днесь.

Грозно гремит твой гром,
Чудится плеск крыл.
Новый Содом
Сжигает Егудиил.

Но твердо, не глядя назад,
По ниве вод
Новый из красных врат
Выходит Лот.

2

Не потому ль в березовых
Кустах поет сверчок
О том, как ликом розовым
Окапал рожь восток;

О том, как Богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят.

С утра над осенницею
Я слышу зов трубы.
Теленькает синицею
Он про глагол судьбы:

«О веруй, небо вспенится,
Как лай, сверкнет волна.
Над рощею ощенится
Златым щенком луна.

Иной травой и чащею
Отенит мир вода.

Малиновкой журчащую
Слетит в кусты звезда.

И выползет из колоса,
Как рой, пшеничный злак,
Чтобы пчелиным голосом
Озлатонивить мрак...»

3

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие небо, —
Трубите в трубы!

Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.

Светлый гость в колымаге к вам
Едет.
По тучам бежит
Кобылица.

Шлея на кобыле —
Синь.
Бубенцы на шлее —
Звезды.

4

Стихи, ветер,
Не лай, водяное стекло.
С небес через красные сети
Дождит молоко.

Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля.

Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря.

Вижу тебя из окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою над землею
Свесивший небеса.

Ныне
Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.

5

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.

От утра и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.

И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звездами пророчить
Среброзлачный урожай.

А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды —
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.

И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.

Ноябрь 1917

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.

1918

Клюеву

Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.
О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

1918

90

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь.
Только в скупости чувства греются,
Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

1918

91

Закружилась листва золотая
В розовой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть.
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость,
Всё любя, ничего не желать?

1918

92

О Боже, Боже, эта глубь —
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.

Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.

Но в малый вентерь рыбаля
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.

Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и водь,
Смолой кипящею восток
Пролей на нашу плоть.

Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Взнеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит.

1919

1

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
 Кто хоронит тоску в плече,
 Лошадиную морду месяца
 Схватить за узду лучей.

Тысячи лет те же звезды славятся,
 Тем же медом струится плоть.
 Не молиться тебе, а лаяться
 Научил ты меня, Господь.

За седины твои кудрявые,
 За копейки с золотых осин
 Я кричу тебе: «К черту старое!»,
 Непокорный, разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,
 Что сочишь ты дождями в муть,
 О, какими, какими метлами
 Это солнце с небес стряхнуть?

2

Там, за млечными холмами,
 Среди небесных тополей,
 Опрокинулся над нами
 Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури —
 Как из бочки черпаком.
 В небо вспрыгнувшая буря
 Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
 Молоко дымящий сад.
 Вижу, дед мой тянет вершей
 Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука
 Услыхал в сей скорбный срок?
 Знать, недаром в сердце мукал
 Издыхающий телок.

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!
Я понял, что солнце из выси —
В колодезь золотое ведро.

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.

Но знаю — другими очами
Умершие чуют живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе — дугой,
Полярный круг — на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчался гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

Февраль 1919

94. КОБЫЛЫ КОРАБЛИ

1

Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов.

Не просунет когтей лазурь
Из пургового кашля-смирада;
Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
Это грабли зари по пущам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!
Лейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей желтый лист.

2

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый —
Синей конницей скачет рожь,
Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! скачет по полю стужа,
Окна выбиты, настезь двери.
Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.

Кто это? Русь моя, кто ты? кто?
Чей черпак в снегов твоих накипь?
На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.

Им не нужно бежать в «туда» —
Здесь, с людьми бы теплой ужиться.
Бог ребенка волчице дал,
Человек съел дитя волчицы.

3

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?
Посмотрите: у женщин третий
Вылупляется глаз из пупа.

Вон он! Вылез, глядит луной,
Не увидит ли помясистой кости.
Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье.

Где же те? где еще одиннадцать,
Что светильники сисек жгут?
Если хочешь, поэт, жениться,
Так женись на овце в хлеву.

Причащайся соломой и шерстью,
Тепли песней словесный воск.
Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

4

Звери, звери, приидите ко мне,
В чашки рук моих злобу выплакать!
Не пора ль перестать луне
В небесах облака лакать?

Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороньи.

Если голод с разрушенных стен
Вцепится в мои волосы —
Половину ноги моей сам съем,
Половину отдам вам высасывать.

Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень.

5

Буду петь, буду петь, буду петь!
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чем скорбеть,
Значит, можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,
И разбойный нам близок свист.
Срежет мудрый садовник осень
Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Всё познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черемухой, солнце-куст!

Сентябрь 1919

95

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листе первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

1919

96. ХУЛИГАН

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когла синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвою хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченных черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер,
Плюй спокойно листвою по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган.

1919

97. СОРОКОУСТ

А. Мариенгофу

1

Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?

Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль пососать у мерина?

Полно кротостью мордищ праздниться,
Любо ль, не любо ль — знай бери.
Хорошо, когда сумерки дразнятся
Исыпают нам в толстые задницы
Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбелит
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железным брюхом,
Тянет к глоткам равнин пятерню.

Водит старая мельница ухом,
Навострив мукомольный нюх.

И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на телок пролил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем.

2

Ах, не с того ли за селом
Так плачет жалостно гармоника:
Таля-ля-ля, тили-ли-гом
Висит над белым подоконником.
И желтый ветер осенницы
Не потому ль, синь рябью тронув,
Как будто бы с коней скребницей,
Очесывает листья с кленов.
Идет, идет он, страшный вестник,
Пятой громоздкой чащи ломит.
И всё сильнее тоскуют песни
Под лягушиный писк в соломе.
О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

3

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,

Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах переокрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

4

Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелуях, —
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной алилуйя.
Оттого-то в сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинок,
Головой разможжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого-то выросла тужилья
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

Август 1920

98. ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесанным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.
Мне нравится, когда камня брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы.
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрывает зеленыя.
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь Бога и болотных недр.
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной лавки
Он кланяется издалека.
И, встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
Приятны мне свиней испачканные морды
И в тишине ночной звенящий голос жаб.
Я нежно болен воспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.
Как будто бы на корточках погреться
Присел наш клен перед костром зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Всё тот же ль он теперь, с вершушкою зеленой?
По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,
Верный пегий пес?!

От старости ты стал визглив и слеп
И бродишь по двору, влача обвисший хвост,
Забыв чутьем, где двери и где хлев.
О, как мне дороги все те проказы,
Когда, у матери стянув краюху хлеба,
Кусали мы с тобой ее по разу,
Ни капельки друг другом не погребав.

Я всё такой же.
Сердцем я всё такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злаченные рожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерек зари коса.
Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обоссать.

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице фонарь!
Старый, добрый, заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?
Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

Ноябрь 1920

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

1920

100. ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания людей!
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру,
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп — овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепями маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

Апрель 1921

101

Сторона ль ты моя, сторона!
Дождевое, осеннее олово.
В черной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей и безбольней.
Посмотри: меж скелетов домов,
Словно мельник, несет колокольня
Медные мешки колоколов.

Если голоден ты — будешь сытым.
Коль несчастен — то весел и рад.
Только лишь не гляди открыто,
Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я — так и сделал,
Но увы! Всё одно и то ж!
Видно, слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь.

Ну, да что же? Ведь много прочих,
Не один я в миру живой!
А фонарь то мигнет, то захохочет
Безгубой своей головой.

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
«Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть».

1921

102

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот 'сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу тебе выхожу!

Город, город! ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колка
Эта песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты — я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зареюсь в снегу...
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

1921

103. ПРОЩАНИЕ С МАРИЕНГОФМ

Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств —
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.

Возлюбленный мой! дай мне руки —
Я по-иному не привык, —
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.

Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли,
В который миг, в который раз —
Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Дождусь ли радостного дня?
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня.

В такой-то срок, в таком-то годе
Мы встретимся, быть может, вновь...
Мне страшно — ведь душа проходит,
Как молодость и как любовь.

Другой в тебе меня заглушит.
Не потому ли — в лад речам —
Мои рыдающие уши,
Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Не зреть мне радостного дня,
Но всё ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.

Весна 1922

104

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые далекие дали!
Всё сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, —

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

1923

105. ПУГАЧЕВ

Анатолию Мариенгофу

1

ПОЯВЛЕНИЕ ПУГАЧЕВА В ЯИЦКОМ ГОРОДКЕ

П у г а ч е в

Ох, как устал и как болит нога!..
Ржет дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?
Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.

Наконец-то я здесь, здесь!
Рать врагов цепью волн распалась,
Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.

Яик, Яик, ты меня звал
Стоном придавленной черни!
Пучились в сердце жабы глаза
Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы —
Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.

О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел!

— С т о р о ж

Кто ты, странник? Что бродишь долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжелое,
Виснет с шеи твоя голова?

П у г а ч е в

В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран —
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари застенков,
Гонится овес на водопой рысцей
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?
Так же ль мирен труд домохозяек,
Слышен прялки ровный разговор?

С т о р о ж

Нет, прохожий! С этой жизнью Яик
Раздружился с самых давних пор.

С первых дней, как оборвались вожжи,
С первых дней, как умер третий Петр,
Над капустой, над овсом, над рожью
Мы задаром проливаем пот.
Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.

И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапищ.
Воском жалоб сердце Каина
К состраданию не окапишь.

Всех связали, всех вневолители,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.

П у г а ч е в

Невеселое ваше житье!
Но скажи мне, скажи,
Неужель в народе нет суровой хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские лопатки?

С т о р о ж

Видел ли ты, ...
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого что стоит трава на корячках,
Под себя коренья подобрал.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в избы.
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.
Но теперь как будто пробудились,
И березами заплаканный наш тракт
Окружает, как туман от сырости,
Имя мертвого Петра.

П у г а ч е в

Как Петра? Что ты сказал, старик?

.....
Иль это взвыли в небе облака?

С т о р о ж

Я говорю, что скоро грозный крик,
Который избы словно жаб влакал,

Сильней громов раскатится над нами.
Уже мятеж вздымает паруса.
Нам нужен тот, кто б первый бросил камень.

П у г а ч е в

Какая мысль!

С т о р о ж

О чем вздыхаешь ты?

П у г а ч е в

Я положил себе зарок молчать до срока.
.....

Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, словно зубы,
А мне еще нигде вздремнуть не удалось.

С т о р о ж

Я мог бы предложить тебе
Тюфяк свой грубый,
Но у меня в дому всего одна кровать,
И четверо на ней спит ребятишек.

П у г а ч е в

Благодарю! Я в этом граде гость.
Дадут приют мне под любую крышей.
Прощай, старик!

С т о р о ж

Храни тебя Господь!
.....
.....

Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
Из края в край в твоих просторах шляется?
Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох в пальцы?

Идут они, идут! Зеленый славя гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех на каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.

Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.

Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух.

2

БЕГСТВО КАЛМЫКОВ

Первый голос

Послушайте, послушайте, послушайте,
Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
От российской чиновничьей неволи,
Оттого что, как куропаток, их щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепак.

Второй голос

Только мы, только мы лишь медлим,
Словно страшен нам захлестнувший нас шквал.
Оттого-то шлет нам каждую неделю
Приказы свои Москва.
Оттого-то, куда бы ни шел ты,
Видишь, как под усмирителей меч
Прыгают кошками желтыми
Казацкие головы с плеч.

Кирпичников

Внимание! Внимание! Внимание!
Не будьте ж трусливы, как овцы,

Сюда едут на страшное дело вас сманивать
Траубенберг и Тамбовцев.

К а з а к и

К черту! К черту предателей!

.....

Т а м б о в ц е в

Сми-ирно-о!

Сотники казачьих отрядов,

Готовьтесь в поход!

Нынче ночью, как дикие звери,

Калмыки всем скопом орд

Изменили Российской империи

И угнали с собой весь скот.

Потопленную лодку месяца

Чаган выплескивает на берег дня.

Кто любит свое отечество,

Тот должен слушать меня.

Нет, мы не можем, мы не можем, мы не можем

Допустить сей ущерб стране:

Россия лишилась мяса и кожи,

Россия лишилась лучших коней.

Так бросимтесь же в погоню

На эту монгольскую мразь,

Пока она всеми ладонями

Китаю не предалась.

К и р п и ч н и к о в

Стой, атаман, довольно

Об ветер язык чесать.

За Россию нам, конечно, больно,

Оттого что нам Россия — мать.

Но мы ничуть, мы ничуть не испугались,

Что кто-то покинул наши поля,

И калмык нам не желтый заяц,

В которого можно, как в пищу, стрелять.

Он ушел, этот смуглый монголец,

Дай же Бог ему добрый путь.

Хорошо, что от наших околиц

Он без боли сумел повернуть.

Т р а у б е н б е р г
Что это значит?

К и р п и ч н и к о в

Это значит то,
Что, если б
Наши избы были на колесах,
Мы впрягли бы в них своих коней
И гужом с солончаковых плесов
Потянулись в золото степей.
Наши б кони, длинно выгнув шеи,
Стадом черных лебедей
По водам ржи
Понесли нас, буйно хорошея,
В новый край, чтоб новой жизнью жить.

К а з а к и

Замучили! Загрызли, прохвосты!

Т а м б о в ц е в

Казак! Вы целовали крест!
Вы клялись...

К и р п и ч н и к о в

Мы клялись, мы клялись Екатерине
Быть оплотом степных границ,
Защищать эти пастбища синие
От налета разбойных птиц.
Но скажите, скажите, скажите,
Разве эти птицы не вы?
Наших пашен суровых житель
Не найдет, где прикрыть головы.

Т р а у б е н б е р г

Это измена!..
Связать его! Связать!

К и р п и ч н и к о в

Казак, час настал!
Приветствую тебя, мятеж свирепый!

Что не могли в словах сказать уста,
Пусть пулями расскажут пистолеты.

(Стреляет.)

Траубенберг падает мертвым. Конвойные разбегаются. Казаки хватают лошадь Тамбовцева под уздцы и стаскивают его на землю.

Г о л о с а

Смерть! Смерть тирану!

Т а м б о в ц е в

О Господи! Ну что я сделал?

П е р в ы й г о л о с

Мучил, злодей, три года,
Три года, как коршун белый,
Ни проезда не давал, ни прохода.

В т о р о й г о л о с

Откушай похлебки метелицы.
Отгулял, отстегал и отхвастал.

Т р е т и й г о л о с

Черта ли с ним канителиться?

Ч е т в е р т ы й г о л о с

Повесить его — и баста!

К и р п и ч н и к о в

Пусть знает, пусть слышит Москва —
На расправы ее мы взбystрим.
Это только лишь первый раскат,
Это только лишь первый выстрел.
Пусть помнит Екатерина,
Что если Россия — пруд,
То черными лягушками в тину
Пушки мечут стальную икру.

Пусть носится над страной,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он башку незадаром сронит.

3

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

К а р а в а е в

Тысячу чертей, тысячу ведьм и тысячу дьяволов!
Экий дождь! Экий скверный дождь!
Скверный, скверный!
Словно вонючая моча волов
Льется с туч на поля и деревни.
Скверный дождь!
Экий скверный дождь!

Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ощипанные вербы,
Плавя ребер медь.
Уж золотые яйца листьев на земле
Им деревянным брюхом не согреть,
Не вывести птенцов — зеленых вербенят;
По горлу их скользнул сентябрь, как нож,
И кости крыл ломает на щебняк
Осенний дождь.
Холодный, скверный дождь!

О осень, осень!
Голые кусты,
Как оборванцы, мокнут у дорог.
В такую непогоду собаки, сжав хвосты,
Боятся головы просунуть за порог,
А тут вот стой, хоть сгинь,
Но тьму глазами ешь,
Чтоб не пробрался вражеский лазутчик.
Проклятый дождь!
Расправу за мятеж
Напоминают мне рыгающие тучи.
Скорей бы, скорей в побег, в побег
От этих кровью выдоенных стран.
С объятьями нас принимает всех
С Екатериною воюющий султан.

Уже стекается придушенная чернь
С озиркой, словно полевые мыши.
О солнце-колокол, твое тили-ли-день,
Быть может, здесь мы больше не услышим!

Но что там? Кажется, шаги?
Шаги... Шаги...
Эй, кто идет? Кто там идет?

П у г а ч е в

Свой... свой...

К а р а в а е в

Кто свой?

П у г а ч е в

Я, Емельян.

К а р а в а е в

А, Емельян, Емельян, Емельян!
Что нового в этом мире, Емельян?
Как тебе нравится этот дождь?

П у г а ч е в

Этот дождь на счастье Богом дан,
Нам на руку, чтоб он хлестал всю ночь.

К а р а в а е в

Да, да! Я тоже так думаю, Емельян.
Славный дождь! Замечательный дождь!

П у г а ч е в

Нынче вечером, в темноте скрываясь,
Я правительственные посты осмотрел.
Все часовые попрятались, как зайцы,
Боясь замочить шинели.
Знаешь? Эта ночь, если только мы выступим,
Не кровью, а зарею окрасила б наши ножи,

Всех бы солдат без единого выстрела
В сонном Яике мы могли уложить...

Завтра ж к утру будет ясная погода,
Сивым табуном проскачет хмарь.
Слушай, ведь я из простого рода
И сердцем такой же степной дикарь!
Я умею, на сутки и версты не трогаясь,
Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого что в груди у меня, как в берлоге,
Ворочается зверенышем теплым душа.

Мне нравится запах травы, холодом подоженной,
И сентябрьского листолета протяжный свист.
Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну,
Как на вьющийся в ветре лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый, знать
И призванье свое и имя.

.....

Я значенье мое разгадал...

К а р а в а е в

Тебе ж недаром верят!

П у г а ч е в

Долгие, долгие тяжкие года
Я учил в себе разуму зверя...
Знаешь? Люди ведь все со звериной душой, —
Тот медведь, тот лиса, та волчица,
А жизнь — это лес большой,
Где заря красным всадником мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь клыки.

К а р а в а е в

Да, да! Я тоже так думаю, Емельян...
И если б они у нас были,
То московские полки
Нас не бросали, как рыб, в Чаган.
Они б побоялись нас жать
И карать так легко и просто

За то, что в чаду мятежа
Убили мы двух прохвостов.

П у г а ч е в

Бедные, бедные мятежники,
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежными
Раскачивал июльский дождь.
Вы улыбались тварям...

.....

Послушай, да ведь это ж позор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отомстить до сих пор?
Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то блядь
Протягивала солдат, как пальцы,
Непокорную чернь умерщвлять!
Нет, не могу, не могу!
К черту султана с туретчиной! —
Только на радость врагу
Этот побег опрометчивый.
Нужно остаться здесь!
Нужно остаться, остаться,
Чтобы вскипела месть
Золотою пургой акаций,
Чтоб пролились ножи
Железными струями люто!

Слушай! Бросай сторожить,
Беги и буди весь хутор.

4

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ТАЛОВОМ УМЕТЕ

О б о л я е в

Что случилось? Что случилось? Что случилось?

П у г а ч е в

Ничего страшного. Ничего страшного.
Ничего страшного.

Там на улице жолклая сырость
Гонит туман, как стада барашковые.
Мокрую цаплей по лужам полей бороздя,
Ветер заставил всё живое,
Как жаб по их гнездам, скрыться,
И только порою,
Привязанная к нитке дождя,
Черным крестом в воздухе
Проболтнется шальная птица.
Это осень, как старый оборванный монах,
Пророчит кому-то о погибели веще.

.....

Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.

К а р а в а е в

Да, да! Мы придумали кой-что похлеще.

П у г а ч е в

Знаете ли вы,
Что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн лодка с парусом низким?
По-звериному любит мужик наш на корточки сесть
И сосать эту весть, как коровьи большие сиськи.
От песков Джигильды до Алатыря
Эта весть о том,
Что какой-то жестокий поводырь
Мертвую тень императора
Ведет на российскую ширь.
Эта тень с веревкой на шее безмясой,
Отвалившуюся челюсть теребя,
Скрипящими ногами приплясывая,
Идет отомстить за себя,
Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый кол,
За то, что она с сообщниками своими,
Разбив белый кувшин
Головы его,
Взошла на престол.

Оболяев

Это только веселая басня!
Ты, конечно, не за этим пришел,
Чтоб рассказать ее нам?

Пугачев

Напрасно, напрасно, напрасно
Ты так думаешь, брат Степан.

Караев

Да, да! По-моему, тоже напрасно.

Пугачев

Разве важно, разве важно, разве важно,
Что мертвые не встают из могил?
Но зато кой-где почву безвлажную
Этот слух словно плугом взрыл.
Уже слышится благовест бунтов,
Рев крестьян оглашает зенит,
И кустов деревянный табун
Безлиственной ковкой звенит.
Что ей Петр — злой и дикой ораве? —
Только камень желанного случая,
Чтобы колья погромные правили
Над теми, кто грабил и мучил.
Каждый платит за лепту лептою,
Мечь щенками кровавыми щенится.
Кто же скажет, что это свирепствуют
Бродяги и отщепенцы?
Это буйствуют россияне!
Я ж хочу научить их под хохот сабель
Обтянуть тот зловещий скелет парусами
И пустить его по безводным степям,
Как корабль.
А за ним
По курганам синим
Мы живых голов двинем бурливый флот.

.....
.....
Послушайте! Для всех отныне
Я — император Петр!

К а з а к и

Как император?

О б о л я е в

Он с ума сошел!

П у г а ч е в

Ха-ха-ха!

Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив как горшок,
Варит из медных монет щи,
Чтоб похлепать в черный срок.
Я стращать мертвецом вас не стану,
Но должны ж вы, должны понять,
Что этим кладбищенским планом
Мы подыдем монгольскую рать!
Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть калмык и башкирец бьются
За бараньи костры средь юрт!

З а р у б и н

Это верно, это верно, это верно!
Кой нам черт умышлять побег?
Лучше здесь всем им головы скверные
Обломать, как колеса с телег.
Будем крыть их ножами и матом,
Кто без сабли — так бей кирпичом!
Да здравствует наш император,
Емельян Иванович Пугачев!

П у г а ч е в

Нет, нет, я для всех теперь
Не Емельян, а Петр...

К а р а в а е в

Да, да, не Емельян, а Петр...

П у г а ч е в

Братья, братья, ведь каждый зверь
Любит шкуру свою и имя...

Тяжко, тяжело моей голове
Опушать себя чуждым инеем.
Трудно сердцу светильником мести
Освещать корявые чащи.
Знайте, в мертвое имя влезть
То же, что в гроб смердящий.

Больно, больно мне быть Петром,
Когда кровь и душа Емельянова.
Человек в этом мире не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь наново...
Но... к черту всё это, к черту!
Прочь жалость телячьих нег!

Нынче ночью в половине четвертого
Мы устроить должны набег.

5

УРАЛЬСКИЙ КАТОРЖНИК

Х л о п у ш а

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Петр,
Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солонце рыл глазами удачу,
Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепами дождя обмолачивал.
Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
Эту голову с шеи сшибить нелегко.
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.

З а р у б и н

Кто ты? Кто? Мы не знаем тебя!
Что тебе нужно в нашем лагере?
Отчего глаза твои,
Как два цепных кобеля,
Беспокойно ворочаются в соленой влаге?
Что пришел ты ему сообщить?
Злое ль, доброе ль светится из пасти вспурга?
Прорубились ли в Азию бунтовщики?
Иль, как зайцы, бегут от Оренбурга?

Х л о п у ш а

Где он? Где? Неужель его нет?
Тяжелее, чем камни, я нес мою душу.
Ах, давно, зная, забыли в этой стране
Про отчаянного негодяя и жулика Хлопушу.
Смейся, человек!
В ваш хмурый стан
Посылаются замечательные разведчики.
Был я каторжник и арестант,
Был убийца и фальшивомонетчик.

Но всегда ведь, всегда ведь, рано ли, поздно ли,
Расставляет расплата капканы терний.
Заковали в колодки и вырвали ноздри
Сыну крестьянина Тверской губернии.
Десять лет —
Понимаешь ли ты, десять лет —
То острожничал я, то бродяжил.
Это теплое мясо носил скелет
На общипку, как пух лебяжий.

Черта ль с того, что хотелось мне жить?
Что жестокостью сердце устало хмуриться?
Ах, дорогой мой,
Для помещика мужик —
Всё равно что овца, что курица.
Ежедневно молясь на зари желтый гроб,
Кандалы я сосал голубыми руками...
Вдруг... три ночи назад... губернатор Рейнсдорп,
Как сорвавшийся лист,
Взлетел ко мне в камеру...

«Слушай, каторжник!

(Так он сказал.)

Лишь тебе одному поверю я.

Там в ковыльных просторах ревет гроза,

От которой дрожит вся империя,

Там какой-то пройдоха, мошенник и вор

Вздумал вздыбить Россию ордой грабителей,

И дворянские головы сечет топор —

Как березовые купола

В лесной обители.

Ты, конечно, сумеешь всадить в него нож?

(Так он сказал, так он сказал мне.)

Вот за эту услугу ты свободу найдешь

И в карманах зазвякает серебро, а не камни».

Уж три ночи, три ночи, пробиваясь сквозь тьму,

Я ищу его лагерь, и спросить мне некого.

Проведите ж, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека!

З а р у б и н

Странный гость.

П о д у р о в

Подозрительный гость.

З а р у б и н

Как мы можем тебе довериться?

П о д у р о в

Их немало, немало, за червонцев горсть

Готовых пронзить его сердце.

Х л о п у ш а

Ха-ха-ха!

Это очень неглупо.

Вы надежный и крепкий щит.

Только весь я до самого пупа —

Местью вскормленный бунтовщик.

Каплет гноем смола прогорклая
Из разодранных ребер изб.
Завтра ж ночью я выбегу волком
Человеческое мясо грызть.
Всё равно ведь, всё равно ведь, всё равно ведь,
Не созреешь — так сожрут тебя ж.
Нужно вечно держать наготове
Эти руки для драки и краж.
Верьте мне!
Я пришел к вам как друг.
Сердце радо в пурге расколиться
Оттого, что без Хлопуши
Вам не взять Оренбург
Даже с сотней лихих полководцев.

З а р у б и н

Так открой нам, открой, открой
Тот план, что в тебе хоронится.

П о д у р о в

Мы сейчас же, сейчас же пошлем тебя в бой
Командиром над нашей конницей.

Х л о п у ш а

Нет!
Хлопуша не станет биться.
У Хлопуши другая мысль.
Он хотел бы, чтоб гневные лица
Вместе с злобой умом налились.
Вы бесстрашны, как хищные звери,
Грозен лязг ваших битв и побед,
Но ведь всё ж у вас нет артиллерии?
Но ведь всё ж у вас пороху нет?

Ах, в башке моей, словно в бочке,
Мозг, как спирт, хлебной едкостью лют.
Знаю я, за Сакмарой рабочие
Для помещиков пушки лют.
Там найдется и порох, и ядра,
И наводчиков зоркая рать,
Только надо сейчас же, не откладывая,

Всех крестьян в том краю взбунтовать.
Стыдно медлить здесь, стыдно медлить,
Гнев рабов — не кобылий фырк...

Так давайте ж по липовой меди
Трахнем вместе к границам Уфы.

6

В СТАНЕ ЗАРУБИНА

З а р у б и н

Эй ты, люд честной да веселый,
Забубенная трын-трава!
Подружилась с твоими селами
Скуломордая татарва.
Свищут кони, как вихри, по полю,
Только взглянешь — и след простыл.
Месяц, желтыми крыльями хлопая,
Раздирает, как ястреб, кусты.
Загляжусь я по ровной голи
В синюю стынущие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргиз — стога?..

Слушай, люд честной, слушай, слушай
Свой кочевнический пересвист!
Оренбург, осажженный Хлопушей,
Ест лягушек, мышей и крыс.
Треть страны уже в наших руках,
Треть страны мы как войско выставили.
Нынче ж в ночь потеряет враг
По Приволжью все склады и пристани.

Ш и г а е в

Стоп, Зарубин!
Ты, наверное, не слыхал,
Это видел не я...
Другие...
Многие...
Около Самары с пробитой башкой ольха,
Капая желтым мозгом,
Прихрамывает при дороге.

Словно слепец, от ватаги своей отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда
Просит она на пропитанье
У проезжих и у прохожих.
Но никто ей не бросит даже камня.
В испуге крестясь на звезду,
Все считают, что это страшное знамение,
Предвещающее беду.
Что-то будет.
Что-то должно случиться.
Говорят, наступит глад и мор,
По сту раз на лету будет склевывать птица
Желудочное свое серебро.

Т о р н о в

Да-да-да!
Что-то будет!
Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,
Дует в души суровому люду
Ветер сырью и вонью болот.
Быть беде!
Быть великой потере!
Знать, не зря с луговой стороны
Луны лошадиный череп
Каплет золотом сгнившей слюны.

З а р у б и н

Врете! Врете вы,
Нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,
Чтоб от этакой чертовщины
Хуже бабы дрожал казак.

Ш и г а е в

Не дрожим мы, ничуть не дрожим!
Наша кровь — не башкирские хляби.
Сам ты знаешь ведь, чьи ножи
Пробивали дорогу в Челябинск.
Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарапуль.

Столько мух не сидело у тебя на носу,
Сколько пуль в наши спины вцарапали.
В стужу ль, в сырость ли,
В ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше дорожит конем,
Чем разбойной своей головою.
Но кому-то грозитя, грозитя беда,
И ее ль казаку не слышать?
Посмотри, вон сидит дымовая труба,
Как наездник, верхом на крыше.
Вон другая, вон третья,
Не счесть их рыл
С залихватской тоской остолопов,
И весь дикий табун деревянных кобыл
Мчится, пылью клубя, галопом.
Ну куда ж он? Зачем он?
Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
Их стегает, стегает переполох
По стеклянным глазам кнутовищем.

З а р у б и н

Нет, нет, нет!
Ты не понял...
То слышится звань,
Звань к оружию под каждой оконницей.
Знаю я, нынче ночью идет на Казань
Емельян со свирепой конницей.
Сам вчера, от восторга едва дыша,
За горой в предрассветной мгле
Видел я, как тянулись за Черемшан
С артиллерией тыщи телег.
Так торжественно с хрипом колесным обоз
По дорожным камням грохотал,
Рев верблюдов сливался с бляением коз
И с гортанною речью татар.

Т о р н о в

Что ж, мы верим, мы верим,
Быть может,
Как ты мыслишь, всё так и есть;

Голос гнева, с бедою схожий,
Нас сзывает на страшную месть.
Дай Бог!
Дай Бог, чтоб так и случилось.

З а р у б и н

Верьте, верьте!
Я вам клянусь!
Не беда, а неожиданная радость
Упадет на мужицкую Русь.
Вот взвенел, словно сабли о панцири,
Синий сумрак над ширью равнин.
Даже рощи —
И те повстанцами
Подымают хоругви рябин.
Зреет, зреет веселая сеча.
Взвост в небо кровавый туман.
Гулом ядер и свистом картечи
Будет завтра их крыть Емельян.
И чтоб бунт наш гремел безысходней,
Чтоб вконец не сосала тоска —
Я сегодня ж пошлю вас, сегодня,
На подмогу его войскам.

7

ВЕТЕР КАЧАЕТ РОЖЬ

Ч у м а к о в

Что это? Как это? Неужель мы разбиты?
Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари лакать.
О, эта ночь! Как могильные плиты,
По небу тянутся каменные облака.
Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,
Кличешь старую рать, что легла под Сарептой,
И глядишь и не видишь — то ли зыбится рожь,
То ли желтые полчища пляшущих скелетов.
Нет, это не август, когда осыпаются овсы,
Когда ветер по полям их колотит дубинкой грубой.
Мертвые, мертвые, посмотрите, кругом мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая сгнившие зубы.
Сорок тысяч нас было, сорок тысяч,
И все сорок тысяч за Волгой легли, как один.

Даже дождь так не смог бы траву иль солому высечь,
Как осыпали саблями головы наши они.
Что это? Как это? Куда мы бежим?
Сколько здесь нас в живых осталось?
От горящих деревень бьющий лапами в небо дым
Расстиляет по земле наш позор и усталость.
Лучше б было погибнуть нам там и лечь,
Где кружит воронье беспокойным, зловещим
свадьбищем,
Чем струить эти пальцы пятерками пылающих свеч,
Чем нести это тело с гробами надежд, как кладбище!

Б у р н о в

Нет! Ты не прав, ты не прав, ты не прав!
Я сейчас чувством жизни, как никогда, болен.
Мне хотелось бы, как мальчишке, кувырнуться по
золоту трав
И шибать черных галок с крестов голубых колоколен.
Всё, что отдал я за свободу черни,
Я хотел бы вернуть и поверить снова,
Что вот эту луну,
Как керосиновую лампу в час вечерний,
Зажигает фонарщик из города Тамбова.
Я хотел бы поверить, что эти звезды — не звезды,
Что это — желтые бабочки, летящие на лунное пламя...
Друг!..
Зачем же мне в душу ты ропотом слезным
Бросаешь, как в стекла часовни, камнем?

Ч у м а к о в

Что жалеть тебе смрадную холодную душу —
Околевшего медвежонка в тесной берлоге?
Знаешь ли ты, что в Оренбурге зарезали Хлопушу?
Знаешь ли ты, что Зарубин в Табинском остроге?
Наше войско разбито вконец Михельсоном,
Калмыки и башкиры удрали к Аральску в Азию.
Не с того ли так жалобно
Суслики в поле притоптанном стонут,
Обрызгивая мертвые головы, как кленовые листья,
грязью?
Гибель, гибель стучит по деревьям в колотушку.
Кто ж спасет нас? Кто даст нам укрыться?

Посмотри! Там опять, там опять за опушкой
В воздух крылья крестами бросают крикливые птицы.

Б у р н о в

Нет, нет, нет! Я совсем не хочу умереть!
Эти птицы напрасно над нами вьются.
Я хочу снова отроком, отряхая с осинника медь,
Подставляя ладони, как белые скользкие блюда.
Как же смерть?

Разве мысль эта в сердце поместится,
Когда в Пензенской губернии у меня есть свой дом?
Жалко солнышко мне, жалко месяц,
Жалко тополь над низким окном.
Только для живых ведь благословенны
Рощи, потоки, степи и зелена.
Слушай, плевать мне на всю вселенную,
Если завтра здесь не будет меня!
Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли!
Хоть карманником, хоть золоторотцем,
Лишь бы видеть, как мыши от радости прыгают в поле,
Лишь бы слышать, как лягушки от восторга поют
в колодце.

Яблоневым цветом брызжется душа моя белая,
В синее пламя ветер глаза раздул.
Ради Бога, научите меня,
Научите меня, и я что угодно сделаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть в человеческом саду!

Т в о р о г о в

Стойте! Стойте!
Если б знал я, что вы не трусливы,
То могли б мы спастись без труда.
Никому б не открыли наш заговор безъязыкие ивы,
Сохранила б молчанье одинокая в небе звезда.
Не пугайтесь!
Не пугайтесь жестокого плана,
Это не тяжелее, чем хруст ломаемых в теле костей.
Я хочу предложить вам:
Связать на заре Емельяна
И отдать его в руки грозящих нам смертью властей.

Чумаков

Как, Емельяна?

Бурнов

Нет! Нет! Нет!

Творогов

Хе-хе-хе!

Вы глупее, чем лошади!

Я уверен, что завтра ж,

Лишь золотом плюнет рассвет,

Вас развесят солдаты, как туш, на какой-нибудь

площади,

И дурак тот, дурак, кто жалеть будет вас,

Оттого что сами себе вы придумали тернии.

Только раз ведь живем мы, только раз!

Только раз светит юность, как месяц в родной

губернии.

Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре,

Там в окно твое тополь стучится багряными листьями,

Словно хочет сказать он хозяину в хмурой октябрьской

поре,

Что изранила его осень холодными меткими

выстрелами.

Как же сможешь ты тополию помочь?

Чем залечишь ты его деревянные раны?

Вот такая же жизни осенняя гулкая ночь

Общипала, как тополь зубами дождей, Емельяна.

Знаю, знаю, весной, когда лает вода,

Тополь снова покроется мягкой зеленой кожей.

Но уж старые листья на нем не взойдут никогда —

Их растащит зверье и потопчут прохожие.

Что мне в том, что сумеет Емельян скрыться в Азию?

Что, набравши кочевников, может снова удариться в

бой?

Всё равно ведь и новые листья падут и покроются

грязью.

Слушай, слушай, мы старые листья с тобой!

Так чего ж нам качаться на голых корявых ветвях?

Лучше оторваться и броситься в воздух кружиться,
Чем лежать и струить золотое гниенье в полях,
Чем глаза твои выключот черные хищные птицы.
Тот, кто хочет за мной, — в добрый час!
Нам башка Емельяна — как челн
Потопающим в дикой реке...

Только раз ведь живем мы, только раз!
Только раз славит юность, как парус, луну вдалеке.

8

КОНЕЦ ПУТАЧЕВА

П у г а ч е в

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!
Кто сказал вам, что мы уничтожены?
Злые рты, как с протухшею пищей кошли,
Зловонно рыгают бесстыдной ложью.
Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,
Кто сумел окормить вас такую дурью.
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.
Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,
Но затем-то и злей над туманною вязью
Деревянными крыльями по каспийской воде
Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.
О Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожелтые горные реки!
Не с того ли так свищут монгольские орды
Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?

Уж давно я, давно я скрывал тоску
Перебраться туда, к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.
Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Окормил вас бесстыдной трусливой дурью?
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

К р я м и н

О смешной, о смешной, о смешной Емельян!
Ты всё такой же сумасбродный, слепой и вкрадчивый;
Расплескалась удаль твоя по полям,
Не вскипеть тебе больше ни в какой азиатчине.
Знаем мы, знаем твой монгольский народ,
Нам ли храбрость его неизвестна?
Кто же первый, кто первый, как не этот сброд
Под Сакмарой ударился в бегство?
Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Выбирала для жертвы самых слабых и меньших,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать к седлам добычей женщин.
Ей всегда был приятней набег и разбой,
Чем суровые походы с житейской хмурию.
.....
Нет, мы больше не можем идти за тобой,
Не хотим мы ни в Азию, ни на Каспий, ни в Гурьев.

П у г а ч е в

Боже мой, что я слышу?
Казак, замолчи!
Я заткну твою глотку ножом иль выстрелом...
Неужели и вправду отзвенели мечи?
Неужель это плата за всё, что я выстрадал?
Нет, нет, нет, не поверю, не может быть!
Не на то вы взрастали в степных станицах,
Никакие угрозы суровой судьбы
Не должны вас заставить смириться.
Вы должны разжигать еще больше тот взвой,
Когда ветер метелями с наших стран дул...
Смело ж к Каспию! Смело за мной!
Эй вы, сотники, слушать команду!

К р я м и н

Нет! Мы больше не слуги тебе!
Нас не взманит твое сумасбродство.
Не хотим мы в ненужной и глупой борьбе
Лечь, как толпы других, по погостам.
Есть у сердца невзгоды и тайный страх
От кровавых раздоров и стонов.

Мы хотели б, как прежде, в родных хуторах
Слушать шум тополей и кленов.
Есть у нас роковая зацепка за жизнь,
Что прочнее канатов и проволок...
Не пора ли тебе, Емельян, сложить
Перед властью мятежную голову?!
Всё равно то, что было, назад не вернешь,
Знать, недаром листвою октябрь заплакал...

П у г а ч е в

Как? Измена?

Измена?

Ха-ха-ха!..

Ну так что ж!

Получай же награду свою, собака!

(Стреляет.)

Крямин падает мертвым. Казаки с криком обнажают сабли. Пугачев, отмахиваясь кинжалом, пытается к стене.

Г о л о с а

Вяжите его! Вяжите!

Т в о р о г о в

Бейте! Бейте прямо саблей в морду!

П е р в ы й г о л о с

Натерпелись мы этой прыти...

В т о р о й г о л о с

Тащите его за бороду...

П у г а ч е в

...Дорогие мои... Хор-рошие...

Что случилось? Что случилось? Что случилось?

Кто так страшно визжит и хохочет

В придорожную грязь и сырость?

Кто хихикает там исподтишка,

Злобно отплевываясь от солнца?

.....

...Ах, это осень!

Это осень вытряхивает из мешка

Чеканенные сентябрем червонцы.
Да! Погиб я!
Приходит час...
Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...
...Это она!
Это она подкупила вас,
Злая и подлая оборванная старуха.
Это она, она, она,
Разметав свои волосы зарею зыбкой,
Хочет, чтоб сгибла родная страна
Под ее невеселой холодной улыбкой.

Т в о р о г о в

Ну, рехнулся... чего ж глазеть?
Вяжите!
Чай, не выбьет стены головою.
Слава Богу! конец его зверской резне,
Конец его злобному волчьему вою.
Будет ярче гореть теперь осени медь,
Мак зари черпаками ветров не выхлестать.
Торопитесь же!
Нужно скорей поспеть
Передать его в руки правительства.

П у г а ч е в

Где ж ты? Где ж ты, бывлая мощь?
Хочешь встать — и рукою не можешь двинуться!
Юность, юность! Как майская ночь,
Отзвенела ты черемухой в степной провинции.
Вот всплывает, всплывает синь ночная над Доном,
Тянет мягкой гарью с сухих перелесиц,
Золотою известкой над низеньким домом
Брызжет широкий и теплый месяц.
Где-то хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица,
И всё дальше, всё дальше, встревоживши сонный луг,
Бежит колокольчик, пока за горой не расколется.
Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Март—август 1921

Анатолий Борисович Мариенгоф родился 24 июня 1897 года в Нижнем Новгороде в семье служащего (по некоторым сведениям, «отец его, крещеный еврей, был известным в своем городе врачом»¹). В молодости родители были актерами, под псевдонимами Марин и Казанская играли в провинции, и хотя потом оставили сцену, страсть к театру, увлеченность литературой царили в доме и передались сыну, который в детстве перечитал русскую классику и многое из западной. Сначала он посещал частный пансион, а в 1908 году был определен в престижный Нижегородский дворянский институт Императора Александра II. Стихи начал писать лет с двенадцати. Больше других поэтов любил тогда А. Блока. В 1911 году вместе с одноклассниками выпускал журнал «Сфинкс», печатавшийся на гектографе.

В 1913 году внезапно умерла мать. Отец с двумя детьми (у Анатолия была младшая сестра) переехал в Пензу, где ему была предложена должность управляющего отделением общества «Граммфон». Анатолий продолжил учебу в 3-й частной гимназии С. А. Пономарева. Здесь в 1914 году он издает журнал «Мираж», «более чем наполовину заполняя его собственными стихами, рассказами, статьями...»².

Неординарным для юноши событием явилось путешествие летом 1914 года по Балтике на учебной парусной шхуне «Утро». Он побывал в Финляндии, Швеции и Дании и получил матросское свидетельство, чем чрезвычайно гордился. Однако плавание внезапно прервалось — началась мировая война. Отрывки из путевого дневника, который Мариенгоф вел на судне, были напечатаны в газете³.

В 1916 году гимназия закончена. Юноша поступает на юридический факультет Московского университета и сразу же идет на военную службу. Но на передовую, куда он стремится, попасть не удается — он определен в 14-ю Инженерно-строительную дружину За-

¹ Письмо А. Крона М. Ройзману от 19 окт. 1966 г. // Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 195.

² Мариенгоф А. Автобиография // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 133. Л. 3.

³ См.: Полтора месяца на шхуне «Утро»: (Отчет ученика-экскурсанта) // «Пензенские ведомости». 1914, 28 окт.

падного фронта. Служит сначала табельщиком, затем заведующим канцелярией. На досуге пишет свою первую пьесу в стихах — «Жмурки Пьеретты», которая была сыграна медсестрами и дружинниками.

В дни Октябрьской революции Мариенгоф возвращается в Пензу и с головой уходит в литературу: создает первую группу имажинистов, включившую соученика по гимназии поэта И. Старцева и художника В. Усенко; вместе с друзьями в начале 1918 года выпускает журнал «Комедиант» (вышло три номера) и участвует в альманахе «Исход»; печатает первую книжку стихов — «Витрина сердца».

Летом белые чехословаки входят в город, и случайная пуля убивает отца. Поэт уезжает в Москву. Поступает литературным секретарем в издательство ВЦИК. Вскоре происходит его встреча с Есениным, имевшая существенное значение в судьбах обоих. Потом знакомится с В. Шершеневичем и Р. Ивневым. Так оформляется группа имажинистов, заявившая о себе «Декларацией», опубликованной в январе 1919 года в журнале «Сирена» (Воронеж) и 10 февраля в газете «Советская страна». В том же номере газеты напечатана поэма Мариенгофа — «Магдалина». Для имажинистов, в том числе и Мариенгофа, настает период чрезвычайной активности. В 1919 году созданы: «Ассоциация вольнодумцев» (Мариенгоф вместе с Есениным написал текст устава и вошел в правление), книжный магазин «Московской трудовой артели художников слова», кафе «Стойло Пегаса», кооперативное издательство «Имажинисты». Стихи Мариенгофа печатаются во многих выпускаемых издательством сборниках, в журнале «Гостиница для путешественников в прекрасном» (1922—1924), в редактировании которого он принимает самое активное участие. За 1919—1922 годы в издательстве «Имажинисты» выходит семь его небольших стихотворных сборников. Поэт приобретает немалую известность. Критики спорят о его творчестве, оценки даются взаимоисключающие.

Тесная дружба связывает Мариенгофа с Есениным. Их биографии словно бы переплетаются. Осенью 1919 года они поселяются вместе и на несколько лет становятся почти неразлучны. Пишут одновременно в одном жанре, как бы соревнуясь: в 1920-м — теоретические работы: «Принялись оба за теорию имажинизма. Не знаю, куда девалась неоконченная есенинская рукопись. Мой „Буян-остров“ был издан Кожебаткиным к осени»¹; в 1921-м: Есенин — драматическую поэму «Пугачев», Мариенгоф — трагедию «Заговор дураков», а затем читают обе эти вещи в Театре Мейерхольда. Посвящают друг другу многое из написанного. Вместе ездят по стране: летом 1919-го побывали в Петрограде, весной 1920-го — в Харькове, летом — на Кавказе. Публикуют в печати письма друг к другу, чем вызывают негодование критиков. Некоторые совместные замыслы остались неосуществленными: два сборника — «Двурядница» (в него должны были войти поэмы — «Пантократор» Есенина

---

¹ Возможно, речь идет о доработке Есениным своей книги «Ключи Марии» (сентябрь—ноябрь 1918 г.), посвященной «с любовью Анатолию Мариенгофу». Она, как и «Буян-остров», вышла в изд-ве «Имажинисты» осенью 1920 г.

и «Магдалина» Мариенгофа) и «Эпоха Есенина и Мариенгофа», монографии о творчестве Г. Якулова и С. Коненкова.

Расхождение между друзьями, наступившее в конце 1923 года, послужило после смерти Есенина (и до сих пор служит) поводом для несправедливых упреков в адрес Мариенгофа, который якобы оказывал на Есенина отрицательное влияние. Однако близкие друзья обоих свидетельствуют об обратном. «Я считаю, — пишет, например, Р. Ивнев, — что дружба Есенина с Мариенгофом была настолько большой и настоящей, что она продолжает „посмертное существование“, несмотря на происшедший разрыв»¹.

В канун 1923 года Мариенгоф женился на артистке Камерного театра А. Б. Никритиной. Трижды, в 1924, 1925 и 1927 годах, побывал за границей — во Франции, Германии и Австрии, выступал там со своими стихами. Впечатления от первых двух поездок отразились в «Поэме четырех глав» и многих стихотворениях, включенных в сборник «Стихи и поэмы» (Л., 1926). За ним последовали три книжки стихов для детей — «Такса Клякса» ([Л., М.], 1927), «Мяч-проказник» ([Л.], 1928) и «Бобка-физкультурник» (М., 1930).

К середине 1920-х годов издательство «Имажинисты» закрылось, и печататься Мариенгофу становится все труднее — для советских официальных издательств он представляет «некоторые неудобства»².

В 1928 году Никритина перешла в Большой драматический театр, и семья перебирается в Ленинград. К этому времени в творчестве Мариенгофа происходят значительные изменения. Стихи отходят на второй план. «Со смертью Есенина и переездом в Ленинград, — пишет он в «Автобиографии», — закончилась первая половина моей литературной жизни, в достаточной мере бурная. С 30-х годов я почти целиком ухожу в драматургию. Моя биография — это мои пьесы»³. Мариенгоф написал более десяти больших пьес и множество скетчей. На сцене ставились: «Заговор дураков» (1923; Проекционный театр), «Вавилонский адвокат» (1924; Камерный театр), «Люди и свиньи» (1931; Московский театр сатиры), «Шут Балакирев» (1940; Московский театр Ленсовета, БДТ им. М. Горького), «Суд жизни» (1948; пьеса ставилась во многих периферийных театрах) и другие, в том числе созданные вместе с М. Козаковым «Преступление на улице Марата» (1945; Ленинградский драматический театр) и «Золотой обруч» (1946; Московский драматический театр). В военные и послевоенные годы на эстраде широко исполнялись его скетчи.

В 1924—1925 годах Мариенгоф работал заведующим сценарным отделом Пролеткино, а вскоре, главным образом в соавторстве с друзьями, начал писать киносценарии. Всего их создано около десяти. Несколько фильмов было поставлено, в том числе «Дом на Трубной» (совместно с Б. Зоричем, В. Шершеневичем, В. Шкловским, Н. Эрдманом; реж. Б. Барнет, 1927), «Проданный аппетит»

¹ И в н е в Р. У подножья Мтацминды. М., 1981. С. 80. См. также: Р о й з м а н М. Все, что помню о Есенине. С. 195.

² Письмо Мариенгофа А. К. Воронскому от 28 окт. 1925 г. //Лит. наследство. 1983. Т. 93. С. 605.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 133. Л. 4 об.

(совместно с Н. Эрдманом; реж. Н. Охлопков, 1928), «Посторонняя женщина» (совместно с Н. Эрдманом; реж. И. Пырьев, 1929), «О странностях любви» (совместно с Б. Гусманом; реж. Я. Протазанов, 1935).

Одним из ведущих жанров в творчестве Мариенгофа становится теперь проза. Большую известность получил «Роман без вранья» (Л., 1927), выдержавший три издания. В 1928 году в берлинском издательстве «Петрополис» вышел роман «Циники».

В сентябре 1929 года в печати развернулась широкая кампания, направленная против Б. Пильняка, в связи с публикацией в том же издательстве его повести «Красное дерево». Писателя обвиняли в «измене революции», «политическом двурушничестве и литературном вредительстве». Вскоре к нему присоединили Е. Замятина, чей роман «Мы» также вышел в «Петрополисе». Потребовали объяснений и у Мариенгофа. 1 ноября 1929 года он направил в правление МО Всероссийского союза советских писателей письмо, где разъяснял, что, прежде чем опубликовать роман в Германии, заключил договор на его печатание с Ленигизом. И все же, опасаясь травли, вынужден был признать «появление за рубежом произведения, не разрешенного в СССР, недопустимым»¹. Постановление правления МО от 2 ноября гласило: «Тенденциозный подбор фактов в романе „Циники“, искажающий эпоху военного коммунизма и первого периода нэпа, делает книгу объективно вредной и неприемлемой для советской общности...»². В 1930 году в издательстве «Петрополис» вышел второй роман Мариенгофа — «Бритый человек», к счастью для автора прошедший в советской печати незамеченным. Оргвыводов не последовало.

В 30-е годы Мариенгоф работает над историческим романом «Екатерина»³. В 1953 году приступает к автобиографической книге «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги»; ее сокращенный вариант — «Роман с друзьями» — был опубликован посмертно⁴.

Свой отчет по секции драматургов ЛО ССП от 21 сентября 1939 года, перечислив пьесы, над которыми он работал в последнее время, Мариенгоф заключает неожиданно: «А вообще сейчас пишу лирические стихи»⁵. Действительно, он опять обратился к стихам. Однако давались они ему теперь с трудом. Просмотрев свой рукописный сборник «Анне Никритиной» (1926—1929), он отмечает: «Перечел через 10 лет, и будто писал все это не я — не моя манера, не мои мысли, не мои чувства. Вот так история! (1939)»⁶. В 1938—1939 годах пишет цикл «Стихи о любви», затем сборник стихотворных миниатюр «После этого» (1940—1955), посвященный памяти трагически погибшего сына.

Потребность в поэтическом слове Мариенгоф снова ощутил в начале Великой Отечественной войны. В июне 1941-го он приходит

¹ «Лит. газета». 1929, 4 нояб.

² Там же.

³ Фрагменты опубл. в газ. «Лит. Ленинград» (1936, 14 янв.) и журн. «Лит. современник» (1936, № 9—10); полностью — в кн.: М а р и е н г о ф А. Это вам, потомки! СПб., 1994.

⁴ См.: «Октябрь». 1964, № 9—10.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 133. Л. 34.

⁶ РНБ. Ф. 465. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

на Ленинградское радио и ежедневно пишет баллады (очерки в стихах) о подвигах защитников Родины, тут же звучащие в выпусках «Радиохроники». Вскоре, вместе с Большим драматическим театром, Мариенгоф с женой был эвакуирован в город Киров, где прожил около трех лет. Здесь в 1942 году выходят две его книги — «Пять баллад» и «Поэмы войны». Сборники эти оказались последними поэтическими публикациями поэта.

Вновь к стихам он вернулся в 50-е годы, теперь уже с целью подготовки их для издания. Но связь со своими же стихами оказалась потеряна. «На досуге я перечитал книжицу, изданную в 1920 году, — пишет он в предисловии к циклу „Поэт и женщины“ (1920, 1958). — Стихи мне не понравились. Но почти в каждом попадались, на мой взгляд, две-три хорошие строчки. <...> И вот, тщательно отделив их от чепухи, я вокруг каждой „жемчужинки“ (важно сказано!) написал новые стихотворные строчки, учтя при этом свой некоторый опыт, драматический и в прозе»¹. Эту операцию он проделал с поэмой «Магдалина» и с большинством стихов конца 10-х—20-х годов, в результате чего они потеряли связь с контекстом времени, в которое были созданы.

В 1958 году Мариенгоф представил в ЛО издательства «Советский писатель» рукописи двух книг — «Стихи разных лет» и «Избранное»; последняя включала две пьесы, семь скетчей и отрывки из мемуаров. В следующем году оба сборника были отклонены. Выпустили книгу в составе лишь двух пьес: «„Рождение поэта“. „Шут Балакирев“» (Л., 1959).

24 июня 1962 года Мариенгоф умер. В 60-е—начале 70-х годов вопрос об издании его произведений ставился неоднократно. Книга прозы была издана в 1988 году².

106

Из сердца в ладонях
Несу любовь.
Ее возьми —
Как голову Иоканана,
Как голову Олоферна...
Она мне, как революции — новь,
Как нож гильотины —
Марату,
Как Еве — змий.
Она мне, как правоверному —
Стих
Корана,
Как, за Распятого,

¹ РГАЛИ. Ф. 2269. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

² См.: Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л., 1988.

Иуде — осины
Сук...
Всего кладу себя на огонь
Уст твоих,
На лилии рук.

1916

107

Ивану Старцеву

Даже грязными, как торговок
Подолы,
Люди, люблю вас.
Что нам, мучительно-нездоровым,
Теперь —
Чистота глаз
Савонаролы,
Изжога
Благочестия
И лести,
Давида псалмы,
Когда от Бога
Отрезаны мы,
Как купоны от серии.

1917

108

Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза
И на крыши сползла по ресницам.
Встала печаль, как Лазарь,
И побежала на улицы рыдать и виниться.
Кидалась на шеи — и все шарахались
И кричали: безумная!
И в барабанные перепонки вопами страха
Били, как в звенящие бубны.

1917

Дикие кочевые
 Орды Азии
 Выплеснули огонь из кадок!
 Отомщена казнь Разина
 И Пугачева
 Бороды выдранный клочок.
 Копытами
 Прокопытен
 Столетиями стылый
 Земли затылок,
 И ангельское небо, как чулок
 С продранной пяткой,
 Вынуто из прачечного корыта
 Совершенно чистеньким.

1917

Пятнышко, как от раздавленной клюквы.
 Тише. Не хлопайте дверью. Человек...
 Простенькие чегыре буквы:
 — умер.

<1918>

Кровью плюем зазорно
 Богу в юродивый взор.
 Вот на красном черным:
 «Массовый террор».
 Метлами ветру будет
 Говядину чью подмесьть.
 В этой черепов груди
 Наша красная месть.
 По тысяче голов сразу
 С плахи к пречистой тайне.
 Боженька, сам Ты за пазухой
 Выносил Каина,

Сам попригрел периной
Мужицкий топор, —
Молимся Тебе матерщиной
За рабьих годов позор.

1918

112. ОКТЯБРЬ

Покорность топчем сыновью,
Взяли вот и в шапке
Нахально сели,
Ногу на ногу задрав.

Вам не нравится, что хохочем кровью,
Не перестирываем стиранные миллион раз тряпки,
Что вдруг осмели
Оглушительное тьякнуть — тья!

Да-с, спинной позвоночник,
Как телеграфный столб, прям,
Не у меня — у всех
Горбатых века россиян.

Кто на земле нас теперь звонче?..
Говорите — Бедлам,
Ни столбов верстовых, ни вех, —
К дьяволу! На паперти великолепен наш красный
канкан.

Что, не верите, — вот оравы,
Табуны туч по приказу людскому,
И небо как бабий салоп,
И ни одной солнца реснички...

Опять Иисус на кресте, а Варавву
Под руки и по Тверскому...
Кто оборвет, кто — скифских коней галоп?
Поющие марсельезы смычки?

Слыхано ль было, чтоб ковальщик
Рельсовых шару земному браслет
Дымил важно так махоркой,
Как офицер шпорами звякал?

Спрашиваете: а дальше?
А дальше пляшущих сотни лет,
Во все двери торкнемся,
И никто не скажет: выкуси на-ка.

Мы! мы! мы всюду
У самой рампы, на авансцене,
Не тихие лирики,
А пламенные паяцы.

Ветошь, всю ветошь в грудь
И, как Савонарола, под пенопенья
Огню!.. Что нам! кого бояться,
Когда стали мирами крохотных душ мирики.

1918

113. РОССИИ

Чаяния
Твои изрыгают недра,
А ты под нож
Подставляешь живот с отчаяния...

Еще зачатъя
Будут на красном ложе,
Еще роды...

Твои щедро
Тела богатства
Разделить надо во имя братства...

Скоро
К сосцам твоим присосутся,
Как братья,
Новые своры
Народов...

Еще не одна революция
Нянчиться будет в твоей зыбке...

Пламени море
С твоих кровель

Кинется зверем
На небоскребов
Ржавые спины...

Из твоего чрева,
Из твоего ада
Пьяному кровью
Миру вынут
Новую дочь,
Новую Еву...

Ах,
Первая, Россия, ты
Вчерашнюю
Сдобу
Истории
С высоты башни
Анафеме предала...

Мах
У какого косца при косьбе больше?

Разве не ты
Поганую в жертву овцу
Из поганого стада
Отцу
Принесла?

Разве не ты,
Побежденная,
Победительницей с поля
Бежала брани?

О, доколе же,
Россия, доколе
Пламенем ослепленные
Не увидят, что недра твои изрыгают чаяния?

1918

Отчаяние
 Бьется пусть, как об лед лещ;
 Пусть в печалях земли сугуляются плечи.
 Что днесь
 Вопь любви, раздавленной танками?..
 Головы человечьи,
 Как мешочки
 Фунтиков так по десять,
 Разгрузчик барж,
 Сотнями лови, на!
 Кровь, кровь, кровь в миру хлещет,
 Как вода в бане
 Из перевернутой разом лоханки,
 Как из опрокинутой виначерпием
 На пиру вина
 Бочки.

Воины...
 Жертвы...
 Мертвые...
 Нам ли повадно
 Траурный трубить марш,
 Упокойныя
 Ставить свечи,
 Гнусавить похоронные песни,
 Истечь
 В надгробных рыданиях?
 Нам — кричащим:
 «Тресни,
 Как мусорный ящик,
 Надвое, земли череп»,
 Нам — губами жадно
 Припадающим к дымящейся ране, —
 Понявшим истинно небывалую в мире трагедию.

Что убиенные!..
 Мимо идем мы, мимо —
 Красной пылая медью,
 Близятся стены
 Нового Иерусалима.

1918

Твердь, твердь за вихры зыбим,
 Святость хлещем свистящей нагайкой
 И хилое тело Христа на дыбе
 Взыбливаем в Чрезвычайке.

Что же, что же, прощай нам, грешным,
 Спасай, как на Голгофе разбойника, —
 Кровь Твою, кровь бешено
 Выплескиваем, как воду из рукомойника.

Кричу: «Мария, Мария, кого вынашивала! —
 Пыль бы у ног твоих целовал за аборт!..»
 Зато теперь: на распеленутой земле нашей
 Только Я — человек горд.

1918

Я пришел к тебе, древнее вече,
 Темный люд разбудил медным гудом,
 Бросил зов, как собакам печень,
 Во имя красного чуда.

Назови же меня посадником,
 Дай право казнить и миловать.
 Иль других не владею ладней
 Словом, мечом и вилами?

Застонет народ чистый
 От суда моего правого —
 С вами вместе пойдем на приступ
 Московии златоглавой.

Затопим боярьей кровью
 Погреба с добром и подвалы,
 Ушкуйничать поплывем на низовья
 И Волги и к гребням Урала.

Я и сам из темного люда,
 Аль не сажень косая — плечи?
 Я зову колокольным гудом
 За собой тебя, древнее вече.

<1919>

Толпы, толпы, как неумные рощи,
 В вороньем клетоте, —
 Кто-то Бога схватил за локти
 И бросил под колеса извозчику.

Тут и тут кровавые сгустки,
 Площади как платки туберкулезного, —
 В небо ударил копытами грозно
 Разнузданный конь русский.

Архангелы гневно губы пригубили:
 «Небесное воинство на азиатскую волю!»
 Артиллерия била по «Метрополю»,
 Выкусывая ключья из Врубеля.

«Второго Христа пришествие...»
 Зловеще: «Антихриста окаянного...»
 На перекрестках, углах горланно:
 «Вечерние, вечерние известия!»

Хлюпали коня подковы
 В жиге мочи и крови...
 В эти самые дни в Московии
 Родился Саваоф новый.

< 1919 >

Каждый наш день — новая глава Библии.
 Каждая страница тысячам поколений будет Великой.
 Мы те, о которых скажут:
 «Счастливы, в 1917 году жили». —
 А вы всё еще вопите: «Погибли!»
 Всё еще расточаете хныки!
 Глупые головы,
 Разве вчерашнее не раздавлено, как голубь
 Автомобилем,
 Бешено выпрыгнувшим из гаража?!

< 1919 >

Багровый мятежа палец тычет

В карту

Обоих полушарий:

«Здесь!.. Здесь!.. Здесь!..»

В каждой дыре смерть венником

Шарит:

«Эй! к стенке, вы, там, все — пленники...»

И земля, словно мясника фартук,

В человеческой крови, как в бычьей...

«Христос Воскресе!»

< 1919 >

Василию Каменскому

Эй! Берегитесь, — во все концы

С пожарища алые головни...

Кони! Кони! Колокольчики, бубенцы,

По ухабам, ухабам, ухабам дровни.

Кто там кучер? Не надо кучера!

Какая узда и какие вожжи!..

Только вольность волю сердца навьючила,

Только рытвинами и бездорожьем.

Удаль? — Удаль. — Да еще забубенная,

Да еще соколиная, а не воронья!

Бубенцы, колокольчики, бубенчите ж, червонные!

Эй вы, дьяволы!.. Кони! Кони!

< 1919 >

Возьми мою душу, как паникадило,

Возьми и расплескивай голубой фимиам.

А улицы пахнут цветочным мылом

И кровью, липнущей к каблукам.

Кто это сваливал вчера в нас-то

Пламени глыбы ударами кирк? —

Небо — в красном трико гимнаста,
А город — обезумевший цирк.

Ладонями в двери! Кулаками! Но в чьи?
Каждая была ведь на американский замок.
Бесстыден, как любовница в лифчике,
Выживший из ума рок.

Кучки оборвышей. Казачья сотня.
Неужели у каждого сухарь в груди?
Всякий задворок, всякую подворотню
Ладаном души моей окади.

< 1919 >

122

Словно навозные кучи кабан,
Разворачивает души отчаяние. —
И как не лопнули перепонки барабанные
У земли от визга стальных гортаней?!
Смотрите, смотрите: одни горбатые,
Шестнадцатилетние безобразней старух, —
Только шрапнели кувыркаются акробатами
Под треск космических оплеух.
Какие юродивые накликали миру
Ширококрылых когтистых вьюг?
Разве можно сегодня спокойно галопировать
Даже на выдрессированной кобыле по кругу?!
Ах, не привыкнуть к жужжанию пуль
(Уху верста, а не мили и ярды).
Какой же, какой цирюльник
Обреет пожарами рыжие бакенбарды?
Неужели только глаза ребенка
Увижу в доме душевнобольных?
И как не лопнули барабанные перепонки
У земли от визга гортаней стальных?!

< 1919 >

123. КОНДИТЕРСКАЯ СОЛНЦ

Поэма

1

Утро облаков паруса,
Месяца голову русую
В лучей головни.
Город языками улиц в неба тарелку,
А я в блюдах зрачков ненависти ланцет
Всем поголовно.
«Как воздух, человеческого мяса полтора фунта!»
В восстаний венце,
С факелом бунта
С двенадцати на двенадцать на часах
справедливости стрелка.

2

Как земля солнца вокруг,
Земли вокруг — разрушений ядра.
Ко всему нулевой итог,
В дышлах революционных выюг
Земле — пожаров экваторы.
Земля по орбите в пожаров пальто.
Никакой жалости, никакой любви.
Как сахар в ступке —
Детские косточки — смертей грузовик, —
Туберкулезного харк-трупика.

3

Смерд.
Смертию смерть, смерть смертию.
На души галоши,
В галошах по крови земли, —
Этих бурь ломовая лошадь
По ухабам червонной зари кули.
Перед зорями смерть патриархом.
Смерд,
Смертию смерть, смерть смертию.
«Ана-а-а-рхия!»

Никогда за ее ресниц полог,
 Зрачки, как в синюю высь голубки.
 С злобою Окаянного Святополка
 Города́ крови кубки
 Залпом.
 Воплей залп —
 Неба живот в дрожь.
 По крышам, как по доске кегельбана,
 Туда и сюда пожаров ядро.
 Панихиды в соборах, как дробь барабанная.

Никогда поцелуи ночь на груди́й канделябры,
 И пальцы в кружевах юбки,
 Как в бурьяне
 Грабли.
 Площади до капельки крови кубки.
 Клыками артиллерия
 Улиц артерии,
 Говядину человечью в куски.
 Миряне,
 Это — в небо копытами грозно конь русский.

Из Москвы в Берлин, в Будапешт, в Рим
 Мясорубку.
 В Африке крылья зари,
 В Америке пламени юбка,
 Азия, как жонглер шариками, огнем...
 С каждым днем
 Всё железней, всё тверже
 Горбылевые наши выи, —
 Революция — огненный стержень,
 На котором и я и вы.

Месяц ввысь дискобол,
 И туда же — электричества дротинки,
 Ручные гранаты о мостовые,
 Как истеричка затылком о пол.

Пятилетней до крови ротик,
Сына завтра на вы я,
Как любовницу, дочь на ложе.
Шрапнели в брюхо земли —
И кишки по торцам, как вожжи, —
Этих бурь ломовая лошадь
По ухабам червонной зари кули.

8

Человек. Красивый, какой красивый —
— месиво!..
Танки кости, как апрель льдинки.
Досыта человеческой говядины псы..
С запахом самки
Крови парной крынки.
Горами души бицепсы.
Гаубицы
Стаканы в простыни облаков голубицами,
А солнце земле улыбки на щеках ямками.

9

И еще смерть губами гброда торс —
Так октября утро торцы,
И еще перед ней миряне колени
И в епархии:
«Мно-о-о-огая ле-е-ета!»
Это
Поэту ведь только поэма анархия
И поэмы — пожаров нимбы,
А им бы:
Мир на земле и в человецех благоволение.

10

О какой там поэты музе,
Когда в музеях
Любовь под рубрикой?
Пора со старух парики,
В пепел — веков наследство!
Из кирпичных волос огненным гребнем парх я..

Так, так земля — канкан на ланцете с факелом бунта
В венце восхитительных бедствий.
Как воздуху, человеческого мяса полтора фунта!
«Ана-а-а-архия...»

< 1919 >

124

Руки царя Ирода,
Нежные, как женщина на заре,
Почему вы, почему не нашли выродка,
Родившегося в Назарете?

Матери, рыдающие над теми,
Чьи холодны были тельца,
Вы тогда, тогда уже в Вифлееме
Возненавидели будущего рабовладельца.

Ведь недаром же крестные муки
Разделил Он с двумя разбойниками!
Ирода нежные руки,
Вам простили крохотные покойники.

Январь 1919

125. МАГДАЛИНА

Позма

ГЛАВА 1

С любовью Сергею Есенину

1

Бьют зеленые льдины
Дни о гранитные набережные.
А я .говорю: любовь прячь, Магдалина,
Бережно.
Сегодня, когда ржут
Разрывы и, визжа над городом, шрапнели
Вертятся каруселями,
Убивая и рая,

И голубую вожжу у кучера вырывают смертей кони, —
Жители с подоконников
Уносят герани,
И слякотно: «Сохрани нам копеечки жизни Бог!..»
А я говорю: «Прячь, Магдалина, любовь до весны, как
проститутка „катеньку“ за чулок».

2

Магдалина,
Я тоже люблю весну.
Знаешь, когда, разбивая, как склянки,
Тинькает
Солнце льдинками.
А нынче мохнатые облака паутиной
Над сучьями труб виснут,
И ветер в улицах кувыркается обезьянкой,
И кутают
Туманы пространства в тулупы, в шубы, —
Еще я хочу, Магдалина,
Уюта
Никогда не мятых мужчиной
Твоих кружевных юбок.

3

О ком? Ни о ком.
Ах, сметены, сметены
Метлами ветра в кучи, в груды,
Скатаны в ком —
Облака.
Не надо, не надо нам выжатого из сосцов луны
Молока.
Слушай, ухом к груди,
Как хрипло водопроводами город дышит...
Как же любить тебя, Магдалина, в нем мне?
Нет, ничего не хочу и не буду помнить...
Поэт. Разве?.. Как все, как эти —
Асфальтовых змей выкидыш.
Дай же, дай холодных белых рук твоих, Магдалина,
плети.

Стихами кропя ли
 Улицы, буду служить молебны.
 Смотри, Магдалина,
 Нелюбы
 Опять распяли
 Поэта в зеркальных озерах витрин...
 Только губы, твои, Магдалина, губы,
 Только глаза небные,
 Только волос золотые рогожи
 Сделают воском
 Железо крестных гвоздей.
 Магдалина, я тоже ведь, тоже
 Недоносок
 Проклятьями утрамбованных площадей.

Помню, вдруг выбежали глаза ребенка
 Из дома душевнобольных
 И заметались в бензинной
 Копоти.
 Увидел. — «Имя, имя твое?» — «Магдалина...»
 Кажется, где-то барабанные перепонки
 Слышали. Даже, быть может, в стальных
 Колокольных звонах,
 Может быть, в реве трубы Иерихонской
 Или у ранней обедни...
 Тише, словами не топайте
 Топотом эскадрона. —
 Не я, Магдалина, а ветер копытами конскими
 В ставни любви последней.

Соломоновой разве любовью любить бы хотел?
 Разве достойна тебя поэма даже в сто крат
 Прекрасней, чем «Песня Песней?»
 Ей у ступней
 Твоих ползать на животе
 И этим быть гордой.
 Разве твое не прекраснее тело, чем сад
 Широкобедрый
 Вишневый в цвету?

Ради единой
Слезы твоей, Магдалина,
Покорный, как ломовая лошадь
Кнуту,
Внес на Голгофу я крест бы как сладкую ношу.

7

В проломленный льдинами
Борт
Души — любви пламень...
Как же мне, Магдалина, портновским аршином
Вымеривать страданиями огаженные тротуары?
Каким абортom
Растрланное твоими глазами
Сердце спасти? Старая
Песенка!.. Опять про весну
Панели захлюпали снегом, разъеденным солью...
Магдалина, слышала — Четвертым
Анатолию
Предложили воссесть одесную,
А он, влюбленный здесь на земле в Магдалину:
«Не желаю!» — гордо.

8

В кубок
Поэмы для тебя соберу, Магдалина,
Стихов брызги.
Может быть, будут взвизгивать
Губы:
«Смеее-й-ся, па-яяц»;
Может быть, в солнце кулаком — бац.
А вы, там — каждый собачьей шерсти блоха,
Ползайте, собирайте осколки
Разбитой клизмы...
Каким, каким метеором, Магдалина,
Пронеслись мы
Над землей, голодным воющей волком?..
Разве можно о любви, как Иисусик, вздыхать?

Что? Как?

Молчите! Коленом, коленом

Пружины

Ее живота — Глаза — тук! так! —

В багет, в потолок, о стены,

Наружу...

«Магдалина!»

А-а-а-х!.. — Шмыг

Крик

Под наволочку. А губы! Губы!

Это. Нет. Что Вы — уголок подушки

Прикушенный. Чушь!

А тело? Это?.. Это ведь — спущенных юбок

Лужи.

10

Можно ли помнить о всякой вине,

Магдалина?

О нас же с тобой не напишут в Завете,

Нашим скрижалям не выстроят скинию.

Раскаяние свернется улиткой

Уныния

В каменной сердца раковине.

Твои, Магдалина,

Глаза ведь

На коврах только выткать!

Магдалина, мы в городе — кровь, как из водопровода;

Совесьть усовершенствованнее канализации.

Нам ли, нам ли с тобой спастись,

Когда корчится похоть, как женщина в родах.

11

Опять трехдюймовки хохотали до коликов,

Опять артиллерия заграбастывала кварталы в охапку,

И в небе дымки кувыркались красноглазыми

кроликами. —

Эй, купола, снимайте же шапки!

Довольно по тучам кресты

Волочить, как слюни!

На папертях голоикрым канканом

Май вертокружит с июнем,

Революция с революцией. Магдалина,
Я тоже пьяный,
Я тоже прыгал через костры
И, шалый,
В огненном казакине
Танцевал лезгинку с кинжалом.

12

Граждане, душ
Меняйте белье исподнее!
Магдалина, я также сегодня
Приду к тебе в чистых подштанниках.
Что? — Кажется смешной трансформация?
Чушь!
Поэт, Магдалина, с паяцем
Двоюродные братья: тому и другому философия
С прочим —
— мятные пряники!
Пожалуйста, покороче:
Любовь и губы.
Ах, еще я хочу уюта твоих кружевных юбок.

13

Что это, это —
Красных чернил лужа ведь?
Магдалина, Магдалина, почему же на кружеве?
Кричи, Магдалина!
Нет,
Лжешь! Пружины,
Как тогда, живота коленом.
Молчишь?.. Молчишь?!. Я выскребу слова с языка.
А руки,
Руки белее выжатого из сосцов луны молока.
Кричи, Магдалина! Я буду сейчас по черепу стучать
Поленом...
Ха-ха! Это он — он в солнце кулаком — бац!
«Смеее-й-ся, пая-яц...»

ДНИ ГОРБЫ

Вадиму Шершеневичу

1

Дни горбы по ступенькам
 Из погребов тысяча девятьсот восемнадцатого...
 Сейчас — на хрусткий крахмал улиц солнца кашне бы,
 А тут: звенькают
 Вьюги
 Ветрами, как в бубен, в небо,
 И тучи струги
 На зори, а зори красные лисьи
 Хвосты в сугробы...
 Где-то там — у памяти в святцах —
 — Магдалина.
 В зеленые льдины
 Выси
 Тоски хобот.

2

Больно, больно под конским крупом
 Любви ранам.
 Еще и еще в костеле
 Сердца: Ave Maria!..
 «Отдайте, отдайте!» — как в рупор
 С балкончика балагана.
 Какой же ты глупенький, Анатолий, —
 Им бы совдепы,
 А не твоей любви автомобильные фонари.
 Уйди, спрячься, как паровоз в депо, —
 Там чини отчаяния оси,
 Дней буфера...
 В холоде мартовского утра бронза осени,
 Октябрьских туч веера.

3

Смотрите, смотрите: носище влево,
 Котелок на штиблете,
 Галоша на лысине...

Будете, будете о поэте
Плакать, как об Эдеме Ева!
Зачем мне вашего неба абажур теперь,
Звезд луковицы,
Когда в душе голубой выси нет?
Доктор, в голове — как в вертепе!
Остановите! Мозг не может слученною сукой виться!
Выньте безумия каучуковые челюсти,
Со лба снимите ремни экваторов, —
Я ведь имею честь
Лечиться у знаменитого психиатра.

4

День, утренниками
Напудренный.
Суставами лед — хруст!
И —
— зеленый в зеленой зыбке...
Припадая к трости, асфальт чеканить.
Здравствуйте! Здравствуйте! У вас в прорубях
Глаз золотые рыбки,
А у меня, видите ли, сердца скворешник пуст...
Опять и опять любовь о любви,
Саломея об Иоканане,
Опять и опять
В воспоминанья белого голубя,
Стихами о ней страницы кропя.

5

День печалей свезет ли воз?
Ах, вчера снова два глаза — два кобеля на луну выли...
Откуда, чья это трогательная заботливость —
Анатолию лилии,
Из лилий лиру,
Лилии рук.
Да, да, конечно — напомнить: на красной трапедии
В зеленом трико
Весна.
Раньше бы: вон, к черту рама, в улицу крик:
«О-о-о!»

А нынче у окна
(О ком? Ни о ком) —
По струнам смычком
И даже: скрипке и струнам не стало петься.

6

Нет, тоски не выпадут зубы...
Лилии лилии... «Будем знакомы».
О ком? Ни о ком.
Так себе...
И тоже — уют кружевных юбок.
Знаете, на солнце хорошо кляксу бы
Туч осени — сентября, октября —
И ветер — зори плясать красными ляжками,
Подолы задрав...
В апреле обряд
Желтого траура с одра
Земли.
Простите, как выброшенные пригоршней волны
на пляж камни,
На тело души воспоминанья легли.

7

Вы со мной —
Так с ребенком колясочку катит мать
Нежно.
А я в пальцах пальцы, как любовницы злое письмо,
сомну,
А у меня в зрачках кромешная
Тьма.
Всё Магдалина, и привычно мысль около.
Дней колокол
Тихое помню не заглушит...
Выкатили глаза голыши.
И только: там-сям
Снега грязные бельма...
Во имя ее, Магдалины, возьми! отдамся!
Будем, будем крыльями губ вихрить апрель мы.

В поцелуев тугие мотки —
 Ненависти штопальную спицу, —
 Душу,
 Душу раздирают, как матку
 Жеребец кобылице...
 Подолы кровя кухарки,
 Петухом с отрубленной головою биться
 Буду, буду, убийца —
 Удушу,
 Как мокроту глаза выхаркивая!
 Ты это, ты, последняя,
 Выжала сердце, как губку, —
 Словно пальто в передней,
 Губы на юбке.

До свидания.
 Говорите: «Он был» — о поэте.
 Другой вашими пусть поцелуями будет увит, а не я,
 Другому несите вашей любви Ниццу.
 Смотрите: зубочисткой в кирпичных зубах
 Ковыряется солнце в городе.
 А я — «динь» — первый, «динь-динь» — второй,
 «динь-динь-динь» — третий,
 И двинется
 Поезд, шевеля буферами как крупом,
 К зеленой звезде семафора —
 Это моего сердца клубит и орет труба,
 Это моего сердца ищут колеса труппа
 Юноши,
 Для него расстланных губ таю нож.

Юрик, Юрик,
 В глазах олень у тебя, загнанный гончими,
 С ветвями в рогах лазури...
 Юрик губами молитвенно локончики,
 К родинке.
 Как к плащанице.
 Кожи замшу,
 Как просфору.

Даруй, даруй
Солнце живота твоего! Смородинками
Сосцов пьяниться!..
Новым молюсь глазам, шут.
Магдалина, верности выбит щит.
Душу кладу под новой любви глыбищу.

11

И снова толпы вихрявили
Улиц проторы.
И снова как камень пращой:
Туда, головой! в жигу!.. Смотрите,
Открытие:
У каждого отдушины глаз, нос вроде глетчера, уши
как котловины и рот, которым какие-то песни
ухали.

Вправе ли —
Частная собственность: чемоданчик сердца и еще
Какая-то рухлядь.
А я — безумия гроздь,
А я — через заборы
Всех совестей и рубаху души
Не разорвал о гвозди.

12

Улица на цыпочки — высосала, высосала
Из сосцов луны молоко, а вы
Говорите: утренниками
Напудренная.
Музыку! Музыку! Дом — кеуок
С каланчой...
Что это, — выклянчиваю:
— Сохрани мне копеечки здравого смысла,
Бог!..
Доктор, доктор, оковы
Со лба экваторов,
Выньте безумия каучуковые челюсти, —
Я ведь имею честь
Лечиться у знаменитого психиатра...

Начало 1919

1

Человеческих темных страд
 В щелях век неживые белки —
 Порубленных дней кора
 И золотые опилки.

Кто однажды сказал «пощади»,
 Тот не знает победы железной.
 Желтизною осенних щетин
 Человечья шкура облезла.

Что зрачков устремленных тазы
 (Слезной ряби не видеть пристань) —
 Если надо учить азы
 Самых первых звериных истин?!

2

Жилистые улиц шеи
 Желтые руки обвили закатов,
 А безумные, как глаза Ницше,
 Говорили, что надо идти назад.

А те, кто безумней вдвое
 (Безумней психиатрической лечебницы),
 Приветствовали волчий вой
 И воздвигали гробницы.

Мне над кем же — над теми ль, над этими —
 Рассыпать горстями душу?
 Или колпак надеть
 Колеблющихся воздуший?

3

К вам, кто умеет бегать
 Ветром в трепещущих ковылях,
 По завернутым в газеты снега
 Площадям иду себя вылить.

Какое имя — Россия,
Другое ли,
Всё равно, — только тем, кто несет
погромные колья,
Стихов серебряные росы.

4

Дней колодезная глубина,
Нам ли серые глаза струй черпать, —
Кровь — сентябрьская рябина,
Ведро — человеческий череп.

Тот, кто направил дул згу
В испепеленные жаждой рты,
Знал, что только к последнему визгу
Склоняется мирт.

5

Не было часов мокрей,
Мокротую красней, чем щебень, —
Острогом заломленный набекрень
Месяц забыл о небе.

Вожжой не переломить хребты
Кореннику и шарахнувшему пристяжкам. —
Вдавленный пуп крестя,
Нищие ждут лепты.

Опустится звезд жезл
Землю насквозь продырявить,
Прижечь раскаленным железом
Рваную рану яви.

6

Возлюбленную злобу настезь
И в улицы душ прекрасного зверя —
Крестами убийств крестят вас те же,
Кто кликал раньше с другого берега...

Говорю: идите во имя меня
Под это благословенье!
Ирод — нет лучше имени, —
А я ваш Ирод, славяне.

Желтые якоря —
 Заря на горбатых асфальтов дно,
 Медленно с окраин ночь —
 — дребезжащий черный фиакр.

На круглом голубом столе
 Звездных карт рассыпанная колода,
 Ледяны пальцы от холода
 Одних и тех же столетий.

Я знаю: увять и мне
 Всё на той же земной гряде
 И глазами маяков огромней
 Только в себя глядеть.

Зеленых облаков стоячие пруды
 И в них с луны опавший желтый лист
 Объять хочу и далеко и близь
 Немыслимой рукой наваленные груды.

Хочу белком коснуться острия,
 Пусть вытечет из глаз голубизна слепая;
 Хочу не польхаться на пламени костра я
 И тысячи кормить единым песни хлебом...

Задумавший с планеты перебег
 Не умерщвляет мозг, как пламень плоти инок, —
 Скорей прорвать молчания плотины
 И затопить пророчеством земли отвесный берег.

В раскрытую рану какую
 Неверия трепещущие персты?
 Сегодня Страстной монастырь
 Из горла выдавлю, завтра кухмистерскую.

И всё оправдания ради
 Широкого благословенья.
 Кого же еще родить
 Черному чреву деревень?..

Песчаных холмов татарские скулы,
Долин зеленые лбы —
Железолитейным гулом
Эту трупную тишь разбил бы.

Не моя за цыганским скарбом
Верность плетется — собачья,
Только тоска раба
По безоблачью...

А когда, выбившиеся из колеи,
Другую ищут слепые ноги,
Знаю: поют калики
Тем же голосом о том же Боге.

Май 1919

127. АНАТОЛЕГРАД

1

Каменный кот давил мышей.
Разве у мышей тоже на веках кружева?
Девушки, кладите стебельные шеи
Под асфальтовые подошвы.

Город, любовью к тебе гнию,
Твое ненавидя зачатые.
Какая величественная скиния
Пророческого косноязычья!..

...Завянут мыслей алые уголья,
Уйдет душа из костяной одежды.
В тучевых качающихся плоскогорьях
Не мычит человеческое безнадёжье.

2

Последний уроняю пепел
От жадно выкуренной боли.
Чье имя в песнопениях капелл?
В сиянии и золоте не свой ли вижу лик?

Не эти ль пальцы, выточенный мел,
Чертили в небесах священное бескрестье,
А им казался лебедь белый
И в взмахах крыл пасхальный благовест?

Битюг пропрет ли дум мешки —
Шатался круп, хрипели ноздри,
Замерзшей крови в теле камешки;
Приму покорно смерти постриг.

3

Убивец, довольно скуфью нести, —
От креста на брюхе кровоточащие сургучи!
Посмотрите, человеческие внутренности
У ветра на мерзлых сучьях.

Составя ли грозный перечень
Болтающихся гвоздичкой у смерти в петлице?..
Разве это солнце? — Это вывалившаяся печень,
Бешеные псы зубами вцепиться силятся.

Причащаются крови и тела революции,
Буря поет, молний надев стихарь.
Никакими птицами не выключются
Мертвые глаза стихов.

4

То берег, то нет берега.
Плывет земля с обрубленными канатами.
Только от страха у человека глаза теперь
Как большие пустые комнаты.

С масляной ветвью нет голубя.
У Анатолеграда камнями тонут материнские вздохи,
И сутки, хвостами ночей клубя,
Знают лишь лунные ледоходы.

Почему же по облачным шпалам
Всё ползут и ползут к нему человеческие
муравейники?
Говорю: в каждом дереве, грозой разодранном
пополам,
Во всяком вывороченном камне — откровение.

Безумья пес, безумья лапу дай,
 О, дай умалишенье тихое.
 Какая золотая падаль —
 Мои во времени гниющие стихи.

Когда обгложет кость голодное наследье
 И выкатит белки отравленное ядом,
 Другое знание в облачной ладье
 К вам приплывет из Анатолеграда.

Рыданье гирей пудовело в горле,
 Когда молилась месть кровавой матерщиной
 И в бородах пикбых королей
 Качалось солнце черной вишней.

Из городов в серебряных рек вены
 Вливается кровь падучая,
 А матери всё еще сокровенно
 Беременные животы пучат.

Довольно, довольно рожать! Из тела и кости
 пророка не ждем,
 Из чрева не выйдут Есенины и Мариенгофы;
 Если даже плоть прольется дождем,
 Такой не придет, чтобы новые указать кровы.

Есть глаза, которым всё видеть велено,
 Есть уши, которым дано всё слышать, —
 По горным снеговым расщелинам
 Наших слов золотые лыжи.

Кто в мир принес любви стеклянные сосуды,
 А кто глаза стеклянные вражды, —
 Столетия не числя, жду
 Немилосердного суда.

В озерах мутных дней не утонули
 Разбойных песен лодки,
 Мне протрубил желанный отклик
 Свинцовый и железный улей.

Еще не раз в мужицкой распре
Прополыхну над свистом топора;
Не раз еще ребенка смрадный прах
Повтбрит вещей бред.

8

А эти — идущие никуда и ниоткуда,
Только ступнями целовать асфальты, —
Разве удастся им из кармана пальто
Первой встречной тоску отдать?

А женщина, что на стальной оси
Вращает глаза, как синие глобусы,
Разве в ночи сумасшедше не голосит
Перед улыбающимся с креста Иисусом?

Всеми ими любви не растоптан пепел,
Сладчайшая боль не выкурена до ваты.
Вижу — какое благолепие! —
Повесили лик мой над детской кроваткой.

9

По глыбам тиши вечеров
Обвился слух лозой,
Морщин страдальные полозья
По лугу мудрого чела.

Из небосвода выпит воздух,
И нечем чашу вновь наполнить.
Копыта падающих звезд
Из сини выбивают молнии.

Кто говорит: быть кораблю на дне,
По борту крысы ряд за рядом?
Слепые, зрите — ястребы огней
Уже плывут из Анатолеграда!

Октябрь 1919

128. РУКИ ГАЛСТУКОМ

Поэма

1

Обвяжите, скорей обвяжите вокруг шеи
Белые руки галстуком,
А сумерки на воротнички подоконников
Клади подбородки, грязные и обрюзгие,
И на иконе неба
Луна шевелила золотым ухом.

2

Глаза влюбленных умеют
На тишине вышивать
Узоры немых бесед,
А безумие
Нелюбимых поднимается тишины выше,
Выше голубых ладоней поднебесья.

3

Прикажет — и лягу проспектом у ног
И руки серебряными панелями
Опущу ниц —
Руно
Молчания собирать хорошо в кельи
Зрачков сетью ресниц.

4

Губами жевать красную ветвь
Губ. Глазами синевы дерн
Глаз. Из сапога ночи выдернул
Рассвет
Желтую ногу
И опустил в утренних облаков губы.

5

Не было вас — и не было сумерек,
Не горбился вечер
И не качалась ночь.

Сквозь окно
На улицы, разговаривающие шумом рек,
Выплыл глазами, оплывшими как свечи.

6

К пристаням безумия и вчера и сегодня
Мысли бросали чалок ленты
И опускали сходни.
Сейчас, сейчас же
Извлеките квадратный корень из коэффициента
Встречи около чужого № в гостинице для
приезжающих.

7

Вечер-швейцар
В голубой ливрее — подавал Петербургу
Огненное пальто зари.
Почему у одних глаза швыряются
Звездной пургой,
А у других не орут даже как автомобильные
фонари?

8

И снова голые локти
Этого, этого и того дома
В октябре зябли,
И снова октябрь полировал льдом
Асфальтов серые ногти,
И снова уплывали часы, как корабли.

9

Не было вас, и все-таки
Стал день, вытекли сумерки,
Сгорбился вечер и закачалась ночь —
Потому что: время перебирало четки,
Дымилось весной,
И солнце мякоть снега грызло золотой киркой.

Никнуть кривыми
 Губами клоуна
 К лицу, белее чем сливки.
 Спутанной гривой
 Волн новой любви разлив
 Топит маяками зажженные луны.

11

Ах, проройте же
 Зубами на теле траншеи
 И обвяжите
 Вкруг
 Шеи
 Галстуком белые руки.

1919

129

Памяти отца

Острым холодным прорежу килем
 Тяжелую волну соленых дней —
 Всё равно, друзья ли, враги ли
 Лягут вспухшими трупами на желтом дне.

Я не оплачу слезой полынной
 Пулями зацелованного отца —
 Пусть ржавая кровью волна хлыне
 И в ней годовалый брат захлебнется.

И даже стихов серебряную чешую
 Я окрашу в багряный цвет, —
 А когда все зарыдают, спокойно на пробор расчешу
 Холеные волосы на своей всезнающей голове.

1919

130. МАРШ РЕВОЛЮЦИЙ

Конь революций буйно вскачь,
Верст миллионы в пространствах рвы,
Каждый волос хвоста и гривы —
Знамя восстаний, бунта кумач.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Плечи в плечи Север и Юг,
Свяжем души в один моток,
Буйно пляшет на стягах заря;
Плечи в плечи Запад и Восток,
Брюхо шпорами режь, ездук.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Плечи в плечи Север и Юг,
Западу подал Восток знак;
Плечи в плечи, за рядом ряд,
Ровен и грозен шеренг шаг,
Старому на шею петлей кушак.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Плечи в плечи Север и Юг,
Вражьему стану свинца плевков,
Ярче костров сердца горят,
Плечи в плечи Запад и Восток,
Брюю воет каждый гудок.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Конь революций буйно вскачь,
Верст миллионы в пространствах рвы,
Каждый волос хвоста и гривы —
Знамя восстаний, бунта кумач.

< 1920 >

Сергею Есенину

На каторгу пусть приведет нас дружба,
 Закованная в цепи песни.
 О день серебряный,
 Наполнив века жбан,
 За край переплесни.

Меня всосут водопроводов рты,
 Колодези рязанских сел — тебя.
 Когда откроются ворота
 Наших книг,
 Певуче петли ритмов проскрипят.

И будет два пути для поколений:
 Как табуны пройдут покорно строфы
 По золотым следам Мариенгофа
 И там, где, оседлав, как жеребенка, месяц,
 Со свистом проскакал Есенин.

Март 1920

132. ВСТРЕЧА

Сергею Есенину

1

Какой земли, какой страны я чадо?
 Какого племени мятежный сын?
 Пусть солнце выплеснет
 Багряный керосин,
 Пусть обмотает радугами плеснь, —
 Не встанет прошлое над чадом.

Запамятовал плоть, не знаю крови русло,
 Где колыбель
 И чье носило чрево.
 На Русь, в веках лежащую огромной глыбой,
 Как листья упадут слова
 С чужого дерева.

Но есть любовь, и этот легкий дым
Не разорвет когтистая пурга.
Пусть вышиты глаза узором иноземным,
Я пыли не сотру на обуви другой.

2

В тяжелые зрачки, как в кувшины,
Я зачерпнул и каторгу
И стужу.
Колесами и звонкой матерщиной
Лихач рвет тряпки луж,
А кони буйство в гривах берегут.

Поэма, песнь, строфа ли
Легла
Червонным золотом луны
На стекла,
На асфальт
И на узор чугунный.

А разве та,
Чьи губы страстный крик полосовал,
Не будет гребнем моего стиха до самого рассвета
Расчесывать каштановые волоса?..

3

По черным ступеням дней,
По черным ступеням толп
(Поэт или клоун?) иду на руках.

У меня тоски нет.
Только звенеть, только хлопать
Тарелками лун: дзин-бах!

А синий
Колпак
С бубенцами звезд: бах-дзин!
А солнце — на животе,
И тихое помешательство рядом на четырех лапах:
«Отчего воете?»

Кость и тело с себя не снять —
Не уйти из родной конюшни.
И влачится кандалами песня
По черным ступеням дней.

4

Город, мира каменная корона,
От зубца к зубцу, с окраины и до окраины
Себя радугой над тобой гну.
В уши собираю, как в урны,
В Вавилоне чаемый
Гуд.

Шумы несем мы в ведрах,
На грузовиках катим боль, —
Кто этот мудрый отрок
Бежит от тебя в поле?
Кличу:
«Гони сюда коров, овец и стада бычьи,

На тонких плечах нам неси вязанки
Зари,
Для нас сбереги в ладошах журавлиный крик
Осеннего спозаранка».

5

Отсюда: горбясь асфальт полз —
На спине: Собор Исаакия — хлеб хозяйский,
И еще Колокольня Ивана — рукоятью подъятый меч.

Отсюда: ржаное поле —
«Здравствуй! миллиардом золотых языков
Веков трубы эту протрубят встречу».

Насмерть
Разбиться голубой чаше в звездной оргии,
Вытечь вину зари на бульжную скатерть:

Сегодня вместе
Тесто стиха месить
Анатолию и Сергею.

Март 1920

1

Есть сладостная боль — не утоливши
 Жажды,
 Вдруг
 Выронить из рук
 Любимых глаз ковши.
 В трепещущее горло
 Лунный штык —
 Прольется кипяток, вольется лед и тишь.

2

Быстрее, разум-конь, быстрее!
 Любви горячее пространство
 Подковы
 Звонкие распашут,
 Нежнейших слов сомнут ковыль...
 Мне нравится стихами чванствовать
 И в чрево девушки смотреть,
 Как в чашу.

3

Рассветной крови муть
 Стекает с облаков — посеребренных ложек.
 Не позову и не приду на ложе
 И ни к кому.
 Ее ресницы — струны лютни,
 Их немота странна,
 И кровь еще мутней
 Сочат сосцы, как золотые краны.

4

Не понимать родную речь,
 Идти и недвижимым быть,
 Читать слова и быть незрячим...
 Белков синеющая степь,
 И снова радужные нимбы
 Над степью выжженной горят!
 И снова полыхает перстень
 На узком пальце фонаря.

Тяжелый таз
 Осенних звезд
 Не каждому дано перенести.
 В какую глубину меня низвел
 Звонящий стих
 Ресниц.
 Протряс сентябрь — сумрачный возница
 По колеям свой желтый тарантас.

Как в трупы, в желтые поля
 Вонзает молния копьё,
 Кинжал и меч, стрелу и нож, клинок.
 И сумерки, как пес,
 Зари кровавый рот
 Оскаля,
 Ложатся спозаранок
 У каменных ботинок городов.

Под осень отцветают реки,
 Роняя на песок
 И на осоку
 Зеленых струй листы.
 В карманах
 Розовых туманов
 Чуть слышен ветра крик
 И воробьиный свист.

И хорошо, что кровь
 Не бьет, как в колокол,
 В мой лоб
 Железным языком страстей.
 Тяжелой тишиной накрой,
 Вбей в тело лунный кол,
 Чтобы оно могло
 Спокойно чистоту растить.

Не так ли
 Лес
 Перед бедой
 Запахивает полы
 Широкого пальто.
 Открою у ладони синий желоб —
 Прольется кипяток,
 Вольется лед.

Май 1920

134. ТУЧЕЛЕТ

Иннаф

1

Из черного ведра сентябрь льет
 Туманов тяжесть
 И тяжесть вод.
 Ах, тучелета
 Вечен звон
 О неба жечь.

2

Язык
 Не вяжет в стих
 Серебряное лыко,
 Ломается перо — поэта верный посох.
 Приди и боль разуй. Уйду босой.
 Приди, чтоб увести.

3

Благодарю за слепоту.
 Любви игольчатая ветвь,
 Ты выхлестнула голубые яблоки.
 Сладка мне темь закрытых зябко век,
 Незрячие глаза легки.
 Я за тобой иду.

Рука младенческая радости
 Спокойно крестит
 Белый лоб.
 Дай в веру верить.
 То, что приплыло,
 Теряет всяческую меру.

Август 1920

135. ФОНТАНЫ СЕДИНЫ

1

Лучами выпитый колодезь
 Эта грудь.
 Не припадай!
 Ведром любви слезы не вычерпать.
 Сто первый день
 Колодой
 На ногах
 Несу прохладу,
 Несу снега.
 И медленно зеленая тропа
 Под поступью тяжелой леденеет.

2

Зрочки как два котла,
 Уроненные в голубой огонь.
 Пускай вскипит
 В них этих губ
 Тягучая
 Мольба,
 Чтоб вознести и холодно и подло
 Над ними скипетр
 Торжественного лба
 Я мог.
 Не так ли ставят белый крест над ямой?

3

Как выжигают электрические дыни
 Равнины толп
 (Лишь невредим —
 Один —
 Скала),

Так тишиной раскрытые глаза
Сжигают дни
И выпивают ночи словно лужи.
Я на престол
Бескровных зорь
Бескровные ладони возложу.

4

Любовь постичь мне как?
К ней приплыву на смертном корабле.
А здесь не суждено любимой косу плесть
Из золотых мочал,
Чтоб после пролилась она
Из судоржных ладоней тяжело.
Как ночь снега,
Блистающий цилиндр увенчал
Высокий лоб.
Твой знак приемлю,
Чопорная седина.

5

Тяжелым яблоком
Свисает стих —
Сегодня он впервые солнценосно вызрел,
И празднует поэт
Свой августовский Спас.
Прости,
Волос горячий пепел!
Зачесанный сурово локон,
Спадешь ты на чело фонтаном седины, —
То будет час,
Когда перешагну за середину.

6

Не вздыбить время,
Не взнуздать.
Седок, ты раб коня,
Ты врос в седло, седок.
Напрасно режут брюхо стремяна
И в круп впивается ремень.
Как пес ведет слепца,
Меня ведет звезда
К забытым именам.

И славы тупится копьё,
Впиваясь в ржавую кольчугу суток.

7

Вчера
Под взвизги пьяного галопа
Сквозь обручи безумных строф
И с верою пророчествовал о нелепом.
Сегодня метр —
И слепо
Над ведрами вчерашних слез
Подъемлю скипетр
Торжественного лба...
Каким норд-остом унесло
Мой парусник на мертвый остров?

8

Что губы девственниц?
— Полынь и лебеда.
Перо?
— Потухший факел.
А синь в глазах?
— На крыльях лебеда
Синь уплыла из глаз...
Не плещут крыльями испуганно ресницы,
Не горбит страх
Прямую бровь.
Прости-прощай, мой августовский Спас!

9

Рассыпал дни
Сквозь пальцы
Звонкой дробью.
Их соберет другой пригоршнями
Воспоминаний.
Тогда родится сказ.
И будет он — благоуханней
Дыни...
О, сладостна тоска,
Когда из сердца бьют
Фонтаны
Седины.

Сентябрь 1920

136. РАЗВРАТНИЧАЮ С ВДОХНОВЕНЬЕМ

Поэма

1

Друзья и вороги,
Исповедуйте веру иную,
Веруйте в благовест моего вранья.

Как мертвую тушу лошадиную,
Поэтов насаживаю на рога
Своего вдохновенья.

Стаей вороньей,
Тучей
Кружит над павшими бойца слава.

Только крылья о звезды звенят,
И ухаает,
Материков вздымая черное брюхо, —
— уллюлю!

А скромный биограф уже стучит
Молотом воспоминаний по металлу слов,
Венец кует победителю.

2

В вазах белков вянут синие лилии,
Осыпаются листья век,
Под шагами ласк грустно шурша.

Переломил стан девий,
И вылилась
Зажатая в бедрах чаша.

Рот мой розовый, как вымя,
Осушил последнюю влагу.
Глупая, не задушила петлей ног!..

Вчера — как свеча белая и нагая,
И я наг,
А сегодня не помню твоего имени.

Веруйте: сокровенного сокровенней
Девятью девять месяцев зарю в животе
Мариенгоф вынашивал.

А когда рожал, раздирая стены криком,
И уже младенец теплое темя высунул,
Тут же за пологом грешила поэзия со стариком
Брюсовым.

5

Точит пурга
Снежный клюв
О железную спину Петербурга.

(Кажется или не кажется?)
Корчится, как живая,
Спина мертвеца...

Голову
В тишину закинув,
Именем не называть!..

Зверя устанут челюсти,
Птицы костями набьют зобы,
А иноземные гости

Будут на папертях трупы жечь.
Мне ли любовь блюсти,
Каменной вазой быть?..

Каждая уроненная слеза океана глубже.

6

Не мечут за врагом в погоню
Мои упрямо стянутые луки
Скул

Стрелу
Монгольской яри,
И гребень в волосах — не бег коней

По желтому
Песку
Татарии.

Ах, почему
Суров и так тяжеловесен
Сегодня шаг ветров,

И барабанных перепонок струны
Как в бурю омут,
И песен

Звук уныл и ломан метр.

7

Над белой, белой как яйцо, луной
Наседка кудахчет — облако
Или выюга?

Недруги,
Пощадите голову — это мудрое веретено,
Что прядет такую прекрасную пряжу стихов.

Каждый проулок — логовище.
Стальными клыками бряцает
Густая, как шерсть медведя, толпа воинов.

И вся Русь разбойно
В четыре пальца
Свищет.

Удаль, удаль,
Не заколдовали тебя веков ворожей!..
Где же я, с кем буду,

Положу себя на ладони чьи?

8

Город к городу каменным задом,
Хвостами окраин
Окраины.

Любуйтесь, граждане, величественнейшей случкой!
Гиганты, безумия хлебнувши яд,
Языками фонарей зализывают раны.

Молюся о них молитвой такой
(Вздымая руки
Тяжелые, как якоря):

«Социалистический боже, даруй
Счастливейшее им потомство —
Сынов, внуков и правнуков.

В черные зубы фабрик гаванскую сигару,
Ладони пригородных мостовых
В асфальтовые перчатки втисни

И еще тысячу т. п. маленьких радостей».

9

Камень Вавилонской башни
Усеяли
Твои зерна,

Скифии вчерашней
Поля.
Черна ладонь твоего сеятеля.

Нет серпов
Для этого восхода,
Жнеца нет.

Гранитной тропой
На цепи, что в железной руке,
Невская бежит вода.

Волн металлическое бряцание,
Валов ржание
Поет миру о новой каторге.

Солнце, вода и ветер, вы сегодня почетные каторжане.

10

Счастье, обыкновенное как весна,
Неужели всё еще мало
Тебе человеческой пищи.

Виснут, всё длиннее виснут
Над голубыми щеками далее
Черные уши кладбищ.

ончено, всё кончено.
Степная тишь в городе.
Долинное безмолвие движется по проспектам.

Рыдайте, матери. Розовая говядина
Ваших сыновей печется на солнечной
Сковороде.

Один иду. Великих идей на плечах котомка,
Заря в животе
И во лбу семь пядей.

Ужасно тоскливо последнему Величеству на белом
свете!

11

Как к кувшину в горячий полдень,
Ко мне приди и молодой и старый
Студеные кусать сосцы.

Наполню
Новыми дарами
Мешочки дряблые скопцов.

Из целомудрого ковша
Серебряного семя
Каплю.

Касаньями
Сурово опалю
Уста, наивно возалкавшие.

И, наконец, под хриплый пётли лай,
Потайные слепые двери
Откроет тело.

О, как легко, как сладостно нести мне материнские
вериги!..

Не правда ли, забавно,
 Что первый младенческий крик мой
 Прозвенел в Н.-Новгороде на Лыковой Дамбе.

Случилось это в 1897 году в ночь
 Под Ивана Купала,
 Как раз

Когда зацветает
 Папоротник
 В бесовской яме.

С восьми лет
 Стал я точить
 Серебряные лясы.

Отсюда и все беды.
 Имя мне при рождении дали,
 Ну и т. д.

И проч., проч.

Сентябрь 1919—ноябрь 1920

137. КУВШИНЫ ПАМЯТИ

1

По булыжью встречу себя колесить,
 Каждую рану зализывая после, —
 Так по снегу влачат окровавленный след
 Искусанные свинцом лоси.
 В раковинах ушей говор — лай
 Бегущих по пятам дней свор.
 Это последняя мне розовых губ петля!
 Кто же вынет холодный труп,
 Чьими горестными взглядами буду обмыт,
 Когда поставит золотые столбы
 На перекрестках новое утро?

Синими струями пролилась тишина.
 Под черепом не провисают плеч стропила,
 Память опрокинула высокие кувшины,
 И, словно руки омыл Пилат,
 Идти и снимать шляпу
 Перед девушкой, фонарем и лошадью,
 Спрашивать у встречных самый короткий путь.
 Куда?
 Никуда.
 Просто: у меня пути нет —
 Его смысл весенний дождь...
 А в зрачках окровавленный след стынет.

3

Чернильными слезами окапал
 Раскрывшиеся ладони белого листа.
 Был ли он — звездный бал,
 Когда вихрились золотые стаи
 И волочили кружевные шлейфы
 Облака по синему паркету.
 Такою же поступью вошли вы
 В поэтову комнату.
 По черной пене строк
 Лебедями проплыли руки.
 Поэмы — чаемый остров —
 На твой берег так не вступали другие.

4

Синюю струю тишины пью.
 Тело нести легко.
 В гавани слуха плывут издалека
 Корабли шорохов нежной поступи.
 И не кажется при встрече,
 Что девушка на фонарь похожа,
 Шляпу не снимаю перед лошадью
 И трамвайному звонку не перечу.
 Не любимая есть, а друг.
 Льдины его ладоней белое пламя сжимают лба,
 Когда ставит на перекрестках золотые столбы
 Новое утро.

1920

И числа, и места, и лица перепутал.
 А с языка всё каплет терпкий вздор.
 Мозг дрогнет,
 Словно русский хутор,
 Затерянный среди лебяжьих крыл.
 А ветер крутит,
 Крутит,
 Крутит,
 Вылизывая ледяные плечи,
 И редким гребнем не расчешешь
 Сегодня снеговую пыль.

— На Млечный Путь
 Сворачивай, ездок,
 Других по округу
 Дорог нет.

2

Не туча — вороньи перья
 Черным огнем твердь пламят.
 Знаете ли, почему? Потому что: Октябрь сразил
 Смертями каркающую птицу.

Где ты, Великая Российская Империя,
 Что жадными губами сосала Европу и Азию,
 Как два белых покорных вымени?..

Из ветрового лука пущенная стрела
 Распростерла
 Прекрасную хищницу.

Неужели не грустно вам?
 Я не знаю — кто вы, откуда, чьи?..
 Это люди другие, новые —
 Они не любили ее величье.

Нет, не приложу ума,
 Как воедино сольются
 Вытекшие пространства.

Смиренно на Запад побрело с сумой
Русское столбовое дворянство.

Многия лета,
Многия лета,
Многия лета
Здравствовать тебе — Революция.

Январь 1921.

139. ДРУЗЬЯ

1

Улица дохнула вином
И болью.
Чумная или пьяная?
По ней или она шатается?

Девушка, кому несешь в дар
Татарские
Кувшины
Узких грудей?

Чьи
Плечи-фонтаны
Белые струи
Рук
На них прольют?

Кос золотая цепь,
А голова — словно мертвый жемчуг.

Писал: не склоню над женщиной мудрого лба.
И вдруг — через ритмические ухабы
По черному тракту строк
Любовь мчу.

Разве угадаешь?
Дни
Как песок.
(Так, кажется, говорил Заратустра.)

Город, я верный посох
В твоей асфальтовой ладони.

2

Друзья, друзья,
Простите мне измену эту.

Развеял над площадью апрель
Голубые стяги
И безумием вычеканил
Минуту.

А вечером —
Оттуда, из Замоскворечья,
Привезут розовые кони
Зари
Другое небо.

Оно будет
В черном фраке.
Когда фрак улыбнется,
Высверкнет золотая челюсть,
И эта челюсть зловеще
Отразится во всяком непроглядном колодце
Зрачка
И еще
В реке,
Которая — то ползет на карачках,
То прыгает качелью
На железных канатах мостов.

Именно в этот час
Я, по всей вероятности,
Вспомню
Про утреннее путешествие
За коротким счастьем
На Буян-остров

И захохочу.
Потому что:
Завтра
Полдень опять развеет голубые бездымчатые
Стяги
И безумием вычеканит минуту.

По черному тракту
Строк
Любовь мчу.

3

Встретились.
Пургу,
А не взоры горстью метнули глаза ваши.

Повисла пурга:
Серьгой
В ушах,
Браслетами на руках,
Кандалами у щиколоток,
Ожерельем на шее.

Донести ли
Телу
Железа, золота и жемчуга столько?
С тяжестью этой идти по тротуарам как?

В молитве (которой молился самому себе)
Сегодня не могу вознести ладони,
А еще вчера взлетали они,
Как белые лебеди.

В блистательной карете головы
По черному тракту
Строк
Вас мчу.

4

Всё с пестрыми ручьями
Протечет,
И судеб карандаш
Точь-в-точь
Повторит
Орнамент встреч.
Так повторяется вчерашний снег,
Так ландыш повторяет ландыш
И в метре
Песню песнь.

Быть может, через год
(А будто
Было то
Давным-давно,
Неведомо когда)
За дружеской вечерней болтовней
Без грусти вспомню приключенье.

Вадим, Сергей
И легкие приятельницы возле.
На стеклах льдяные ковры
Мятущегося января
(Нам нравится персидский их узор),
В стаканах золотой апрель,
А в рюмках юльский зной.
Всё хорошо. Лишь ветер злей и злей
Бьет локтем в переплеты рам,
Шутливый прерывая разговор,
И кажется — один он верен той,
О ком заговорил
Развязно
Седой насмешник ямб.

.....
Опять вино
И нескончаемая лента
Немеркнущих стихов.

Есенин с навыком степного пастуха
Пасет столетья звонкой хворостиной.

Чуть опаляя кровь и мозг,
Жонглирует словами Шершеневич,
И чудится, что меркнут канделябровые свечи,
Когда взвивается ракетой парадокс.

Не глаз мерцание, а старой русской гривны:
В них Грозного Ивана грусть
И схимнической плоти буйство
(Не тридцать им, а триста лет), —
Стихи глаголет
Ивнев,
Как псалмы,
Псалмы поет, как богохульства...

Но кто красивой крупной птицей вдруг метнулся
От кресла и до люстр?

Под мариенгофским черным вымпелом

На северный безгласный полюс

Флот образов

Сурово держит курс.

И чопорен и строг словесный экипаж.

Мы знаем, любострастно внуки скажут:

В то время лиры пели,

Как гроза.

Март 1921

140. <ИЗ ТРАГЕДИИ «ЗАГОВОР ДУРАКОВ»>

Т р е д и а к о в с к и й

<...> Позволь же выплеснуть к твоим стопам,
Императрица Анна,
Огонь вдохновенной оды.

А н н а

Твои стихи всегда
Приятны были нам.

Т р е д и а к о в с к и й

Звени, звени, хрустальный альт стаканов, —
То льет восторг покорная держава,
Тебя, сияющей короной увенчанную,
Поет на флейте радостная слава.
Не блеском скипетра, и митры, и порфиры
Сиять в веках правленью Анны.
Поет за доброту тебя серебряная лира,
Поют за разум бубны и тимпаны.
Лишь мудрым рулевым ты встала у кормила —
Средь волн бестрепетно пошлыл корабль России.
Несчастную страну счастливо воскормили
Твои, Царица, розовые перси.
Сосцы твоих грудей, тяжелых молоком и салом,
Ты вкладывала трем младенцам в жадный рот.

О, государыня, тебя сосали
Пехота, кавалерия и флот...
Другой любви, иных зачатий пришла весна потом.
И вот — вторично оценилась сука.
Не ты ли греешь теплым животом
Политику, искусство и науку.
Сильна твоя держава.
Широко, как врата, раздвинуты у монархини ноги,
На двух материках ступни стоят,
России царственную тогу
Покорно лижет Балтика и Каспий.

А н н а

Иди сюда, безумный стихотворец,
И мзду достойную
За оду получиай.

(Дает пощечину.)

Т р е д и а к о в с к и й

О, государыня, я благодарность заслужил иную.

Б и р о н

Глупец, благодари своей судьбы звезду,
Что дело обошлось без палача.

Лето 1921

141. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Есенину

1

Как черный дождь,
Стекает ночь с звезды.
По водосточным желобам стекает
И пенится на тротуарах.

В такую темь:
С невест снимаются одежды
Вплоть до серебряного костяка.

В такую темь:
Мечом
Сечет
Фонарь
С прохожих головы и кости у метели.

В такую темь:
Раннее
Разочарование
Хрустальным бокалом зрачка
О зрачок
Чокается.

2

«Что слава?» —
Арабской крови жеребец:
В копытах ветер.
Хвост и грива, коршуновы крылья.
Умей, ловец,
Крутую шею опоясать ременным ожерельем.
Любимую так опоясываешь ты: жемчужным.

Всему есть свой черед
(Я думаю, его установило солнце),
И опытный ловец
В конце концов
Приводит на аркане
В конюшню
Ветрокопытого коня.

Не потому, что беспорядочная грусть
Раскинулась случайным бивуаком,
Я говорю, что ловля скакуна
Пустая и ненужная забава.
Так скажет всякий, кто вел опасную игру:
Из костяного кувшина
Рассудок разливая по стаканам,
Чтобы пьянее пенилось вино...

Уже не ранит сердце недруг
Стрелой тупой.
Не согревает стынувшие руки
Давнишней дружбы розовый очаг...

Товарищам по любознательной охоте
Я уступаю
Легкую добычу.

3

Холодная страна с холодным серым небом,
Что говорит чужая песнь тебе?

О, я не льщу себя приятным упованием,
Что нежной дочерью
Беречь ты станешь
Память обо мне.

Пусть золотые буквы имени
Осыплются сентябрьской листвою,
Пусть ветряной метлой
Их разметет жестокое потомство.

В сереброносном промысле спокойно вечерет
Такая узкая нерусская рука...

А может быть, не за горой прощанье,
И сумрачный привет
Привычной тишине
Промашут выцветшими серыми платками
Спокойные глаза.
Не мать, но родина, — ужели бросишь вслед мне
Камень?

Ах, с каждым днем растут колонны
Прозрачных выпуклых висков,
И всё редеет и белеет незавивающийся плющ
Волос.
О том же
Гробе золотом
Из золотых песков
Стареющему кораблю
Вещает
Серебряными всплесками
Волна...

Зачем же знать кокотке и лакею,
Что тот худой высокий иностранец,
И днем и ночью в фрачной паре

(Он говорит на ломаном английском языке
И вечно греется
Абсентом и сигарой),
Зачем же знать лакею, наконец,
Что этот гость:
Великий русский стихотворец...

4

Еще
Два неизменных собеседника —
Широкоплечий ветер и звезда —
Немыми разговорами томят
Меня...

А осень,
На груды груды громоздя,
Заваливает облаками мозг
И голубую площадь
Неба.

Не так ли дворники
Широкими
Лопатами
Сгребают
По утрам снега.

5

Кто говорит про лютые морозы
И лютые метели
Необычайных встреч?..

Суровый разум
На плечи накинул крылатую шинель...
Старинный друг седой бобер,
Тебе ли
Меня не убересть?..

И в желтый лист и в желтый плод,
Как в жалобно поющих канареек,
Холодной дробью
Стреляет августовский дождь.

Кто зарится еще
Из замерзающей реки
Моей утихшей плоти
Любовно зачерпнуть блистающее серебро,
Пусть девственные чаши разобьет...

6

Итак, отныне:
Карандашами острыми ресниц
Чертить не буду
Овал
Лица,
И узкой шеи стебель,
И плеч углы.

Зеленый лоб рабочего стола,
Я в верности
Тебе

Клянусь.

Клянусь:

Лишь в хриплый голос
Острого пера влюбляться
И тусклые глаза чернильниц
Целовать.

Август 1921

142

Утихни, друг.
Прохладен чай в стакане.
Осыпалась заря, как августовский тополь.
Сегодня гребень в волосах —
Что распоясанные кони,
А завтра седина — что снеговая пыль.

Безлюбье и любовь истлели в очаге.
Лети по ветру, стихотворный пепел!
Я голову крылом балтийской чайки
На острые колени положу тебе.

На дне зрачков спокойствие и мудрость.
Так якоря лежат в оглохших водоемах.
Прохладный чай
(И золотой, как мы)
Качает в облаках октябрьское утро.

1921

143

Какая тяжесть!
Тяжесть!
Тяжесть!
Как будто в головы
Разлука наливает медь
Тебе и мне.
О, эти головы!
О, черная и золотая!
В тот вечер ветренное небо
И над тобой,
И надо мной
Подобно ворону летало.
Надолго ли?
О, нет.
По мостовым, как дикие степные кони,
Проскачет рыжая вода.
Еще быстрее и легкокрылей
Бегут по кручам дни.
Лишь самый лучший всадник
Ни разу не ослабит повода.
Но всё же страшно:
Всякое бывало.
Меняли друга на подругу.
Сжимали недруга в объятьях.
Случалось, что поэт
Из громкой стихотворной славы
Шил женщине сверкающее платье...
А вдруг —
По возвращеньи
В твоей руке моя захладеет
И оборвется встречный поцелуй!

Так обрывает на гитаре
Хмельной цыган струну.

Здесь всё неведомо:
Такой народ,
Такая сторона.

Середина 1922

144

Я не хочу, чтобы печалились и сожалели.
Законы времени законов человеческих тяжелей.
Как ни противься, ни упорствуй,
В огне годов любовь горит, что хворост,
И туркестанской шалью
Сентябрь вяжет головы аллеи.

Вчера еще:
Пыль кирпича оскабливала сталь со щек,
Сегодня (неутешна весть!):
Блистающую бритву посеребрила известь.

О сверстники мои!
Бунтовщики!
Друзья!
Мне ль видеть вас в покорном равнодушии?
Печальна осень на Руси:
Здесь клен топорщит багровеющие уши,
Там хлопает осина
В желтые ладоши.

Неповоротливо смотрю,
Неповоротливое сердце
Дурные вести холодно приемлет.
Мой друг сейчас в гостях у иноземцев
Пьет рейнское вино.
А может быть, обоим нам уже присуждено
Занять черед среди иных гостей,
Равно желанных матери-земле.

Середина 1922

Не много есть у вольности друзей.
 Друзья веселые
 У купли и продажи.
 На головы нам время сыплет соль,
 И зрелая любовь
 Нас в крепкий узел вяжет.

Уже чуть слышны песен голоса.
 Так звонкая коса
 Наверяд ли слышит
 Вздох предсмертный луга.
 Нас оправдают голубые небеса:
 Мы были вольности и родине верны
 И только неверны подругам.

Уйдем — останется стихов тетрадь,
 В ней мы судьбу воспели нашу.
 Счастливый был удел:
 В дому — всегда пустая чаша
 И чаша сердца вечно через край.

Ноябрь 1922

Друзья (как быть?), не любят стихотворцев ныне.
 Ах, не высок ли песен слог?
 Не высоко ль чело?
 Мы в городе нашли свою пустыню,
 Питье, настоящее на полыни,
 И в хлебе буден пепел и песок.

Не много дней, а будто бы республика не та.
 Она ли
 Золотопенным пенилась бесчинством?
 О други, нам земля отказывает в материнстве.
 Пусть будем мы в своей стране чужими.
 Делить досуги с ними мудрено, —
 Они целуют в губы нелюбимых,
 Они без песен пьют вино.

Не говорите ж стихотворцам горьких слов.
В пустыне жизнь что легкий дым,
Но хлеб черствее, чем каменья.
Мы сами предадим
Торжественному запустенью
Любимые сады стихов.

Октябрь 1922

147

Наш стол сегодня бедностью накрыт:
Едим — увядшей славы горькие плоды,
Пьем — лести жидкий чай, не обжигая рот.
Не нашим именем волнуются народы,
Не наши песни улица поет.

Ночь закрывает стекла черной ставней,
Мы утешаемся злословьем.
Тот говорит, что в мире всё не вечно,
А этот замышляет месть. —
Однообразное повествованье:
У побежденных отнимают меч,
У полоненных — честь,
У нас — высокое призванье.

Я говорю: не стоит сожалеть,
Мы обменяли медь
На злато.
Чужую песнь пусть улица поет.
Не нашим именем волнуются народы!
Что юность, слава и почет?
В стакане комнатной воды
Шипенье кислоты и соды.

Декабрь 1922

148. ПОЭМА БЕЗ ШЛЯПЫ

1

Ворона, ворон, ворон и ворона
(Нам кажется:
Ночное небо хлопьями упало,
Упало снегом черным).

Ворона, ворон, ворон и ворона
Покрыли крыши всех домов
И все
Серебряные вазы куполов.

С тех пор, как вытекли из глаз
Апрельские гремучие ручьи,
Глаза не видят в небе голубого.
Где легкость та, с которой
Бежало юное перо
По неизведанной дороге —
На узенькой стальной ноге
Блистала
Лакированная туфля.

Что ждет нас по пути?
Кого-то келья и скуфья,
Кого-то славы жаркая перина,
Кого-то тяжкое отдохновенье
С публичной девкой и в вине.

Любовь нальет, как в розовые крынки,
Любимой в груди
Страсть и молоко,
А время белыми губами
Шутя
И то и то осушит.

Другое солнце в декабре, чем в мае,
Иные звезды, иные облака.
Зима!
Зима!
Метелей визг
И визг в виске мигрени,
На площадях и в сердце снегу по колени.

2

Текут, звенят серебряными родниками
Поэта безалаберные дни —
Не так ли
По широким русским трактам,
Как будто бы совсем еще недавно,

Горланила
(Расплескивая буйство и вино)
Песнь ямщика,
Горланили
Ямщицких троек бубенцы.
Ах, не успели оглянуться,
Потухла песнь, а кони стали немы.

Что смерть?
Беда ли,
Помощь ли в беде?
Когда вольется в жилы ледяная медь
И упадут два белых месяца в зрачки,
Крыльями рассечет
Пугливый лебедь
Покой и стынь
И ребер желтые кусты.
Его не остановишь и не спросишь.
Он словно парус при тугом норд-осте:
Единый миг,
А точки белой нет уже вдали.

Вот точно так
Утихла Русь.
Волнение народа опочило.
А лишь вчера
Стояли на юру.

Должно быть, потому и запеклись
Горячечной слюной чернила
На остром языке пера
И снеговой нехоженой поляной
Лежит бумага на столе.
Как ни ищи — не разглядишь следов
Легчайшего оленя:
Волнение народа опочило,
И рядом опочило вдохновенье...

Я видел, как скатилась синяя слеза
С ресниц стеклянных фонаря,
Как плакал водосточный желоб
(О, неутешное железо!),
А после распускались около
Большие ледяные ландыши.

Прозрачной улицы.
 На улицах ясней.
 Над улицей
 Туманной млечная межа.
 Не помяни нас лихом, революция.
 Тебя встречали мы, какой умели, песней.
 Тебя любили кровью
 Той, что течет от дедов и отцов.
 С поэм снимая
 Траурные шляпы,
 Провожаем.

Зима!
 Зима!
 Вороний карк,
 Метелей визг
 И визг в виске мигрени,
 На площадях и в сердце снегу по колени.

Поэта безалаберные дни,
 Вас, кажется, осталось ныне
 Меньше впереди,
 Чем листьев на сентябрьской осине.

1922

Тифлис

149. ВЕТРА МАРШ

Вытряс ветер
 Стекла и стены,
 Вытер синюю мглу из глаз.
 (Стали глаза у девушек
 Что серебряные рубли;
 У веселых юношей
 Что серебряные полтинники.)
 Маленькие люди сметены
 С земли,
 У больших людей
 Только щеки заветрены.

А там —
 По дорогам,

По рельсам,
По рекам
К нам:
Вприпрыжку пыль,
Ползком туман.

(Шеренга дней — солдатский строй:
Кто крепче —
В омут вниз башкой,
Кто слабже — в водочный стакан.)

Ветер, не шаркай шваброй
О стены и стекла!
Молотом по городу,
Чтоб охал и ёкал.
Стены и стекла
В желтые степи!
Молотом ветер
Железным,
Чтоб:
Камень в щебень,
Пополам лоб.

< 1923 >

150

И нас сотрут, как золотую пыль.
И каменной покроют тишиной.
Как Пушкин с Дельвигом дружили,
Так дружим мы теперь с тобой.

Семья поэтов чтит обычай:
Связует времена стихом.
Любовь нам согревает печи
И нежность освещает дом.

Простая вера и простые чувства:
Страх перед смертью,
К петуху зарезанному жалость.
Безумие и безрассудство
Мы носим как шикарный галстук.

А жизнь творим — как песнь, как стих.
Тот хорошо, а этот плохо.

Один:
Спесиво цедит ром,
Другой:
Пьет жиденькое пиво
С кусочком воблы и с горохом.

1923

151

Смешным стихом баклуши бью
(Какая сладостная пытка!).
Любовь тонка,
Как шелковая нитка,
Пугливостью подобна воробью.

Боиится сквозняков,
Огня
И мокроты
(Сиди как идиот и нежность стереги).
Враги! враги!
Кругом враждебный мир:
Родня,
Кастрюли,
Кошка
И клистир.

Ах, милая, не верь поэту.
Чуть что, он соберет пожитки:
Два словаря, одну манжету,
Мечты
И томные печали,
А ты:
Вздыхай, тоскуй
И
Поминай как звали.

О жизнь — набитый пустяками чемодан!
Любовь (вся на один манер,
Всё в тех же перепевах),
Ты никогда не канешь в Лету.
Когда-нибудь я напишу роман
О легких девах
И поэтах.

Февраль 1924

Как встарь — в подвальном кабаке невзрачном
 (Соорудив бутылочный редут),
 О музах,
 О судьбе,
 О славе врут,
 О похождениях с девами судачат
 России знаменитые поэты.

Что им
 Народов громкие удачи
 И черни низкая любовь!
 Презрительную вскинув бровь
 (Какие ж
 Умилительные морды!),
 Ночному небу вызов гордый
 Бросают славные поэты.

Бледнел трусливый рок,
 Когда
 Обглоданная кость котлеты
 С надменностью летела в потолок...

Что мир без песен и вина?
 Кто кроме их бессмертен нынче?
 Воображенья пышет дар.
 Полтинник строчка гонорар —
 И судомойка в Беатриче
 За полчаса обращена.

Кабак невзрачный!
 Слава!
 Девы!
 О годы суетные, где вы?
 Попойка — времени метла
 (И старец молод за пирушкой).
 А там:
 Холодная заря
 Уже на город пролила
 Пивные золотые кружки.

Февраль 1924

Столб полосатый, всадник, камень
 И пограничная межа.
 На сердце руку положи,
 Скажу:
 Я матюгал тогда Германию
 И все чужбинные края.

Приятель, дева, комнатушка —
 Вот всё,
 Что позади осталось.
 Ах, мы заложим черту душу
 За эту сладостную малость.

«Что Русь! — смеялись, налегке
 Садясь в вагон красноперинный. —
 Плевал я в бороду твою!»
 А на Монмартре в кабаке
 Заказываю
 С огурцом ботвинью.

Вот дурали! Вот непоседы!
 Мальчишье сердце,
 Синий глаз.
 Без толку шляемся по свету,
 Собачьей верностью томясь.

1924

Париж

Степи, звезды и воды —
 Вот ведь она какая!
 Ни за што ни про што
 Ей душу отдал
 И тело по Европе таскаю.

Скоро заговорю по-собачьи.
 Жру
 Омаров и крабов.
 Я по тебе не плачу,
 Как вологодская баба.

На Монмартре светлые ночи,
Губы у девчонок в крови.
Иноземной последней сволочи
Поют цыгане
Песни твои.

Птицы, звезды и степи,
Желтые зори.
И трава.
Тридцать три переедешь моря,
А в сердце:
Пепел
И маленькая Москва.

1924

Париж

155

Опять безжизненное поле,
Безжизненная вдаль тропа.
Верст шесть осталось
(Не боле)
До пограничного столба.

Такой ли представлялась встреча?
Какие грустные края!
И огненные (ах!) противоречья
Любовь и ненависть таят.

Где сердце?
В суете ль проклятой?
(Неужто ж я такая дрянь.)
Мила ли:
Пенза толстопятая
И косопузая Рязань?..

А вот:
И столб,
И пограничный домик,
И всадник в шлеме на меже.
Кто разберет?
Черт ногу сломит
В смешной поэтовой душе.

1924

Куда бы разумом холодным ни ушли,
 На тройках времени куда бы ни умчались
 (О, сколько есть погибельных дорог),
 Не пересохнет древний тот исток
 Сомнений,
 Радостей,
 Печалей.

Коней и ворогов не ловим на арканы,
 К полярным льдам медведь и лось бежал.
 Но если сбудется предчувствие обмана,
 И я заговорю
 На языке ножа.

О, варварский, о, дикий хмель!
 Как древле, покупаем бабу
 И умыкаем деву так же.
 Бежим
 За тридевять земель,
 Чтоб совершить любовную покражу.

С французским сифилисом северную кровь
 Мешают россы
 В кабаках Монмартра.
 Москва! Россия! Ветхий кров!
 Там девы рассыпают косы,
 Как листья августовский сад.

От радостей, сомнений и скорбей
 Нам не избавить наши души.
 Осенний день,
 Осенний чад,
 Осенний ветер у тополей
 (Как дед у озорных мальчат)
 Серdito треплет золотые уши.

1924

ПРОЩАЛЬНЫЙ КРУГ

Смотри, смотри, как расфуфырилась заря!
У наших дев на юбках меньше кружев!

Тот сукин сын,

Кому

В носу поковырять —

Одно и то ж,

Что распроститься с дружбой.

А вот и солнце

(Как вареный краб),

Хмельное хлебало,

Чего не лезешь в пузо?

Эх, милые,

Легко ль сказать:

Соседку юности — болтушку музу

Поэт меняет на корабль.

Тут, хошь не хошь,

Смахнешь слезу

(Кого обманешь грохотом сморканья),

А море ляжки бьет о камень,

Ворочаясь, как баба на возу.

Ты ждешь меня?

Приду небось.

Ты мне всех краше, синяя подруга.

За утром — полдень,

Голубая пасть,

Уже рыгает раскаленным углем.

Но круг прощальный так же тесен.

Стаканов звонок хоровод.

А ну —

Матросскую!

Пусть солнышко и песня

Нас по квартирам разведет.

«С кем крутил? С порядочной?

С курвой обнимися.

Жизнь моя загадочная,

Будто месяц в высях.

Отдал черту душу я,
Но не отдал волю.
Не возьмешь на пушку ты
Меня черной бровью».

Заткнись, браток! заткнись, ну!
Мне очень больно.
Вот как больно.
Нехитрой песенкой застольной
Ты в сердце
Будто нож воткнул...

О, жизнь единственная.
Жаль, что их не две.
Вторую юность прожил бы иначе,
Но упадет душа,
Как сломанная ветвь,
И даже пес цепной
Слезой собачьей не оплачет.

Без лишних слов тебе покаюсь, брат.
Сочувствие друзей
Нам то же,
Что коню
Ременная подруга.
Я дрянь,
Я не любил своих щенят,
Что рыжекосая таскала мне подруга.

Был до погоста путь далек.
Не примерял в раздумьях саван.
По-человечески любить!
Всегда простое невдомек.
Другие видел сны воображением тщеславным.

Не потому ль душа что сломанная ветвь?
Я сердцем слушаю прохладу.
Валяй, браток,
Затягивай свою руладу.
Струна гитарная, хлещи меня насмерть.

«Что лежишь, как барыня?
Не сопишь, не млеешь?
Как звезда Полярная,
Далека Расея.

Где вы, тятка с маменькой,
На погосте, что ли?
Стало сердце каменным
От тоски, от боли».

Всё про Расею!
Ах, стервец,
Вина не лил —
В стакане ж прибыль.
Слезой пополнился стакан.
Пустое, брат.
Ведь на железной рыбе
Раз плюнуть
Переплыть Великий океан.

И снова:
Месяц,
Степь,
Столица деревень — Москва.
Вразвалку жизнь.
И смерть придет вразвалку.
На нежных дев ходят деревья,
У толстозадых баб
Глаза похожи на фиалки.

Исчезни ж, Русь!
Скочурься! смойся! сгинь!
С тобой
Губительной не жажду встречи
Ни во хмелю,
Ни в легких снах.
Пусть океан
Ворочается в желтых берегах.
Пусть камня финского приподнятые плечи,
Пусть ветер,
Соль
И синь.

1925

Берлин

Что родина?
 Воспоминаний дым.
 Без радости вернусь.
 Ушел не сожалея.
 Кажись,
 Пустое слово — Русь,
 А всё же с ним
 Мне на земле жилось теплее.

Теперь же, право, всё едино:
 Париж, тамбовское село...
 Эх, наплевать, в какую яму лечь.
 Везде заря распушит хвост павлиний,
 Везде тепло,
 Где есть любовь, поэзия и печь.

Болтают:
 Берегись! славянская тоска
 Замучает тебя, мол, в сновиденьях.
 Такие чудачки:
 Им будто худо в Рейне
 На спинке плыть, посвистывая в облака.

Но в том беда:
 Вдруг стихотворным даром
 Ты обнищаешь, домик мой.
 Венчают славою коварной
 Писанья глупости святой.

Вот и брожу в столицах чужеземных,
 Собачусь с древнею тоской
 И спорю (чуть ли не с березовым поленом),
 Что и луна такая ж над Москвой.

Что родина?
 Воспоминаний дым.
 Кажись,
 Пустое слово — Русь,
 А всё же с ним
 Жилось теплее.
 Да, я ушел не сожалея,
 Но знаю: со слезой вернусь.

1925

А ну вас, братцы, к черту в зубы!
 Не почитаю старину.
 До дней последних юность будет любя
 Со всею прытью к дружбе и вину.

Кто из певцов не ночевал в канаве,
 О славе не мечтал в обнимку с фонарем!
 Живем без мудрости лукавой,
 Влюбившись по уши, поем.

Горят сердца, когда родному краю
 Железо шлет суровый враг.
 Поэтам вольность молодая
 Дороже всех житейских благ.

1925

160

И ты, птенец, мое творенье,
 Любимый том в собрание сочинений,
 Гони, вали
 Веселым писком музу,
 Из рукописей делай корабли.
 Катая на закорках карапуза,
 Я говорю:
 «Спасибо за птенца
 Тебе,
 Подруга-аист,
 Я от него — от пузыря — понабираюсь
 Великой мудрости земли».

1925

161. ВОСПОМИНАНИЯ

Немало чувств остыло и тревог,
 Немало в море тонет кораблей.
 В дни разбежавшихся дорог
 Мы усомнились в верности друзей.

Что жизнь?
Суровое течение
Широких, непреклонных рек.
Ни мужество, ни страсть, ни вдохновенье
Не остановят хладный бег.

Плохая муза жолчь и месть
(Поэзии сварливые соседки).
Воспоминаний праздник редкий
Себе устраиваю здесь.

.....
Однажды (шел в исход февраль)
Лохматая пурга крутила девять дней.
Ни улиц,
Ни дорог,
Ни площадей.
Была:
Пустынный снежный холм Москва.
Но солнце выплеснуло розовую крынку,
И в древнем граде не найти
Одной затерянной снежинки. ....
Пусть суетная скажет мне молва,
Что и любовь не такова.
А дружба?
Чудаки, кто верят,
Клянутся за бутылками вина.
Пустое!
Золотой монетой лицемерья
Со всеми рассчитается она.

.....
Сказать ли мне о том, что миновало,
Что обратилось
В пепел,
В прах,
О днях,
— Когда
Форсили мы
Вдвоем в одних штанах
(Ах, жизнь воспоминаньями мила).
Подумайте:
При градусе тепла
Нам было как в печи
Под ветхим одеялом.

Тогда мне был Есенин верным другом,
Молва сплетала наши имена.
Но что душа?

Ее, как поле,
Рвут
Железным зубом плуга
И в рану черную бросают семена.

Я слышал, в землях Бессарабии
Не то, что во Твери:
Сам-семь или сам-пять.
Там колос словно пузо бабье,
Когда двойню под сердцем носит мать.
Вот и поэта сравниваю с пашней.
Любовь — сам-пятьдесят,
А ненависть — трещите закрома!
И тычет в яд перо
Твой нежный друг вчерашний,
И мечет языком грома....

.....
Дышу —
И легкие мне серебрят зола.
Гляжу —
И будто не на что глядеть на этом свете.
Зачем, упрямая ты память, завела
Меня в глухие переулки эти.

.....
У древних был
Крылатый конь Пегас.
Чуть что —
И мчит их к юни пылкой.
Какая ж, впрямь, жизнь зрящая у нас —
Тащись под облака
На хроменькой кобылке.

Дни милые!
Тогда и я, ей-богу, был хороший.
Твой голос в прошлом мне
Что из-за речки звон.

Вот шляпу рдяную уже напялил клен,
Вот липа шлепает обтрепанной калошей.

Я у окна.

Сентябрь.

Темь.

Не ты ли под окном

Стоишь, мой нежный друг, желтеющей березкой?..

Давно ли — спрашиваю — песней и вином

Встречали ранний день

На тихом Богословском?

.....

«Садись же!

Вот стакан.

Гони из сердца стужу.

А вот

Печеная картошка вся в золе...»

И вновь

Мы разделили с ним

Тепло и ужин,

Беседы соль и дружбы хлеб.

.....

Немало чувств остыло и тревог,

Немало в море тонет кораблей.

Измены — девам,

Верность — для друзей.

Таков последний был у нас зарок.

1925

162

Не раз судьбу пытали мы вопросом:

Тебе ли,

Мне,

На плачущих руках,

Прославленный любимый прах

Нести придется до погоста.

И, вдаль отодвигая сроки,

Казалось:

В увяданье, на покой
Когда-нибудь мы с сердцем легким
Уйдем с тобой.

Рядили так.
И никогда бы
Я не поверил темным снам.
Но жизнь, Сережа, гаже бабы,
Что шляется в ночи по хахальям.

На бабу плеть.
По морде сапогом.
А что на жизнь? — какая есть расправа?
Ты в рожу ей плевал стихом
И мстишь теперь ей
Долговечной славой.

Кто по шагам узнает лесь?
Ах, в ночь декабрьскую не она ли
Пришла к тебе
И, обещая утолить печали,
Веревку укрепила на трубе.

Потом:
Чтоб утвердить решенье,
Тебе она сказала в смех,
Что где-то будет продолженье
Земных свиданий и утех.

Сергун чудесный! клен мой златолистый!
Там червь,
Там гибель,
Тленье там.
Как мог поверить ты корыстным
Ее речам?

Наш краток путь под ветром синевы.
Зачем же делать жизнь еще короче?
А кто хотел
У дома отчего
Лист уронить отцветшей головы?

Но знают девы,
И друзья,

И стены:
Поэтов ветрены слова.
И вот:
Ты холоднее, чем Нева,
Декабрьским окованная пленом.
Что мать? что милая? что друг?
(Мне совестно ревмя реветь в стихах.)
России плачущие руки
Несут прославленный твой прах.

30 декабря 1925

163

И вы совсем уже не те,
Поэтов легкие подруги.
Где наша юность с вами?
Где?
Одни и те ж
Серебряные вьюги
Запорошили,
Боже мой!
Нас этой грустной сединой.

1926

Пушкино

164

Его пожрала эта страсть,
Он будет ночью счастье красть,
Бояться шороха, как птица,
Лгать, красться, трепетать, таиться,
Он потерял над сердцем власть,
Его пожрала эта страсть.

1939

Не умеем мы
 (И слава Богу),
 Не умеем жить легко,
 Потому что чувствуем глубоко,
 Потому что видим далеко.

Это дар, и это наказание,
 Это наша русская стезя.
 Кто родился в Пензе и в Рязани,
 Падают,
 Бредут,
 Но не скользят.

И не будем,
 Мы не будем жить иначе,
 Вероятно, многие века.
 Ведь у нас мужчины плачут,
 Женщины работают в ЧК.

1939

166. 27 СЕНТЯБРЯ 1939

Сижу как будто на иголках,
 Душа как будто не на месте,
 И разговариваю колко,
 И жду «Последние известья».

Ты смотришь в темное окно.
 Нас связывает нитка,
 Волос.
 А были существо одно,
 Оно печально расколосось.

И падает рука с колена.
 Куда?
 Наверно, в безнадежность.
 Я не могу жить страстью нежной,
 Когда качает ветер стены.

И сердце,
Женщина смешная,
Не приноси сегодня в дар ты.
Все наши мысли занимает
Географическая карта.

1939

167

Сказал в дверях:
«Ну вот, война».
И закурил.
И лег на сердце камень.
Ты отвечала:
«Да... она
Идет и между нами».

И это было так по-женски —
Ответ твой
И твои слова.
Над городом плыл месяц деревенский,
За ним плыла ночная синева.

Плыл облак рыбиной библейской
В серебряной пучине звезд,
Плыл мужественный марш красноармейский
Через Литейный мост,

Плыла Нева,
Без дрожи и без плеска,
И запад плыл... но к берегам каким?
И в суете своей житейской
Мы смешивали малое с большим.

1939

168

Что-то дождик в Ленинграде.
Не купить ли завтра зонтик?
Друг Сорокин, дружбы ради
Сердце песней урезоньте.

Я люблю гитару вашу,
У нее душа большая.
Ни о чем меня не спрашивает,
Только очень утешает.

Роковые ближе сроки,
А живу всё между прочим.
Дружбы ради, друг Сорокин,
Спойте мне
Про голубые очи.

1939

169. ДЕНИС ДАВИДОВ

Тебе — певцу! Тебе — герою!
Пушкин

Вы по веку своему
Проскакали
По-гусарски,
А летели в кутерьму
В век тот
С карты государства.
Были бури.
Бурям — бури!
Закусили удила.
Вы, при вашем-то аллюре,
Не махнули из седла.
Русский первый партизан
В зипуне поверх мундира,
Славен пенный ваш стакан,
Только где ж ему до лиры!

Вот так лира!
Мало-мало.
Позавидуешь, ей-ей,
Этой лире генерала
Легкоконных усачей.

«Стукнем чашу с чашей дружно,
Нынче пить еще досужно.
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.

Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, поблднеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем,
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце отдадим».

Что за лира!

Что за струны!

Вы и с белой головой

Были в песнях так же юны,

Как при сшибке боевой.

Ваша песня,

Ваша рубка,

Ваша сабля, —

Ваша трубка,

Ваша пуншевая чаша, —

Что милей нам?

Что нам краше?

Разве только сердце ваше

Да еще гусарский дух!

Вихри дули — не потух.

Беды всяческие были,

Но они вас не скрутили.

Эполетные чинуши

Не заляксили в штабах,

Царедворческие души

Не зашаркали в дворцах.

Вы — при Марсе,

Вы — для муз,

Вы — птенец Багратиона.

У Давыдова француз

Сколько раз просил пардона!

Ох, в наперстке больше капель,

Больше смысла в дураках,

Чем вам дал фельдмаршал сабель

Для смятения в тылах.

Но Давыдов — он Давыдов!
Он Васильевич Денис!
И, досад своих не выдав,
Стал рубить
От шапки вниз —
С кивера и до седла.
Вот гусарские дела!

Вы сказали:
«Други, братцы,
Русь поганит супостат.
Ну-тка, Клим,
А ну, Мишутка,
За него б всем миром взяться,
Чтобы жизни был не рад».

Ваше слово пало в души.
На Руси сочтешь ли храбрых?
«Ну-тка, Клим,
А ну, Мишутка,
Императора — за жабры!
И тряхнем его, как грушу,
Чтобы жизни был не рад
Бонапарте-супостат».

Велики великороссы:
В деле — вилы,
В деле — косы,
С кольями и с топором.
Помяни-ка нас добром!

Честь — гусарскому мундиру!
Топору и сабле — честь!
Эстафетам, фуражирам
Было так:
Ни стать ни сесть.

Ведь в тылах Давыдов рыщет
Так, как рыщем мы сегодня.
Вот уж пленных — тыщи, тыщи
И зарубленных — не сотни.

А потом дымятся трубки,
А потом гуляют чаши.

Ваши сшибки, ваши рубки,
Ваше сердце — сердце наше.
Русский век
Всегда таков:
Был — Давыдов,
Есть — Белов.

1942

170. ТАМ

Кстати ли, нестати ли,
Только вспомнил я:
Здесь мои приятели,
Там мои друзья.

Тут какие речи?
Скушные, ей-богу!
Для желанной встречи
Соберусь в дорогу.

Там и выпить гоже,
Там вино как пламень.
Золотой Сережа,
Угости стихами!

Память не уснула.
Не опали листья.
Там и Жорж Якулов
При бессмертной кисти.

Речь картечи мечет.
Брызжут солнцем краски.
Что за человеке
Пикассо кавказский!

А в военный вечер,
В буревую пору
Прибыл Шершеневич
Для горячих споров.

Профиль древних римлян.
Яд сарказма в тосте.
Слышу я Вадима:
Зазывает в гости.

Где уж им до холода?
Пьют ведром искристым.
Это ж наша молодость —
Все имажинисты.

Там и мой Кируха,
Мой Кируха с вами.
Но об этом глухо:
Это страшный камень.

Кто здесь стон услышит?
Смерть не переспоришь.
Где успел, малыш, ты
Нахлебаться горя?

Ведь совсем зелененький.
А таланту было!
Ну, а в здешнем звоне
К черту всё постыло.

—
Может быть, им вспомнится
Наша дружба тесная,
Наша юность дерзкая
И дорога крестная.

Вот как мне сегодня
Вспомнился твой голос,
И, скажу по правде,
Сердце расколосось.

Поднял твою лиру,
Тронул твои струны,
Моего далекого,
Моего Сергуна.

Та ль повадка стройная?
Так ли я? Похоже ли?
Ах, какие струны
Были у Сережи!

А какое сердце!
Что за сердце было!
И такое сердце
Баба погубила.

В вашу честь, хорошие
(Не было чудесней!),
На мотив Сережи я
Складываю песню.

Будет всё, что было.
Лира золотая!
За столом вам, милые,
Сам и прочитаю.

1940-е

171. <ИЗ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА
«ПОСЛЕ ЭТОГО»>

1

С тобою, нежная подруга
И верный друг,
Как цирковые лошади по кругу,
Мы проскакали жизни круг.

2

Пути, распутья, перепутья...
Ветрище жизни шутки шутит.
Как жалкой пылью мною крутит.
Он в бедный ум мой заключен —
Веселый ветер похорон.

3

И я умру, по всей вероятности.
Чушь! В жизни бывают и покрупней неприятности.

4

«Эй, человек, это ты звучишь гордо?»
И — в морду! в морду! в морду!

«Эй, человек!..»
 И человек летит со счетом.
 И человеку платит этот век
 С широкой щедростью из пулемета.

ПОЭТУ В СЛАВЕ

Ну что — сбываются мечты?
 Сверкаешь? Ну, сверкай. А мне сверкать тоска.
 Знакомо всё. Сверкал, как ты.
 Как пятка из дырявого носка.

Вот эти горькие слова:
 Живут писатели в гостинице «Москва»,
 Окружены официантской службой,
 Любовью без любви и дружбою без дружбы.
 А чтоб витать под облаками,
 Закусывают водку балыками.

Послушайте, господин чудак,
 Иже еси на небеси,
 Ведь этот сотворили вы бардак?..
 Мерси!

1940—1955

В начале первой мировой войны Е. Иванов-Вано был в составе 1-го полка артиллерии 1-й армии. В 1917 году он участвовал в боях за Петроград. В 1918 году он был в составе 1-го полка артиллерии 1-й армии. В 1919 году он участвовал в боях за Петроград. В 1920 году он участвовал в боях за Петроград. В 1921 году он участвовал в боях за Петроград. В 1922 году он участвовал в боях за Петроград. В 1923 году он участвовал в боях за Петроград. В 1924 году он участвовал в боях за Петроград. В 1925 году он участвовал в боях за Петроград. В 1926 году он участвовал в боях за Петроград. В 1927 году он участвовал в боях за Петроград. В 1928 году он участвовал в боях за Петроград. В 1929 году он участвовал в боях за Петроград. В 1930 году он участвовал в боях за Петроград. В 1931 году он участвовал в боях за Петроград. В 1932 году он участвовал в боях за Петроград. В 1933 году он участвовал в боях за Петроград. В 1934 году он участвовал в боях за Петроград. В 1935 году он участвовал в боях за Петроград. В 1936 году он участвовал в боях за Петроград. В 1937 году он участвовал в боях за Петроград. В 1938 году он участвовал в боях за Петроград. В 1939 году он участвовал в боях за Петроград. В 1940 году он участвовал в боях за Петроград. В 1941 году он участвовал в боях за Петроград. В 1942 году он участвовал в боях за Петроград. В 1943 году он участвовал в боях за Петроград. В 1944 году он участвовал в боях за Петроград. В 1945 году он участвовал в боях за Петроград. В 1946 году он участвовал в боях за Петроград. В 1947 году он участвовал в боях за Петроград. В 1948 году он участвовал в боях за Петроград. В 1949 году он участвовал в боях за Петроград. В 1950 году он участвовал в боях за Петроград. В 1951 году он участвовал в боях за Петроград. В 1952 году он участвовал в боях за Петроград. В 1953 году он участвовал в боях за Петроград. В 1954 году он участвовал в боях за Петроград. В 1955 году он участвовал в боях за Петроград. В 1956 году он участвовал в боях за Петроград. В 1957 году он участвовал в боях за Петроград. В 1958 году он участвовал в боях за Петроград. В 1959 году он участвовал в боях за Петроград. В 1960 году он участвовал в боях за Петроград. В 1961 году он участвовал в боях за Петроград. В 1962 году он участвовал в боях за Петроград. В 1963 году он участвовал в боях за Петроград. В 1964 году он участвовал в боях за Петроград. В 1965 году он участвовал в боях за Петроград. В 1966 году он участвовал в боях за Петроград. В 1967 году он участвовал в боях за Петроград. В 1968 году он участвовал в боях за Петроград. В 1969 году он участвовал в боях за Петроград. В 1970 году он участвовал в боях за Петроград. В 1971 году он участвовал в боях за Петроград. В 1972 году он участвовал в боях за Петроград. В 1973 году он участвовал в боях за Петроград. В 1974 году он участвовал в боях за Петроград. В 1975 году он участвовал в боях за Петроград. В 1976 году он участвовал в боях за Петроград. В 1977 году он участвовал в боях за Петроград. В 1978 году он участвовал в боях за Петроград. В 1979 году он участвовал в боях за Петроград. В 1980 году он участвовал в боях за Петроград. В 1981 году он участвовал в боях за Петроград. В 1982 году он участвовал в боях за Петроград. В 1983 году он участвовал в боях за Петроград. В 1984 году он участвовал в боях за Петроград. В 1985 году он участвовал в боях за Петроград. В 1986 году он участвовал в боях за Петроград. В 1987 году он участвовал в боях за Петроград. В 1988 году он участвовал в боях за Петроград. В 1989 году он участвовал в боях за Петроград. В 1990 году он участвовал в боях за Петроград. В 1991 году он участвовал в боях за Петроград. В 1992 году он участвовал в боях за Петроград. В 1993 году он участвовал в боях за Петроград. В 1994 году он участвовал в боях за Петроград. В 1995 году он участвовал в боях за Петроград. В 1996 году он участвовал в боях за Петроград. В 1997 году он участвовал в боях за Петроград. В 1998 году он участвовал в боях за Петроград. В 1999 году он участвовал в боях за Петроград. В 2000 году он участвовал в боях за Петроград. В 2001 году он участвовал в боях за Петроград. В 2002 году он участвовал в боях за Петроград. В 2003 году он участвовал в боях за Петроград. В 2004 году он участвовал в боях за Петроград. В 2005 году он участвовал в боях за Петроград. В 2006 году он участвовал в боях за Петроград. В 2007 году он участвовал в боях за Петроград. В 2008 году он участвовал в боях за Петроград. В 2009 году он участвовал в боях за Петроград. В 2010 году он участвовал в боях за Петроград. В 2011 году он участвовал в боях за Петроград. В 2012 году он участвовал в боях за Петроград. В 2013 году он участвовал в боях за Петроград. В 2014 году он участвовал в боях за Петроград. В 2015 году он участвовал в боях за Петроград. В 2016 году он участвовал в боях за Петроград. В 2017 году он участвовал в боях за Петроград. В 2018 году он участвовал в боях за Петроград. В 2019 году он участвовал в боях за Петроград. В 2020 году он участвовал в боях за Петроград. В 2021 году он участвовал в боях за Петроград. В 2022 году он участвовал в боях за Петроград. В 2023 году он участвовал в боях за Петроград. В 2024 году он участвовал в боях за Петроград. В 2025 году он участвовал в боях за Петроград.

Рюрик Ивнев (псевдоним Михаила Александровича Ковалева), старший по возрасту среди имажинистов и проживший дольше остальных членов «Ордена», родился 11 февраля 1891 года в Тифлисе. Его отец, капитан-артиллерист, закончил Военно-юридическую академию и служил помощником прокурора Кавказского военно-окружного суда. Детей (у Михаила был старший брат) воспитывала мать (урожденная Принц), дочь полковника; предки ее, выходцы из Голландии, поселились в России при Петре I. После смерти отца (1894) семья переехала в город Карс, где мать получила должность начальницы женской гимназии. В 1900—1908 годах мальчик учился в Тифлисском кадетском корпусе. Затем поступил на юридический факультет Петербургского университета; в 1912 году перевелся в Московский, который закончил в следующем году. Вернувшись в Петербург, определился на службу в Канцелярию государственного контроля.

Стихи он начал писать в 1904 году. Дебютировал в печати в 1909-м в «Студенческом сборнике» (Вышний Волочек) стихотворением «Наши дни» (подпись: М. Ковалев).

Два года спустя юноша решил показать свои литературные опыты — стихи и прозу — А. Блоку и посетил поэта как раз в день его рождения, 16 ноября. Отзыв был суров: «Все это устарело, лучше сказать, было вечно старо и ненужно. <...> Я не советовал бы Вам печататься ни в коем случае...»¹ Следующие два стихотворения были опубликованы только через два с лишним года после первого, в начале 1912-го, в большевистской газете «Звезда». Вскоре начинающий поэт, вместе с В. Шершеневичем, К. Олимповым, Василиском Гнедовым и другими, вошел в группу эгофутуристов и стал часто печататься в альманахах и сборниках, выпускавшихся издательствами «Петербургский глашатай», «Центрифуга», «Мезонин поэзии». В 1913 году издал в Москве собственный сборник «„Самосожжение“. (Откровения)». Кн. 1. Лист 1; за ним последовали Лист 2-й (СПб., 1914; на посл. с.: 1913) и 3-й (СПб., 1916); в 1917 году на их основе выпустил сборник «Самосожжение: Книга стихов. 1912—1916 гг.». В тот же период издал сборники стихов «Пламя пышет» (М., 1913) и «Золото смерти» (М., 1916).

¹ Письмо от 17 ноября 1911 г. // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 378.

Свое первое прозаическое произведение — маленькую повесть «Неизбежное» Ивнев напечатал в альманахе «Решетка» (СПб., 1912). Десятки его рассказов публиковались в «Синем журнале», «Лукоморье», «Огоньке», «Новом журнале для всех». В 1917 году вышел роман «Несчастный ангел», резко раскритикованный в печати.

В начале первой мировой войны Р. Ивнев испытал, подобно многим русским писателям, шовинистические настроения, что проявилось в ряде его стихов и брошюре «Как победить Германию?» ([Пг., 1915]). «Пусть мобилизуются все силы страны, — призывал он, — все залежи богатств и знаний, пусть все идет на одно: на священную героическую борьбу. <...> Пусть самым большим „увеселением“ будет здоровый сон после 14-часовой неустанной работы <...> на нужды военного ведомства» (с. 6, 9, 14).

Однако в первые же дни Октябрьской революции поэт безоговорочно встал на сторону большевиков. Он начал работать личным секретарем наркома просвещения А. В. Луначарского, состоял во Всероссийской коллегии по организации РККА, занимался организацией агитпоезда им. А. В. Луначарского, активно публиковал в «Известиях ВЦИК» политические статьи, призывавшие интеллигенцию работать на новую власть.

В 1918 году Ивнев переехал в Москву. Здесь он встретился с Есениным (они были знакомы с 1915 года), Шершеневичем и Мариенгофом и примкнул к имажинистам. «Особо вкрадчивую фигуру в имажинизме представлял мой старый знакомец Ивнев, — писал Шершеневич в своих воспоминаниях. — Рюрик оказался среди нас как-то неожиданно. <...> К нам его никто не звал, не уговаривал. Он пришел сам на заседание, где мы вырабатывали декларацию. <...> С этого дня Ивнев то приходил к имажинистам, то уходил от нас. <...> Мы звали его „блуждающей почкой имажинизма“¹. Через два месяца после подписания «Декларации» Ивнев опубликовал в «Известиях» «Письмо в редакцию», в котором заявил о выходе из группы вследствие своего «полного несогласия с образом действий этой группы»². Вскоре он был командирован на Украину, где занимался агитацией за Советскую власть. Затем поехал в Тифлис, но за выступления с докладом «Ленин и Россия» был выслан грузинским правительством.

Вернувшись в Москву, Ивнев по рекомендации Луначарского возглавил Всероссийский союз поэтов. В сборнике «Имажинисты» (М., 1921) появилось его «Открытое письмо» Есенину и Мариенгофу от 3 декабря 1920 года: «Дорогие Сережа и Толя! Причины, заставившие меня уйти от вас в 1919 году, ныне отпали. Я снова с вами» (с. [5]). Поэт был введен в правление «Ассоциации вольнодумцев». Его стихи включались в имажинистские сборники. При поддержке друзей он выпустил книгу «Солнце во гробе». «Есенин рьяно взялся за подбор стихов <...>. Фактически он был единственным редактором книги <...>. Мариенгоф установил последовательность»³. Ивнев издал также критическую книгу «Четыре вы-

¹ Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 561—562.

² «Известия». 1919, 15 марта.

³ И в н е в Р. У подножья Мтацминды. М., 1981. С. 67.

отрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа и Шершеневича» (М., 1921). Но едва в феврале 1921 года в Грузии была установлена Советская власть, снова уехал в Тифлис. Возвратился в Москву в августе 1922 года. Продолжил печататься в имажинистских изданиях, участвовал во всех четырех номерах журнала «Гостиница для путешественников в прекрасном».

Стихи Ивнева мало отвечали требованиям имажинистской теории, что неоднократно отмечали критики. В частности, Брюсов писал: «По какому-то недоразумению, в списках имажинистов значится Рюрик Ивнев <...>, стоящий на полпути от акмеизма к футуризму»¹. Однако товарищи по «Ордену» высоко ценили стихи Ивнева и считали его «своим».

В 1925 году Ивнев побывал в Германии, потом работал во Владивостоке, в издательстве «Книжное дело», в 1927 году съездил в Японию. Во 2-ой половине 1920-х годов он выпустил один за другим романы «Любовь без любви» (1925), «Открытый дом» (1927) и «Герой романа» (1928), составившие трилогию «Жизнь актрисы», посвященную периоду нэпа и жизни русской эмиграции. Книги эти, в особенности третья, резко, но по сути справедливо критиковались в печати за наличие пошлости, бульварность, не стали заметным явлением в литературе. В 1930-е годы Ивнев работал над швобиографической прозой — романами «У подножья Мтацминды» (М., 1973; 2-е изд. — М., 1981) и «Богема», завершнным незадолго перед смертью. В 1936—1950 годах он жил в Тбилиси. Выпустил там четыре сборника стихов, активно занимался стихотворными переводами с языков народов Кавказа — перевел осетинский эпос «Нарты» (М., 1957), поэму Низами «Семь красавиц» (Баку, 1947; 2-е изд. — Баку, 1959), стихи десятков советских кавказских поэтов. В 1950 году он переехал в Москву. Здесь издал еще пять книг стихов.

Рюрик Ивнев умер за четыре дня до своего 90-летия, 19 февраля 1981 года. Посмертно его книги продолжают выходить. В наибольшем объеме стихи собраны в книге «Избранное. Стихотворения и поэмы. 1907—1981» (М., 1985).

172

Черный вечер. Русская судьба.
Скрип повозок. Голоса степные.
Вот коснулись пламенного лба
Ледяные губы Византии.

Я смотрю на желтые виски
Той луны, что стала восходящей.
Черный вечер. Берега реки.
Кто-то сети спутанные тащит.

¹ Вчера, сегодня и завтра русской поэзии. (1922) // Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 521.

Точно рыба круглая в тисках,
Бьется темная планета наша.
Черный вечер. Черная река.
И над ними — золотая чаша.

1911

173

Я убил залетевшего в щели,
Залетевшего в щели жука,
И потом на измятой постели
Я без жизни, без мысли, без цели
Больно сдавливал жилы виска.

Он был вредный, жестокий, опасный,
Но он жил, он шумел, он жужжал.
Ах, зачем я комок желто-красный
С отвращеньем, со злобой напрасной,
Завернувши в бумагу, держал?

А потом, позабыв свои бредни,
С постной миною нищему грош
Протяну, возвращаясь с обедни,
Как наглец, как обманщик последний!..
Боже правый! Простишь ли? Поймешь?

1912

174

Кто-то, закрытый звездной маской,
Разбрасывал карты азартным чернокожим,
А под столом бульдог деньги растаскивал
С глазами, на человеческие похожими.

За дверью, прикрытой очень плотно,
Возились женщины, как над трупом коршуны,
И деньги сыпались, как кусочки рвотные,
На чью-то бороду взъерошенную.

Стол был круглым и качался медленно,
Как головы игроков, швырявших масти,
А на верхушке в треугольнике равнобедренном
Качалась точка человеческого счастья.

Я — кусочек основания треугольника;
О пространство, хрустни своими пальцами!
С вами, с вами я, с оскорбленными, с раскольниками,
С монастырскими кликушами и скитальцами!

1913

175

Сумасшедшие, неверные, окаянные,
Двуногие, обросшие шерстью,
Думайте, думайте постоянно
О неминуемом: о Втором пришествии.

Раскуривая папирасы, икая проспектами,
Задыхаясь в материях новомодного покроя,
Вы соскучились по пулеметным секторам,
По расплюснутым мозгам и теплой крови.

Вы отравили мою мысль и мое существование
И втиснули в сердце отчаяние и неверие,
Но последним уголком незагаженного сознания
Умоляю о перемене кругосветной серии.

Вы — когтями отвратительными и черствыми
Превратили мир в дьявольского именинника!
Можно легко вздохнуть только на заброшенном острове,
В деревянной келье умирающего схимника.

1914

176

Я надену колпак дурацкий
И пойду колесить по Руси,
Вдыхая запах кабацкий...
Будет в поле дождь моросить.

Будут ночи сырые, как баржи,
Затерявшиеся на реке.
Так идти бы всё дальше. Даже
Забуть про хлеб в узелке.

295

Не услышу я хохот звонкий.
Ах, как сладок шум веток и трав!
Будут выть голодные волки,
Всю добычу свою сожрав.

И корявой и страшной дорогой
Буду дальше идти и идти...
Много радостей сладких, много
Можно в горьком блужданье найти.

1914

177

Языческая жизнь. Луна. Свинцовый идол.
Чумные пиршества при факелах зари.
Какая тишина!
Замолкла панихида.
Дымятся трупы свеч, как будто янтари.

Друзья, пора домой, на палубу земли.
Там — груды человеческого мяса,
И гильотина времени вдали
Нас ожидает, час казня за часом.

Усопший друг! Тебе легли на плечи
Смертельные холмы прозрачных ледников.
Здесь нет трагедии.
Есть только смысл извечный
И смена дней, как смена лепестков.

1915
Сестрорецк

178

Ветерочек, святой ветерочек
По Белому морю гулял,
От крови был ал платочек,
Корабль наш мыс огибал.
Голубочек наш, голубочек,
Голубочек наш погибал.

1915

От воздушного ли костра,
 От небесной ли синевы
 Эти пышные вечера
 Возжигающейся Москвы?

Я не видел такого сна,
 Я не видел таких чудес,
 Надо мною горит вышина,
 Надо мною воздушный лес.

Эти пышные вечера
 Возжигающейся Москвы
 От воздушного ли костра,
 От небесной ли синевы?

1918

180

Как всё пустынно! Пламенная медь.
 Тугих колоколов язвительное жало.
 Как мне хотелось бы внезапно умереть,
 Как Анненский у Царскосельского вокзала!

И чтоб не видеть больше никогда
 Ни этих язв на человеческой коже,
 Ни эти мертвые пустынные года,
 Что на шары замерзшие похожи.

Какая боль! Какая тишина!
 Где ж этот шум, когда-то теплокровный?
 И льется час мой, как из кувшина,
 На голову — холодный, мертвый, ровный.

Декабрь 1918
Москва

181

Так вот она — смертельная любовь,
 Благословенное проклятье.
 Тускнеет разум, холодеет кровь,
 И кожа падает, как платье.

И кости — вот уже обнажены,
Омыты гнойной поволокой.
И чувства все на злобе сожжены
Любви слепой и однобокой.

Так вот он, гвоздь, сверлящий плоть мою,
Сулящий мне бессмертье и неволю.
Весь жар души я звуку отдаю
Да синему безоблачному полю.

Ночь на 1 января 1919

182

Ладони рук к лицу прижаты.
Как облак, подо мной плывет земля.
Так лошадь под кнутом горбатым
Стоит, ушами шевеля.

Я задыхаюсь. Где-то воздух, воля,
Кузнечики молитвенно звенят.
За что, за что, как зверя в чистом поле,
За что, за что ты затравил меня?

*Январь 1919
Москва*

183

Пока — живое — сердце будет биться
В моей, еще живой, груди —
Чужая Персия мне вечно будет сниться,
Как будто в ней я детство проводил.

Громадных глаз нерукотворный бархат,
И тихий плеск струящейся воды,
И ветерок коричневого марта,
И синие высокие сады.

О, как знаком мне говор незнакомый,
И долгий скрип плетущейся арбы,
И золото червонное соломы,
И золото червонное судьбы,

И воздух тот, и волны, и тревога,
И черный гребень сакли нежной.
Всё сожжено. Со своего порога
Гляжу на дым, играющий с золой.

Угаснул день. Вдруг розами пахло.
И, оживив увядший позвонок,
Чужое имя сонного Бахлула
Вдруг пронеслось от головы до ног.

Зима 1919

Москва

184

От чар Его в позорной злобе
Я отхожу при свете дня,
Но Он, воскреснувший во гробе,
Он не отходит от меня.

Он здесь, в душе моей горбатой,
В ее животной теплоте.

Так и она людьми распята
С Ним вместе на Его кресте.

Зима 1919

Москва

185

В. Хлебникову

Уста пристегнув к стремяни,
Мы больше не слышим, не дышим.
О ком шумят воды времени
И лотос каспийский пышный?

Раскрыла колени Астрахань,
Глядит, смуглый горб обнимая,
Как синяя линия ястреба
Колелется в воздухе мая.

Мы можем крикнуть земле: стой!
Телегой она остановится.
И каждая буква невестой
Червонного солнца становится.

299

И ты над собой пролетаешь,
Как туча над сонной водою.
К ладони звезды приникаешь
Своей астраханской ладонью.

Уста пристегнув к стремени,
Летим, как рыбы на привязи,
Как будто кусок, из времени
С мясом и кровью вырезанный.

Май 1919

Киев

186

Любовь, любовь, так вот она какая —
Безжалостная, темная, слепая.

Я на нее гляжу, как на топор,
Который смотрит на меня в упор,

И вижу кровь и слышу запах душный,
Безумью лишь да ужасу послушный.

Январь 1920

Грузия

187

Анатолию Мариенгофу

Короткого, горького счастья всплеск,
Скрип эшафота.
Пьяных и жестких глаз воровской блеск,
Запах крови и пота.

Что ж ты не душишь меня,
Медлишь напрасно?
Может быть, Судного дня
Ждешь ты, о друг мой несчастный?

Горек и страшен плод
Нашей недолгой любви.
Песня — что бритва. Весь рот
От этих песен в крови.

Апрель 1920

Грузия

300

Сергею Есенину

Был тихий день, и плыли мы в тумане.
 Я отроду не видел этих мест.
 В последний раз на крест взглянул в Рязани,
 И с этих пор я не гляжу на крест.

Тяжелый сон мне сдавливает горло,
 И на груди как будто море гор.
 Я вижу: надо мною ночь простерла
 Свой удручающий простор.

12 октября 1920

Рязань

Ртом жадным и мерзлым
 Унижений горячую влагу пью.
 Губы раскрыв, как последние козыри,
 Душу мученичеству отдаю.

Красная влага серы и крови
 Падает в коченеющий чан рта.
 Во имя какой, какой любви
 Было искромсано тело Христа?

Не я ль это тело кромсал, как коршун?
 Удавленник Иуда в моих зрачках.
 Синевою губ перекошенных
 Целую смерть в золотых очках.

Октябрь 1920

Ст. Тихорецкая

На почерневших от крови досках,
 Сырых и душных и горьких слегка,
 Моя голова как будто из воска
 Среди лекарств и зеркал.

Там за стеклом угрюмые воды,
Коричневые берега.

Это ты, мой последний отдых
На раскинутых в неге лугах.

А смерть в батистовой сорочке
На легких дамских каблучках
Резвится и стареть не хочет,
Как в жемчуге, вся в червячках.

Она скользит по синей бритве,
По желтым камушкам огня.
Узнав, что рубят мясо в битве,
Она садится на коня.

На тонком блюде золотой луны
Воск и стекло. И каменистый воздух.
Коня раздувшиеся ноздри
Людского трепета полны.

Февраль 1921

191. РОССИЯ

Холодный день. Ведь это было в марте,
Когда еще заснежены пути,
Я родину свою хотел найти,
И я искал ее на карте.

Но на картоне не было ее,
И вместо глаз зияли ямы.
Дул ветер острый и упрямый
В окно разбитое мое.

Я видел наши русские года.
Они ползли над миром, словно тучи.
Я видел: человек, сжигая города,
Над дымом корчился в падучей.

Я видел: человек зубами землю рыл,
Вдыхая трупный смрад, как запах пищи,
И вспоминая царские пиры,
И это был собрат мой — нищий.

Мне всё равно, свинец, петля иль гвоздь,
Широкий путь намечен или узкий.
Я видел: человек грыз человечесью кость,
И это был собрат мой — русский.

И это всё и я, и ты, и мы —
И это всё волшебная Россия.
Пусть солнцем не блеснет в ответ из тьмы —
Антихрист ты или Мессия!

Молчанья не боюсь. Пусть ты лежишь в гробу.
Ты в этот мир пошла недаром.
Спасти иль погубить. Но ты его судьбу
Должна решить своим пожаром.

< 1922 >

192. НОЧНАЯ ЧАЙНАЯ

Голосом хриплым и пропащим
Он пел о нежности неземной.
Вот она, любовь настоящая,
Пришла и сказала: иди за мной!

Под скрип голенищ и сутолоку
И ругань пунцовых ртов
Мне стало вдруг так хорошо и жутко,
Как мертвому среди льдов.

Он кричал языком горячим,
Славя тех, кто по крови вор.
Душный пар из китайской прачечной
Застилал помутневший взор.

Заря еще не слепила очи,
Но я ослеп от глаз и губ.
И вот, прилепившись к толпе всклокоченной,
Иду — как дерево шло б на сруб.

1923

Москва

193. <ИЗ ЦИКЛА «АРХАНГЕЛЬСК»>

Быть может, так надо, так надо —
Эту чашу испить до конца
И увидеть в награду, в награду
Судороги побелевшего лица.

Вот когда выходит из мрака
Оплеванный и осмеянный Бог.
Очумелой, ослепшей собакой
Ты ползешь на его пороги.

Но тебя он не пустит, не пустит.
Должны быть глаза ясны,
Чтоб увидеть волшебное устье,
Устье Северной Двины.

Там, в старинной молельне деда,
Ты узнал бы, убивши ложь,
Ту любовь, о которой не ведал
И которую не найдешь.

Ведь в пыли и грязи придорожной,
Точно лист, я прижат к столбу.
Вот мой рай. Этот рай острожный
Выжжен в сердце моем и на лбу...

Пусть приснятся мне, пусть приснятся,
Хоть в бреду, хоть на полчаса,
Староверческие святцы
И Архангельские леса.

1923

Петербург

194. ПОРТРЕТ ГРУЗИНОВА

Корявый дуб — простой и умный,
Глаза чисты, и голос тверд.
Так ты нелеп в столице шумной
Средь птичьих и звериных морд.

В глазах — изба, зима и печи,
Хлеба горячие, как боль.

Крутые дни, крутые плечи
И, символ страдности, мозоль.

Вот — настоящая Россия
В земной и пышной простоте.
Не там, под досками Батяга,
Не в терниях, не на кресте.

< 1925 >

195

Там, на зеленом откосе,
Розовеет румянец дня.
Поезд отходит в восемь.
Любовь, укрепи меня!

Знаю, бывают пытки:
Одна страшнее другой,
В моем сердце все они вытканы
Сплошную кровавой дугой.

У судьбы так мало мы просим —
Духа любви не гаси!
Поезд отходит в восемь.
Любовь, спаси, спаси!

Разве может быть горечь гуще
И любовь бледнее свечи?
Нет, ни прошлым и ни грядущим
Настоящего не залечить.

Вижу одно лицо, как будто
Во всем мире нет других.
За тобою бежит мой разутый
И подпрыгивающий стих.

О, как мы всё это выносим?
Как живем? Вот и трупик дня.
Поезд отходит в восемь.
Любовь, не оставь меня!

1927

Иван Васильевич Грузинов родился 8 ноября 1893 года в деревне Шебаршино Рузского уезда Московской губернии¹ в крестьянской семье. В раннем детстве пристрастился к чтению, унаследовав эту страсть от отца, имевшего большую библиотеку. Учился в сельской школе, где и начал сочинять стихи. Затем окончил учительскую семинарию. В Москву приехал, вероятно, в 1913 году. Слушал лекции в Общедоступном университете им. А. Л. Шанявского; там познакомился с Есениным. Заинтересовавшись футуристами, «присутствовал почти на всех больших вечерах поэзии», устраиваемых ими. В 1915 году издал свой первый сборник — «Бубны боли» (фактически вышел из печати в конце 1914-го), включивший стихи 1910—1914 годов. Книжка получилась ученическая, почти целиком подражательная. В том же году был призван в армию и попал на фронт. В конце 1917-го вернулся в Москву. На протяжении двух лет работал заведующим отделом внешкольного образования Московского уездного совета. В эти годы начал печататься в газетах («Вооруженный народ», «Красная газета») и вошел в литературную среду. «В скором времени, — пишет он в своих воспоминаниях «Маяковский и литературная Москва», — я мог считать мои знакомства среди московских поэтов десятками»². В 1919 году по рекомендации Есенина вступил в литературно-художественный кружок «Звено». А вскоре примкнул к имажинистам и начал участвовать вместе с ними в литературных вечерах.

¹ В имеющихся справочниках место его рождения указано неверно: «дер. Шабаршино Можайск<ого> уезда Смол<енской> губ.» (Писатели современной эпохи: Био-библиогр. словарь русских писателей XX века. Т. 1. 2-е изд. М., 1991. С. 105 (перепеч. изд.: М., 1928); «д. Шебаршино Смоленской губ.» (КЛЭ. Т. 2: М., 1964. Стб. 404). Однако Можайский уезд входил в Московскую губ.; дер. Шебаршино (или Шибаршино) находилась в соседнем с ним Рузском уезде, на берегу р. Исконы (см.: Московская губерния: Список населенных мест на 1859 г. СПб., 1862. С. 193; Подробный атлас Российской империи. СПб., 1871. Л. 30). Не случайно название этой речки Грузинов взял псевдонимом для одной из своих статей (Искона. Поэзия и реклама // «Гостиница для путешествующих в прекрасном». 1924, № 4. С. [15—16]).

² Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 656.

Первая половина 1920-х годов — период наибольшей творческой активности Грузинова. В 1921 году он выпустил в издательстве «Имажинисты» три маленькие поэтические книжки: сборник стихов «Западня снов» и поэмы «Роды» и «Бычья казнь», а также брошюру по теории стиха «Имажинизма основное», весьма прохладно встреченную товарищами по группе; в следующем году — сборник «Серафические подвески», где, как выразился В. Шершеневич, «все вещи были названы своими именами», т. е. использована ненормативная лексика, из-за чего книгу конфисковали. Немалое участие принимал он в журнале «Гостиница для путешественников в прекрасном», помещая там стихи, статьи и рецензии. Кроме того, несколько лет состоял членом правления Всероссийского союза поэтов.

«Осознаю себя, — писал Грузинов, — как звено, соединяющее прошлое с будущим, как зерно, прорастающее из земной почвы настоящего в небо будущего. Мною эстетически изжит Город хамов и мещан. Я не могу эстетически оправдать тот Город, перед которым преклоняются Верхарн, Уитмен и Маринетти»¹. Стихи его, за исключением первого сборника, посвящены деревне. Обнаруживая некоторое воздействие поэзии Есенина, они, впрочем, не лишены самостоятельности. Атмосфера в стихах создается обращением к простому архаичному сельскому быту, ритмической и языковой корявостью, грубоватой объемной лексикой. Р. Ивнев впоследствии писал: «Русскую литературу и ее классиков он знал в совершенстве. Его любимыми поэтами были Батюшков, Баратынский и Тютчев. Грузинов — самородок, образованный и умный публицист, интересный поэт, хотя и оказавшийся под влиянием Есенина»². Грузинов, вместе с Есениным, Кусиковым и Ройзманом, составлял «правый», по определению тогдашних критиков, фланг имажинистской группы. С Есениным во многом и была связана его деятельность в эти годы. Вдвоем они подписали открытое письмо, оповещавшее о роспуске имажинистской группы³ (вероятно, Грузинов и явился инициатором этого письма). Грузинов принял участие в подготовке задуманного Есениным журнала «Вольнодумец» (в связи со смертью Есенина журнал не издавался). Вместе они вошли в инициативную группу по организации общества при издательстве «Современная Россия», где и были изданы две следующие книги стихов Грузинова — «Избяная Русь» (1925) и «Малиновая шаль» (1926), посвященная Есенину. В этот период Грузинов работал также в издательстве «Сегодня». После смерти Есенина он опубликовал две посвященные его памяти работы — «Есенин разговаривает о литературе и искусстве» («Сегодня». Альм. 1-й. М., 1926; отд. изд.: М., 1927) и «О смерти Есенина» (сб. «Памяти Есенина». М., 1926).

Стихи, напечатанные в 1927 году, — стихотворение «Каждый день — туманно ли, светло ли...», посвященное Грузиновым своей сестре, Наталии Кончаловской («Новые стихи». Сб. 2. М., 1927), и большой отрывок из поэмы «Вечность номер три» (1926) («Сегодня». Альм. 2-й. М., 1927) — были, вероятно, его последними поэтическими публикациями. Действие поэмы происходит, что необыч-

¹ Имажинизма основное. М., 1921. С. 20.

² И в н е в Р. Богема. Избранное. М., 1988. С. 236.

³ «Правда». 1924, 31 авг.

но для Грузинова, в космической лаборатории, летящей на Марс, один из участников экспедиции, поэт, начинает нестерпимо тосковать по родимой деревне и с полпути возвращается на Землю. Не были напечатаны рукописи двух книг — «Повести и рассказы» и «Пушкин и современность», — о готовящемся выпуске которых сообщалось в 1925 году.

Сведения о жизни Грузинова в последующие годы почти отсутствуют. Известно, что он был арестован, несколько лет провел в ссылке, скитался по разным городам (Шершеневич встречал его в Воронеже). Незадолго перед войной вернулся в Москву. Работал над воспоминаниями «Маяковский и литературная Москва» (1939—1940), занимался составлением итогового сборника своих стихов, сильно бедствовал и умер от голода в 1942 году¹.

196

Зыбь пыльной пелены.
Небо сочная полудыня.
Звезды семечки синие.

Режу небо щербатым ножом луны.
Опускаюсь в зарево травы.
Кушаю ломтики прохладной синевы.

Май 1914

197. ИЗ ПОЭМЫ «МОЖАЙ»

Готические шпицы, стрелки
Пронзают сумрак лиловатый.
У золотых крестов стрижи.
Часов старинных хриплый звон.
В лощине засветились хаты.
Накрапывает дождик мелкий.
Туман вечерний свитком серым.
Как тень, мелькнул Наполеон.
И пыль дорожная кружит
Следы, оставленные Пьером.

В кивоте ветхом идол черный
Как пищу в сумеречный час
Курений дым, сиянье свеч.
На лбу рубцы как складки пашен.

¹ См.: Р о й з м а н М. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 241.

Неуязвимый, непокорный,
Тиарой жреческой украшен,
Столетия не смежает глаз,
Столетия держит бледный меч.

Пчелы полдня вихрем крыльев
С облачных ветвей и трав
Зернь медвяную стряхнули,
Веют розовую пыль.
Солнце — раскаленный улей —
Знойным острием луча
Жалит мозг, лия отравы
И наитья ярых чар.

А в полях тропарь
И клетот журавлей.
По траве пролегла тропа
В голубой овес.
На траве и бабы и платки алеют.
Ловит Креститель стрекоз,
Дева Мария собирает гвоздики,
Иисусу
Сладко дремать на упругой девичьей груди.

На вспотевших плечах
Мужики несут
Миколу.
Идол державный
В ярых лучах
Сумрачной брови насупил,
Крепче сжал
Рукоятку меча,
Пристально вперяет взор в земные доли.

О Русь, о жизнь, о плоть,
О дни,
Текущие и щедро и светло
В седых равнинах!
Стезя моя легка.
Господь,
И мне дано —
Лучом мгновенным просверкав,
Песчинкой малою упасть на голубое дно.

1919

Виясь над хладным серебром
 Озерных крыл, алеют дымы,
 И утро медленным костром
 Туманные сжигает ризы.
 На сучьях сумрак бледно-сизый
 Повис как пух неуловимый.
 Течет дремучая теплынь.
 И зноем зыблемая синь —
 Звенит как сеть стеклянных ос,
 Шатает соты деревень.
 Короче взмахи жадных кос.
 На травы клонит солнцелень.
 И по лучистому овсу
 Неспешно к ветхому селу
 Косцы под мышками несут
 Охапки порыжелых лун.

1920

199. ВЕЕР РЕСНИЦ

Вхожу, печальный Дон Жуан,
 Под своды древнего собора.
 В пыли безмолвно спит орган;
 Цветные стекла сеть узора
 Роняют в сумрак крестных ран.
 И вновь горит слеза укора
 Под черным веером ресниц.
 Но нет Тебя, склоненной ниц,
 Не видно тени Командора.
 Но в темных нишах коридора —
 Ряды гробниц. Ряды гробниц.

< 1921 >

200. РУСЬ

Серебряный и синий
 Поутру,
 А полдень выткан золотом соломы.
 Лишь изредка то здесь, то там
 Мерцает свет павлиний.

Какая пустота
В моей избе!
Как тихо дышит Русь!
И времени челнок замедлил бег,
Запутавшись в прозрачных паутинах.
А на исходе дня
В полях
Остановил коня,
Смотрю, как за селом
У ветхого овина
Стекает с чьих-то светлых рук
Зерно
И стелется у ног
Тончайшая мякина.
Трубы далекой звон?
Иль август грезит журавлями?
Над оловом реки
Застыла конопля.
Как тихо дышит Русь!
Биенье сердца конского
И трепеты раки.

1921

201. БЫЧЬЯ КАЗНЬ

Сквозь зубы истоиво цедили чай,
Закусывали сдобным калачом.
Молчали.
Рукавом вытирали пот.
В сени
Хозяин, крикнув, выкатил живот,
Как банным веником распаренный бочонок.
Со двора пахнуло
Прелью и снегом весенним.
И золото луча
На розовые скулы.
В закуте — темь и сонь.
Мерно фыркает бык,
Бычью морду треплет рука,
Ласково к пойлу клонит.
На шею тугой аркан
Рукой судьбы.

И в лоб беляное пятно,
Колун
Заржавленным квадратом обуха.
По горлу хлебный нож.
Бьет кровь в лохань,
Где сдохлись за ночь мутные помои,
И, брызнув на зипун
Хозяина, слипается как черное клеймо.
Парные потроха
Зеленой грудью у ветхого плетня.
И птицы реют над добычей.
Труп бычий
Вздыбили на пялы.
И как последний отблеск дня
Дрожанье жил шафранных, сизых, алых.
Мигай, закат, мигай!
Воронье карканье медлительней и глуше.
Кровавые рога
В навоз вонзая,
Ободранная стынет голова.
Два зеркала — остекленевшие глаза:
В одном — небесная синева,
В другом качается распяленная туша.

Март 1921

202

Ситцевый полог чуть колыхнулся.
Сдавленный стон,
Точно муху тощую пьет паук.
Икота.
К двери сапожищи шмыг.
Журавец у колодца: ау.
Вечер тенью мохнатой шагнул,
Стер позолоту
С тонкой
Закатной тесьмы.
Небо в окно
Ветошкой линиялой.
Крепко приправлен
Дух щаной
Дымом табачным и потной онучей.

Дрожь.
Ледяная кора.
Схвачен ком одеяла.
Череву воды холодной ведро
Тестом проквашенным пучит.

Иглами в тело впились.
Всклип краткий.
Последний порыв.
Подкатило к горлу,
Душит лепешкой клекой.
Из матки
Студнем рыжим
По волосикам слизь.
Круглое, красное медленно перло,
Как из горшка перепрелая свекла.

Выплеснут крик звонкий.
Бабка ощерилась сукой поджарой.
Рухлые пальцы вяжут пуп.
На пеленки
Капля темным рубином с ножа.
В копоть лампада луч
Как голубую тропу.

В пыльном божничном углу,
Где сентябрьские мухи сонные,
Проползая
По стеклам икон,
Крѣпотливо узоры рисуют,
Дева Мария
Сиськой пергаментной пичкает
Иисуса
И до зари
На лубочную зыбку и полог тряпичный
Щурит византийские глаза.

Май 1921

1

На скатерти с полудня разлеглась
 Ржаная, как свинец тяжелая коврига.
 А рядом с ней вздыхает томно рыхлый ситник.
 В широких блюдах деревянных
 Вареная говядина разбухла и размякла,
 И борова нежнейший почеревок
 Приздынул к потолку тончайший пар.
 На глиняных расписанных тарелках
 Колесики копченой колбасы,
 Китайские, волоцкие и грецкие орехи,
 Подмоченное слиплось монпансье,
 На пряниках аляповато: «Вяз»,
 А на обложках карамельных
 Под кавалерами усатыми и барыньками: «Смесь».
 Пустые рюмочки жеманятся, как модницы московки,
 Готовые кокетливо хихикнуть,
 Готовые звенеть стеклянным смехом,
 И морщатся галантные умытые графины,
 Когда качнется половица
 Под суетящейся ногой.
 А чашки чайные в весенних новых платьях —
 Украшенных гвоздиками, ромашками, малиной —
 От праздности и грезят и зевают.
 Как истовый, исполненный достоинства хозяин,
 Над яствами и питьями пыхтит
 Приземистый пузатый самовар.

2

Под сенью жестяных георгинов,
 Бумажных роз
 Угодники в божнице ветхой дремлют
 И пепельными пальцами перебирают четки,
 Расчесывают бледный лен волос.
 В красном углу, под божницею,
 Шамкают пергаментные губы;
 Трудовым ошпаренные потом,
 Лысые сияют черепа.
 Восковой венки, стеклярус и атлас —
 Бабочкой капустницей невеста,

Жених в суконной тройке — таракан.
Зеленую степенно глушат мужики,
А бабы, красную пригубив церемонно
И зарекаясь и божась,
Отводят рюмочку рукою загорелой.

3

Ах, слушайте! ах, слушайте!
На фабрике какой
Полотна вечера расцвечены мерцающим шафраном?
Кто сверху цедит сквозь телесное трико
Златистую смолу?
Пока дурманами дымит трава —
По горло пей хмельную девичью гульбу.

Ах, слушайте!
Из Индии небесной
Весенний караван —
На косы звездные подвески,
На груди девичьи зеленых лунных бус.

4

Седые пучеглазые лягушки
К полуночи накрывали болотного туману.
Ползет туман оврагами трущобными к селу,
Потерся у колодезного сруба,
Пушистый хвост повесил на плетень,
Оскалил пасть и лапы влажные просунул в подворотню.
Трухлявою соломенной крышей
Из за́стрех в сени каплет лунный воск.
В тиши
Лишь пискнет изредка мечтательный цыпленок,
Лишь цокнет конь раскованным копытом
Иль полусонная корова корявым лязгнет языком.
И полог светится палаткой кочевой,
В объятых скифа бьется полонянка,
И черных две косы скользят из-под холста,
Как две степных змеи.

1922

На асфальте вспомнил соты и гвоздики,
 Причитала ржавая пила,
 Сохи охали, сиял и пел топор.
 Ты была совсем золотоглазой.
 Запах кожи. Запах лисьих нор.
 Радугами на ресницы брызнув,
 Пригоршнями пили ключевую.
 Не забуду тонких пальцев синеву,
 Родинку на узенькой груди.
 Знойной сетью колыхались листья,
 В чащах красно-бурые костры
 Языками липли к бересте.
 А когда в любви и верности клялись —
 От волос твоих ложилась на траву,
 На колени розовая тень.

1923

Линялой бичевой на пустыри легла
 Дорога. С утренних озер —
 Утятником и сладостной прохладой.
 По близорукости моей не разберу —
 В тени кленовой дева ли, пастух ли.
 И в тишине стеклянной голова.
 Я эту речь совсем не понимаю,
 Запомнить не могу, она неповторимей
 И призрачней, чем щебет птиц.
 О, странное самозабвенье!
 Среди тонких стебельков
 Травинкой вздрагиваешь голубой,
 Крылатое отяжелело время,
 Как стрекоза, прильнувшая к огню.
 И так легко — упасть и не проснуться.

1923

Каждый поселянин — млад и стар —
 Уверяет: лошадь у дьячка зарезала...
 Бабы, собиравшие грибы,
 Видели в трущобе, у оврага
 Волчат с матерою волчицей.
 А вчера
 За деревней, у дорожного креста
 Встретил *серую* пастух на утренней заре.
 Эти вести дикой сказкой мне, невероятной былью
 Перепутали и явь и сны.
 В душу странное, звериное стучится.
 Печка ходит поперек избы.
 Это только бред осенний? может быть,
 Кот наплакал? птицы мне нащebetали?
 Темной хмарью вышли призраки лесные?
 Ой, надену я косматую папаху,
 Заряжу шпийтрой дробовое,
 На приманку к логову листовяному снесу
 Скусные собачьи потроха.
 И когда луна жеребой растопырится,
 Пуздо красное спустив на голый сук,
 Дряхлый филин у дупла завоет
 И волчица мутным маревом на падаль кинется, —
 У звериной притаясь тропы,
 Я, не дрогнув, ржавые взведу курки.

1923

207. ХЛЕБ

Мне изба российская просторна.
 Светится медянкою повесть.
 Окна на восток, в Европу двери
 И крыльцо дубовое на юг.
 Стружками еще вчера дышал рубанок
 И, венчая бревна, пел топор.
 Нюхом земляным распознаю,
 Верю —
 У порога новое тысячелетье
 Не согнет по-нищенски горба.
 Зреем медленно. Тяжеловесны зерна.

И рука жнеца упряма и корява,
И скрипуча песня на ветру.

Месим истово. Вскипают на челе
Капли пота. Ах, он вечен, черный,
В тлеющей печной золе!
Соль. Мука. Меняется приправа.
Но всё тот же он: как боль, как труд.

1924

208

Пастух июль прилег в тени леска,
Жалейка тростниковая, ореховый костыль,
Лопаточник плетет из бересты.
Пастух июль на клеверных полях,
Кольшет сизый коленкор река,
Сияет серебро натертых ветром блях.

Под граблями вздымаются гвоздики,
Ромашки рыжие, сквозная резеда.
Расстегнут ворот. Томен на груди
Девический загар. Мутнеет синева.
Вдали алеет пыль. Бредут стада.
Спадает зной. Пора копнать. Роса.

Пока несли в сарай беленые холсты,
Пока над кринкой чванился подоюник —
Луна на огородный тын
Повесила фонарь подслеповатый,
По грядам червячков зеленых разбросала.
Небесный влажен лен. Дымит фитиль седой.

Кузнечики, усами шевеля,
Свербят во ржи. Зайчата на лугу
Стряхают капельки с поникнувших стеблей.
Малиновые тонкие стекляшки
Всю ночь бренчат в пастушеской суме.
Кричит петух. Заквакали лягушки.
Промок фитиль. Небесный лен померк.

Предутренней прохладой веет дол.
Запела тростниковая жалейка.
Скрипит калитка. Звякнула щеколда.

Из подворотни глянула цепная.
Зари пугаясь, щелкает сова.
Из пелены белесоватой
Ползет, крутыми бедрами примятая, копна.

1924

209

К сердцу седина. Любимой на ресницы
Пепел. Краткая весенняя краса
Ржавчиной по топору.
Нежность срубленной березкой касается
Моих загрубелых рук.
Всюду, всюду земляные лица;
Кожа — ссохшаяся береста.
Только листики — поденки, послушные лучу, —
Плещут зеленью на золотой иконостас.
С детских лет не чуял и не чую
Ни раскаянья, ни греха.
И не сетую. Земляное — земле.
Не вздыхаю
Ни об этом царствии, ни о том.
Тлею, как древесные листья тлеют.
Зеленое на золотом.

1924

210

Вкруг полей веду крутые межи,
Вкруг избы высокий строю тын, —
Чтобы ветер из иных безбрежий
Не сжигал стихов зеленые листья.

Всё забыть. Далекое, что смутно сердцу снится,
Что виденьем брезжит наяву.
Только чуют льнущие к земле зарницы,
Только слышать теплое скуластое — живу.

Ах, желанней бледные от страсти
Губы, занавешенные поволокой
Женские зрочки, — когда полднего костра
Дымное к закату клонится крыло.

319

Вкруг полей веду крутые межи,
Вкруг избы высокий строю тын, —
Чтобы ветер из иных безбрежий
Не сжигал стихов зеленые листы.

1924

211

В тумане кони потонули.
В лесу безлиственном темно.
Грустить и петь не потому ли
О невозвратном суждено.

Я говорю: ведь это было. —
Костер. Истома первых встреч.
Как одуванчик легкокрылый,
Взлетала шаль с девичьих плеч.

И колокольчика набаты,
И храп и топот вороных.
И месяц тонкий и горбатый
Летел к нам с правой стороны.

Уж поздно, поздно. Трудно ехать.
Лесная тишь. Ночная мгла.
Напрасно, сердце, ставишь вежи
К тому, что выжжено дотла!

16 ноября 1925

212

Сумочку-котомочку за плечи повесил
И айда дороги колесить.
Не узнаешь из уютных кресел —
Чем живут, чем дышат на Руси.

В путь иду, пути не выбираю.
Поклонился на четыре стороны.
Ой вы, нивы без конца и краю!
Ой леса дремучие темны!

Утром косы начинают тренькать.
Бедный странник под кустом проснется.
Там и сям присела деревенька
С журавлем высоким у колодца.

Под карнизами резные ставни,
На платках узор мордовский вышит.
И хранят обычай стародавний
Кони деревянные на крыше.

Вот возки, накрытые рогожей,
Мужики на пегой и на карей.
Елки-палки! да ведь это то же,
Что видал когда-то Олеарий.

Лишь кой-где сквозь солнечное сито
Дым от поезда колечком голубым.
Уж не зря ль ты выдумал, пиита,
Будто б вздернута Россия на дыбы?

9 декабря 1925

Александр Борисович Кусиков (настоящая фамилия — Кусикян) родился 17 сентября 1896 года в Армавире в многодетной армянской семье. Биографические сведения о нем крайне неполны, причем из того немногого, что он сообщал о себе в печати, далеко не все достоверно, — поэт старательно романтизировал свой образ, создавая имидж дикого горца: сочинил себе черкесское происхождение и тщательно это подчеркивал в стихах и письмах, в одежде (черкеска и военный френч, брюки-галифе и высокие сапоги, на плечах бурка, в руках четки) и манере поведения¹. Из автобиографической заметки следует (об этом он говорит и в стихах), что его воспитывал «мудрый черкес <...> Чеч, потом русская няня Анисья», затем «сын Чеча, Пит», а позднее — немка-бонна². Став гимназистом, он переходил «из одной гимназии в другую, из другой в третью, так и объехал весь Кавказ <...>». Стихи начал «сочинять» со второго класса...³. Гимназию окончил в городе Баталпашинске области Войска Донского и сразу поступил в университет, но «студенческую фуражку пришлось поносить с полгода...»⁴ — в 1915 году был призван на военную службу. Служил кавалеристом в Северском драгунском полку. Побывал на фронте, был ранен. В период Февральской революции был назначен военным комиссаром Анапы. В начале Октябрьской революции уехал в Москву. В 1919 году, сообщает он, «я с полковником Ц. формирую в Петровском парке первый советский полк и назначаюсь командиром отдельного кавалерийского дивизиона. <...> С начала 21-го раз и навсегда оставляю военную службу»⁵.

¹ Так, В. Шершеневич, поддавшись на эту мистификацию, позднее писал: «Александр Кусиков, кавказец, чеченец, носил в жизни прекрасную и звучную кличку. Его полное настоящее имя было Сандро Бейбулет Ку. <...> Мать была очаровательной черкешенкой...» (Ш е р ш е н е в и ч В. Великолепный очевидец //Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 554, 555). См. также: Р о й з м а н М. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 49.

² «Новая русская книга» (Берлин). 1922, № 3. С. 43.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

В Москве он сразу включается в литературную жизнь — посещает «Кафе поэтов», знакомится с Брюсовым, Маяковским, Каменским, Бальмонтом. В 1918 году выпускает свой первый сборник «Зеркало Аллаха» с посвящением: «Милой доброй мамочке, с которой я пережил лучшие минуты своего лучезарного детства», включивший стихи 1914—1918 годов. Организует издательство «Чихи-Пиши», где в 1919 году вместе с К. Бальмонтом, под влиянием которого в этот период находился, и А. Случановским выпускает сборник «Жемчужный коврик» и там же — собственную книгу стихов «Сумерки» (вышла в 4-х изд., все — в 1919 г.), которую вскоре сам оценивает как «очень плохую и безнадежную книгу, от нее отказываюсь и не признаю за свою»¹.

Многие стихи Кусикова, начиная с нескольких, вошедших в «Жемчужный коврик» (но также и не входившие в его сборники), были положены на музыку В. Р. Бакалейниковым (в том числе «Бубенцы» — «Слышен звон бубенцов издадала...» и «Обидно, досадно...»), Н. Р. Бакалейниковым, С. Н. Василенко и другими композиторами.

Кусиков сблизился с Шершеневичем и Есениным и весной 1919 года вошел в имажинистскую группу, став одним из наиболее деятельных ее участников. За два с небольшим года (1920—нач. 1922-го) он выпустил пять своих книг, причем две из них — двумя изданиями; «Поэма Поэм» (1-е изд.) вышла в издательстве «Сандро», остальные — в издательстве «Имажинисты». По свидетельству друзей, Кусиков «был хорошим издателем», проявляя большую изобретательность в доведении имажинистских сборников до печати. Вместе с Шершеневичем он открыл книжный магазин — «Лавку поэтов», где стал работать и его отец. Был избран заместителем председателя Всероссийского союза поэтов (председателем в то время был Брюсов).

В январе 1922 года Кусиков и Б. Пильняк получили при содействии Луначарского заграничную командировку и выехали в Берлин. По пути около месяца провели в Эстонии, устраивая свои вечера в Ревеле (Таллине) и Дерпте (Тарту). 13 февраля состоялся их совместный берлинский вечер, на котором присутствовали многие видные литераторы и политические эмигранты.

За границей Кусиков сразу занимает резко антиэмигрантскую позицию, неустанно декларирует свою преданность революции, вызывая этим негодование в эмигрантской печати. С гордостью он сообщает В. Брюсову, что получил в эмигрантских кругах кличку «чеккист».

С марта 1922 года Кусиков сотрудничает в только что организованной «сменовеховцами» газете «Накануне» и ее Литературном приложении, которым руководил А. Толстой, а затем, после отъезда Толстого на родину, возглавляет приложение. В течение трех лет он интенсивно печатает в газете свои стихи и поэмы («Песочные часы», «Васильковый марш», обе — 1922), изредка статьи. В Берлине выходят его сборники «Аль-Баррак» (2 изд. — 1922 и 1923), «Птица безымянная» (1922) и «Рябка» (1923). Стихи его переводят на

¹ «Новая русская книга» (Берлин). 1922, № 3. С. 45.

немецкий и французский языки, а также на идиш (Перец Маркин). В 1924 году в Париже издают сборник во французском переводе «Le sablier» («Песочные часы»).

Кусиков часто выступает на литературных вечерах — с Есениным (в мае—июне 1922 г. и в феврале—марте 1923-го, после возвращения Есенина из Америки), А. Толстым, М. Цветаевой, В. Маяковским, Игорем Северянином; неоднократно бывая в Париже, читает стихи вместе с К. Бальмонтом, с которым в эти годы сблизился. В декабре 1923 года организует юбилейный вечер к 50-летию Брюсова и выпускает посвященный ему номер Литературного приложения. Устраивает и собственные вечера — в Берлине, а затем, в 1923 году, в Париже, куда в следующем году переселяется окончательно. В июне 1925 года состоялся второй парижский вечер Кусикова, на котором председательствовал художник Г. Якулов.

В Париже Кусиков участвует в деятельности группы «Через», объединившей художников и литераторов — выходцев из России. В то же время завязывает знакомства в кругах просоветски настроенной интеллигенции Берлина и Парижа. «С французскими поэтами и немцами, — сообщает он В. Брюсову 29 декабря 1923 года, — сошелся с многими. Видался с Барбюсом и Анатолем Франсом <...>. Друген с „Humanite“ и „Klarte“, с Кашеном...»¹.

В творчестве Кусикова в эти годы происходят большие изменения. Все увеличивается у него неудовлетворенность имажинистским методом, все нарастают претензии к товарищам по группе, в особенности к Есенину. «С имажинизмом давно все кончил, — сообщает он В. Брюсову 29 декабря 1923 года, — вырос, взрослою. Да и фкус... Мне с ними не по дороге»². И это естественно, — стихи Кусикова теряют многие характерные для них прежде качества: уходит контрастность, восточный колорит иссякает, образная яркость блекнет. Он, однако же, весьма высокого мнения о своих последних вещах, в частности о большой поэме «Москва» (1923—1924), чрезвычайно многословной, содержащей ряд трескучих фраз о преданности Октябрю и Советской России, — поэмы, которую сам автор ставил выше «Двенадцати» Блока.

В то время как на Западе стихи Кусикова широко публикуются и переводятся, на родине имя его мелькает в печати все реже — за четыре года (1922—1925) появляются всего три публикации: четыре стихотворения и отрывок из поэмы «Москва». Сборник «Когда вишня в цвету», купленный у него в 1922 году Гослитиздатом, до печати не доходит. В особенности поэта обижает безразличие имажинистов: в своем журнале «Гостиница для путешественников в прекрасном» они не помещают ни единого его стихотворения. «Страшит меня одно, страшит и мучит, — жалуется он С. Ф. Буданцеву, — не забывают ли меня или не забыли ли уже в России. Это одна из моих больших трагедий. Тем более что я теперешний, сравнительно, до неба больше прежнего...»³.

¹ РГБ. Ф. 386. К. № 91. Д. 30. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Письмо от 11 мая 1925 г. // РГАЛИ. Ф. 2268. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

В письмах на родину он неоднократно сообщает о своем скором возвращении, тем более что ему «в конце концов <...> до тошноты надоела граница». Но отъезд все откладывается. Вмешивается и личная причина: «Сколько тысяч раз я собирался к отъезду и столько же раз разбирался. <...> приехать смогу только не один. <...> На вероломного-то и нашлась Вера...»¹. Речь идет о Вере Сергеевне Лукьяновой, которая стала его женой².

К началу 1930-х годов Кусиков порвал с литературой. Он умер в Париже 20 июля 1977 года.

213. КОВРИК ЖЕМЧУЖНЫЙ

Я пред Тобой смиренно опущу ресницы,
Чтоб замолить моих страданий раны.
Я буду перелистывать души моей страницы —
Священного Корана.

Ты, кроткий, в облаках, быть может, Ты услышишь
Мою молитву дня.
Мой коврик жемчугом, слезами сердца вышит.
Услышь меня!

1918

214

А луна, как белый дедушка,
Прихромав, ползет к заутрене,
Облачко — в платочке девушка,
Глянцем розовым запудрена.

Утро бледно-синеватое
Нежит небо в шарф шафрановый...
От меня ушли так рано вы,
Недовольной, виноватою.

А луна, как дед хромающий,
Белый лунь сутулый, сгорбленно
Ковыляет в небе тающем,
Унося с собою скорбь мою.

1918

¹ Письмо от 11 мая 1925 г.//РГАЛИ. Ф. 2268. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

² Ей посвящены многие стихи Кусикова 1923—1924 гг., напечатанные в «Накануне», и поэма «Москва».

Каждый раз с отходящим Вчера
 Я встречаю больное Сегодня —
 Когда звездами ткнут вечера
 Синюю ризу Господню.

От земли, когда ладан кадит,
 Подымаясь всё выше и выше,
 Похоронный вечерний мотив
 Каждый раз в своем сердце я слышу.

Каждый раз, каждый раз выхожу
 Встречать, хоронить одиноко
 Надежду и жуть
 И милые, милые строки.

< 1919 >

Я считаю биенье виска,
 Я слежу за движением стрелки,
 В мигах вечность хочу отыскать,
 Как спириты в дрожащей тарелке.

Жизнь моя — только пули полет.
 Хрупкий мир уходящих мельканий,
 Как весною надтреснутый лед,
 Неожиданно канет.

< 1919 >

Я опять, безразличный, безвольный,
 Грежу в сумерках на диване скомканном.
 Тонет звон колокольный
 В моей стынувшей комнате.

Голубой убаюканный тенью,
 Вижу няню, образок и кроватьку,
 Вижу, как старческим терпеньем
 Она вшивает в мои брючки латку.

На серебряной голове запрокинут чепчик.
С восковыми морщинками сидит у окошка.
Про Страшный Суд и про ангелов шепчет.
Мне любопытно и боязно немножко.

Исподлобья очков смотрит строго,
Говорит, что на земле всё временно и тленно.
Затаив дыханье, я слушаю про Бога
И про вечное горенье в пламени геенны.

А потом перекрестит, уложит в кровать
И зевая прочтет «Отче наш» раза три. —
Усыпал я с дрожью восторженной лихорадки
До выпушки мягкой зари.

Я очнулся.
Сгущались в моей комнате сумерки,
Милый образ Печорина рисовался в углу...
Это было давно —
Уже умерло.
Заглянул в голубую я глубь.

< 1919 >

Продрался в небе сквозь синь ресниц
Оранжевый глаз заката.
Падали черные точки птиц. —
Жизнь еще одним днем распята.
Вечер был.
Шуршала аллея бульвара,
В серой дымке скрывались
Трамваи,
Авто,
Экипаж,
Мелькали лица молодые и старые.
Я шел и думал —
Когда же?
Когда ж?
Не дойду я,
Не будет...
Ну а если?..
Что это?

Надежда?

Тревога ль?

Поднял взгляд —

Предо мною на мраморном кресле

Сутуло нахмурился бронзовый Гоголь,

Кутаясь в плащ,

Задумчиво голову свесил.

Казалось,

Он мысли мои угадал:

Сегодня октябрьский праздник,

Почему ж я не весел?

Почему я еще

И еще

Непрерывно чего-то искал?

Разве мертвые души не умерли?

Разве в бронзе не бьется сердце?

Гоголь,

Милый,

Рассей мои сумерки, —

Мне сегодня не верится.

<1919>

219

Рюрику Ивневу

Мои мысли повисли на коромысле —

Два ведра со словами молитв.

Меня Бог разнести их выслал,

Я боюсь по дороге пролить.

Я хочу быть простым и маленьким.

Пойду по деревне бродить,

В зипуне и растоптанных валенках

Буду небо стихами кадить.

И, быть может, никто не заметит

Мою душу смиренных строк. —

Я пройду, как нечаянный ветер,

По пути без путей и дорог.

<1919>

220. ЖУК

Уж полночь...
Жуть...
Над желтым жгучим абажуром
Жужжит, кружит окружно жук.
Лежу —
В оранже пряжу вижу
Ажурных крыл.
Жужжит,
Кружит жемчужный круг,
И в жиже слов я жутко слышу:
Я жук...
Я жук...
Я ночь живу.
Жужжу, жужжу,
Кружу между
Над желтым, жгучим абажуром.
Я не щажу,
Огни лижу,
Жизнь прожужжу,
Себя сожгу —
И не тужу,
И не тужу...

Я

Жжжжжжжж... жук!

<1919>

221. ЖУРАВЛИ

К. Д. Бальмонту

В небе журавли летели
И журлили: журррр... журррр...
В жмурки мы в саду играли —
Прибегали,
Убегали,
С глаз повязочки сдирали,
По весеннему глядели
И кричали: чурррр... чурррр...
Я играть перестал.

Мне захотелось в небо,
Влететь в плывущий треугольник журавлей.
Отошел в сторонку
И не знал, мне где бы
Крылья раздобыть и обогнать журавлей.
В саду весело,
Шумно,
Был детский праздник.
Синью затканый день по дорожкам разлит.
Треугольник в небе, уплывая, дразнит
И призывно журлит... и журлит...
И досадные слезки,
Никому не понятные,
Затаил я в трепещущем сердце моем.
Я ведь слышал, как звали меня талые пятна;
Ну, взлети!
Ну, попробуй!
Небо всё проплывем,
Я не мог.
Я казался бессильным,
Ничтожным —
Крыльев нет,
Не умею летать,
А так в небо хотелось, в этот путь бездорожный,
К журавлям — журавлей обогнать...
Улетели.

И вот только сегодня, когда выросли крылья
Из сонетов, терцин и рифмованных строк,
В треугольник влетел я, мы всё небо проплыли, —
Я поэт журавлиный, от земли я далек.

<1919>

222. ПТИЦА СЕРАЯ

С веток ночь, серой птицей вспорхнувши,
Прошуршала в лиловый простор,
И месяц, золотым бумерангом взметнувшись,
Возвращался в поля за бугор.

Кто-то небо чернилами залил,
Сползали пятен круги.
Розовея, впрягались дали
В зарево звездной дуги.

Так поехать бы в дрожках рассвета
В облака по проселкам вскачь.
В небе предутреннем лето
Расстилает дрожащий кумач.

Белое стадо баранов
Голубея ползет...
Мою душу утром рано
Моет лапой на крыше кот.

Март 1919

223. ЧЕТКИ ЯНТАРНЫЕ

Месяц-пастух запрокинул свой красный башлык,
Возвращаясь в аул на пробудную встречу птиц.
Облака за рассветный плетень зашли
Синим стадом его буйволиц.

Щиплет шерсть на матрацы туман,
Заплетает березка косички,
Спрыгнул с крыши облезлый баран,
Родные орлы в перекличке.

О четки, янтарные четки мои,
Это вы мне нащелкали детство!
Старым коршуном грусть мои думы таит.
Где ты, мудрый, с легендами, дед мой?

В этот город взъерошенный, в этот город чужой
Занесен я оторванной тучей.
Не сдержать мне Медведицей, звездной вожжой,
Табуны моих дней бегущих.

Июнь 1919

224. ЧЕРЕПОК

Затеряться, забиться мне где бы,
Как в плетне черепок кувшина. —
Я люблю предвечернее небо,
Когда лапу сосет тишина.

Я люблю, когда вымытой шерстью
Уплывают в затон облака,
Когда выронит ветер свой перстень
И опустит туман рукава.

Быть неслышным, никем не замеченным,
На луну заронить свою тень...
Если б мог я рябиновым вечером
Черепком затаиться в плетень...

28 июня 1919

Москва

225. ЛЕС НАГОРНЫЙ

Так ничего не делая, как много сделал я,
Качая мысли на ресницах сосен,
Я всё познаю, вечность затая,
И яблоко земли проткну я новой осью.

Нагорный лес причудливых видений,
Тропинки тайн неперечтенных строк. —
Здесь я выслеживал незримого оленя
Моих проглоченных тревог.

О, сколько слов в шуршащем пересвисте
Роняет с крыл совиный перелет,
Когда заря кладет в ладони листьев
Копейки красные своих щедрот.

Туман свисает бородой Пророка...
Я, полным сердцем вечер затая,
Поймал звезду, упавшую с востока. —
Так ничего не делая, как много делал я.

3—6 июля 1919

Кунцево. Село Крылацкое

226. БУРЕВЕСТНИК

Разбилось небо черепками звезд,
Зевнул усталой позолотой месяц.
О если б вбить в рассвет алмазный гвоздь
И жизнь свою на нем повесить!

И в заводь зорь предутренних молитв
Ладони дня мне вознесут смиренность.
Я, буревестник ятаганных битв,
Познал тоску подбитого оленя.

18 июля 1919
Москва

227. НА АРБАТЕ

Тоска на плетне лошадиным черепом
Скалит зубы сквозь просинь в осеннюю даль.
Я не в горах затерялся ущельями,
И не в страхе пещерном блуждает печаль.

То смиренной молитвой, то раскатным проклятьем
Я бегущую тучу бессильно ловлю...
Стучись, мое сердце — трепещущий дятел,
Слезное небо в ресницах проклюй.

Разве арба проскрипит по Арбату?
Разве душу порадует ржаньем табун?
В аул бы родимый, к вершинам горбатым...
О, мысль на чужбине — крылатый скакун!

22 октября 1919
Москва

228. ПЛЫВИТЕ, ПЛЫВИТЕ, ПЛЫВИТЕ

Плывите, плывите, плывите,
Тучи, плывите в никуда, —
Синей усталью взор мой вытек,
В слепоте моей звездный удар.

Я бескрылый гляжу буревестник
Из-под крыши в манящую даль. —
Разлейте свинцовой песней,
Вам никого не жаль,

Вам ничего не надо,
Плывите одни в никуда.
Разве в небе страшны преграды?
Разве в небе страшны города?

И высоко, высоко, высоко
Мое сердце звенит холодком.
День в закате свой белый локоть
Укрывает лиловым платком.

13 ноября 1919

Москва

229. КОТЕНОК

Грустным тупозвоном в пятносинь потемок
Разбросался дождь по лужицам булавками.
Дрогнет и стучится мне в окно котенок —
Предосенний ветер с перебитой лапкою.

Зачитаю душу строками Корана,
Опьяню свой страх Евангельским вином. —
Свою жизнь несу я жертвенным бараном
И распятым вздохом, зная об ином.

Знаю, что в нигде-то, в семьнебесной дали
Мое имя шепчет звездный Зодиак.
Вот в туда мне вечность кузнечики сковали,
Стрекотаньем кузню тайно затая.

Дрогнувший котенок — предосенний ветер
Мне в окно стучится перебитой лапкою.
В пятносинь потемок, в предвечернем свете
Вколотил я тайну в лужицу булавками.

13 декабря 1919

230. КОНИ ЗЛОТИСТЫЕ

От пробудности ласточек — до пробудности сов
Я треножу коней, моих дум табун.
Кто с груди моей сбросит незримый засов?
Ржаньем плачется сердце — нагорный стригун.

Я взлететь не могу — ветер крылья задул,
Я уплыть не могу — перебито весло...
Мне бы только вернуться в родимый аул —
Семь небес затрепещут от стрел моих слов.

С утробеbeta ласточки — до прозренья совы
Я треножу коней, золотистых коней.
Не к добру моей грусти в безлунье завить
Псом, предвестником смерти, ненужных затей.

15 декабря 1919

231. Я ЗНАЮ

Тоску застывшую бескрылых гор — я знаю,
Их взгляд вершин, замоленный в простор, — я знаю.

Лишил их Индра взмаха сизых крыл — я знаю,
Не раз их вздох молитвой скорбной выл — я знаю.

И всё, что было, всё, что будет, есть, — я знаю,
Смиренье дня и черной ночи месть — я знаю.

И россыпь тайн разорванных комет — я знаю,
И звонкий миг, когда блеснет рассвет, — я знаю.

Кто победит — Иран или Туран — я знаю.
Пройдет все страны Красный Ураган — я знаю.

19 декабря 1919

Москва

232. ПОЭМА ПОЭМ

Нине Кирсановой

В этот город взъерошенный, в этот город чужой
Занесен я оторванной тучей.
Не сдержат мне Медведицей, звездной вожжой,
Табуны моих дней бегущих.

ГЛАВА 1

(С гор снесенный потоком)

В черной бурке пещерных легенд,
В папaxe взъерошенных мыслей,
Это я,
С гор снесенный потоком
В хор гранитных сирен,
Преломлялся в витринах Тверской...

Надо мной
Визгло вывески висли
Карусельным застывшим скоком.
Четкий топот копыт,
Скач,
Грохочущий плач,
Шины шипят — змеи города...
«Эй, берегись...
Берегииниись!» —
Процедил сквозь рыжую бороду
Распластанный в спицах лихач.

Я шарахнулся в сторону,
В сердце тая «берегись»,
И вороны,
Синие вороны
Кругами в глазах разлились.

Гулко,
Всклокоченно гулко,
Чужие,
Чужие
Кругом.
Сутулясь кривым переулком,
Я страх огибал холодком.

Случайная робкая встреча.
Взгляд? —
Точно звездная высь...
Не крикнул никто «берегись»,
И вечным остался вечер.

ГЛАВА 2

(Всё о ней и о ней)

Мелкие рыбки
Улыбки
Вашей
Заплыли
В затоны
Щек —
И бьется в висках
И тиликаньем пляшет
Запрятанный

Прядью
Колец
Сверчок.
В витрины зрачков
Запрокинуты в качке
Прозрачные люстры.
Пусть!..
Я первый по небу
На звездной тачке
Завез в облака свою грусть.
И пусть
Всё грустнее
Синеет
На небе,
И пусть окрыленным
Тревожной любить —
Я, первый влюбленный
Серебряный лебедь,
Хочу в эту синюю
Грусть
Заплыть.
Ну вот так,
Всё больнее.
Сквозь будни рябого стекла
В паутину осеннего неба взглядеться,
Так взглядеться,
Увидеть,
Чтоб последняя туча в нигде истлела,
И, казалось бы,
Капелькам
Некуда деться.

И опять
В сером взмахе
Тоскою проржавленный день
Взметнулся удушливым скрипом чахотки —
И опять,
О, опять
Сонно дождь забаякивал в окна грустящую лень,
Как сквозь шорох секунд
Вдруг
Слезой оборвавшейся нотки.

Звон игольный...
По крышам

Хромали
Размашисто
Трубы
(Сутулое
Туловище
Без головы)...
И больно,
Так больно,
И под сеткой дождя,
Передернув молитвенно губы,
Рисовались
Прозрачно
Грустящая
Вы.

Это Вы —
Те же плечи
Из «Песни Песней»
И всё та же
И та же
Библейская поступь...
День сплывал,
И узорно синеющей плесенью
Вечер
Прял на небе
Спокойно
И просто.

И спокойно
И просто
Звонкие спицы
В его пальцах дрожащих
Мелькали...
Пусть!
Я один только знаю
В полуночных ресницах,
С позолотой ресницах
Застывшую грусть.
То всё резче
И резче,
То всё глуше
И глуше,
То тревожней,
Больней

И больней
В заползающих сумерках
Затаенное слушать,
Лихорадочно
Помня
О ней.

Всё о ней
И о ней, —
Так бы белкой вертеться,
Запрокинув

Пушистые

Мысли

Хвостом,

В колесе по ступенькам пусть прыгает сердце,
Мое бедное сердце...

Ну а потом?

А потом,

После ночи,

Как вчерашней,

Недавней,

После ночи мельканий,

Взъерошенной ночи

Будут плакать к рассвету закрытые ставни,

Эти слезки на ставнях

Сквозь лиловые ключья.

И опять

В это небо

Взор блуждающий канет,

И опять

В буднях дня

Вырисовывать Вас —

И секунды тоски

Закругленных исканий

Унесет

С колокольни

Надтреснутый

Час.

ГЛАВА 3

(А я Ваше тело хотел всё еще и еще)

Закачать,
Забаяюкать бы
В сердце своем
Ваше имя.
Я по Вашему сердцу прошел,
Как по рифмам случайной строкой.
Замолить бы губами какими
Ваше имя?
Молитвой
Какой?
И был месяц на небе осколком ненужным и лишним,
И напрасно бесшумные хмурились тени —
Всё равно раздавил я
Грудей Ваших вишни,
Эти вишни
Больных откровений.

И скупо
Скатились
Горошины
Слез
С ваших щек,
Блестели ресницы,
Вы без слов шелестели, как стебель. —
А я Ваше тело хотел,
Всё еще
И еще...
И какое мне дело,
Что расплакались звезды на небе.

ГЛАВА 4

(Последняя)

В асфальтовый скрежет злобы,
В витрины безводных озер
Я тысячи раз перепробовал
Продрать свой прищуренный взор.

Но кто природнит бедуина
К заветам фабричных труб, —
Даже месяц с пропревшей тины
Скалит желчно свой медный зуб.

На плетне моих дум нагорных
Сердце поет петухом. —
Вот он, мой бред упорный,
О счастье каком?

1918—3 января 1920

233. ВОРОНЬЕ

Уносился день криком воронья —
Предвечерний час недвижимого дрожанья.
В этот час совы, свой табун храня,
Познавал я мир в перекличном ржанье.

В этот час всего — грохота, тиши,
Хаоса, бессмертья, умиранья —
Я познал, что не пронзить души
И смертельно душу не изранить.

Раскололся шар огненно-литой,
Расплескалась кровь огромного граната.
Облак — белый конь в сбруе золотой —
Умирал в бою гремящего заката.

7 марта 1920
Москва

234. АЛЬ-БАРРАК

О время, грива поределяя,
Я заплету тебя стихом.
Подолгу ничего не делая,
Я мчался на коне лихом.

Уздой порыв, надежда — стремя,
Серебряное стремя дня.
И выстраданный вздох мой — семя,
Растущее вокруг меня.

Швырнул я сердце звонко в эхо,
В расстрелянный раскат грозы —
И пал расколотым орехом
С нагорной выси мой призыв.

Я мчался на коне крылатом
В нельзя, за грани, в никуда;
За мной дома и сакли, хаты,
Аулы, села, города.

Так что же, разве конь подстрелен
Иль эхо выкрала заря?
Все семь небес подперли ели —
Моих стихов священный ряд.

Я всё познал, еще познаю,
Еще, еще, за мною все, —
Мы не в луну собачьим лаем,
Мы в предугаданный рассвет.

Я этот мир в страну другую
Несу в сознательном бреду.
Я раду, дугу тугую,
Концами жилисто сведу.

О, в дали белая дорога,
О, сладостных томлений рок!..
Нет в небе Бога, кроме Бога,
И Третий Я Его Пророк.

Так мчись же, конь, мой конь незримый, —
Не поредела грива дней, —
В Четвертый Мир неизмеримый —
В заглохший Сад души моей.

*4 апреля 1920
Москва*

235. КОНИ БЕЗНОГИЕ

Отзвук ночи и звон зари,
Полусон переломанных лилий.
С неба ссыпались звезд газыри,
В дали кони безногие плыли.

Липкий взгляд сквозь ресничный пробуд
Ввысь арканом, — о, стойте, кони!..
Но безногие в дали плывут.
Их никто, никто не нагонит.

18 апреля 1920

236. ШАТЕР

Дырявый шатер моих дум
Штопают спицы луны.
Я звездные тайны краду
Вбивать золотые клины.

Недостижений червь
Дни просверлит в виске.
Поэт, никому не верь,
Даже в надломной тоске.

Твой неисходный день
Сердцем стучится в Сад.
Так в голубой плетень
Лапой зари — лиса.

5 мая 1920

237. КОЕВАНГЕЛИЕРАН

Поэма причащения

1

Полумесяц и Крест,
Две Молитвы,
Два Сердца
(Только мне — никому не дано!).
В моей душе христианского иноверца
Два Солнца,
А в небе одно.

2

Звездный купол церквей,
Минарет в облаках,
Звон, дрожащий в затоне,
И крик муэдзина —
Вездесущий Господь,
Милосердный Аллах:
ЛЯ-ИЛЛЯГУ-ИЛЯЛ-ЛА¹,
И во Имя Отца,
Святого Духа
И Сына.

---

¹ Нет Бога, кроме Бога.

Два Сердца,
 Два Сердца,
 Два Сердца живых,
 Два Сердца, трепещущих разно,
 Молитвенно бьются в моей рассеченной груди:
 Вот закутанный в проседь черкес,
 Вот под спицами няня,
 И мне было рассказано,
 Что у Господа Сын есть любимый,
 Что Аллах в облаках Един.

Разбрызгалось солнце в небе
 Лучами моей души.
 Надежд моих радужный гребень,
 Седину облаков расчеши.

Нет во мне капли черной крови,
 Джинн не коснулся меня.
 Я родился в базу коровьем
 Под сентябрьское ржанье коня.

Заколотым осень верблюдом
 Жертвой к рождению легла.
 В замке предугаданным чудом
 Припала отмычки игла.

Порешили, что буду немым я.
 Но, с червонным пятном на ноге,
 Я прильнул на сладчайшее вымя,
 Когда ночь была в лунной сереге.

Тайну месил я в кизеки,
 Выглядывал в базову щель.
 Но вот на лесной засеке
 Отыскал я незримую Ель.

Вековая, в небо верхушкой,
 В рассыпанный солнцем овес.
 Я взобрался и в ночь прослушал
 Мерцающий шелот звезд.

Сквозь сосцы бедуинки Галимы,
Сквозь дырявый с козленком шатер
«Я» проникло в куда-то незримо,
Как кизичный дымок сквозь костер.

Не нагонит напев муэдзина,
Не вернет призывающий звон,
Если глас вопиющий в пустыне
Бросил «Я» в неисходное «Он».

6

Высохло озеро Савской царицы,
Захлебнулся Евфрат — и в простор...
Помни, нельзя укрыться,
Если лучится укор.

Так не укрылся Ирод,
Волхвы не пришли к нему.
Помни, отжившему миру
Не избежать ответных мук.

Долго будут еще над отцами
Сыпаться слез газыри,
Пока все не проникнут сердцами
В апельсиновый сад зари.

Пока все не умчатся за грани,
За нельзя на крылатом коне,
Будет веков умиранье,
Быть Аль-Хотаме в огне.

Будут еще потопы,
Ковчег и всё новый Ной. —
На бессильный погибели ропот
Пришел уже Третий, Иной.

Был Назаретский Плотник,
Погонщик Верблюдов был,
Еще один Черный Работник
Не поверил — и молотом взвыл.

Ослята словами запели,
Овцы поклонами в земь

Прозрели,
Прозрели,
Прозрели,
Два глаза его — две газели
Из колодца любви Зем-Зем.

7

Сквозь мудрость сосцов Галимы,
Вскормлённый ее молоком,
В никуда я проник незримо
Из база кизечным дымком.

1918—1920

Москва

238. АЛЬ-КАДР

Поэма прозрения

Отцу моему,

Борису Карповичу Кусикову

Мы ниспослали Коран в ночь Аль-Кадр.
О, если б знал ты, как ночь эта светится.
Ночь Аль-Кадр лучше тысячи месяцев.
В эту ночь ангелы на землю сходят по
Нашему повелению.
Мир до зари, и не бродят тени.

Коран. Сура 97

1

У меня на Кубани есть любимый пенёк
С кольцами лет на сморщенной лысине.
Время-мох наклонило к нему плетень:
На плетне турий череп,
А в черепе истина.
Есть потеря у всех,
И у пня есть потеря:
Снится ль хруст ему в пальцах веток,
Иль, как лист,
Каждый лист
Умывал он в росе,
Вспоминает теперь безответно?..

Знает пень шепелявую радость в лесу.

Так, в глубокую тайну корнями засева,
Молча, молча он думу супит.

2

Чвик-чвикнет рассвет на плетне воробьем,
Каркнет вечер на черепе вороном,
Пень и я,
Мы вдвоем,
Будто думу одну затая,
Ловим каждой звезды оторванность.

3

Есть в ушедшем немая скорбь
Глаз оплывших, стеклянных глаз. —
И тропа предо мною вскорь,
Так в далёко дорогой легла.

Мне ль не ведом излом потерь? —
Конь по мне ржет один в базу.
Но ведь хлесткий Октябрь теперь
Звоном зорь мне сморгнул слезу.

Но ведь вздыбил и ты, мой конь,
Свою буйную радость копыт.
Что ж под черепом пень тайком
Молча щурит лучей стопы?

4

Старец,
Пень мой,
Скамейка детства,
Это ты,
Это ты меня вынянчил.
На твоих обрубленных плечах,
Вынашивая бред свой,
Я учился у тебя молчать.
Но молчу не как ты,
А иначе.

Так молчит отзвук тари
Перед песней.

Я молчу перед новой строкой,
Затаенно, подолгу молчу.
Помнишь, в сказках твоих дракон
Нбздрил бурю встряхать алычу.

Я любил этот дождь золотой,
Свист в два пальца и всхлип совы.
Взор мой дятел долбил долотом,
Душу иглами ежил ковыль.

Люльку дум моих мамин бык,
По ночам усыпляя, бодал...
Разве мельником труд позабыт,
Когда мельницу рушит вода?

Разве мог я про всё забыть,
Что так нежно растило меня?
Но ведь конь мой не снимет дыбы,
И арканом его не унять.

Но ведь череп пробоями глаз
Уже мудрость свою лучит...
Знай же, пень, что сегодня игла
Не колоться должна, а шить.

Знай же, пень, кто однажды познал,
Что за далями дали есть, —
Значит, новых надежд белизна
Для него распушилась в песнь.

6—10 января 1921
Москва

239. ДЖУЛЬФИКАР

Неизбежная поэма

1

Никогда никем не забывается
То, что пронзает первая любовь.
О, этот всхлип подстреленного зайца,
В котором дрогнул вечер голубой.

О, родина,
 О, степь в долине бурок,
 Где дыни лун златят июль бакши. —

Всегда на взводе
 Дум твоих курок,
 А взор твой стынет в белую вершину.

Кто научил тебя не понимать,
 Что есть в ночи
 Продрогший страх кинжала?

Напомять,
 Сегодня ли напомять,
 Что не о жалость
 Лезвие точить?

А я твой сын.
 В моих тяжелых жилах
 Та ж непокорная от винограда кровь.
 Вот я пришел надеть узду реке
 И берега раскинуть на весы.
 Кто говорит, страшна дорога?

Не всё ль равно,
 Ресниц ножи
 Ни перед кем
 Не дрогнут.

Есть сладость в том,
 Чтобы познать себя,
 Есть сладость в том,
 Чтобы вернуть потерю. —
 Кубань и Волга, Енисей и Терек
 В меня впадают как один приток.

О пьянствуй, разум:
 Памяти колеса,

Вскружитесь шибче,
Вскружитесь разом.
Кто как не я
Молитву в завтра шепчет,
Захлебываясь горечью вина?

Всем с колокольни я,
Всем с минарета...
А чья вина?
Да и вина ли это?

Но помни, ветер: не жалеть семян,
Так не ласкаться в золоте колосьев!

6

Кто там, кто без оглядки,
Вслед я взбиваю кому
Строк моих взбухшие грядки
Тяпками острых мук?

Я ль на ветру не вылавливал
Для никого слова —
Чтобы гуси летали и плавали,
Чтобы месяц зарю целовал,

Чтобы всё было вскрыто собою?
Взвейся ж в небо, волчок земли, —
Мы пьянствовать кровью запоем
Больше тебе не велим.

Мы! — Но не верит вертлявая.
Если не веришь — Я!
И заикнулась пьяная,
Будто с похмелья, земля.

7

Вот для того-то, для того
Я свистом с индюком беседовал,
Когда склонялось зарево
Через плетень соседкою.

Вот для того-то слушал я,
Как дуб роняет желуди,

Как конь топырит уши,
Снимая радость с повода.

И для того выглядывал
Я в гусенице бабочку,
И с ней походку складывал
Я на росе булавочной.

О, знал я, как тандыкает
Перед дождем гигикалка
И белой песней никнет как
В лесу черешня дикая.

Я знал, как терен красными
Царапается пальцами
И как подсолнух заспанный
На солнце просыпается.

Я слушал, как мне радуга
Читала строки дождика,
Как за речной оградой
Волна стругала ножиком.

Всё разгадал, всё выслушал,
Весь мир познал в навозе я,
Намокший облак высушил
На камышовом озере.

Мне небо улыбается —
Сноп солнца распоясанный,
А радость дней бодается —
Бычок-бодунчик с яслями.

8

Но почему порой
Надломленность акаций
Ветвями цепких рук
Мне машет возвратиться? —

Ведь я ушел, чтобы твоим назваться,
Мой первый день — кизилковый чубук.

Пусть твой дымок всё так же в небо длится,
Пусть твой пастух картавит на коров...

Бакша и горы,
Как забыть мне вас?

О, я ушел, чтоб снова возвратиться!

Но зрячий облак в небе глаз лишен,
Но сквозь ложбину
Пули дум свистят...

Меня ль сомнет
Кулак мой, сжатый в камень?

Не возвратиться,
Нет,
Я не ушел,
О, нет же, нет,
О, я не на чужбине,
Я с вами,
Вы со мной,
Мы даже не в гостях,
Мой старый пень,
Мой баз,
Моя бакша и горы,
Мой первый день — дымящийся чубук.

Расти меня, расти меня, как прежде,
Я обречен смиреньем проорать —
Ведь перед волком сам себя не режет
В потерю загнанный и бьющийся баран.

И будет день
(А может быть, не будет!),
Когда экватор запущится в снег.
Я в полюс Северный, как в льдяный бубен,
Бью веткой пальмовой во сне.

А наяву мне машут из ложбины,
А сквозь ложбину пули дум свистят...

Я не в гостях,
И я не на чужбине.

Мой первый день — кизиловый чубук,
О, не замаливай на снеговых губах,
На четках скал расщепленную грусть, —

Есть у меня и родина — Кубань,
Есть и отчизна — вздыбленная Русь.

9

Кто там, кто без оглядки,
Кому ничего не жаль,
Кто сеет полосу с азатками
И колос растит в кинжал?

Кто сегодня опять не слышит
Кумачовой песни зари?
Разве звезды срывают вишнями,
Когда вечер еще горит?

10

Разве можно садиться на корточки,
Когда нужно воспрянуть в рост?
Кто там, страхом заваленный, корчится,
Как под дождиком сена воз?

Кто там, кто там хрипит придушенный?
Чье горло сегодня арба?
Товарищи, рушится, рушится,
Оглянитесь, воспряньте, пора!

11

Но нет ответа,
Звоном тишь зарезана,
Я слышу только самого себя. —
Любимый, ветер,
Так ли Марсельезу
Тебя учили распевать?

12

О, никогда никем не забывается
То, что пронзает первая любовь.
Я слышал плач подстреленного зайца,
В котором бился вечер голубой.

1—15 марта 1921
Москва

240. КВОЧКИ

Мне страшно, мне страшно очень,
Я гложу, рябится душа,
Будто миллионы квочек
Кудахчут в моих ушах.

Это не курник мой на Кубани
С гнездами выдолбленных тыков, —
Это челюсти спиц в одурелой панике
Выворачивают поршням рты.

В этой копоти грая бесключых воронов,
В этой песне раздавленной вишни
Тот же ль я бедуин непокорный
И молитвенно строгий дервиш?

Я пьянее вина, от вина ли паду?
Сердце-конь не всхрапит на танки...
Только знаю, что скоро на костре моих дум
Я сожгу и Коран, и Евангелие.

Оттого-то мне страшно, и страшно очень,
Оттого замедляю я шаг...
Но всё гуще кудахчут железные квочки,
И рябится, рябится душа.

Июль 1921

Москва

241. ИСКАНДАР-НАМЭ

Поэма меня

1

Обо мне говорят, что я сволочь,
Что я хитрый и злой черкес,
Что кротость орлиная и волчья
В подшибленном лице моем и в профиле резком.

Еще кто-то сказал,
Что скалы
В оскале моем дрожат,
Кто-то сказал,

Что в бурю мой вздох,
А зеленые треугольные глаза
Под изломанной бровью,
Глаза мои впалые,
Нахохлились
И жадно
Никогда не плачут.

Нет, вы не знаете, как сумрак совий
Рябым пером зарю укачивает.

2

А в этом есть такая тихая, такая острая боль
(Я обречен эту боль затаенно беречь) —
Улыбкой подснежника целовать прощенья лоб,
Арканом ненависти стаскивать с плеч череп.

Ведь носит тур и бороду и рог,
И травы обнимаются с косой.
В зеленой бурке ель — суровый всадник гор —
На плече своем холит сойку.

3

Белые кони,
Рук моих белые кони
В хомуте молитвы смиренно дремлют.
И те же кони,
Те же белые кони
Дыбят в небо непокорный ропот,
Ржаньем пальцев срывая хруст узд,
Зуд
Треножных ремней...

Я мюрид бесстрашный,
Ненавижу врага.
Я черный страж,
Я кроткий инок:
В крови ятаган
И, пропахший смолой, на горбе топор.

4
Вот почему насыпаю я звезды в рукав
И за пазухой нежу ночь.
Еще долго в молитве кружиться ковру,
Плавить взмах еще долго клинкам отточенным.

Мой дымок, мой потертый кисет
Зачитались чужими страницами.

Вяжет тень под деревьями сетки
Вылавливать солнечных птиц.
Но я знаю, как в думах вечер
Невыразим,
Как по листьям ползут золотые черви
В огненный лед зари.

5

Я любил сучковатую палку
И мылом прожженный повод.

С первым ржаньем в пробуд я табун свой купал,
Кровь смывая с коней от оводов.

С давних пор пахнет кровью рука —
Эта кровь слаще радости первой.
Я с березы сдирал кору
И не знал, что есть кровь у дерева.

Кровь во всем: есть и кровь бурака,
Есть змеиная кровь в дожде...

И греет, греет моя кобура
Пасть пистолета с детства.

6

Что это?
Где я?
Что это?
Падают звезды дождем.
Подождите, не пойте,
Не пойте, подождите!
Держите коней,

Коней держите!
Кони... кони...

Блузы,
Погоны,
Китайцы,
Латыши...

Тише!

Кровавым клювом двуглавый кается,
Щиплет покорностью перья.

Всклипнул двуглавый,
Мощь без когтей.

Кто-то поверил.

Не верьте,
Не верьте!

Разве двуглавый на песни кается?

Слезы двуглавого — ключья рясы,
Бог у него — крестоносное пузо.

Тише,

Довольно,
Довольно,

Тише!

Слышите? —

Петухом запеваает заря.

Держите коней,

Коней держите!

Кони... кони...

И только подковы свой топот плавили,
Прыгали ядра на ядра зайцами.

Что это?

Где я?

Где я?

Что это?

7

Ветер сшиб мне с затылка лопух,
В искрах глаз разбежались ягнята,
Ширь до неба колосьями вспухла —
Небывалым посевом огня.

Не в лесу потерял я палку,
Не с плеча обронил я повод.

Пулеметами — улы, пули — оводы.
Вечер кровью коней купал.

Слушай, каждый: нужно ветру в ответ
Грудь курком оголить на взвод,
Так, чтоб в вывихе первой же ветки
Не себя простудить, а его.

8

Вот как я встретился,
Продрав прищур свой липкий
От меда зорь,
От льдин — от белизны слепой.
О, я ведь знал,
Я знал, что будет после.
Пой, ветер,
Пой на губах козла!
И вспомнил я, как скрип моей калитки
Будил в ночи дремоту диких роз.

9

О, если б знали вы, как сладостно аукать
В пещере дум любимые слова
И целовать, на ветер целовать
Ответную раззыбленную муку.

Я в буйволиный вздох запропастил
Без облаков и с облаками небо.
Усесться мне б
Опять на лысом пне,
Помахивая длинной хворостиной.

И ведь никто не спросит почему,
Как будто бы я присмирело злею?
Кизилом тлеет
Губ моих чубук,
И брови дудочкой — надежд замученные змеи.

Кто ж не ломает голос свой в потерях?
Кому не ведом предмогильный страх?
Я у костра пещеры,
У дум костра.

Любимое я в синь запропастил.
Какую ж муку целовать на ветер?
О родина, измену мне прости,
Прости мне, родина, измену эту.

10

И в этот день, когда не мрут, адохнут,
Когда нам камни — выпеченный хлеб,
Когда забыли кони, где
Причесанный кортеет стог, —
Я на Арбате,
Пропахшем хлебным квасом,
Учуял скрип арбы,
Тяжелый след быка...
Москва, Москва,
Ты Меккой мне, Москва,
А Кремль твой — сладость черная Каабы.

2 августа—2 сентября 1921
Москва

242. ЗАЙЦЫ ЗЕЛЕННЫЕ

Брови — черное утро сов,
Губы — свежая рана мюрида.
Так не бывает нарисовано,
Так никогда не бывает.
Гори, обожженная голова,
Крапивой встречи, гори!

Долго кутался я, нахлобучив
Лохматой папахой страх,
Вдыхая с асфальта разлитую тучу
И гарь нестепного костра.

Долго ждал я, в бреду немея,
Раскаленную всхлипом песнь.
Кто садиться на коня умеет,
Тот и умеет слезть.

И перебирал я молитвенно пальцами
На нитке года четки дней...

Вдруг выскочили глаза мои зелеными зайцами.

А разве пророки влюбляются?

Разве грустят пророки?

Мои первые строки были о ней,
Может быть, неповторные строки.

А теперь и спокойно, и строго
Обо всем говорю я векам,
Говорю, потому что пора,
Потому что я должен сказать...

Есть обычай в горах:
Когда катятся смытые камни,
Нужно молчать до обвала,
Потупив молитвой глаза.
Мои щеки — от вздоха впалые,
В жилах лоб — акаций кора.

Вот почему мне так дорого помнить о ней,
Помнить мучительный звездный пустяк,
Когда выскочили глаза мои зелеными зайцами.
Ведь глаза не догнать на коне?!

Ну, значит, пророки влюбляются,
Значит, пророки грустят.

1921

Москва

243. КУРИНЫЕ ПОТЕМКИ

Слепое солнце — куриные потемки.
Прибита пыль подвлажной тишиной.
Еще немного —
И присмирет час,
Еще немного —
И золото с потеков
За лес сплошной просыплется пшеном.

И тишина качнется тишиной.
(О, как я знаю перебой начала!)

Совсем немного —
И присмирет час.

Вот уже ширится и ширится дорога,
Уже верхушки леса не торчат...
Ползут... ползут... сползая в гущу,
куриные потемки.

Ну, а потом? —
Кивнется рыжей челкой
Подстриженная первая звезда.
Всё неизменно, как всегда,
Всё так знакомо,
Так знакомо,
Что стих не пишется.

И под строкою недописанной
Рисую я бессмысленные елки
И профили изломанные.

Всё так же, так же где-нибудь припошлится
под крышицей

Противная, с противной лысиной
В имажинизме надоевшая луна.

И ночь простынет. И синею рукой
Почешется рассвет у моего окна.

А я усну ли с трепетом, проснусь ли с дрожью.

Ведь всё как раньше? — И только я другой.
И только мысль моя и холодней и строже.

1921

Москва

244. ВЕТЕР

На холмок по тропинке в чувяках стоптанных
Ветер-мельник спешит на мельницу,
А под ним, то винтом, то узорными скопами,
Пыль в ковер небывалый стелется.

Нет преграды ему. Позади всё забытое.
Ну а встретит — не сразу уйти.
Шерсти клоч от овцы или веточку сбитую —
Всё хватает, что дастся в пути.

И спешит, и спешит, и всегда ему некогда,
Лишь песком протирает глаза...
Слушай, мельник, попробуй от века до века
Оглянуться хоть раз назад.

Неужель ты не знаешь про скорбь и заботу,
Про глубокую хриплую думу морщин?
Иль тебе всё равно, что кутить, что работать,
Оттого что один ты, совсем один?

О, скажи, почему ты себя не ищешь,
Почему ты не знаешь всегдашних утрат?..

Спешит без оглядки, всё выше и выше,
Сломает ельник,
Сорвет покрышки
И только свищет,
В два пальца свищет...

А знаешь, что, мельник,
До боя под Борисоглебской вышкой
У меня был любимый брат.

1921

Москва

245. КОНИ ВЕТВИСТЫЕ

Смотрю из окна вагона
На деревья, бегущие в Русь:
Мчитесь, мчитесь, ветвистые кони,
Усталъ взмылит ли вашу кору.

Мчитесь, мчитесь в Поволжские степи
Жаждать дремой подножный корм...
Листьев гриву вам ветер потреплет,
Вас пасти будет лысый бугор,

Вас купать будет засуха пылью,
Вас таврить будет солнце лучом...
Кони, кони... Им всё нипочем,
Их не страшат мои были.

А вот я, беспокойный табунщик,
Уж второй покидаю табун...
И о чем-то в вечернюю гущу
Бьют колеса свое таб-табу.

Бьют и бьют в непонятную песню
Такт свой этак и так по складам...
А там, где-то там, где-то там...
И сердцу так тесно, тесно.

Неужели устал я надолго,
Непокорно надолго ль притих?
Волга, Волга, грустная Волга,
Я припал к твоей впалой груди.

Уж не с ветром мои погони,
Уж не пули в боях я ловлю...
Мчитесь, мчитесь, ветвистые кони,
В Россию мою — не мою.

*Начало 1922
Эстония—Латвия*

246. КРОВЬ

Не трогайте его, не трогайте!
Пусть он во всем виноват.
Посмотрите, как изрытую ухабами дорогу
Сглаживает вечерняя синева.

Там, в полях, где над трупами каркает птица,
Будет дудка пасти коров —
И всё забудется, всё простится...
А первой прощается кровь.

Что же поделаешь, все мы привыкли
И смиряться, и уставать, —
Ведь и солнце по вечеру катится тыквой,
В полдень бомбой взрывая лучистую рать.

Как же гневом бессильным досаду топырить?
Как же песенной злобой на ветер скорбеть?
Много ль надо нам в этом мире?
Оглядеться? — И то не успеть.

Потому так размеренно строго
Я смиренье нести обречен...
Не трогайте его, не трогайте,
Он не повинен ни в чем!

1922

Берлин

247. А РАЗВЕ ВЕТЕР С ВЕТРОМ НЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ?

О нет, то не сентябрьский лес редееет,
Не гуси к лету оголяют грудь.
Лысею я, и взор мой холодеет,
И рифме хочется закованно вздохнуть.

Где ты, расседланная юность на Кубани?
Где годы чрезвычайные в Москве?
Так пропадают коршуны в тумане,
Так прометется ветерок в траве.

Всё так давно и так еще недавно,
Прошли недели, месяцы, года,
И я, быть может навсегда, бесславный,
С одной уздечкой сгину в никуда.

Порой мне кажется, что сердце молодеет,
Порой мне кажется, что стынет в жилах кровь.
Но то не лес сентябрьский редееет —
Лысею я, и взор мой холодеет.
А где-то бьется первая любовь.

Осенняя весна. Да разве так бывает?
Мне дятел выстукал вот только двадцать пять.
Кто виноват в моей весне — я знаю,
Но никого не буду обвинять.

Нет, больше не могу я мерными стихами:

О революция,
Тебя ли обвинять
Смиренной ковкой рифм в отчаянье?
О революция
(Она теперь растерзанно стихает),
Тебя ли обвинять?

Ведь сам я ждал кровавую усладу,
Тебя ли, революция?
Тебя?..

А разве ветер с ветром не встречается?

Я так устал от самого себя,
Я так устал от песен неразгаданных!

13 апреля 1922

Берлин

248. ПТИЦА БЕЗЫМЯННАЯ

Я сегодня перелистываю страницы,
Давно пережитые и далекие, далекие.

Будто безымянная серая птица
Вылетела из тумана
И упала около
Меня.

Встрепенулась, хотела взлететь,
Но как-то странно,
Знаете, как?..

Ну вот так,
Как во сне бывает, —
Сразу превратилась в коня.

Строки мои, вы совсем уж не те,
А почему, я и сам не знаю.

Может быть, у меня теперь голос другой,
Может быть, я не так вас читаю, —
Я не знаю почему,
Только раньше другими вы мне казались.

Сильно зажмурил глаза:

Куруется Чеча чубук,
Пес у ведра с перебитой ногой,
На пороге жвачит коза...

И вдруг всё растаяло,
Ничего не осталось.

Это я книгу свою перелистал.

Ведь хорошо, когда вдруг шевельнется огонь
На потухшем костре позабытого.

По тропинкам строк неподкованный конь
Протопал тупо копытами.

17 июня 1922

Берлин

Матвей Давидович Ройзман родился 5 ноября 1896 года в Москве. «Отец мой, — сообщает он в автобиографии, — в молодые годы работал в кузнице, потом служил (в оптовой торговле. — Э. Ш.) и был приписан к мещанам. Мать моя — дочь ремесленника»¹. «В детстве на него оказал большое влияние дед, николаевский кантонист и большой знаток Талмуда»². Неповторимое знание религии, еврейского быта сказалось впоследствии в его творчестве — стихах и прозе. Среднее образование Ройзман получил в Московском коммерческом училище, которое окончил с серебряной медалью в 1914 году. Лет в четырнадцать он увлекся театром, участвовал в любительских спектаклях, устраиваемых летом в подмосковной дачной местности; занимался также организацией детских праздников и развлечений. Затем, по 1918 год, играл в различных драматических студиях. В годы учебы начал писать стихи и рассказы, которые помещал в училищном рукописном журнале «Рассвет». В 1915 году отдал несколько рассказов критику Сергею Глаголю, а тот передал один из них Леониду Андрееву, с которым у юноши состоялась встреча. В 1916 году поступил на юридический факультет Московского университета. В 1918-м одновременно с учебной работой переводчиком в Красной Армии, с 1919-го по 1923 год вел культурно-просветительскую работу в армейских клубах.

В печати Ройзман дебютировал в 1918 году, опубликовав в журнале «В свободный час» стихотворение «На дворе». Вскоре был принят в различные литературные общества — «Среда», «Литературный особняк», «Звено» и в декабре 1918 года — во Всероссийский союз поэтов, где позднее работал заведующим издательства. Весной 1919 года вместе с поэтом Диром Туманным (Н. Н. Пановым) организовал книжную лавку при московском Дворце искусств.

Ройзман показал свои стихи В. Брюсову и получил от него следующий отзыв: «Автор работает добросовестно. Его размеры разнообразны, рифмы часто богаты, иногда правильные, иногда современные, образы есть и простые и очень изысканные, темы — всевоз-

¹ РГАЛИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 185. Л. 1.

² Писатели современной эпохи: Биобиблиогр. словарь писателей XX века. Под ред. Б. П. Козьмина. Т. 1. М., 1928. С. 222.

можные и т. д. Но пока все это — ученические упражнения. Есть все надежды, что техникой автор овладеет. Тогда явится возможность судить, поэт ли он. Пока ответить на этот вопрос трудно. *Валерий Брюсов*. 12 июля 1920»¹.

В сентябре 1919 года Ройзман подписал устав «Ассоциации вольнодумцев» и в феврале 1920-го был избран ее секретарем. В апреле того же года на заседании «Ордена имажинистов» был принят в группу. Активно участвовал в выступлениях имажинистов, в коллективных сборниках, а также, стихами и статьями, в журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном». Ройзман, как свидетельствует Рюрик Ивнев, «славился среди нас своей кипучей энергией, он принимал деятельное участие во всех наших делах, связанных с изданием журнала и будущего сборника»².

В 1923 году Ройзман выпустил книгу поэм «Хевронское вино», получившую в печати отрицательную оценку В. Брюсова³ и сдержанно-сочувственную Р. Ивнева, отметившего стремление автора «вырваться из заколдованного круга высосанных до последней капли крови тем...»⁴. Книга эта, сочетавшая детальную разработку сюжетов Талмуда со свежей формой (яркая образность, богатая ритмика), к сожалению, не была оценена критикой по достоинству. В 1925 году вышел сборник «Пальма», включивший лирику 1922—1924 годов.

Ройзман сотрудничает в различных журналах («Новая рампа», «Искусство — трудящимся» и др.) и газетах («Вечерняя Москва», «Минская звезда», «Красный Крым» и др.), публикуя переводы стихов еврейских поэтов⁵, статьи о литературе и театре. Стихи постепенно вытесняются прозой. В 1925—1926 годах он пишет роман «Минус шесть» из жизни нэпманов, вышедший двумя изданиями (М., 1928; 2-е, доп. изд.: М., 1930) и имевший значительный успех. В 1931 году роман был издан в Германии в немецком переводе. За ним последовали две книги очерков — «Золотые руки» и «Хорошие знакомые» (обе: М., 1931), романы «Эти господа» (М., 1932) — о еврейском земледельческом поселении в Крыму и «Граница» (М., 1935) — о жизни приграничного промколхоза в Белоруссии.

В 1930-е годы Ройзман работал редактором сценарного отдела киностудии «Межрабпомфильм». Много лет занимался общественной работой в Литературном фонде, участвовал в организации местного писателей.

В годы Отечественной войны он писал сатирические обозрения и скетчи, выпустил книгу очерков о железнодорожниках «Хозяева „зеленой улицы“» (Свердловск, 1942).

1 РГАЛИ. Ф. 2809. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.

2 С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1986. С. 344. Имеется в виду сб. «Имажинисты» (М., 1925).

3 «Печать и революция». 1923, № 6.

4 «Гостиница для путешествующих в прекрасном». 1923, № 2. С. [13].

5 Стихи А. Гофштейна, А. Кушнирова, П. Маркиша, И. Фефера и других в переводе Ройзмана вошли в кн.: Пoesия народов СССР. М., 1928. Подготовленный Ройзманом в конце 1920-х гг. сборник его переводов из еврейской поэзии издан не был.

Еще во второй половине 1930-х годов писатель увлекся работой милиции и уголовного розыска, и основным для него стал детективный жанр. Первой была книга «Друзья, рискующие жизнью» (М., 1943). После войны написаны повести «Дело № 306» (1949—1950; по этой повести был создан одноименный фильм — сценарий М. Ройзмана, режиссер А. Рыбаков, 1956), «Волк» (1952—1954), «Вор-невидимка» (1962—1964) и другие, публиковавшиеся в альманахе «Мир приключений» и журналах, а затем в авторских сборниках. Последнее десятилетие жизни Ройзман работал над книгой воспоминаний «Все, что помню о Есенине», вышедшей из печати в год смерти автора, в 1973 году.

249. ПРОКАЖЕННАЯ МОСКВА

О, как задумчиво в аптеке
Зеленые и синие шары
С утра из окон закоптелых
Глядят на сонные бульвары,
Где в рюмках листьев заиграло
Пунцовое вино зари.

Как заорали
Горластые колокола
Хмельному рыжему трамваю,
И, голову задрав высоко,
Он вдруг за городом, в Сокольниках,
Тряхнув набитым кошельком,
Красавцем ухарем-купцом
Вприсядку — топот, пляс
Среди берез-цыганок,
Поднявших бубны рваные
За щедрою подачкой.

Смотри: у ног Кремля,
Качая в бочках мед прозрачный,
Ворчат горбатые телеги,
Зачем стыдливые палатки
Надели кумачовые платки,
Стеклянные цветные брошки,
В которых новый день белеет
И оттого смеется и кивает,

Что солнце, грудью напоровшись
На крест Великого Ивана,
Спадает золотыми черепками
На рынок, на лотки, на камни.

2

И так недолго,
Так торопливо в октябре
Токуют в такт стальные глухари,
Над старым домом
Журавлями стая пуль
Журлит весенний бред.

И, крики повторив,
В лавке ловким клоуном
Эхо на руки, по полу,
Подолгу топает,
Глянув с поклоном,
Как ракета косо
Поднялась на ветру
И розовые косы
До размозженных труб.

Эй, слушай, слушай!

Подняв кривые уши,
Чавкает, жует огонь,
Короткими скачками
Над крышами в погоню,
На купол — и качает
Лик Христа когтями, —
И к подножью икон,
Укрощенный, отпрянет,
Иисусовы раны
Лизнув шершавым языком.

Эй, слушай, как в Москве-реке
Захлебывается простреленный
Орел двуглавый,
Как Марсельеза, раскачиваясь,
Ветер встретила,
Кровавыми парусами
Тянется плавать
По Каме, по Волге — в Каспий.

Скорей, скорей, не опоздай!
Звонче шаг, ровнее!
Видишь, это я бросаю,
Как шапку, сердце в небо,
И в небе — новая звезда!

3

О век, ты покайся, палач:
Твой полдень расстрелянный умер,
Ступай с топором из палат
В голубые ворота сумерек.

Не в косах Москвы ль синеокой
Атласные красные ленты,
Не каждый ли дом на тебя
Уставил пробоины окон,
Проклиная раскованный плен?

И не баррикады ль сиротами
Припали к приплюснутым трупам,
Истерично их теребя,
Пока тишина белоротая
В зашуршавших лоскутках отступит?

И не за тобой ли шамкает
Осипшая, злая шарманка,
И, черными листьями выпав,
Прокаркавший ворох ворон
Прилетает на след у ворот?

И не потому ль на заборе
Декрет растянулся задорно
И буквы набухшие выпучил
На шустрых мальчишек на улице,
Заигравших с утра в «революцию»?

О век, мой палач изможденный,
Ступай в азиатские дебри,
Ступай, уже месяц серебряным
Пауком затаился и ждет.

Ныне я верю, что поздно
 Вещий закат осенил:
 Вбиты в ладони осени
 Наглухо ржавые гвозди.

Это мне гулко аукают
 Автомобили сегодня,
 Дымные петли подняв
 Над фонарями безрукими.

Это мне белый оскал,
 Щелканье всех ундервудов,
 Вестников Страшных Судов,
 Вновь над тобою, Москва!

Мне с Красной праздничной площади
 Желтыми копьями молний
 Первые крики покойников...

О, пощади, пощади, пощади!

Сердцем слышу, Козьма,
 Черный Минин-Сухорукий,
 Что зарытых позвал
 Под Кремлевские хоругви,

Что из рук мясника,
 Где звезда Руси зажата,
 Принял меч и войска
 Воевода князь Пожарский,

Что упали слова
 На панель чугунным градом:
 «Не жалеть нам имения своего,
 Не жалеть ничего,
 Дворы продавать,
 Жен и детей закладывать!»

И растут над Кремлем
 Кованые великаны,
 И целуют преклоненно
 Огневой крест зари.

Тише, тише! Приложи
 К бульжникам ухо:
 Это в горло земли ножи,
 Это шаги самозванца в столице!

Скоро последние звезды рухнут,
 Чтобы кровью людской не налиться.

Только ночью слышишь:
 Тень двуглавого орла
 Бьет крылом по крыше,
 Черным клювом изорвав
 В клочки тишину.

Только тайно прильнул
 К мутному окну истории
 Рыжий Николай Второй,
 В бой зовет за герб престольный
 Тушинских воров.

Потому позолóту,
 Раму, стекло пополам,
 Георгий колотит
 В белые колокола,

Потому-то задрали
 С падали морды к луне,
 В теплой крови очумев,
 Уличные собаки,

Потому запрокинут
 Я на мой земной шар, —
 Поздно! С криком звериным.
 Вывихнулась душа.

Пятый раз теперь
 Зима из крыльев на крыши
 Лебяжие перья
 Крестами роняет неслышно, —
 И галки распяты.

И не узнал своей осанки,
Серебристого виска,
Твоих безумных прикосаний,
Прокаженная Москва!

О, дай гвоздики язвы смело
Унести на Страшный Суд
И заплести строку поэмы
Черной лентою в косу!

Прощай! Я пью из глаз прогневших
Твой нечеловечий страх,
Иду на плаху неба, слышишь,
Слышишь ли шаги, сестра?

Гульлите, голубки, молитву
На тонких церковных крестах,
Спускайся же, радуга, тихо,
Прозрачную лестницей встань!

Седыми ветвями оливы
Качайся над крышами, дым,
И саваном плавно, снежинки,
Покройте меня и следы!

Иду, сестра!..

Здравствуй, золотой застенок,
Повтори на золоте меня:
Вот встаю я на колена
И читаю строки по теням!..

Запой, топор,
Ударь!

И голова
На блюде облака.

Из шеи кровь
Над прощенной Москвой
Зарей!

*Лето 1921
Москва*

В емкий, не задетый ничем,
В сумрак за окно пролиты
Два стальные глаза свечей,
Два — слезящие молитвы.

Прячется голубкою рука
Под большой платок в цветочках,
Что начнут бутон распускать,
Сыпя крапом лепесточным.

Только стеарин зашипит,
Жаля бронзовый подсвечник,
И стучат в поднос тишины
Капли, капли слов неспешных.

И напрасно каплю ловлю
Залежи души обрызнуть,
Чтоб забил запоздалый ключ
Голубой, нездешней жизни.

Верно, радость мне дана
Средь пророчеств балагурных
Повторить: «Ато, Адонай!» —
В неживой, отпалый сумрак.

1921

251. КОЛ НИДРЕЙ¹

1

Вот на волосах моих
Пламенных столетий прах,
В сердце — семена молитв
И в руках Твоя праща,
Чтобы в путь широкий
По следам пророков.

Что мне гимн Романовых
И что Марсельеза,
Если снег, обманывая,

Перьями ползет
Из больших подушек
Небосвода моего?

А закат — разбухший
И распоротый живот, —
Кровь, кишки — на кирпичи,
На кресты, на крыши,
Где, всплеснув руками,
Встречный ветер закричит:
«Ой, эйл мблей рахамим!»²

И вдали услышишь,
Что могильный камень
Над былыми плахами
Шепчет, как свидетель,
Об убитых детях.

Ты, Израиль, протруби
Громче в рог червлёный,
Чтоб сползали в города
Серыми червями
Сумерки до дна глодать
Жадные глаза убийц!

2

О смелый прадед мой, рэб Иешуа,
Твердый гвоздь в стене Израиля,
О дед, за веру поротый, на штурмах
Турками штыком израненный,
Вино прозрачной памяти о вас
Крепче и душистей, —
И на могилы скорбные слова
Миртовыми листьями!

Я — первенец, я — Саваофу
Посвященный Торой за Исход.
Течет не по моим ли строфам
Кровь отцов библейскою тоской?

Не я ль записан тайно в книгу,
Оттого что первый прокричал
На неродной земле в Ём-Кипур³
О нещадной мести палачам?

Не скорлупу мою ли сердца
Я обрезал пред лицом Его,
Чтоб в озеро судьбы смотреться,
И петух мой, белый и живой,
Мой день счастливый Богу моему
Жертвой стал за брата.

Земля! Вот Адонаем заляну,
Города, дубравы,
Откройте кровь закланных
На проклятые толпы!

И в багровых водах потопа
Ковчегом выплывет из раны
Сердце белое мое!

Ах, тишрэ, тишрэ⁴,
Скиталец мой усталый,
Шагай же тише
По городским бульварам.

Здесь не отрежет
Седые кудри миндаля
Золотыми ножницами солнце,
Не качает лилия впросонках
Свой колокольчик нежный
Под шепоты полян.

Здесь не уронят
Маслины на сухой песок
Черные чеканенные серьги,
Виноградник аромат осенний
Не перельет сурово
В сосуды плоские лесов.

Здесь только липы
Налиты кровью до того,
Что полопались аорты листьев,
Здесь над куполами ветер злится,
Вечерний пепел сыпет
На плечи медные голов.

Ах, тишрэ, вечный,
Я Саваофом вызван, —
Зажгу ли свечи
Ветхозаветной жизни?

4

О, смотри, моя свеча,
В лоно древнего Востока:
Буду, буду отвечать,
Повторился сон жестокий:

Семь колосьев тощих
Поглотили тучных семь!

Рви одежды Север,
Вретищем покройся Юг!
Ваш народ просеют
Сквозь решета гибели
Мстительные зыби
Грозных, межусобных выюг!

Сбреет поле засуха, —
Вместо финика — помет,
Вместо смачных вин — моча!

Рыть могилы заступу,
Ветру колыбель качать
В листопад клочкам знамен!

Плачем похоронным
Прошуршать траве страны,
Песней погребально нить
Птицам о погромах.

Так земля нагая
Пасть железную откроет, —
Человека в черном чреве,
Как в давилъне виноград,
И, ослепшая от крови,
Под камнями града череп
Вдребезги!

А в окнах синагоги
Пунцовые ветви
Закатных пальм.

Седой раввин —
Вассанский дуб — не дрогнет
В Шмойне Эсрей заветных⁵.

Бóрух, Атó, Адонбй!⁶

О, верные Ягве марраны⁷,
Я — в пламени ваших костров,
И вот отрекаюсь, попранный,
От прежних зарок и строк.

И, кровью из сердца семижды
Кропя, как плоды Аарон,
Мое огневое Кол нидрей
Я в жертву кладу за народ.

Шма, Исрбэл!⁸

Это ланями дрожат
Колокольчики на Торе,
Как под лезвием ножа
Прихожане хору вторят.

Это щит Давида встал
Новою луной сегодня,
И поет в конце поста
Рог о радости свободней.

Это душу от земли
Саваоф высоко поднял,
И голубкой та гульлит
На Его благой ладони.

Шма, Исроэл,
Адоной Элогейну,
Адоной-эхбд!⁹

< 1923 >

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **К о л н и д р е й** — торжественное публичное расторжение всех обетов. Читается в начале вечерней службы Иом (Ём)-Кипура. Называется по двум начальным словам, которые значат: «Все обеты».

² **Э й л м о л е й р а х а м и м** — начальные слова молитвы по усопшим: «Бог, исполненный милосердия!»

³ **И о м (Ём) - К и п у р** — день искупления, в который прощаются грехи.

⁴ **Т и ш р э** — седьмой месяц библейского, первый месяц гражданского года; соответствует сентябрю.

⁵ **Ш м о й н е Э с р е й** — восемнадцать словословий, литургическая молитва.

⁶ **«Б о р у х А т о, А д о н о й!»** — «Благословен Ты, Господи!».

⁷ **М а р р а н ы** — евреи, жившие на Пиренейском полуострове и принявшие христианство вследствие жестоких гонений инквизиции, но тайно продолжавшие исповедовать иудаизм.

⁸ **«Ш м а, И с р о э л!»** — «Слушай, Израиль!».

⁹ **«А д о н о й Э л о г е й н у, А д о н о й - э х о д!»** — «Господь наш Бог, Бог единый!».

252. ПАСХА¹

1

С моей свечи сползает
Прозрачный воск густым
И белыми слезами
На серебре застыл.

В углу души разжатой
Все крошки прошлых чувств
Рукой в комок скрочу
И брошу в печь заката.

И пеплом лоб натру
И скорбь в поэму эту,
Чтоб с горечью мой труд
Господь вкусил как жертву.

2

Финиками золотыми
Звезды первые грустят.

О, благословим пустыню,
Где Израиль славный стяг
Солнцем над собой вознес.

И, отец, на твой поднос
Опусти с вином изюмным
Илии большой бокал.

Я под богомольный сказ,
Тихо пыль неверья сдунав,
Сердце положу на дно

И с поклоном дверь открою
В мир пророческих годов:

Борух габо,
Эйлио Ганови!²

3

Глаза, глаза,
Два факела печали,
В стекле меня встречают,
И я — назад.

Но там туман
В атласном балахоне,
У речки руки моя,
Меня узнал.

И я, смочив
Солеными слезами,
Плоды надежды ранней
Вкушу в ночи.

4

О, сколько раз луну
На ладонь хотел из неба,
Чтоб изгнанникам без гнева
Осколки в ночь швырнуть.

И только я обманут
Голубым костром луны,
Под которым иней плыл
В поля библейской манной.

И только ты, отец,
Как луну мечтал я прежде,
Преломи опреснок средний,
Чтоб оделить гостей.

Вот скудный хлеб Исхода:
Он единым другом был!
Знай, сегодня мы рабы,
Но трубит рог свободы!

5

Почему эта ночь
Не похожа на прочие,
О которых пророчит
Хмурый хумош³ давно?

Нет, слова не замолкли
И спадают на трон
С веток вечности смоквами:
«Отпусти мой народ!»

И запрыгает овном
Гора. Скалы в распад.
И потоки безмолвные
В Иордане назад.

Нет! Опять славить строфами
Моисеев Исход,
И к стопам Саваофа —
Строфы красным песком.

И любить, как по зелени
Строчек строят уклад,
Как опреснок разделен
С круглым хрустом стекла.

6

Харейшэс из крупных груш⁴
Как глина липкая, которой
В Египте сотни рук
Слепили кирпичи позора
И башню бунта.

Увидеть с той башни днем,
Как души язва моровая
Гиеной черной мнет
И вихрем вой страны срывает
Трон Менепты⁵.

И слушать в урочный срок,
Как зашуршит маслиной пышной,
Склонив оливки слов,
Пасхальное сказание... Слышать
И запомнить!

7

И потому постился
Я, первенец, как велено,
Вкушая дважды с тихой
Молитвой горечь зелени.

Седую душу вымыв
Вином душистым Библии,
Я к воротам незримым,
К Израилю приблизился.

И кровью сердца тайно
Помазал эти выступы,
Чтоб снова мимо стана
Прошел Губитель высланный.

8

В кресле, обложенном ровно
Подушками белыми,
Отец свел победно
Черными крыльями брови.

Так совершен исход рода
Ради тебя! Складывай
Псалом твой отградный
Жертвенником меднорогим!

И, возлежа на подушках,
Пасхальную трапезу
Начни! И утрата
Гостем присядет откусать.

И в золотом шафране,
И в запахе пряностей
Миражем воспрянут
Лес и холмы Ханаана⁶.

9

В ермолке, серебром расшитой,
Рассвет хромой у окна
Голубей рукавом согнал
И на поляны потащился.

Где мрак лиловый не рассеян
И где овраги одни —
Там расступалась ночь пред ним,
Как море перед Моисеем.

Ему бы тоже афикоймон⁷,
Ему бы вспомнить в пути,
Что Менепта — свирепый тигр —
В израильские сети пойман.

И пейсы рыжие пригладить
Крученной буквою «пэй»,
Полным горлом полям запеть:
«Хад гадио, хад гадио!»⁸

10

В душе тихо молитвы собраны,
Как в бокале лилии росы.
И читаю на свитке облака:
«Хасасал сидур песах кгилхосой»⁹.

Заиграла седыми плесками
Душа полная. И как звонко
Распевает псалмы библейские
Тишина в распахнутых окнах!

И как брызнуло вдруг над крышами
Огневое солнце Востока,
Так из камня вода сокрытая
Под жезлом пророка — потоком!

И я благословляю мир за то,
Что стих льется кровью из раны,
И рукою, как смоква выжатой,
О, благослови же, Израиль!

<1923>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П а с х а — праздник в память Исхода евреев из Египта. Бывает в нисане (апреле).

² «Б о р у х г а б о, Э й л и о Г а н о в и!» — «Добро пожаловать, пророк Илья!».

³ Х у м о ш — Пятикнижие.

⁴ Х а р е й ш э с — густая смесь из яблок, орехов, обсыпанная имбирем.

⁵ М е н е п т а — фараон времени Исхода.

⁶ Х а н а а н — земля обетованная.

⁷ А ф и к о й м о н — ломтик мацы среднего из трех опресноков.

⁸ «Х а д г а д и о» — пасхальная песенка.

⁹ «Х а с а л с и д у р п е с а х к г и л х о с о й» — «Сим исполнены обряды Пасхи».

253. САД

1

Узлом тоски восточной
Так закручен строго ритм,
Что ассонанс на строчках
Золотой серьгой горит.

О брат! река скрывает
Лодку. Веслами води,
Как желтыми крылами,
В звонкой россыпи воды!

И полной, полной горстью
Брызни в солнце из реки,
И солнце вниз отбросит
Жемчуга. Ты крылья кинь!

И слушай, как упрямо
Вечером зашепчет зыбь,

Что мой хорей и ямбы —
Виноград одной лозы.

Как яблоки заката
Упадут в камыш за мостом,
И тишина покатит
Ассонансы на простор.

2

Есть у сердца старая тайна
Про тот фруктовый сад,
Где малина губы подставит —
И до крови кусай!

Знаешь — бусы черные вишен,
Подвески медных груш —
Покачнутся вечером тише,
Чем силуэт в углу.

И пастух стада от затона
Погонит по траве,
Как влюбленный Яков по склонам
Лавановых овец¹

И куски земли на ладони
Запахнут, как венки
Гордых роз Ливана. Надломишь —
И росное вино!

Разве холм в строфах не станет
Ермонскою горой?
И от сердца вечная тайна
К ней не взлетит орлом?

3

Вот с посохом, с котомкой синей
Сутулый сумрак. На тропе
В душистом талэсе² жасмины
Читают майрэв³ нараспев.

И если ты пройдешь калиткой,
Любимая, в мой сад густой,

Как передам тебе молитвы
Благоухающих кустов?

Как расскажу о Есевонах,
О зреющем посеве чувств
Тебе, огнем церковных звонов
Зажегшей сердце, как свечу?

И почему слезой алоэ
На елях кажется смола
И сердце за кустами ловит —
Не пробежит ли мимо лань?

Как расскажу?.. Вот сумрак мирно
Благословляет нас. В саду ль
Я веткой робкого жасмина
К твоей ладони припаду?

Но ты смиренно понеси
Слова, как мирру, пред собой:
«Кулóх ёфó, рааёси,
Умум эйн бóх!»⁴

4

А мне — ночной сонный воздух
И фиолетовый затон,
Где расцветут снова звезды
Смоковницею золотой.

И тишина. Но такая,
Что ангел смерти задышал,
И белый вздох — лепестками
Рассыпается в камышах.

Но широко, по уклону,
Где серой пахли мятежи,
Под пурпуром балкона
Тоска библейская лежит.

И только здесь слышу зовы
Земли скорбящей. Это сын
Мать приласкал скорбным взором,
И солена слеза росы!

О брат! душа грустно смолкла
И, как смоковница, в плодах!
О брат, сорви эти смоквы,
Которые тебе создал!

<1923>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Л а в а н — тесть Якова, брата Ревекки.

² Т а л э с — белое шелковое покрывало с черными полосами на краях и с кистями на черных концах. Надевается поверх платья мужчинами во время молитвы.

³ М а й р э в — вечерняя молитва.

⁴ «К у л о х ё ф о р а а ё с и У м у м э й н б о х» — «Вся ты прекрасна, подруга моя, и нет порока в тебе» (Песня Песен, гл. 4, ст. 7).

254. НОВЫЙ ГОД

1

Одевай же, осень, пышно
В тонкий пурпур и виссон
Наклонившегося Тишри
К чашам бронзовых Весов.

Слушай скрип сандалий тирских,
Протруби в бараний рог:
Новый Гость Востока близко
С книгой о судьбе миров.

В небе головою овна
Перед ним луна зашла,
И в глазах скрижалью новой
Развернулся красный флаг.

У него всё тот же посох
Тысячу шестую лет
Миндалем розоволосым
Расцветает на земле.

Омывай же ноги Гостю,
Осень, грустная сестра:
Рош Гашоно¹ звонко бросит
Золото Офирских стран.

Пью вино воспоминанья
 В заповеданной главе
 О грозе былых восстаний
 Маккавейских сыновей...

Сокрушил мечом Иуда
 Войско Антиоха² в прах, —
 Колесницы, башни — грудой
 В пасть Хоронского костра³.

И вождя прозвал Израиль
 Молотом за тот удар,
 На кровавых маках края
 Песни мятежа создал...

Слышу рев, и лязг, и грохот:
 Лагерь Горгия — золой⁴,
 И на городских воротах —
 Бусы вражеских голов.

И на стяге в блеске молний,
 За Хевроном⁵ далеко,
 Золотом расшитый молот
 Смотрит в озеро веков.

Только осень леденеет,
 Только полночь глубока, —
 Пей из книги Хасмонеев,
 О душа, второй бокал!

Я при встрече Рош Гашоно
 Не посыплю хлеб золой,
 А в России сокрушенной
 Прокричу ему: «Шолойм!»⁶

Даст червонные доспехи
 Тополь в северном лесу,
 И седые ночи с песней
 Лук и стрелы принесут.

Ибо в мире повторимы
 Огневые времена, —

От которых кровью принял
И борьбу, и бунт, и знак!

Ибо с веткою маслины,
В радуге семи свечей,
Проворкует год счастливый
Слава на моем плече!

4

И опять познаю запах
Набухающих полей,
Где колосья в росных каплях
Те же, те же столько лет!

И в часы тяжелой жатвы,
Под игру серпов и рук,
Я увижу сердцем жадным
У разлива нивы Руфь.

Это ль не Бейс-Лéхем⁷ древний?
И Россия — Нооми⁸,
Здесь, голодная, к деревне
Голову в пути склонит?

И Воаз любимой Руфи
Ссыпет звезды ячменя, —
Звезды о поэте грусти,
О Давиде прозвенят.

И жнецы серпы положат,
И в шатрах — костры бесед,
А над ними тот же, тот же
Отраженный в небе серп!

5

Эй, серпы покрепче в руки,
Жните золотые дни!
Сестры, в каждой — сердце Руфи,
И за колосом нагнись!

Или не скреплен безмолвно
Первым мятежом Завет?
Братья, в каждом — сердце молот,
В нас — Иуда Маккавей!

То вторая Книга Чисел
Началась в двадцатый век,
Оттого заря сочится
Медом алым по траве.

И в садах огнем налиты
Яблоки, как буйный стих,
Чтоб за трапезой с молитвой
В этот мед их опустить.

Пусть над вами стынет просинь
И как талэс облака, —
Потекут вином хевронским⁹
Строфы бодрые в бокал!

<1923>

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Р о ш Г а ш о н о — Новый год.
- ² А н т и о х I V Е п и ф а н — царь Сирии.
- ³ Х о р о н — место, где был разбит сирийский военачальник Серон с огромной армией.
- ⁴ Г о р г и й — полководец.
- ⁵ Х е в р о н — по Библии, самый древний город, впоследствии столица Иудейского царства. Отвоеван Иудой.
- ⁶ «Ш о л о й м» — «Мир» (тебе).
- ⁷ Б е й с - Л е х е м (Дом Хлеба) — Вифлеем.
- ⁸ Н о о м и — свекровь Руфи.
- ⁹ Виноградники Хеврона славились драгоценным вином.

255. <ИЗ ЦИКЛА «РОССИЯ»>

Еще задорным мальчиком
Тебя любил и понимал,
Но ты была мне мачехой
В романовские времена.

А разве ты не видела,
Что золотой пожар возник
От зависти и гибели
И человеческой резни?

Что снеговыми вихрями
Кружился выщипанный пух
И сам кружил притихшую
И сумасшедшую толпу?

И я, покорный пасынок,
Тужил, что вместе не погиб,
Тужил над желтой насыпью
Единоплеменных могил.

И ждал, пока ты, добрая,
Придешь на утренней заре
Усталого и скорбного
По-матерински пожалеть.

И вот в пушистом пурпуре,
Седая, светлая, стоишь,
И слезы, слезы крупные
Сбегают на глаза твои.

Ах, что сказать мне наскоро?
Каких же не хватает слов?
И я целую ласково
Морщинистый, спокойный лоб.

Ведь я задорным мальчиком
Тебя любил и понимал,
Но ты была мне мачехой
В романовские времена.

Весна 1923

256

Уже по Саронской долине
Газели скользят наугад,
И росные розы пролили
Душистую кровь на луга.

И ты у горбатого дуба
Идешь по тропинке назад, —
И пара печальных голубок —
Твои голубые глаза.

И вновь кипарисы привстанут
Рядами зеленых свечей,
Едва ты приблизишься к стану,
Качая кувшин на плече.

392

Такой зарисовывал в детстве
На дне беспокойной души,
Такой суждено и зардеться,
Чтоб жизнь не могла потушить.

А ты, иудейка Сарона,
Быть может, не слышишь одна,
Что плещется радуга громко
Цветным журавлем у окна.

4 августа 1923

Кунцево

257. <ИЗ ЦИКЛА «СУББОТА»>

Моей матери

Я помню на окнах моих
Семь веток серебряной пальмы,
И северный ветер затих,
Играя на лютне хрустальной.

И лишь постучится в дома,
Как шамэс, хромающий вечер,
Затеplit любимая мать
Субботние тонкие свечи.

И каждой жемчужной серьгой
И бисером платья сверкая,
Как душу ребенка, огонь
Любовно обводит руками.

И помню: поставит на стол
Венком бирюзовым бокалы,
И рыбу в шафране густом,
И рядом румяные халы,

И чашу пушистых маслин,
Гранатов упругих и крупных,
И круглый граненый графин
С вином, распускающим пурпур.

И помню: натоплена печь,
И мать поглядит, как стынют
Глаза золотистые свеч
За окнами в снежной пустыне,

И, кутаясь в старый платок,
Отца поджидает спокойно,
Пока дребезжащий звонок
Внезапно не вздрогнет спросонок.

Ах, помню, всё помню теперь,
Встречая серебряный вечер;
Но кто же, о сердце, тебе
Затеplit веселые свечи?

Быть может, до выноса в гроб
Меня под свечами положат
И свечи уронят на лоб
Горячие белые слезы...

*Январь 1924
Москва*

258

О, этот глаз твой, как рубин,
Горит, горит и не мигает, —
Труби, проклятая, труби
Над обгаженными лугами!

Уже под бестолковый шум
Так бесшабашно пляшут листья,
Что я под шорохи пляшу,
Как ты — безумен и неистов!

Еще! — И листья тяжело
Застынут, как в крови олени,
И я, как пес полуживой,
Паду на старые ступени.

Послушай, ведьма, это мне
Такую подарила радость,
Чтоб выл в языческой стране
От золотого листопада?

Чтоб сам, где снежная крупа,
С такими же, как я, в тревоге
Метался и, как лист, упал
На человеческой дороге?

Январь 1924

394

О, мне, быть может, и отраднo
Запеть на языке отцов
О том, что яхонт винограда
Так ароматен и пунцов,

Что так пленительны олени
С Ермонской голубой горы,
Так четки притчи и веленья
И так торжественны пиры,

Так целомудренны законы
И первородные грехи,
Так любят посох Аарона
Воинственные пастухи.

И, может быть, в том чья-то милость,
Что тело смуглое мое
В славянском городе родилось
И песни Севера поет.

Душа же — белая голубка
Из девственной страны отцов —
Грустит о винограде хрупком,
Чей яхонт сладок и пунцов.

24 марта 1924

В полях огни — огни широко,
Впотьмах навстречу поезда,
И вдруг, как золотистый локоп,
Вверху рассыпется звезда!

И так же семафор мигает
Зеленым глазом впереди,
И ночь, хмельная и нагая,
В упор хохочет и глядит.

Ах, ночь! безумная подруга,
Чего ты хочешь от меня?

Иль в этот полутемный угол
Пришла в измене обвинять?

Иль ждешь, пока тяжелой кровью
Нальется семафорный глаз
И, заколдованный, закроет
Дорогу новую от нас?

Я сам хочу конца такого.
Я сам устал желать и сметь.
Всё суета, всё бестолково —
И страсть, и месть, и скорбь, и смерть!

Июнь 1924

В пути

261

Ах, первый снег — лепной и крупный,
Как лилии из хрупких рук,
Бесшумно упади на пурпур
Знамен, шуршащих на ветру!

И день, мой день, вороньи стаи
Считать на бирюзе постой,
Нет, ты гори, гори, блистая,
Как семисвечник золотой!

Гляди, как я свою кровью
За семь запорошенных лет
Кроплю спокойней и суровой
Тебя на северной земле!

Поверь, что бестолково сердце
И дряхлы лживые слова,
И надо паклей загореться,
Чтоб эту песню распевать!

О день, мой день! мешая перлы,
И кровь, и бисер на горе,
Пойми, я сжег себя до пепла,
И больше нечему гореть.

Октябрь 1924

Николай Робертович Эрдман родился 3 ноября 1900 года в Москве. Отец, немец родом из Митавы (ныне Елгава, Латвия), служил бухгалтером на мануфактурной фабрике, мать (урожденная Кормер) происходила из многолетней семьи владельца часовой мастерской. В 1909 году мальчик был отдан в реальное училище. «С восьми лет, — сообщает он, — я стал писать стихи и читал все, что написано стихами. Первые поэты, которым я подражал, были Никитин и Кольцов. Потом — Надсон, после Надсона — символисты...», в 14 лет прочел «Облако в штанах», и Маяковский, продолжает он, «зачеркнул для меня всех до того любимых в какой-то степени поэтов»¹.

Осенью 1918 года реалист Эрдман познакомился с Шершеневичем. К этому времени относится и его выступление со своими стихами в кафе «Домино». «После чтения, — ко мне подошли два молодых человека и сказали: „Эрдман, приходите к нам завтра, по-разговариваем“. Это были Есенин и Мариенгоф. <...> И таким образом я стал имажинистом»². Вместе со своим старшим братом Борисом, художником, в январе 1919 года он присутствовал на обсуждении «Декларации», которую в числе других подписал и Борис. В мае в «Журнале творчества русской молодежи» появилось стихотворение Эрдмана «Осени осенью осень...». Через два месяца, не закончив училище, он был мобилизован в Красную Армию и определен полковым писарем. Участвовал в боевых действиях, но затем «по болезни был переведен из действующей армии в войска Внутренней охраны Республики (ВВОХР). Служил в охране Казанской и Орской дороги. После мобилизации вернулся в Москву»³.

В 1920 году Эрдман вошел в правление «Ассоциации вольнодумцев», в 1924-м подписал декларацию «Восемь пунктов». Участвовал в поэтических вечерах. Писал рецензии на стихотворные сборники («Знамя». 1920, № 2, 3/4). Хотя он опубликовал всего шесть стихотворений, критики начали замечать его стихи: «Из молодежи к имажинистам примкнул Эрдман, очень талантливый молодой поэт»⁴. Да и товарищи по группе ценили его. «Когда я од-

¹ Э р д м а н Н. Р. Когда кончалась игра, начиналась работа // «Человек». 1993, № 5. С. 101. (Воспоминания записаны 28 ноября 1967 г.)

² Там же.

³ Автобиография. <1953> // Эрдман Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990. С. 298. Далее: Э р д м а н Н. Пьесы...

⁴ З а х а р о в-М э н с к и й Н. Московские поэты. (Корреспонденция из Москвы) // «Жизнь искусства». 1920, 29 июля.

нажды спросил Есенина, — вспоминал И. Розанов, — на кого из начинающих поэтов он возлагает наибольшие надежды, он назвал мне Николая Эрдмана¹. На протяжении 1920—1923 годов в имажинистских изданиях анонсировалась книга стихов Эрдмана (однажды — под названием «Стиховник»). Однако выпущена она не была. Страсть к театру отодвинула стихи на задний план.

Первой работой Эрдмана для сцены был новый текст оперетты Жака Оффенбаха «Мадам Аршидюк», поставленной в 1922 году в мастерской Н. М. Фореггера «Мастфор»; еще пять опереточных либретто написаны в 1930—1940-е годы. Несколько работ было сделано совместно с В. Шершеневичем. Так, в 1922 году Шершеневич поставил в Опытном-героическом театре, которым руководил вместе с Б. А. Фердинандовым, комедию Э. Лабиша «Копилка», переделанную Эрдманом в стихи. Пьеса имела большой успех. Для мюзик-холла, кабаре, театра сатиры Эрдман сочинил сатирические стихи, куплеты, песенки (широко известны были «Шумит ночной прибор» — музыка Ю. Милютина, «Москвичи из ЧЕКАГО»), злободневные скетчи и сатирические обозрения (многие в соавторстве). В 1924 году написал интермедии и куплеты для водевиля Д. Ленского «Лев Гурыч Синичкин» (Театр им. Евг. Вахтангова).

В 1925 году в Театре им. Вс. Мейерхольда (Гостим) состоялась премьера пьесы Эрдмана «Мандат». Пьеса имела выдающийся успех — в печати отмечалось, что она «бессспорно является переломным моментом в истории советской драмы»². Постановка выдержала более 350-ти спектаклей. Вскоре после премьеры автор получил от Луначарского двухмесячную творческую командировку в Германию и Италию. Побывал он в Сорренто у Горького.

Вторая крупная вещь, сатирическая комедия «Самоубийца», завершенная в 1930 году, была восторженно принята Мейерхольдом, Горьким, Станиславским, который назвал ее «гениальным произведением». Однако начавшиеся во МХАТе, а затем в Гостиме репетиции были приостановлены, цензура запретила пьесу.

Во 2-й половине 1920-х годов Эрдман начал писать киносценарии. Многие из них созданы в соавторстве, три — с Мариенгофом: «Дом на Трубной», «Проданный аппетит» и «Посторонняя женщина». Но основным его соавтором в этот период был В. З. Масс — вместе они писали либретто оперетт и эстрадные обозрения (два из них были запрещены цензурой), вместе сочиняли политические острые басни³, которые распространялись по Москве. Басни, вероятно, и послужили причиной ареста Эрдмана. Это случилось в ночь с 11 на 12 октября 1933 года в Гаграх, в период

¹ Мое знакомство с Есениным // Памяти Есенина. М., 1926. С. 41.

² В о л к о в Н. Московская драматургия: (К итогам сезона) // «Призыв». 1925, № 6. С. 87.

³ Некоторые из них, возможно, созданы одним Эрдманом. Но, как пишет кинорежиссер А. Ю. Хржановский, «Видимо, сегодня, когда обоих соавторов нет среди нас, установить с категорической достоверностью единоличное авторство или меру участия партнеров представляется, увы, невозможным. <...> Видимо, следует признать двойное авторство этих басен» (Из заметок и воспоминаний о Н. Р. Эрдмане // Эрдман Н. Пьесы... С. 385—386).

съемок кинокомедии «Веселые ребята» (сценарий Н. Эрдмана, В. З. Масса и Г. В. Александрова, реж. Г. В. Александров); та же участь постигла Масса. Постановлением ОСО НКВД Эрдман был приговорен к 3-летней ссылке, которую отбывал в Енисейске, затем в Томске. В октябре 1936 года был освобожден без права проживания в шести крупнейших центрах. Жил в Калининне, Вышнем Волочке и других городах. В 1936—1938 годах работал над сценарием кинокомедии «Волга-Волга» (реж. Г. В. Александров). В августе 1941-го был призван в армию. В начале 1942-го — отозван в Москву, в Ансамбль песни и пляски НКВД, где проработал до 1948 года, сочиняя сценарии театрализованных представлений. В послевоенные годы изредка писал пантомимы и скетчи для цирка, а главным образом — киносценарии (чаще всего — вместе с М. Д. Вольпиным). В 1951 году за фильм «Смелые люди» (реж. К. К. Юдин) ему была присуждена Сталинская премия II степени. Всего он написал сценарии более тридцати художественных фильмов, в том числе детских, и шестнадцати мультфильмов.

Умер Н. Р. Эрдман 10 августа 1970 года в Москве.

263

Осень осенью осень
Мусор,
Вчерашнего сна швабры
Ресниц наружу
Горькое пойло
Стихов сердцу знакомо
Донельзя.
Опять и опять на подносе
Месяца селезень
Комом
В облаках войлок
Как в лужу
Ран Иисуса
Гвоздей острые телу жабры.

< 1919 >

264. КЕРОСИНОВЫЙ ЛАНДЫШ

Выводки слов из курятника губ
О частые клавиши ребер
Как вывески марша на мельнице труб,
Как горох барабанной дробы.

Опять на вокзалах исшарканных лиц
Билеты слезинок из кассы.
Волосы мимо шлагбаума ресниц,
Под колеса зрачков на насыпь.

Опять на задворках вчерашнего сна
Заката распухшие гланды.
Кому же, кому же в петлицу окна
Фонаря керосиновый ландыш?

Звездам стрекозами в облачный воск,
Педалями крыльев на месте.
Сердце — наполненный счастьем киоск
Д<нев>ных и вечерних известиц.

1919

265

Вечер насел петухом и скомкал
Наседку зари потерявшую перья.
Языком отопру как фомкой
Ваших глаз золотые двери я.
И пока не набухнут розовым
Звезд распушённые вербы
Не устану соленые слезы Вам
Ведрами губ вычерпывать.

<1920>

266. АВТОПОРТРЕТ

1

В зеленой кузнице весны
Кует Москва кольцо Садовой
И месяца серебряный ухват
Котлы ночей вытаскивает позже.

Смотрите деревья поклоном поясным
Встречают в ветре сводника и свата
А на хребтах у вздыблившихся льдов
Трепещут рек оборванные вожжи.

Дождям вослед взволнованный павлин
Волочит хвост развееренных радуг
И города проносят впопыхах
В потемок города светильник
Деревянный.
А над киотом девушкиных бедер
Качаются грудей тяжелые лампы.
Их розовый фитиль
Прикосновеньем юноши оправлен.

Но мне бродяжному неведом теплый ужив.
Люблю канав расплзшиеся швы
Люблю когда из-под моих подошв
Сплетает пыль удушливое кружево.

Пускай другой покорствуя
И льня
Плащом расстелется
Над женщиной разутой
А я свой пах
В давилнях
Ваших тел
Из кожи девственной не выжимал ни разу
И никогда не изменяла кровь
Во мне свою спокойную походку.
И только день скача во весь опор
Увидит медь сторожевого рога
Рог месяца. И жидкая заря
Опять зальет клокочущую лавой
На сваях звезд построенную ночь.
Надену облаков дырявые
Опорки
И в одиночестве
Пойду своей дорогой
Жевать стихи упрямой головой.

Стань у перил и слушай мудрый болт
Пока река доверчиво подносит
К твоим зрачкам раскрытую ладонь.
Пока не тронутся недвижимые мосты
Как погребальные торжественные дровни.

Смотри поэт не закипают дни
И вечера настойчивее стынут
Смотри поэт твой царственный стиховник
Короной желтою
Увенчивает осень.

2

Только роц обнищальные плечи
Только покрик и посвист ватаг
Вижу юноша маятник ляжек вешает
Женщине под циферблат живота.

Не уснет этих бедер голодный алк
Груди женщин спросонка горше
Неужели волос моих черную галку
Заклюют ваших гривищ тяжелые коршуны.

Кто же кто же еще не вымят
Под пятой городов не вят
Бросились трубы заре на вымя
Давят и ничего не выдают.

Только я целомудренный отрок
И моя непорочная тишь
Тащим из тела за потрохом потрох
Острыми крючьями четверостишия.

Пусть ваш череп на шее тучится
Словно коршун на белом пне
Мне давно мою тень попутчицей
Привязала луна к ступне.

Разве на плечи взвалият пущи
Рыжих солнц непосильный лов
Если листья штанами спущены
С раскоряченных ветром стволов.

Каждый день не по-старому пляшет
Что ни гусли то новый лад
Только так же качается маятник ляжек
Да блестит фонарем живота циферблат.

Всё раздам и не буду роздан
Съем язык и не стану нем
О мочитесь мочитесь звезды
В золотые лохани поэм.

Много раз еще снова и снова
Под галош лягушачий квак
Обручальные кольца Садовой
Раскует и скует Москва.

1920

267

Еще вчерашняя толпа не догудела,
А толпы новые гудят уже за ней —
Насиловать и мять измученное тело
У продающихся пролеток и саней.

Они лежат в кроватях перекрестков,
Бесстыдствуя среди уличного дня,
И тканью каменной похрустывает жестко
Под их спиной тугая простыня.

О, как я не люблю продажную веселость
Полозьев и колес обрадованный вздрог,
Когда, заворотив опущенную полость,
На вашу грудь взбирается ездок!

И так всю жизнь от ноши и до ноши,
Не стерши грязь с забрызганных боков,
Волочит вас услужливая лошадь
К дверям церквей и к окнам кабаков!

О, тысячи саней и тысячи пролеток!
Кто вам придумал медленную казнь?
Позорный труд! Проклятая работа —
Возить всю жизнь скупого седока!

<1922>

Не слушайся, бродяга, матери,
 Пускай с тобой не говорит жена, —
 Язык у женщины, что меч без рукояти,
 Бряцает попусту в истрепанных ножнах.

Пуховая постель — их парусник рыбацкий,
 А вместо невода — венчальная фата.
 Будь проклят крик, которым выворачивал
 Ты им разинутые губы живота.

Чтоб молоко твое вскипало беспокойней,
 Они натапливают бедер изразцы;
 За то, что мать тебя сумела, как подойник,
 На десять месяцев поставить под сосцы.

Учись бродяжничать размашисто и праздно,
 Из сердца выветри домашнее тепло.
 Ах, разве может быть кому-нибудь обязана
 Твоя на каторгу сколоченная плоть?

Тебе ль в бревенчатый заковываться панцирь,
 Носить железных крыш тяжелые щиты?
 Нет, если есть еще в России хитрованцы,
 Нам нечего с тобой бояться нищеты.

И лучше где-нибудь в разбойничьем притоне
 Пропить бессовестно хозяйское добро,
 Чем кровь свою разбить червонцем о червонец,
 Чем тела своего растратить серебро.

Поставь же голову увереннее на ноги,
 Пока в полях под оттепельный вздрог
 Снимает ветер снежные портянки
 С испачканных ступней проселочных дорог.

Шаги бродяжные нигде не успокоятся,
 Их не связать весне веревками травы,
 Пока твои виски, как два молотобойца,
 Грохочут в кузнице просторной головы.

Когда же мир глазам совсем отхорошеет
И льдина месяца застрянет на мели,
Простой ремень, с сука опущенный до шеи,
Тебя на тыщу верст поднимет от земли.

И всё пройдет, и даже месяц сдвинется,
И косу заплетет холодная струя.
Земля, земля, веселая гостиница
Для проезжающих в далекие края.

<1923>

«ВОИНСТВУЮЩИЙ ОРДЕН ИМАЖИНИСТОВ»

Владимир Васильевич

Турчанинов

Он родился 22 апреля 1892 года в Источурке в семье поэта и учителя. В семилетнем возрасте потерял отца, закончил среднюю школу. В 1911 году поступил нахимавскую 2-ю школу, поступил уездовым казначеем в Источурку, на время был уволен за распространение листовки «Прощай, Россия! Здравствуй, социальная война». Участвовал в кружке «Свободная молодежь», вступил в члены партии и ее ячейки в городе. Ставил был спектакли, которые печатались, выходящим на территории края. В октябре 1918 года, будучи редактором газеты «Источурка», участвовал в коммунистическом движении. Был ранен. На протяжении гражданской войны был в Красной Армии — в морском отряде в охотничьих частях на многих фронтах. В ноябре 1918-го участвовал в Белом движении, вместе с отрядом добровольцев перешел через Море Финского залива в Петроград через «Белогорье». Белогорцами арестован, затем был послан в Пензенскую губернию, затем был ранен, участвовал в создании «Империализма» и других кружков Социальной молодежи в этой губернии. Одновременно сотрудничал в местной газете «Новое слово» в Петроградские власти, публиковал корреспонденции и статьи. С января 1921 по 1922 год участвовал в работе Петроградского университета. Стал членом партии в августе 1921 года¹. Не прекратил сотрудничать в журнале и дрессировочными упражнениями, участвовал в журнале «Топик», печатался в студенческом журнале «Будущее». Вместе с группой молодых пролетарских писателей «Стрелы» вместе с группой революционных писателей И. Васильевым и К. Пафлюговым участвовал в начале 1922 года в журнале «История жизни». Участвовал в различных вечерах, вечерах искусствах в кружках.

Однако еще в 1921 году Ричнотти заинтересовался идеями имажинизма, посетил в уездной станице близкие Ессентуки и Монастырь. В 1922-м в московском издательстве «Империализм» выдал книгу в стихах «Облаки». В январе 1923-го вошел в группу имажинистов и участвовал в работе детского кружка. Но уже

¹ ВУАН. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 134. Л. 2.

Владимир Владимирович Ричиотти (псевдоним Леонида Осиповича Турутовича) прожил насыщенную, наполненную событиями жизнь. Он родился 12 апреля 1899 года в Петербурге в семье рабочего и прачки. В семилетнем возрасте потерял отца, запоротого насмерть жандармами. В 1911 году, окончив начальную 3-классную школу, поступил учеником наборщика в типографию, но через год был уволен за распространение газеты «Правда». Работал слесарем на различных заводах. Участвовал в кружке социал-демократов. Юношу манило море, и он пришел в порт. Сначала был поденщиком, потом плавал юнгой, кочегаром на торговых судах. В октябре 1917 года, будучи кочегаром парохода «Нептун», участвовал в штурме Зимнего дворца, был ранен. На протяжении гражданской войны служил в Красной Армии — в морских отрядах и политотделах, сражался на многих фронтах. В ноябре 1918-го участвовал в Ледовом походе, вместе с пятью матросами проведя через льды Финского залива в Петроград судно «Агитатор». Комиссаром продотряда моряков был послан в Пензенскую губернию, снова был ранен; занялся созданием исполкомов и других органов Советской власти в ряде губерний. Одновременно сотрудничал в пензенской газете «Красное знамя» и петроградских газетах, публикуя корреспонденции и стихи. С января 1921 по 1923 год учился на рабфаке Петроградского университета. Стихи, как он сообщает в анкете, «очень серьезно стал писать» с 1921 года¹. На факультете руководил литературным и драматическим кружками, издавал рукописный журнал «Гонг», печатался в студенческом журнале «Вулкан». Вошел в группу молодых пролетарских писателей «Стройка». Вместе с другими рабфаковскими поэтами И. Васильевым и Е. Панфиловым выпустил в начале 1923 года сборник «Певучая банда». Участвовал в поэтических вечерах, вызывая сочувствие критики.

Однако еще в 1921 году Ричиотти заинтересовался имажинизмом, испытав в равной степени влияние Есенина и Мариенгофа. В 1922-м в московском издательстве «Имажинисты» напечатал сборник стихов «Осьмина». В январе 1923-го вошел в группу петроградских имажинистов и принял в ее работе деятельное участие. Но уже

¹ РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 132. Л. 2.

первые выступления «Воинствующего ордена» подверглись осуждению в печати: «В Петрограде имажинистов нет. Есть имажинистики. <...> Они то там, то тут выглянут, о существовании своем заявляют. Политехнический институт — студенты жалуются: житья не стало! Заели имажинистики. Выступают!»¹. Затем печать перешла к иной тактике. Год спустя Ричиотти сообщал Мариенгофу: «В Ленинграде против меня злопыхателями и корыстными врагами ведется форменная травля со всеми ее атрибутами вплоть до официальных клеуз и доносов. Почти все редакции ленинградских журналов получили подобные „документы“. Обвиняют во враждебно-настроенности к совласти — это меня, воевавшего за Октябрь! Тактика установилась самая бесчеловечная: систематического замалчивания. Я очень страдаю. Очевидно, вынуждают подобными пытками заставить отказаться от имажинизма. Ах, как тяжело мне, мой милый Анатолий, как тяжело»². «Он на себе выносил всю борьбу в Ленинграде за имажинизм», — свидетельствует Шершеневич³. Противодействие начинаниям имажинистов помешало им осуществить многое из задуманного. Так, к первой половине 1924 года относится попытка начать в Ленинграде выпуск журнала «Необычайное свидание друзей» (о предстоящем выходе его объявлялось в печати). Не была напечатана и готовившаяся Ричиотти и Шмерельсоном антология «Российские имажинисты». Не дошли до издания и поэмы Ричиотти «О России бывшей» (1922) и «Терновый крест» (1921—1923).

Во второй половине 1920-х годов стихи Ричиотти публиковались в сборнике «Костер» (Л., 1927), в «Звезде», «Ленинграде» и других журналах. Но они мало чем выделялись из потока стихотворной продукции того времени.

С 1923 по 1927 год Ричиотти учился на правовом отделении факультета общественных наук Петроградского университета. Затем работал в Севторгфлоте, Ленинградском порту, профсоюзе водников и продолжал плавать кочегаром на кораблях торгового флота. Впечатления от увиденного за рубежом послужили материалом для двух книг очерков — «Без маски» (М.; Л., 1928) — о Голландии, Германии и Англии и «Страна на воде» (Л., 1930) — о Голландии. В 1920—1930-е годы очерки Ричиотти печатались в периодике.

В конце 1920-х годов писатель задумал трилогию, посвященную жизни моряков российского торгового флота. Книга должна была охватить период с лета 1914 года до Ледового похода осенью 1918-го. Работа потребовала огромного напряжения и за десять лет была еще далеко не закончена. Н. Тихонов, оказывавший автору значительную помощь в этом труде, посоветовал сконцентрироваться на первом томе, названном «Четыре рейса» и завершеном к 1939 году. Летом рукопись была отдана в типографию, и Ричиотти

¹ В. Н. Имажинистики заели // «Лит. еженедельник». 1923, № 9 (3 марта).

² Письмо от 9 апреля 1924 г. //РГАЛИ. Ф. 2809. Оп. 1. Д. 192. Л. 1.

³ Великолепный очевидец //Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 627.

поехал отдыхать в санаторий в Кисловодск. Там он внезапно умер от инфаркта 21 августа 1939 года. Книга была выпущена из печати уже посмертно, в 1941 году.

269

Отделить молодых от старых —
Лебединые звезды глаз,
Когда сердце в широкой чарке
Дружбу гасит — любовью гасит.

Подойди, подойди поближе
В этот колкий страданьями день.
Избы тяжело соломою дышат
В дымовых кандалах, как пленники.

Ближе, брат мой, лохматый и жесткий,
Выпей слов нерушимый завет.
Эти руки из белой известки
Проплывут кораблем в голове.

Не зальют белокурые волны
В очах синего неба течь.
Возле клетки грудной не холодно —
Там затеплены сердца печи.

Выкинь, выкинь желанной посылкою
На улыбке радушья флаг.
Под березами рук с голубыми жилками
О столетях не будешь плакать.

Февраль 1921

270

Эва, кружит снежинками пыльными
В небесах остроносый ездок.
Можно счастье совсем без усилия
Пригвоздить к воротам на шесток.

Ведь улыбка — цветение радости,
А напев — литургия души.
Я разрыл стихотворные клады
Среди первой седой пороши.

411

Облаков полногрудые горы
Оплывает родимый челнок.
Только строфами песен задорных
Опьянятся поэтам дано.

Но заря скоро соками брызнет
На луну, как на белый хоругвь.
Я приму за религию жизнь
И поэта жрецом изберу.

Экий ветер, холодными крыльями
Обивает мой теплый порог.
Можно счастье совсем без усилия
Пригвоздить к воротам на шесток.

<1922>

271

Под усмешки нескромных взглядов —
Корку дум в черепную ладонь.
В потолейную гулкую страду
Побреду на пшеничную лонь.

Я, разбитый о города камень,
К вам, поля, желтоногие дни.
Солнце в пляске трясет лапотками.
И в подол — зерновые огни.

Я молитву мужицкой телеги
Шел по дольней дороге понять,
Шел понять — на душистом хлебе
О свободе всё так ли звенят.

Круторогий хранитель ночи
За слезу беллицей звезды
Мне расскажет, как пахарь полощет
Сбху в черных волнах борозды.

У ночанки в шуршащих крыльях
Перечту луговую молву,
Рано ль саван оснеженный шили
Нити снега родному селу.

Перескажет голубка сизая,
Много ль дум заливает земля,
Много ль раз головою рыжей
Недород заглянул на поля,

Звонко ль скачут петушки трели
По селу от двора до двора,
Когда солнце горячее стелет
Лучевые холстины утра.

Всё, что было в башке, похоронят
Деревянные думы ночей,
Когда звонкое слово застонет
На мужицком овсяном плече.

<1922>

272

Иней розовый надолго
Свесил хрупкие персты.
Расплескались лунным пологом
Побелелые сады.

Я вчера поцелуев горсти
Роздал друзьям на счастье.
А теперь пересевами гордости
Буду строфы поленицей класть.

Губы, лившие песни суровые,
Льют иные теперь семена.
Обожду под шатрами еловыми,
Где звенят бегунов стремена;

Обожду у полян можжевеловых
Терпеливо, без грусти, укоров,
Как зима на полозьях метели
С гиком, посвистом въедет во двор.

Отпрягутся кобылы вихрастые
(Седогривые кони мои!)
И закружатся, кружатся в пляске,
Засверкав бубенцами шлеи.

Загудят над полянами стоны,
Жизнь покажется смерти короче.
И прольет голубой жеребенок
На подкове сиянье в ночь.

<1922>

273

Моя муза — фонарь на мосту,
Вечеров собутыльник и наймит.
Там, где ветры хмельные растут,
Паруса надувая шарами.
Он стоит, как и я, нагишом,
В белой шапке холодного света
И смеется. И так хорошо
Моей песнью веселой согретый.
Оба смотрим в зыбучую синь,
Оба взорами волны стегаем.
Но о чем друг у друга спросить,
Что спросить друг у друга, не знаем.
Только ветер сапером долбит
По окопам проспектов унылых:
«Суждено от былого уйти,
Наше сердце к былому остыло».
Ветер — круткий, вертлявый пузан —
Фонарю налегает на плечи.
И фонарь хочет много сказать,
И ко мне его хлесткие речи.
Был бы, не был — не всё ли равно, —
К фонарю бы пришел неизбежно,
Чтоб напиться стиховым вином
И любить свою музу нежно.

Моя муза — фонарь на мосту,
Вечеров собутыльник и наймит.
Там, где ветры привольно растут,
Паруса надувая шарами.

<1922>

414

Годы — словно табор очумелый.
 Дни гудят, как балалайки трын.
 Каждым утром полыхают в тело
 Зорьные огни.

Каждый раз, бродя по горным склонам,
 Каждый раз по вечеру и дню
 Пьет закат — озлобленный лисенок —
 Моей молодости пьяную струю.
 Каждый день с полومانного ската,
 Когда ночь потушит солнца круг, —
 Ухожу я, выпитый закатом,
 Чтоб вернуться снова поутру.
 С болью жду, как табор лет шумливых
 Занесет в иные племена,
 А потом прижмет к земле пугливой
 В четырех березовых стенах.

<1922>

Пусть Есенина в строках ловят,
 Ричиотти — не меньший черт.
 (Черногрудое жирное поле
 Градопрутница больно сечет.)

Как и он, я такой же кочевник,
 Те ж грибы под луною берем.
 Нашим сердцем в любой харчевне
 Вы упьетесь, как крепким вином.

Вишь, в кружок оболванены волосы,
 А под воротом тела хлеб.
 Те же песни, иным лишь голосом,
 Повторяю на сходке в селе.

Эка невидаль — пальцами тычет,
 Что запел наравне с другим.
 У меня в глазапах бычьих
 Тоже плещутся песен струги.

Значит, дай расплескаться словом
И по строкам босым походить
И в твою бестолковую голову
Мои умные песни налить.

< 1922 >

276. КОРОМЫСЛО ГЛАЗ

Поэма

С. Полоцкому

1

Ремешками любимых пальцев
Головы моей узел
Вязать,
И в пруды воспоминаний
Глаза
Заржавелыми ведрами.

Давно, как и вчера,
Хромые сумерки
Проковыляли
В заголубеющий закут,
Неся котомки
Фонарей и смут
За круглыми плечами.

Хотелось Библию ночей
Листать
Или, забыв величья тучность,
Так нежно
С лунного куста
Срывать
Серебряные стручья.

То было раньше,
А теперь,
Когда застынул пепел
Костра синеющих волос,
Когда с трудом
Волчата рук
Вбегают на пригорки плеч,

Покорно суждено
Нести жаровню тела
Под кровлю северной земли
И не расплескивать
На коромысле глаз
Любовью переполненных
Сосудов.

2

На улицах, сплетенных в сеть,
Где лай
Трамвайный тает,
Где мая
Золотая
Свищет плеть,
Где тащит огненная кляча
В повозке обалделый день,
Там
Полоцкого плачет
Подбитый голоса олень.

А вы,
Что глаза молитвенно
Как четки носите,
Пузоголовые, как сыть,
Ужель не видите:
На месяца гнилые кости
Бегут
Голодной стаей псы.
Не вам дано
Перевязать
В тяжелую годину
Разбитое копыто лун.
Не вам,
Не вам по звонким частоколам
Томить
Задорные лета.

Когда на пашне щек
Тяжелый плуг
Означит борозды,
Давайте чокнемся губами. —
Я пролил не вино,

А кровь
Из рюмки сердца
В 17-м
Торжественном
Году
И летопись тогда же написал,
Что
Выше русской звонницы
Нет
Колокольни в мире.

Так
В решето годов
Часы
Как сокол в облака.
Я тоже нес Октябрь,
Как дева
Первое дитя
В неопытных руках.
С худым, заплаканным лицом,
Невольная в преступлениях,
Перед безоружным певцом
Революция
На коленях.

Я сделал всё, что мог:
Любил,
Люблю
И буду,
Но рвется голова
Как парус на ветру
На пролежни потерянных лугов.
Пускай поет
Хребта надломленная мачта,
Лебедки рук
На берег груди грузят
Отчаянья
Объемные тюки —
Корабль
Не ушлывет в стальное море
Гудков-сирен,
Баюкающих смерть,
И лучше
Килем режущим

Промчится, как самец по женщине,
По рыжей пакле нив
Мой смуглый
Крепкий парусник.

3

Ах, тяжело носить
На коромысле глаз
Наполненные ведра
Впечатлений.
И шапка синяя
С мохнатым
Желтым бубенцом,
Звонящим пополуни.
И цепи позвоночников
Смолистых и зеленых,
К истокам овиди
Бегущих.

Ах, тяжело возить
По перепутьям строф
Тяжелую кибитку
Вдохновений.

Всю жизнь
Человек
Пытается проткнуть
Серебряными вилами
В шерсти зеленой
Утонувшую
Земную грудь.
Ведь и земля, как заяц,
Меняет норов,
Как и шерсть,
И ей в беспутье
Суждено
Бродить и маяться.

Поэт пришел на землю
Ее
Счастливой делать.
Но тяжело носить
На коромысле глаз
Дрожащие озера
Впечатлений.

Не потому ли с крыш
 Ногами золотыми
 Сбивает солнце яблоки снегов
 И стая голубей молебен синий
 Дудит в небес
 Медноголосый рог,
 Не потому ль, как топоры в пожаре,
 Два карих
 Неповоротливых жука
 В навозе слезном копошатся,
 Что теперь
 Поэту бодрому
 Назначен
 Новый титул.
 Отныне он
 Садарь веселый,
 Растящий лучшие дюшесы
 Песен.

Лениво
 В теплом сердце
 Давно кочуют
 Постояльцами немymi
 Залитые печалью
 Будни.
 Возле надрывных бочек
 Динамита слов
 Не поджигайте фитиля
 Души.
 Стихов моих
 Восторженные тачки
 Беспечно повезут
 Платиновую россыпь
 Гордой головы.

Но видно:
 В подворотне низких вечеров
 Под белой дрожью
 Звезд
 В любого перехожего

Семен любимый жестко
Клинком вонзает остроумный
Мозг.

Вините нас,
Что по лугам столицы
С арапником поэмы и души
Мы недругов замуренные лица
Хотим распетушить,
Распетушить.

Но садаря веселого
Не стало
(То был подложный документ).

В какие глуби глаз
Уместится такое:
Когда в окно небес,
Большие крылья золотя,
Влетит как солнце полдень —
Я под знаменами дрожащих елок
Пройду на городские зовы
С распластанной душой.
И разве уши не услышат
Прощальный всхлип песка,
Как топится ручей от горя
И белая дорога с перепуга
Сбегает кочками к ногам берез.

Теперь
Не нужно
Ремешками пальцев
Увязывать горячий узел головы —
В прудах воспоминаний
Железными бидонами
Глаза
Утоплены.

Октябрь 1922

Не гроба ли за лесом точит копьё,
 Чтобы землю тиранить и камни рвать?
 Разве нужно простое имя мое
 С чем-нибудь поэтическим сравнивать?

Не для гибели нужен широкий срок.
 Та же смерть под мечом и веревкою.
 Только сердце родило бы золото строф,
 А записывать — легче легкого.

Но свершится, я знаю, свершится суд
 Надо мной, стихотворным кабатчиком:
 Не тюрьме и не плахе, так быть колесу
 Усмирителем жизни начатой.

1923

Теперь
 Не вужаю
 Речишкам
 Ужасная
 В руде
 Железные
 Та же
 Утоленны
 Платиновую
 Горной

На видны
 В подзорные
 Под белой
 Звезд
 В любого

Сведения об Иване Ивановиче Афанасьеве-Соловьеве (29 мая 1899—после 1938) чрезвычайно скудны. Известно, что он родился в Смоленске, закончил там гимназию. В 1917 году переехал в Петроград. Получил здесь высшее экономическое образование. Работал преподавателем экономики в Ленинградском индустриальном институте; в 1930-е годы — доцент; выпустил учебное пособие «Справочник по экономике черной металлургии» (в соавторстве с А. С. Эскиным. Л., 1939. Стеклограф). Был арестован по «Ленинградскому писательскому делу» и, вероятно, расстрелян.

Литературная деятельность Афанасьева-Соловьева целиком связана с «Воинствующим орденом имажинистов». Стихи его публиковались в сборниках «В кибитке вдохновенья» (1923), «Ровесники» (1925), «Собрание стихотворений» (Л., 1926) и в журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном». В петроградском-ленинградском издательстве «Имажинисты» он выпустил три собственных стихотворных сборника: «Северная поэма» (1923), «Завоевание Петрограда» (1924) и «Элегии» (1925).

278

Н. Григорову

Рой серебряных паутин
Мне печальной к плечу льнет вестью,
Уронила золотое кольцо осин
Осень — голубая невеста.

Взвей печаль прямо в грудь стрелой
Из поющего тугой тетивой лука,
Страшен пылающий аналой
Перед бледным лицом разлуки.

Кутает в свой зеленый плащ
Лес березок хрупкую дрожь,
Поминальным разбухло плачем
Поле со скошенной рожью.

Что ж глазами кониных пут
Плющит небо кровавые веки —
Видно, и впрямь мне завернуться,
Завернуться в синее полотно реки.

Русь, да где же, где мне искать
Ласки рук и улыбки братней?
По долинам в туманы скачет
Сумрак голодной ратью.

О когда же в тяжелом сне
Над больною порослью хат
Грозным стражем во тьме блеснет
Моей песни звенящий взгляд?

Сентябрь 1921

279. МАРШ

Гр. Шмерельсону

Расцветает малиновыми солнцами
В клумбах неба озорной наш взгляд.
Эй, кривит лицо
Хмурящийся Петроград.

Только нам, только нам разогнуть
Дней напряжённые выи.
Прямо в беспечь сиганули
Мы, самые молодые.

В эти жолклые дни только мы
Зазвеним в улыбок бубен,
Голубою весною омытые,
В трубы проспектов дудим.

Да здравствуем мы, поэты,
Пророки радостных встреч,
Молниям строк этих
Может ли кто перечить?!

1921

Север —
Суровый отчим,
Мое сердце неверное
В прозрачных пальцах зачем цепко держишь?
Не радостной,
Горькой любовью перо напоено.
В хрустальную чашу севера
В первый раз пролиты —
Ароматы
Гречневых смоленских полей.

Как верхушку кудрявую тополь,
Над страницами себя отряхаю:
Падайте, падайте строк серебряные листья.

Другу или недругу.
Ими бумаги дорога выстлана.

В какие края
Меня заведешь,
Непокорный посох?

Петроград,
Я — беспутный муж, а не послушный пленник,
Горячую голову в твои колени
В эту ночь укурю.

О Петроград,
Как же тебя не петь,
Затягивая на шею
Строчек тугие петли,

Когда щедро мечешь
Любимейших дочерей любовницами мне на ложе
И не знаешь,
Стройные ли башни,
Ломая за талии,
Или голубое тело мечети

Поэту
Сегодня насиловать
В белых простынях поэм.

3

Золотым килем прорезывает солнце
Пенящуюся глубину.
Эти строки, как через сито, цедит
Новая жестокая любовь.

Мимо — мимо — мимо — изувеченные
Выстроились дома, серые каторжане.
Пусть кровавые отрепья ваших плеч
Выест вскочившая на спину ржа.

Эй, головы клоните ниже,
Полчища побежденных лет.
Город кротко собакой лижет
Наши новью прорастающие следы.

Вождь
Ждет.
Юная выплеснулась армия
В высохшее русло площадей.
Дети,
Это нам обрывать лепестки улыбок
С красных бутонов губ.
Я для вас плету
Стихов золотые лестницы,
Когда в уши
Вдевает вишня
Фруктов коралловую серьгу.

Вот оно, вот оно, возмездие
Тех, что века были немые.

Под нашими знаменами
Вместе
Холодные ветры севера
И строки жестокой любовью израненной
Поэмы.

1923

Григорий Бенедиктович Шмерельсон (21 ноября 1901—1943?) родился в городе Двинске Витебской губернии в многодетной семье страхового агента. В 1908 году семья поселилась в Нижнем Новгороде. В 1911—1919 годах будущий поэт учился в Первой нижегородской общественной гимназии. В печати его имя впервые появилось в 1914 году — он активно участвовал в переписке со сверстниками в московской «Газетке для детей и юношества». В 1917 году его стихи были опубликованы в журналах — нижегородском «Летняя чернильница» (подпись: Гр. Ш.) и петербургском юмористическом «Трепач» (подпись: Григорий Голопузин), заметки о школьной жизни и рецензии — в газете «К новой жизни», которую он же и редактировал, затем в московском журнале «Жизнь и творчество русской молодежи» (1918—1919), в «Нижегородской коммуне» (1921) и множестве других газет. Окончив гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Нижегородского университета, где проучился два года. Одновременно служил заведующим книжным складом, с 1920 года — секретарем газеты «Красный Волжский флот» (позже — «Красный волгарь»), потом секретарем литсекции отдела искусств Губполитпросвета. В университетские годы интенсивно публиковал свои стихи в нижегородских сборниках «Зарница» (1919), «Стихи» (1920), «Волжская вольница» (1920) и выпустил собственный сборник «Длань души» (1920), заслуживший в печати справедливые упреки в альбомности и версификаторстве. Редактировал журналы «Блок-нот литератора» (1920) и «Мысль» (1921). С июня 1919 года состоял членом президиума и секретарем Нижегородского отделения Всероссийского союза поэтов.

В сентябре 1921 года историко-филологический факультет закрылся. Шмерельсон переезжает в Петроград. Он работает в Северо-Западном управлении водного транспорта. В 1923 году поступает на словесно-литературное отделение Института живого слова (окончил без диплома). В дальнейшем служит в различных учреждениях системы ВЦСПС — техническим секретарем, инструктором литкружков, библиотекарем, в 1929—1934 годах — ответственным секретарем редакции журнала «В помощь передвижнику», техническим редактором.

Имажинизмом Шмерельсон заинтересовался еще в Нижнем Новгороде. Занявшись составлением сборника современной поэзии, он завязал переписку с Мариенгофом и Кусиковым и, стремясь

вступить в группу, послал им свои стихи. В Петрограде в конце 1921 года сблизился, на почве общего интереса к имажинизму, с С. Полоцким, а потом и с другими поэтами, основавшими вскоре «Воинствующий орден имажинистов». Был избран секретарем ордена, а позднее — членом правления и секретарем Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов. В 1922 году выпустил книгу стихов «Города хмурь», затем, совместно с Шершеневичем, маленький сборник «ШиШ» (Пг.: «Имажинисты», 1924), печатался в коллективных сборниках «В кибитке вдохновенья» (1923), «Поэзия наших дней» (М., 1924) и «Собрание стихотворений» (Л., 1926) — это была последняя совместная публикация ленинградских имажинистов. Больше стихи Шмерельсона в печати, по имеющимся сведениям, не появлялись.

281

Градом град пуль.
Порохом воздух запах.
Дымных облак нуль
Давит руки размах.
Будет ли битвы жар,
Храбро ли сердце сразит?
Жесткость вонючих нар
В воздухе не висит!
Бить. Добить. Добиться!
Кровь свою не жалеть —
Молния глаз лучится,
Больше нечего петь.
Рук рабочих крепость
Из старого выжмет всё!
Вчерашнего дня нелепость
Разгуливает в пальто.

1921

282

Александрю Кусикову

Скачки безумные делать
По крепким гвоздям суток —
Канат мысли жуток,
Тянущий всё вперед.

«Из протоптанной колеи не вылазь.
Жизнь проводи честно!» —
Кричит сюсюкающая мразь.

Ходуном, ходуном вертеть бы
Сердце. Чтоб боль была.
Владелец его — верьте —
Будет очень рад.

Пожирает день мысль,
Ночи дела до мысли нет —
Человека жизнь киснет,
Если всюду его портрет.

1921

283. ИЗ ТРАГЕДИИ «НИСТИ ТРАЦ»

Р и ч и о т т и

В сотый раз мысль очень четко
по каналам мозгов протекает.
Всё равно никогда не познать
(мудрый голос может пасть).
Не каплям падать. Не им дано
класть кольца непорочных дум
на горб почивших лет,
лежащих на высоком лбу.

П о л о ц к и й

Снопамы связаны недавние стихи
и крепко будут биты,
пока железом кованная
рука
перед зерном не дрогнет.
Втоптать тяжелою ногой асфальт
(нетронутая свежесть манит).
Не всё ль равно,
познать ли радость
иль острой болью резать!

Н и с т и Т р а ц

О Полоцкий,
строкою брызни! —
упрямыми губами не растерян сок.
Меня не потревожит
строк ремень,
оставив след
красной полосой.
Сугробом лечь строфе какой,
какое сердце зануздать посмеют?
Я знаю стих —
ударный меч,
и радость вижу я —
зияющую брешь.

О, разум изгибом дуг
рождаться не всегда умеет.
И мысли конь
без упряжи
не каждый раз
по мостовым голов
бульжных
скачет.

(Входит автор с подносом.)

Весна 1923

284

Я знаю —
в заливах глаз
неводом ресниц
зрачок поэта
пойман

Любой закинет удочку
с пятнадцатой ступени лба
в заливы
глаз

Но тщетно бьется поплавок
а с ним чужой крючок воображенья

Им не поймать
зрачка

Он неводом ресниц
поэта
пойман

5 июля 1924

285

Конь бьет копытом передок;
Отряхивая пыль сугробов, мчатся сани.
Я в сны переплету воспоминания,
Как косу девушка осьмнадцати годов.

Прощай веселое гнездо — родимый дом,
Где детством уплатили дань мы,
Где кипяченое страданье
Глотками медленными пьем.

Петлю дают кутежи,
И хлеще молодость играет.
Мы пьем — а плесень покрывает
Любви родительской ковши.

Конь бьет копытом передок,
Несясь чрез снежные пустыни.
Отяжелело кровь застынет —
Какая каторга работ!

Но стрелы глаз летят упрямо.
Нам голос стал теперь послушен.
Сыпь, ветер, и в глаза, и в уши, —
Путь мимо выбоин и ям!

Февраль 1925

СЕМЕН ПОЛОЦКИЙ

Семен Анатольевич Полоцкий, самый молодой из петроградских имажинистов, родился 29 апреля 1905 года в Варшаве. Отец его был служащим различных компаний, мать — врачом. В 1906 году семья переезжает в Ригу, в 1914-м — в Петроград и в 1918-м — в Казань, где юноша оканчивает школу и поступает на филологический факультет университета. Он пишет стихи и с 1919 года печатается в местных газетах. Увлекается имажинизмом. Участвует в двух коллективных сборниках — «Тараном слов» (изд-во «Витрина поэтов», 1921) и «Заповедь зорь» (изд-во «Имажинисты России», 1922). Избирается секретарем Казанского союза поэтов. Работает лектором в политпросвете штаба Запартмии.

В 1922 году Полоцкий переводится на второй курс правового отделения факультета общественных наук Петроградского университета (окончил в 1924 году). Участвует в создании «Воинствующего ордена имажинистов». Издает книжку стихов «Мерзлое пламя» (Пг.: «Имажинисты», 1922)¹. Вместе с другими членами ордена публикует стихи в журнале «Гостиница для путешественников в прекрасном» и сборниках «В кибитке вдохновенья» (М., 1923), «Ровесники» (Л., 1925) и «Собрание стихотворений» (Л., 1926). Затем переходит на стихи для детей и за четыре года (1925—1928) издает 15 детских книжек. Стихи Полоцкого, не выделявшиеся из массы печатаемых, были лишь первым, юношеским этапом его литературной деятельности. В дальнейшем он работает во многих других жанрах: в прозе — фантастический роман-сатира «Черт в совете непорочных» (в соавторстве с А. Шмульяном; М.; Л., 1928) и рассказы («Лит. современник»), в театральной критике — очерк «Константин Эггерт» (М.; Л., 1927; 2-е изд. — Л., 1929); в драматургии — пьесы «Аппарат», «Большинство голосов» и другие, созданные во второй половине 1920-х годов, ставились в театрах Пролеткульта, «Кривое зеркало», «Стройка»; в 1930-е годы пишет миниатюры для эстрады, затем обращается к кинодраматургии. По его сценариям, написанным совместно с М. Тевелевым, на «Ленфильме» были поставлены картины «Переход» (реж. А. Г. Иванов, 1940), «Аринка» (реж.

¹ Сведения о сборнике Полоцкий дважды указал в списках своих опубликованных произведений (ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 2. Д. 161. Лл. 3, 19); в библиотеках Москвы и Петербурга сборник отсутствует.

Н. Н. Кошерева и Ю. А. Музыкант, 1940), «Старая гвардия» (реж. С. А. Герасимов, 1941) и др. В первый год Отечественной войны Полоцкий продолжал работать на киностудии; его рассказы и очерки звучали по Ленинградскому радио. С августа 1942 по конец 1946 года работал на Алма-Атинской студии, где по его сценариям ставились короткометражные художественные и документальные фильмы; в создании последних участвовал и после возвращения в Ленинград. Умер С. А. Полоцкий 27 марта 1952 года.

286

У бродяги — мысли о крове,
А на сердце камнем — грабеж.
Вновь грустит по закатной крови
Засапожный, привычный нож.

В наших жилах злей и напевней
Арестантский, ивовый дух.
Сколько раз пролетал по деревне
Моих песен красный петух.

Сколько раз затоплял я нивы
Проливными дождями слов,
Полюбил я бродить, счастливый,
По посевам моих стихов.

Братья люди! не верьте, не верьте!
Не пускайте за свой плетень
Нас, гонцов и пророков смерти,
Поджигателей деревень.

Ведь недаром в глухое время
Налетает со всех концов
Наше злое, хищное племя
Поножовщиков и певцов.

< 1922 >

Опять:
 У озера,
 Где паруса и чайки, —
 Необычайное свидание друзей.

Иль это только парусник висков
 Оснащают белые ладони,
 И лишь воспоминания поэма —
 Распластанная чайка
 На столе.

Но всё равно мы вместе.
 Я слышу, как кричит петух
 На облачном шесте:
 «Когда начнется наше путешествие?»

Боюсь, недолог путь.
 Боюсь, что красный колокол
 В звонарне ребер
 После вечерни станет глух
 И нем,

Чтоб самому склониться не пришлось
 Строкою заключительной
 На катафалк
 Дописанной
 Поэмы.

Май 1923

Снова ветры и метели,
 Снова русский путь в грязи.
 Отыграли, прошумели,
 Будем саночки возить.

Хмурый друг, того ли чаял,
 Не в иную ль метил даль?
 Если не было печали,
 Наживем себе печаль!

Ты не будешь сыт и весел,
Не вспоет тебя молва.
Что ж ты голову повесил,
Чумовая голова?

Что же ты, как горький пьяница,
Пьешь, не подымая глаз? —
Ведь на черный день останется
Тихий омут про запас,

Наземь сброшенная ноша,
Да веселый путь любой,
Да последняя, хорошая,
Смертоносная любовь...

1923

289. КРАСНЫЙ ПЕТУХ

Выдерок

Вот он, вор, по кустовьям бродит
Мужиком у осенних жатв.
Ждет, что скоро господ отродье
Склонит шею под серп мятежа.

Блекнет в лужах травы не как прежде
Под ольхою листьев моча.
Тихой нянькой умеет мятежник
В зыбке черепа душу качать.

Он один на распутье ответил,
Что не сложит башки озорной,
Пока знаменем вьется ветер
Над его арестантской страной.

Пока в селах, где мертвой ранью
Призрак бунта с зарею встал, —
Занимается мерзлым пламенем
Дрожащих осин моча.

Почему же в грохот и визг
Мужики в недородную осень
Берегут под покрывками изб
Черным огнем волосья?

Почему под немой ответ,
Что хоронит заоблачный голубь,
Клонит рощи осенний ветер,
Как разлука людские головы?

< 1925 >

290. МОРЯК

Суровым плаваньем заморен,
Моряк вступает в порт за морем:
Чужая брань, заморский крик!
Руками грубыми застиран
Его матросский воротник.
Идет горланить по трактирам,
Визжащих девок обнимать —
Потливы, дешевы и пылки —
И в пальцах горлышко бутылки,
Как горло недруга, сжимать.

Оброк обид попойка множит,
Уже танцует в драке ножик,
Уже кулак несет рука.
Вино, как палуба, качает
Хмельное тело моряка.
И бьется, скован и отчаян,
Стаканом пойманный улов,
Чтобы глаза в кичливой пене
Узнали белое кипенье
Разбунтовавшихся валов.

Зачем ворье с веревкой дружит,
Зачем солдат хранит оружие,
А сердце — память о былом?
Зачем дурак несет ненастье
Перед заблеванным столом?

Забудь покой, наплюй на счастье,
Свечу, как юность, потуши
И рвись, встревоженно и рьяно,
Сменить: взволненность океана
На разволнованность души!

< 1926 >

Поэт, прозаик, очеркист, драматург и переводчик Леонид Кондратьевич Чернов (настоящая фамилия — Малошийченко), писавший на русском и украинском языках, прожил недлинную, но чрезвычайно насыщенную жизнь. Он родился 3 января 1899 года в городе Александрия Херсонской губернии в семье страхового агента. Здесь поступил в гимназию. Увлёкся литературой. «Учился плохо, т. к. некогда было, — сообщает он в автобиографии, — на моих плечах лежал наш нелегальный юмористический журнал. Был я одновременно и за редактора, и за издателя, сам писал, сам рисовал, — и дописался до того, что остался на третий год в пятом классе, и весной 1914 г. мои добрые наставники выгнали меня из гимназии»¹. После этого Чернов уехал в Кишинев, где завершил свое гимназическое образование. В 1917—1921 годах скитался по Украине — был журналистом, работал в Укроста, недолго учился на математическом, затем на юридическом факультете университета. Seriously увлекся сценой и играл в различных украинских театрах. В 1921 году был принят в Театр им. И. Франко, выступал там с выдающимися актерами Г. Юрой и А. Бучмой. Весной 1922 года участвовал в создании в Кременчуге объединения «Махудрам» (Мастерская художественной драмы), просуществовавшего, впрочем, лишь до конца года. В этот период написал пьесы «Бог Авраама» и «Действо про царя Максимилиана», перевел на украинский язык несколько комедий Мольера, а также пьесу Л. Андреева «Человек, который получает пощечины».

Свое поэтическое творчество 1918—1921 годов Чернов характеризовал позже как период ученичества. Несколько книг стихов и поэм, написанных им за это время, остались неопубликованными. До середины 1920-х годов он писал на русском, затем полностью перешел на украинский язык.

Осенью 1922 года Чернов организовал имажинистскую группу, куда, кроме нескольких молодых поэтов, вошла художница Виктория Белаковская, ставшая его первой женой. Видимых следов деятельности группа, впрочем, не оставила.

Летом 1923 года Чернов побывал в Москве, где познакомился с имажинистами, а затем отправился во Владивосток. Здесь он прожил около года. Занимался журналистикой, часто выступал. Выпу-

¹ «Червоний перець». 1933, № 3, февр. С. 8.

стиль сборник стихов имажинистской направленности «Профсоюз сумасшедших», включивший произведения 1921—1923 годов. Книга эта, наряду с осязательным влиянием поэзии Шершеневича, не лишена своеобразия — стихи экспрессивны, ярко образны.

Летом следующего года Чернов на грузовом пароходе «Трансбалт» совершил кругосветное путешествие — побывал на о. Цейлон и в Индии и поздней осенью через Суэцкий канал вернулся в Одессу. Впоследствии двумя изданиями вышла его книга путевых очерков об этом путешествии «125 день під тропіками» ([Харків], 1928; 2-е изд. — Харків—Одеса, 1931). В Одессе он ненадолго вошел в литературную группу «ЮгоЛЕФ», в журнале которой поместил четыре отрывка из «киномана» (поэмы) «Кооператив идиотов» («ЮгоЛЕФ», 1924, № 4, декабрь).

В начале 1925 года Чернов съездил в Ленинград, где в Академии Художеств училась Белаковская, и тесно сошелся с членами «Воинствующего ордена имажинистов». Имя поэта значится в списке авторов готовившейся тогда к изданию «Малой антологии имажинистов». Впоследствии Чернов переписывался с ленинградскими имажинистами. Но орден вскоре распался, и стихи Чернова ни разу не появились в имажинистских изданиях. Пребывание в Ленинграде внезапно прервалось открывшимся у него туберкулезом, приобретенным во время путешествия по бенгальским джунглям. Чернов вернулся в Александрию, пролежал здесь больше года в постели, затем до весны 1927 года лечился в Харькове. Однако, несмотря на тяжелую болезнь, он много пишет и широко печатается в украинских газетах, журналах и сборниках. Он входит в объединения, стоявшие на левом фланге украинской литературы, — сначала в группу «Нова генерація», созданную по инициативе футуриста М. Семенко, затем — в харьковскую группу «Авангард», возглавлявшуюся поэтом и критиком В. Полищуком и исповедовавшую «пролетарский конструктивный динамизм». Стихи Чернова, напечатанные в «Бюллетенях „Авангарда“», подверглись критике в пролеткультовской печати.

В 1927 году Чернов начал сотрудничать в только что организованном сатирическом журнале «Червоний перець» и до конца жизни публиковал там рассказы и миниатюры, реже — стихи, сделавшись одним из ведущих авторов журнала. Несколько лет работал также на Харьковской радиостанции.

С 1925 года и до конца жизни Чернов выпустил восемь, считая переиздания, книжек рассказов, очерков, повестей. Отдельным изданием вышла поэма «Фронт» (Харків—Київ, 1931). Последняя книга стихов, «На розі бур» ([Харків, 1932])¹, подготовленная Черновым, появилась уже после его смерти², последовавшей 23 января 1933 года.

¹ «На мысе бурь» (укр.).

² На титульном листе указан год выпуска — 1932; однако книга, открывающаяся некрологом поэта, фактически вышла в свет в 1933 г.

291. Я ХОЧУ ЕСТЬ

Трагический примитив

Небывалый случай!

Спешите!

Недорого!

Открываю лавчонку «Поэтическая обитель».

Громадный выбор творческих восторгов!

Не теряйте случая!

Купите,

Купите!..

«Воскресшие радости»,

«Искание счастья».

Спешите, покупайте за полцены!

Для вас — за бесценно.

Валитесь! Налазьте!

За фунтик ржаного — бессмертные сны!

Первая любовь — немного дороже,

Но зато — какая сила,

Какая мощь!

200 кусков — купите! — ложе,

Где провел я с музою первую ночь.

Я не смеюсь — совершенно серьезно:

Пуд вдохновенья — 300 кусков.

Покупайте!

Покупайте, пока не поздно,

Самые свежие нервы и кровь!

Сахарин?

— Не имеется.

Брюки?

— Не держим.

Не хотите ли лучше мой череп, надкостницу?

Есть самый лучший поэтический стержень.

Продаю вдохновенье —

Оптом и в розницу.

Для вас — пол-лимончика «Тоска о Небе».
(Почтенные граждане, не довольно ли ржать?)

Полпуда крупы —

За «Кометный трепет»!

Нужно ж поэту любить и ржать.

Подходите!
Купите
Творческие муки
Совсем задаром — пуд пшена.
Вчера только съел
Последние брюки,
Теперь на прилавке —
Тоска... и жена.

Золотые десятки?
Яблоки?
— Скисли!

Простите, не держим.
Зато — на вес:
Сумасшедшие взлеты гениальной мысли,
Гремучий огонь
Гениальных поэз.

Хотите — черт с вами! — 5 фунтов хлеба? —
Забирайте оптом:
«Динамо-любовь»,
«Квадрат решетки»,
«Дьявол на небе» —
Самые свежие нервы и кровь!..

.....
Не хочешь, мерзавец?
Не нужно, грабитель?
Проваливай, падаль, подальше ржать!!
Гремя матерщиной,
Закрою обитель —
И снова сегодня
— Не буду жрать!

Пойду в конуру
От голода пухнуть,
Сердце сжигать на всемирной тоске.
Но слушай, мерзавец:
«Душе не протухнуть,
Пока не почувствую сталь на виске!»

.....
..А в голову молотом —
За сутками сутки.
Но мне ли захныкать,
Мне ль зарыдать?

Поцелую на камне следы проститутки
И брошу:
«Нам
Нечего больше продать...»

Июль 1922
Украина

292. ЛЮБИТЬ

Трилогия

1. МЕСЯЦ-ФОНАРИК

Прыгнет месяц-апаш в небесную синюю чашу,
Серебром белых тучек разметет свою шевелюру,
Золотым фонарем, хулиганя, помашет, —
А людские сердца — любви увертюру.

И еще не успеет любовь
Из гробов
Набухающих (радостью) почек
Треснуть в день, распирая улыбками мрак, —
А уже два свидетеля,
Ломаной змейкою росчерк —
И уже сфабрикован
Брак.

В ту же ночь — его страсти голодной собака
В золотую помойку, откуда наследник потом.
А наутро ей — женщине — глупо заплакать
И бояться в отцовский дом.

А наутро —
В окошко истерзанный ночью платочек,
За столом в Губпродкоме —
Огрызок щемящих страстей.
Неизбежный обед, под кроватью какой-то горшочек,
И они — фабриканты пищащих детей.

И опять прыгнет месяц-фонарик
В небесную синюю чашу,
Зафутболит мячом золотого огня, —
Но супругам, обиженный, что он расскажет?
Разве только — пеленки менять...

2. БЕЗ ДВУСПАЛЬНОЙ КРОВАТИ

Мещанин без подтяжек,
Провинцией в доску пропревший,
Обнаглевший актерски-невежливый трус,
Оцилиндренный жулик,
В последней игре прогоревший:
«Если деньги — женюсь».

Длинноногий студент, искалеченный Римским правом,
Идеальный бездельник, лизака научных блюд, —
Подбоченясь, в кафе громогласно и браво:
«Я женюсь — потому что люблю».

Ну а я?
Как мне думать об этом браке
С той, что в сердце — хирурга ножом, —
Если даже чернилами плакать
Страшно ночами об имени Твоем.

Мне б только губ электрическим током
К алым рубинам грудных куполов.
Мне б молчанья — долго и много,
Мне бы — из клетки любовных стихов.

Милая, милая!
Ты думаешь, легка мне
Мысль о понедельниках Любви моей?
Сердце букашкой под мельничным камнем
Серой громады придуших дней.

И пока не прокрались — облезлые, старые —
Будней коты
Птиц Любви задушить —
Смычок Твоего имени неслыханные арии
На скрипке моей души.

И — честное слово — не нужно истерик,
Рычаний, взвизгов и медных труб.
В поисках новых, незнанных Америк
В океан Твоего тела
Корабли моих губ.

3. ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ

Когда канцелярщик, прогнивший входящими,
Гнилью чернил — скуки итог, —
До любви ли ему, одуренному чащами
Леса балансов и треска тревог?

— Когда инженер — иглы зданий в небо,
Врач — рыцарь смерти — на страже гробов, —
Им бы вина, комфорта, хлеба, —
На черта тогда им душа и любовь?

Когда тихий поэт в поэдном смерче,
Так что воздух огнем и больно дышать, —
Призрак любви в отдаленность заверчен
И колючею мухой только мешать.

Но зато когда по черному бархату — свечи,
Когда лодка луны — облака и рассвет, —
Посмотрите, какими огнями засвечен
Канцелярщик — врач — инженер — поэт!

Покрывало их — звездоблесков полог,
Ложе у них — поцелуи трав,
Знамя Любви — сумасшедший астролог
На подушках любовных прав.

А днем Любовь — боль зубная,
И альков у нее — хлеб.
Но каждый рассвет — милая, знаю —
Вдовьей ночи прозрачный креп.

И когда, едва касаясь губами
Пьяных букв, Твое имя ночью шепчу, —
Только в эту минуту я слышу меж нами
Любовных узлов золотую парчу.

И когда моих рук обезумевший Цельсий
На солнцах груди Твоей плюс 100, —
Твое тело экспрессом на губ моих рельсы
В сжигающий будни Восток.

И когда на трепещущей лодке кровати
Извиваясь в волнах кипятка — к нулю, —
На Твоих
И моих губ
Кровавом закате:
«Не женюсь — потому что люблю».

Август 1922

Махудрам

293. ПРОФСОЮЗ СУМАСШЕДШИХ

Интродукция

Друзьям - имажинистам:

*Виктории Белаковской, Сергею Гончарову,
Иосифу Кричевскому, Георгию Филянскому*

Эй — все, кому нудно в вонючей квартире
Чадить в этих днях, как грошковые свечи, —
Давайте откроем
Единственный в мире
Профсоюз Сумасшедших!

В этой жизни бездарной, как мозг недоноска,
В неделях,
Хрипящих, как злой онанист, —
Плевком — на огни из дешевого воска
И ревом в Любовь — громовое Проснись!

И средь тех, что колбасами в буднях висели,
Чтоб валюту, вагоны и кожу ловить, —
Мы в огненных розах
Свистим в карусели
Веселой, бушующей, пьяной Любви.

И вместо того, чтоб блохой в Упродкоме
Сверлить голову
Отчетов свинец, —
Голодные, юные — души знакомить
С жонглерами тел и пасхальных сердец.

В этой жизни «нормальной», где тупость овечья,
Где в плесени дней — невозможная вонь, —

Мы,
Люди в цветах,
Конечно — сумасшедшие,
Которым повсюду: «Вон!»

.....
Так давайте же к солнцу прямо чрез тучи,
Чтобы радугой в небо железные плечи,
Давайте откроем — веселый, могучий —
Профсоюз Сумасшедших!

Декабрь 1922
Украина

294. ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Опыт динамизма скульптуры

Тебе, спалившей моноплан моей кровати,
Чтоб заживо горящим авиаторам —
Нам к Вечности лететь,
Тебе в Евангелье страстей — «Вторая Богоматерь,
Единая в Любви среди людей».

Звения, трепещет тела Твоего динамо,
В электростул на казнь меня, преступника, влача.
А я проводку губ —
На раскаленный мрамор,
Благословляя смерть и Палача.

В Твоем бушующем Великом океане тела
Моей подводной лодки перископ.
И вдруг —
Комета губ Твоих
Над грудью просвистела,
И капитана — белым метеором в лоб.

Но на холмах грудей — рубиновые вышки —
Беспроволочный радио сердец.
И телеграфом губ — отчаянные вспышки:
«...корабль... огне... крушение... конец...»

И, захлебнувшись кипятке Твоих дрожаний,
Я мертвым был всю ночь,
Которая как миг.

А утром — Твой живот, аэродром желаний,
Где каждый день —
Бипланы губ моих.

И богомольцы рук молитвенно и бодро —
Крутым изгибам пламенных основ,
Туда, где Альпами трепещущие бедра —
Червонной радугой
Следы моих зубов.

А дальше —
Алой кровью поцелуев отпечаток,
Где прячется ночей моих тоска,
Верблюдом губ
Господню Гробу пяток,
Чтоб там возжечь, рыдая, свечку языка.

Прожектор глаз моих и губ мотоциклеты
В лучах волос Твоих — как в зарослях челнок.
Через китайский фарфор чашечек коленных —
Христом Скорбящим
В Мраморное море ног.

И электромагниты наших переносиц
Не удержать ни зверю, ни врагу.
Язык мой, как горящий броненосец,
Спасенья ищет в гавани Твоих скользящих губ.

И там, где от затылка меж лопаток
От шеи вниз
Спины Твоей шоссе —
Автомобилю губ моих лететь как вихрь и падать
И над волнами бедер в воздухе висеть.

Какой же бог мне предназначил муки —
Взобраться санкам губ
На горы снежных плеч?
Но там как змеи жаждущие руки,
И мне на них
Сгоревшим солнцем лечь.

Взбешенный сплетнями и шамканьем базара,
Себя к Тебе
Гвоздями слез прибить, —

Чтоб в этом Мире все, не исключая комиссаров,
Умели боль растить
И так, как я,
Любить.

Голгофах Страсти жизнь моя висела,
Но знаю —
Из груди Твоей мне высосать Весну, —
И на кресте
Твоего жаждущего тела
Себя, Христа,
Гвоздями мук распну.

Декабрь 1922
Украина

295. А ВСЕ-ТАКИ ОНА ВЕРГИТСЯ!..

Сергею Есенину,
А. Мариенгофу,
Вадиму Шершеневичу

На канатах стихов
Разлохмаченно-грязных,
Как бурлак задыхаясь грузней и трудней,
Я тащу на какой-то чудовищный праздник
Эту серую барку подмоченных дней.

Эти жесткие рифмы мозоли натерли
На нетронутом теле
Дремучей
Души.
От взрывов созвучий,
От копоты в горле
Слишком больно дышать,
Слишком трудно мне жить.

Ну а всё же я верю в чудовищный праздник,
В колоссальные солнца во взглядах людей
И что скоро чрез горы столетий напрасных
— Мне в великую Радость снарядом влететь.

Только каждой секунде всё выше и выше
Разлохмаченный крик моих вздувшихся вен:
«Никаким механическим поршнем не выжать
Из цилиндра души эту веру в День!..»

1923-я зима

296. ПОСЛЕ ШТОРМА СТРАСТЕЙ

Гению художницы Виктории
Белаковской (Петроград)

Всё равно, так или иначе,
После каждого шторма страстей
Мой корабль долго-долго чинится
В пристань души Твоей.

И когда от полночных бешенств
Парус в ключья и руль в куски —
Путь мой всегда намечен
В светлую гавань тоски.

Окровавлен Любовью прежней,
Пью покой на Твоем плече.
Я всегда сумасшедший грешник
У престола Твоих очей.

Растерзавши меня у колонны,
Те уходят, печаль затая.
Только Ты чудотворной иконой
Остаешься во мгле сиять.

И когда мое сердце — кратер,
Моя вера сильна и чиста:
Ты придешь, Ты придешь, Богоматерь,
Чтобы снять меня с креста.

Апрель 1923

297. ЭКВИЛИБРИСТИКА ОБРАЗА

«Ярмарке мечтателей»

Ночь — алмазный хлев, в котором мы доили
Вымя неба, где сосцы — в звезде.
В колокольнях сердца зазвонили
Мы — Пономари Страстей.

В букварях Любви —
Колумбы ижиц солнца,
Акробаты сумасшедших ласк.
Рундучки поэтов — захлебнуться бронзой
(Раненой луны бараний глаз).

Кардиналы Страсти — бешенств Аллилуйа,
Прожигатели ночных динамо-снов.
Мы — барышники смертельных поцелуев
И бродяги в царственный Любовь!

Мы — мошенники в своем Екклезиасте,
Мы трактире мук —
Любви аукцион.
Мы — лабазники сверкающего Счастья
Открывать ликующий Притон!

На базаре дрожи — снов эквилибристи,
От заразы грез —
Стихов презерватив.
Мы в Театре Бунтов — первые артисты,
Каждый с алой солнцой
Плещущей груди!

Но в вертепе звездном мы плести монисто —
Дьявола и Бога на одном кресте.
Мы — бродяги в Счастье, мы — имажинисты,
Спекулянты бешенств, дьяконы Страстей.

Апрель 1923

ПРИМЕЧАНИЯ

Сборник поэтов-революционеров вышел в Бонне издательством «Даблитц» — поэта — продолжателем европейского идей движения, вышедшего стоицей перед войсками: дать читателям представление обо всех значительных явлениях в истории русской поэзии. Целью издания, кроме историко-литературной и педагогической, было желание сделать известными в отечественной и научной Европе творчество одной из наиболее своеобразных поэтических групп 1920-х годов.

Президентов академии поэтов, редакторов за рубежом поэмы, поэтов-революционеров: Князьковский и Бердяевский революционная «Даблитц» группа, была очень редкой — на целый месяц, исключая, конечно, до конца 1950-х годов — издательство, поэзия и эссеистика. Исключительная заслуга Бонна, чья сборники и «Сборники советской поэзии» постоянно выпускались в Р. Бонне — единственные на данный момент в течение всей своей долгой жизни издательские издания и публиковать стихи, но уже далеко от Бонна. Это издание действительно распространилось и на «Даблитц» поэта, где, конечно, поэта издательской промышленности Бонна (в 1956 и 1968 годах в Бонне и Берлине и трижды, в 1940, 1958 и 1960 годах, в Майне), куда это стало единственным периодическим изданием, выходящим на немецком языке, представляющим собой единичный экземпляр Маркса-Энгельса¹ (там 1980-е творение Р. Бонна, вошедшее в университетские собрания, в издательстве не отключается²).

В 1970-е годы появились несколько публикаций за рубежом, оставаясь, конечно, между тем как для поэта Бонна отсутствием этих изданий даже в крупнейшем издании Бонна, известном в России. Наиболее значительное из них — издательство М. Маркса³, содержащий литературно-научное исследование (на 100 стр.)

¹ «Не уйти — верность поэта» (Из «Застывшей беседы» // Сетевая и поэтическая поэзия, Д., 1967 (П-из поэта 197); см. также — в 2-м изд. Д., 1967.

² «Исторический» Восток Восточного края — «Наши мысли светят солнцу грядущей» // Поэзия в Бонне (Бонне) издательство 1971—1917, Д., 1967 (Д-из поэта 197); У поэта (1-й изд. поэта поэта) // Доски и книги (1-й изд. поэта, Д., 1970) (Бонне поэта 197).

³ Восток Восточного края 1915—1914: Aesthetics / Comp. by V. Marcks (Бонне, 1980, V 1, 2).

Сборник поэтов-имажинистов выходит в России впервые. Настоящим изданием «Библиотека поэта» продолжает осуществление своей основной, изначально стоящей перед ней задачи: дать читателю представление обо всех значительных явлениях в истории русской поэзии. Целью данного, научно подготовленного и подробно прокомментированного издания является введение в читательский и научный оборот творчества одной из наиболее своеобразных поэтических групп 1920-х годов.

Произведения имажинистов, получившие за короткий период значительную известность и породившие разногласия критических отзывов, были затем надолго — на целых шесть десятилетий, вплоть до конца 1980-х годов — изъяты, погружены в забвение. Исключение составляли Есенин, чьи сборники и собрания сочинений постоянно выпускались, и Р. Ивнев — единственный из группы, кто в течение всей своей долгой жизни продолжал писать и публиковать стихи, но уже далекие от имажинизма. Это положение распространялось и на «Библиотеку поэта», где, помимо пяти изданий произведений Есенина (в 1956 и 1986 годах в Большой серии и трижды, в 1940, 1958 и 1960 годах, в Малой), куда его стихи имажинистского периода включены, имажинистская поэзия представлена всего-навсего одним стихотворением Мариенгофа¹ (три стихотворения Р. Ивнева, вошедшие в тематические сборники, к имажинистским не относятся²).

В 1970-е годы появилось несколько публикаций за рубежом, оставшихся, впрочем, ввиду полного или почти полного отсутствия этих изданий даже в крупнейших наших библиотеках, неизвестными в России. Наиболее значительное из них — двухтомник В. Маркова³, содержащий литературоведческое исследование (на англ. яз.)

¹ «Не тучи — воронья перья...» (Из «Застольной беседы») // Октябрь в советской поэзии. Л., 1967 (Б-ка поэта. БС); то же — 2-е изд. Л., 1987.

² «Веселитесь! Звените бокалом вина...», «Надо мной светит солнце горячее...» // Поэзия в большевистских изданиях 1901—1917. Л., 1967 (Б-ка поэта. БС); У гроба («Я вижу тысячи голов...») // Ленин в советской поэзии. Л., 1970 (Б-ка поэта. БС).

³ Russian Imagism. 1919—1924: Antology / Comp. by V. Marcov. Giessen, 1980. V. 1, 2.

и тексты девяти поэтов (сравнительно с настоящим изданием отсутствуют Есенин, Афанасьев-Соловьев, Полоцкий, Чернов; недостаточно полно, на наш взгляд, представлены Ройзман — четырьмя стихотворениями, Эрдман — двумя, Ричиотти и Шмерельсон — по одному); всего включено 110 произведений. Недочеты текстологического характера (ряд текстов напечатан не по последней авторской редакции, а некоторые даже по спискам) объяснимы недостаточностью для составителя в то время (в эпоху «холодной войны») ряда печатных источников, а тем более рукописей, хранящихся в ответственных архивах. Тем не менее это было первое издание, давшее представление о группе в целом.

Положение с публикацией произведений имажинистов на родине стало меняться на рубеже 1990-х годов. В периодике начали появляться подборки стихов поэтов группы, вышли стихотворные сборники Шершеневича («Ангел катастроф». М., 1994) и Мариенгофа («Неизвестный Мариенгоф». СПб., 1996).

Об имажинизме и имажинистах написано немало — прежде всего, в период существования группы. Можно насчитать одиннадцать посвященных ей отдельных изданий, причем все они вышли в течение трех лет (1920—1922). Одни из них принадлежат сторонним критикам самой разной направленности — Н. Абрамовичу, А. Аврамову, С. Григорьеву, В. Львову-Рогачевскому, И. Соколову, другие — самим участникам группы — Шершеневичу, Есенину, Мариенгофу, Грузинову, Р. Ивневу. Эпатирующе-резкие стихи имажинистов вызывали острую ответную реакцию в периодике — десятки статей и рецензий, нередко содержащих — Луначарский, Фриче, рапповцы — огульное отрицание и обвинение поэтов в политической неблагонадежности. Так, в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (1922) Брюсов писал: «<...> чуждаясь вообще идейности, имажинисты отвергали и связь поэзии с общественной жизнью, в частности — отрицали поэзию, как выразительницу революционных идей»¹. Встречались и более определенные формулировки. Например, поэзия Мариенгофа и Шершеневича характеризовалась как «продукт» «узко личностных переживаний, полных неврастенического пессимизма, обусловленного неприятием Октябрьской революции»².

Эта линия была подхвачена и развита в послевоенный период, когда, хотя произведения имажинистов давно уже не печатались, имажинизм неустанно подвергался разоблачению — главным образом в литературе о Есенине. Задача была: оторвать Есенина от имажинистов, а само это течение заклеить как содержащее «воинственное утверждение вырождающихся нравов буржуазной культуры», «чуждое советской литературе». «Глетворным влиянием имажинистов»³ на поэта объяснялись все те черты его творчества, которые

¹ «Печать и революция». 1922, № 7. Цит. по: Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 520.

² Розенфельд Б. Имажинизм // Лит. энциклопедия. М., 1930. Т. 4. Стб. 463.

³ Юшин П. Поэзия Сергея Есенина 1910—1923 годов. М., 1966. С. 243, 247.

не устраивали советских есениноведов, мешая им стопроцентно вписать Есенина в социалистический реализм. «Родимые пятна» имажинизма находили во многих его произведениях этого чрезвычайно плодотворного для поэта периода — в стихах и поэмах, в «Пугачеве». В то же время, выбирая из нередко противоречивых высказываний Есенина одни и утаивая другие, исследователи стремились доказать, что он был весьма невысокого мнения о творчестве своих друзей. Клевета в полной мере распространялась и на их моральные качества. Утверждалось, что имажинисты были «праздными гуляками», представителями богемы, бездарными эпигонами, которые «присосались к его славе, без которой пребывали в полной неизвестности»¹. «Арбатский Мефистофель, — читаем в одной из новейших работ такого рода, — прикинувшийся заезжим фокусником», обрушивший на Есенина «шквал дешевого цинизма», «„черный человек“ в жизни Есенина», имевший «необузданное, не по способностям, честолюбие» — это и многое еще в том же духе говорится об одном из друзей Есенина²). Как впрок написал С. Городецкий по этому поводу, «клеймом глупости клеймят себя все, кто видит здесь (в имажинизме. — Э. Ш.) только разгул, кафе и озорство»³. Едва ли не единственная книга за 40—45 послевоенных лет, правдиво рассказывающая об имажинистах, — воспоминания М. Ройзмана «Все, что помню о Есенине» (М., 1973).

В последнее десятилетие были опубликованы мемуары Мариенгофа и Шершеневича и автобиографический роман Р. Ивнева «Богема», а также некоторые документы, опровергающие ложные построения литературоведов предыдущего периода и воссоздающие творческую и бытовую стороны жизни имажинистов. Глубокое и всестороннее изучение имажинизма только начинается.

В настоящем сборнике решено было взамен развернутой вступительной статьи предоставить слово самим имажинистам. При этом взято в расчет следующее обстоятельство. В отличие от большинства поэтических объединений тех лет, участники «Ордена» не ограничивались одними только громкими манифестами — они детально разрабатывали теорию имажинизма, его поэтику. Нами публикуются «Декларация», «Еще декларация», «Восемь пунктов» и «Манифест новаторов» петроградской группы, а также две из трех важнейших теоретических работ — «2 x 2 = 5» Шершеневича (печатается первая часть книги) и «Буян-остров» Мариенгофа (печатается целиком) — обе не переиздавались почти 80 лет и являются сейчас библиографической редкостью. Третья, «Ключи Марии» Есенина (она датирована осенью 1918 года, но, несомненно, доработы-

¹ Наумов Е. Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха. Л., 1973. С. 152.*

² Марченко А. Поэтический мир Есенина. Изд. 2-е, дополн. М., 1989. С. 173—178. Ср. с этой характеристикой мнение о нем самого Есенина, высказанное им своему близкому другу В. Эрлиху: «„Ты, я вижу, очень уважаешь его!“ — „Ого! Вадим — человек! <...> Литературно мы были вместе“» (Эрлих В. Право на песнь. [Л.], 1930. С. 52.

³ Городецкий С. Жизнь неукуротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 1984. С. 47.

валась в 1920 году), в настоящее издание не включена, поскольку входит во все собрания сочинений Есенина и, следовательно, легко доступна читателям.

Детальное осмысление имажинизма еще впереди. Мы же здесь обозначим некоторые «параметры» группы, общие для нее моменты.

Основатели «Ордена» пришли к имажинизму каждый по-своему. Для Шершеневича он начался с размышлений о роли образа, о «толпе образов» как основе современного по своей сути поэтического произведения. Есенин, по его собственному признанию, «с самых первых шагов самостоятельности <...> чутьем стремился к тому, что нашел более или менее осознанным в имажинизме»¹. Мариенгоф «родился вместе с имажинизмом» (Шершеневич); летом 1918 года он создал в Пензе первую в России имажинистскую группу, выпустившую альманах «Исход». Пути поэтов пересеклись в Москве осенью 1918 года, и они вместе с Р. Ивневым, которого Есенин и Шершеневич хорошо знали и ценили как поэта, и художниками-новаторами Б. Эрдманом и Г. Якуловым засели за совместную «Декларацию», вчерне написанную Шершеневичем. 30 января 1919 года она была опубликована в воронежском журнале «Сирена». А накануне, 29-го, в Союзе поэтов состоялся первый поэтический вечер имажинистов. Вскоре к ним присоединились И. Грузинов, А. Кусиков, М. Ройзман и совсем юный Н. Эрдман.

Творческая деятельность группы осуществлялась, в отличие от большинства других, на солидном материальном фундаменте. В сентябре 1919 года Есенин и Мариенгоф разработали устав «Ассоциации вольнодумцев», который подписали другие члены группы и утвердил нарком просвещения А. В. Луначарский. Создание этой официальной организации позволило открыть при ней несколько коммерческих предприятий. К концу года начали работать литературное кафе «Стойло Пегаса», оформленное Якуловым, и два книжных магазина, где сами поэты стояли за прилавком, — «Книжная лавка художников слова» (Есенин и Мариенгоф) и «Лавка поэтов» с «Бюро газетных вырезок» при ней (Кусиков и Шершеневич). Когда в 1922 году «Стойло Пегаса» прекратило свое существование, появилось кафе-столовая «Калаша», а затем — «Мышиная нора». «Ассоциации» принадлежал также кинотеатр «Лилипут». Средства, которые давали поэтам эти появившиеся в голодные годы «военного коммунизма» заведения, не только помогали им выживать, но и шли на нужды «Ордена», прежде всего на издание книг.

Прочные позиции были у имажинистов во Всероссийском союзе поэтов, в создании которого значительную роль сыграли Шершеневич и Ивнев. Оба затем председательствовали там, Грузинов же, Есенин и Ройзман входили в президиум.

Развернулась обширная издательская деятельность группы. Попытки выпускать сборники в Госиздате оказались безрезультатными: предлагаемые рукописи книг («Звездное стойло» Есенина, «Ло-

---

¹ Розанов И. Воспоминания о Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1986. Т. 1. С. 437.

шадь как лошадь» Шершеневича) отвергались. «Уж очень трудно стало у нас с книжным делом в Москве, — жаловался Есенин А. Ширяевцу в письме от 26 июня 1920 года. — Почти ни одной типографии не дают для нас, несоветских, а если и дают, то опять не обходится без скандала. Заедают нас, брат, заедают»¹. Имажинисты организуют собственные издательства — «Чихи-Пижи» и «Сандро» (для книг по теории название у него было «перевернутое»: «Орданс») — обоими руководил Кусиков, а также «Плеяда». Основным стало издательство «Имажинисты», которое просуществовало года четыре и выпустило более 40 книг. Всего же за 1919—1922 годы было издано, по нашим (возможно, неполным) подсчетам, не менее 60 книг. Столь грандиозный размах книгопечатной деятельности количественно небольшой группы неоднократно вызывал в печати возмущение. Так, один из журналистов писал: «Расточительно тратят бумагу, не считаясь с оскудением ее, поэты-имажинисты. В истекшем году типографский станок выбросил большую имажинистскую литературу, поглотившую бумажную выработку, по крайней мере, одной бумагоделательной фабрики за год. <...> Прибавьте к тому, что свои ерундивые стихи Мариенгоф печатает размашисто по 6 строк на странице»². (Надо еще учесть, что тиражи, указывавшиеся в выходных данных, как позже признал Шершеневич, преуменьшались.)

Когда издательство «Имажинисты» закрылось, пришлось печататься на стороне, и количество выпускаемых книг резко сократилось. Две книги Ройзмана вышли под маркой Всероссийского союза поэтов (1923, 1925), «Стихи и поэмы» (1926) Мариенгофа — в «Современной России», Есенин и Кусиков по несколько книг выпустили в Берлине. И, наконец, сборник «Имажинисты» (1925) и «Итак итог» (1926) Шершеневича были напечатаны за счет авторов. Правда, в 1922 году имажинисты основали собственный журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном», но за три года удалось выпустить всего четыре номера.

Значительную роль в пропаганде произведений и идей имажинизма играли многочисленные выступления. В 1919 году имажинисты вошли в литературную секцию Литературного поезда им. А. В. Луначарского, что давало возможность ездить по стране и выступать в разных городах. Поездки осуществлялись и в служебном вагоне школьного приятеля Мариенгофа Г. Р. Колобова, работавшего инспектором Всероссийской эвакокомиссии. В Москве вечера проходили в «Стойле Пегаса», в кафе Союза поэтов «Домино» («Со-по»), Политехническом музее и в других залах. Часто с чтением их стихов выступала актриса Эльга Каминская. Влиятельный литературный деятель тех лет В. Полонский вынужден был признать: «Имажинисты в Москве в „кафейный“ период советской литературы были господствующим течением»³.

¹ Есенин С. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1980. Т. 6. С. 96.

² Кауфман А. Литературное производство и сырье: (Новогодние размышления и итоги) // «Вестник литературы». 1921, № 1. С. 2.

³ Полонский В. О литературе: Избранные работы. М., 1988. С. 398.

Вся эта энергичная деятельность, сочетавшаяся у многих из них с напряженной творческой работой, никак не позволяет причислить имажинистов, как это делалось в печати начиная с первых шагов группы, к богеме (богема, по словарю: материально необеспеченные лица так называемых свободных профессий — художники, артисты, поэты и т. д., ведущие беспорядочный образ жизни).

Игровую, шутейную сторону они постоянно подчеркивают: поэт-паяц, поэт-клоун у Мариенгофа, «фигляр», «комик святой», «бесшабашный шут» у Шершеневича. Переняв отчасти манеру поведения у футуристов, они неустанно — в особенности в первый период — подливали масло в огонь своей известности различными групповыми акциями, такими как «переименование» улиц, «суды» над литературой и т. д., и придумыванием для своих сборников дразнящих власти названий — «МЧК», «ШиШ». Но все это изобреталось «Орденом» не только из озорства или для «рекламы». Была здесь и другая сторона — протест, нежелание подчиняться все усиливавшемуся давлению власти. С этим связана их критика «государственного искусства» — Пролеткульта, журнала «На посту», ЛЕФа, стремившегося наладить контакт с государством, вообще «служебной литературы». Аполитичны, как это утверждалось в некоторых статьях, имажинисты не были. Кажется, единственным, кто это понял и сочувственно отметил тогда, увидя издаലെка, из Парижа, был М. Осоргин. «Когда большинство поэтов и поэтиков в СССР, — писал он в статье «„Путешествующие в прекрасном“», — пошли прислуживаться писаньем транспортных стихов, декретовых басен и лозунгов для завертывания мыла, — имажинисты остались в стороне. <...> нельзя не поставить этим мальчикам на плюс, что они <...> делали то, на что другие не решались: не желали сдаваться и отстаивали свое право писателя говорить, что ему хочется. С полнейшим и открытым отрицанием относились имажинисты и к „пролетаризации“ литературы, к приданию ей классового характера»¹.

«Орден имажинистов» не был замкнутой организацией, напротив — он стремился к расширению своего состава. В разделе «Имажинистский молодняк» «Гостиницы для путешествующих в прекрасном» печатались стихи Н. Дементьева, петроградских имажинистов; публиковались в журнале Н. Савкин, С. Спасский, примыкавшие к группе. Сочувственно относилась к «Ордену» Сусанна Мар (ее сборник «Абем» (М., 1922) целиком посвящен Мариенгофу, заглавное слово составлено из его инициалов).

В имажинистских изданиях нередко участвовали поэты других направлений: акмеист О. Мандельштам (стихи и статья в «Гостинице...»), будетлянин В. Хлебников (стихи в сборнике «Харчевня зорь» и вышедшая отд. изд. поэма «Ночь в окопе». М.: «Имажинисты», 1921), лфовец С. Третьяков (не менее пяти публикаций вместе с имажинистами), А. Ганин, Н. Павлович и другие.

Идеи «Ордена», воспринятые чаще всего неполно, нашли последователей среди поэтической молодежи не только Москвы, но и других городов. Имажинистские группы в 1922 году возникают в Казани, где было основано издательство «Имажинисты России», вы-

¹ «Последние новости» (Париж). 1924, 27 марта.

пустившее сборник М. Березина и С. Полоцкого «Заповедь зорь» (стихи Березина, впрочем, от имажинизма далеки); в маленьком украинском городке Александрии — здесь группа существовала, по-видимому, лишь номинально, однако ее организатор Л. Чернов на какое-то время серьезно увлекся имажинизмом. Проник имажинизм и в Саранск, где вышел сборник: Б. Сорокин (имажинист). Песенный частокол (1922), посвященный «Сергею Есенину с дружбою».

Более широко развернула свою деятельность петроградская группа. В ноябре 1922 года был оглашен «Манифест новаторов», подписанный А. Золотницким, Влад. Королевичем, С. Полоцким и Г. Шмерельсоном. Первые двое вскоре покинули группу, зато к ней присоединились В. Ричиотти (он к этому времени успел съездить в Москву, познакомиться с «Орденом» и выпустить сборник в издательстве «Имажинисты») и И. Афанасьев-Соловьев. Было основано издательство, подобно московскому названное «Имажинисты», где по 1925 год вышло несколько (вероятно, семь) сборников. Участники группы активно выступали: как сказано в справке, составленной осенью 1923 года Шмерельсоном, «Орден по июнь месяц <19>23 г. (т. е. за полгода существования. — Э. Ш.) провел около 70 вечеров, диспутов и проч.»¹. На открывшейся 16 сентября 1923 года в Пушкинском Доме Всероссийской выставке «Русская художественная литература за революционные годы (1918—1923)» Шмерельсоном был оформлен стенд имажинистов; 20 ноября на выставке состоялся вечер группы под названием «Осенние маневры имажинистов». Информацию о деятельности «Воинствующего ордена» Шмерельсон постоянно посылал в газеты и журналы, в том числе берлинские.

В группу, помимо четырех активных ее членов, входил Н. Григоров (издательством «Имажинисты» анонсировался его сборник «Скифий скит»), Вольф Эрлих, примкнувший к ней в 1924 году, «плюс имаж-молодняк — Рогинский, Вильчевский, Мартынов и др.»². Они участвовали в вечерах «Воинствующего ордена», но в имажинистских изданиях, кроме Рогинского (стихи в сб. «Ровесники»), не публиковались.

Творческие достижения петроградских имажинистов довольно скромны — все они были еще молоды (так, Полоцкому в 1922 году исполнилось 17 лет), только входили в литературу, искали себя. В своих стихах они ориентировались на мэтров — Шершеневича, Есенина, Мариенгофа.

У «Воинствующего ордена» были большие планы: готовился к изданию журнал «Необычайное свидание друзей» с участием петроградцев (в их числе А. Введенского и Д. Хармса) и москвичей, первый номер был собран к середине 1924 года; составлялась антология «Российские имажинисты» (или «Антология имажинизма»). Но ни то, ни другое издание осуществить не удалось. В 1926 году деятельность «Воинствующего ордена» фактически прекратилась.

Первой потерей московского «Ордена» был отъезд в 1922 году

¹ Ф л е й ш м а н Л. и др. Русский Берлин 1921—1923. Paris, 1983. С. 328.

² Справка «Воинствующего ордена» от 2 апр. 1925 г., составленная Шмерельсоном // РГБ. Ф. 81. ГАИС II./VI. № 150.

Кусикова за границу. Заметный урон потерпел «Орден имажинистов» в связи с выходом из него в августе 1924 года Есенина и Грузинова. Н. Эрдман, увлекшись театром, к этому времени уже не принимал активного участия в деятельности группы. Шершеневича и Мариенгофа также все больше поглощала работа для театра. Ройзман обратился к прозе. На уход в другие области литературы, помимо субъективных причин, безусловно, повлияло ощущение всеми ими «общего кризиса поэзии» в стране. Летом 1927 года «Орден имажинистов» был ликвидирован¹.

Маленькая группа поэтов-имажинистов, и не одна она тогда, проиграла — не могла не проиграть — могучему государству борьбу за свободу творчества, за независимость поэзии от власти. Судьба поэтов сложилась несчастлива: трое из них испытали преследования репрессивных органов — Грузинов и Эрдман прошли ссылку, Афанасьев-Соловьев был расстрелян; Есенин покончил с собой; Чернов, Шершеневич и Полоцкий умерли от туберкулеза, Грузинов и Шмерельсон в годы войны — от голода; Мариенгоф хоть и умер своей смертью, но был отмечен клеймом неблагонадежности до конца своих дней.

При подготовке настоящего издания необходимо было прежде всего решить задачу по определению круга авторов. В сборник включены произведения тринадцати поэтов, входивших в имажинистские группы, печатавшихся в имажинистских изданиях и, главное, в своем творчестве в той или иной степени отразивших имажинистские творческие установки. Произведения для сборника отбирались прежде всего имажинистского периода (в ряде случаев он приблизительно совпадает с периодом поэтического творчества автора). Но для некоторых поэтов — прежде всего Шершеневича и Мариенгофа — временные рамки расширены, что связано со стремлением шире представить творчество ведущих поэтов группы.

Авторские подборки расположены в двух разделах: I. «Орден имажинистов»; II. «Воинствующий орден». В первом сначала представлены основатели, лидеры «Ордена» — В. Шершеневич, С. Есенин, А. Мариенгоф, затем другие его участники — Р. Ивнев, И. Грузинов, А. Кусиков, М. Ройзман, Н. Эрдман. Во второй раздел входят петроградские имажинисты — В. Ричиотти, И. Афанасьев-Соловьев, Г. Шмерельсон, С. Полоцкий, а также Л. Чернов, связанный главным образом с «Воинствующим орденом». Расположение подборок в разделах и подразделах — по годам рождения авторов.

При подготовке издания были просмотрены авторские и коллективные сборники, альманахи, газеты и журналы. Тексты отобранных произведений сверялись со всеми выявленными их публикациями и автографами, хранящимися в государственных архивах. Для библиографических справок и примечаний использованы документы, извлеченные из личных и некоторых учрежденческих фондов, находящихся в архивах Москвы и Петербурга, в том числе в личных фондах Шершеневича (РГАЛИ), Мариенгофа (РГАЛИ, РНБ), Ройзмана (РГАЛИ), Ричиотти и Шмерельсона (ГЦ), а также

¹ См.: Р о й з м а н М. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 268.

большое число отдельных документов творческого и биографического характера из РГАЛИ, РГБ, РНБ, ПД, ЦГАЛИ СПб. Стихотворения Шершеневича сверены, кроме того, по подаренным им В. Брюсову сборникам, где рукой Шершеневича исправлены опечатки и восполнены цензурные купюры. 12 стихотворений Шершеневича, Мариенгофа, Ричиотти, Шмерельсона, Полоцкого, извлеченные из архивов, печатаются впервые.

Как правило, тексты публикуются по последней авторской редакции. Исключение составляют некоторые стихотворения Мариенгофа и Р. Ивнева. При подготовке в 1950-е годы к изданию своего стихотворного сборника (это издание не состоялось) Мариенгоф переписал наною, на основе одной-нескольких строк, ряд своих стихов 1920-х годов; эти варианты (фактически новые тексты), естественно, не могут считаться принадлежащими к имажинистскому периоду. То же, хоть и в меньшей степени, относится к нескольким стихотворениям Р. Ивнева, вносившего в них изменения при публикации в послевоенные годы. Подобные случаи оговариваются в примечаниях.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Но в ряде случаев авторские особенности текста сохранены — в частности, в некоторых стихах (или фрагментах стихов) Шершеневича, Мариенгофа, Эрдмана, Шмерельсона, где авторы либо полностью отказались от знаков препинания, либо — от употребления запятых. Исправление опечаток, как правило, в примечаниях не оговаривается.

Сохранены графические особенности стихов Шершеневича (сб. «Лошадь как лошадь») и Чернова, ровнявших строки по правому краю.

В пределах авторской подборки стихотворения расположены в хронологической последовательности. Некоторые даты уточнены или установлены по имеющимся в архивах рукописям и по другим источникам. Даты, указанные в угловых скобках под не датированными автором стихами, означают год, не позднее которого стихотворение было написано. В угловые скобки взяты также заглавия, данные составителем.

Примечания к отдельному стихотворению начинаются со сведений о его первой публикации; затем, после точки и двойного дефиса, указаны последующие издания, в которых текст подвергся изменению; в конце — издание, где текст установился окончательно и по которому стихотворение публикуется. Указание лишь одного источника означает, что в дальнейшем текст автором не менялся. Изменения в заглавии и подзаголовке учитываются как вариант текста. Затем отмечается наличие в архивах рукописей стихотворения. Далее следует историко-литературный и реальный комментарий. Даются сведения, относящиеся к творческой истории стихотворения, приводятся отзывы критиков, поясняются события и факты, раскрывается значение отдельных понятий и слов.

В отборе стихов Шершеневича и написании примечаний к ним, а также в подготовке к печати фрагмента его книги « $2 \times 2 = 5$ » приняла участие Е. В. Салова.

**Список условных сокращений,
принятых в примечаниях**

- Аль-Баррак 1922 — Кусиков А. Аль-Баррак: Поэмы. Берлин: «Скифы», 1922.
- Аль-Баррак 1923 — Кусиков А. Аль-Баррак: Октябрьские поэмы. Изд. 2-е, дополн. Берлин; М.: «Накануне», 1923.
- АК — Шершеневич В. Ангел катастроф: Избранное / Сост., вступ. ст., примеч. В. Дроздова. М., 1994.
- АП — Шершеневич В. Автомобилья поступь: Лирика (1913—1915). М.: «Плеяды», 1916.
- В никуда 1920 — Кусиков А. В никуда: Вторая книга строк. М.: «Имажинисты», 1920.
- В никуда 1922 — Кусиков А. В никуда. Изд. 3-е. Берлин: «Эпоха», 1922.
- ВЛ — журнал «Вопросы литературы».
- ВО — Шершеневич В. Великолепный очевидец: Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / Сост. С. Шумихина, К. Юрьева; Вступ. ст. и коммент. С. Шумихина. М., 1990.
- ВС — Мариенгоф А. Витрина сердца. [Пенза]: «Див», 1918.
- ГЛМ — Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва).
- ГПП — журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном».
- Григорьев — Григорьев С. Пророки и предтечи последнего завета: Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф. М., 1921.
- Есенин в воспоминаниях — С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1986.
- Жемчужный коврик — Кусиков А., Бальмонт К., Случановский А. Жемчужный коврик. [М.: «Чихи-Пиши», 1919].
- ЖТРМ — журнал «Жизнь и творчество русской молодежи».
- Избранное 1922 — Есенин С. Избранное. М.: ГИЗ, 1922.
- Избяная Русь — Грузинов И. Избяная Русь. М.: «Современная Россия», 1925.
- ИИ — Шершеневич В. Итак итог. М.: Изд. автора, 1926.
- Им 1921 — Имажинисты. М.: «Имажинисты», 1921.
- Им 1925 — Имажинисты. М.: Изд. авторов, [1925].
- ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы РАН (Москва).
- КБ-1 — Конница бурь: Стихи. М., 1920.
- КБ-2 — Конница бурь: 2-й сб. имажинистов. [М.]: «Див», 1920.
- Коевангелиеран — Кусиков А. Коевангелиеран. М.: «Имажинисты», 1920.
- КС — Коробейники счастья. Киев: «Имажинисты», 1920.
- ЛКЛ — Шершеневич В. Лошадь как лошадь: Третья кн. лирики. М.: «Плеяда», 1920.
- Львов-Рогачевский — Львов-Рогачевский В. Имажинизм и его образносцы: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич. М.: «Орднас», 1921.
- ЛС — журнал «Литературный современник».

- Меньшутин, Синявский — Меньшутин А., Синявский А. Поэзия первых лет революции, 1917—1920. М., 1964.
- Мой век... — Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги // Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л., 1988.
- Мы — Мы. М.: «Чихи-Пихи», 1920.
- Неизвестный Мариенгоф — Неизвестный Мариенгоф: Избранные стихи и поэмы 1916—1922 г. / Сост., подгот. текста, примеч., послесл. А. Ласкина. СПб., 1996.
- НРК — журнал «Новая русская книга» (Берлин).
- Осьмина — Ричиотти В. Осьмина. М.: «Имажинисты», 1922.
- Пальма — Ройзман М. Пальма. М.: Всеросс. союз поэтов, 1925.
- ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.
- ПЖРФ — «Первый журнал русских футуристов». М., 1914, № 1/2.
- ПС — Плавильня слов. М.: «Имажинисты», 1920.
- Птица безымянная — Кусиков А. Птица безымянная: Избранные стихи. 1917—1921. Берлин: «Скифы», 1922.
- РБВ — Мариенгоф А. Роман без вранья. 3-е изд. Л.: «Прибой», 1929.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
- РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).
- Ройзман — Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М., 1973.
- РП — Шершеневич В. Романтическая пудра: Поэзы. Opus 8-й. СПб.: «Петербургский глашатай», [1913].
- Рябка — Кусиков А. Рябка. Берлин: Изд. И. Т. Благова, 1923.
- Самосожжение 1913 — Ивнев Рюрик. Самосожжение. (Откровения). Кн. 1. Лист 2. М.: «Петербургский глашатай», 1913. (На посл. с.: 1914.)
- Самосожжение 1917 — Ивнев Рюрик. Самосожжение: Кн. стихов. 1912—1917 гг. Пг.: «Фелана», 1917.
- СИП — Мариенгоф А. Стихи и поэмы: 1922—1926. М.: «Современная Россия», 1926. (Загл. на обл.: Новый Мариенгоф.)
- Солнце во гробе — Ивнев Рюрик. Солнце во гробе. [М.]: «Имажинисты», 1921.
- ССт — Есенин С. Собрание стихотворений: В 4-х т. М.; Л.: Гослитиздат, 1926—1927.
- ССтП — Есенин С. Собрание стихов и поэм: Т. 1. Берлин; Пб.; М.: Изд. Э. И. Гржебина, 1922.
- СтРЛ — Мариенгоф А. Стихи разных лет. 1950-е. Маш. с авт. правкой. Сб., подготовленный Мариенгофом к изданию // РГАЛИ. Фонд А. Б. Мариенгофа.
- Сумерки — Кусиков А. Сумерки. М.: «Чихи-Пихи», 1919.
- СЧ — Мариенгоф А. Стихами чванствую: Лирические поэмы. М.: «Имажинисты», 1920.
- Тетрадь РГБ — тетрадь стихотворений А. Кусикова 1919—1920 гг. Автограф // РГБ. Ф. 198. Н. С., п. 6. Д. 58.
- Трерядница 1920 — Есенин С. Трерядница. М.: «Злак», 1920.

- Трерядница 1921 — Есенин С. Трерядница. М.: «Имажинисты», 1921.
- Тучелет — Мариенгоф А. Тучелет: Кн. поэм. М.: «Имажинисты», 1921.
- Хевронское вино — Ройзман М. Хевронское вино. М.: Всеросс. союз поэтов, 1923.
- ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства С.-Петербурга.
- ЭФ — Шершеневич В. Экстравагантные флаконы. М.: «Мезонин поэзии», 1913.
- Явь — Явь: Стихи. [М.]: «Явь», 1919.
- Carmina — Шершеневич В. Carmina: Лирика (1911—1912): Кн. I. М.: Типо-лит. Т-ва М. Н. Кушнерев и К^о, 1913.
- 2 x 2 = 5 — Шершеневич В. 2 x 2 = 5: Листы имажиниста. М.: «Имажинисты», 1920.

МАНИФЕСТЫ И РАБОТЫ ПО ТЕОРИИ ИМАЖИНИЗМА

I. «Сирена» (Воронеж). 1919, № 4/5, 30 янв., с ред. надзаг.: «Новое в искусстве», с незначит. вар. — «Советская страна». 1919, 10 февр. «Это было сделано не так просто, — писал впоследствии В. Шершеневич. — Мы долго думали, еще больше спорили, и накануне опубликования нашего первого манифеста имажинизма двое из нас отказались подписать его; и был момент, когда манифест был уже в типографии, в наборе, а нас спрашивали, можно ли напечатать наши имена. <...> Мы долго не могли договориться до всего, что нас потом объединило» (О друге // Есенин: Жизнь. Личность. Творчество. М., 1926. С. 52). *Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909 — умер 1919)*. Датой рождения футуризма может считаться 20 февраля 1909 г., когда Ф.-Т. Маринетти опубликовал первый «Манифест футуризма»; в России футуризм появился позднее — первая группа кубофутуристов «Гилея» возникла в нач. 1910 г., а в апреле вышел первый сб. поэтов-«будетлян» «Садок судей». О смерти русского футуризма Шершеневич писал в 1918 г.: «Русского футуризма, по крайней мере в том виде, как он существовал до войны, нынче нет; есть отдельные его представители, но футуризм как течение кончен...» (Сегодня и завтра русского футуризма // «Жизнь». 1918, 5 июля). *Пассеисты* — здесь: писатели-консерваторы, враждебно относящиеся ко всему новому в искусстве. *Крученных* Алексей Елисеевич (1886—1968) — поэт-футурист. *Бурлюк* Давид Давидович (1882—1967) — поэт и художник, один из основателей русского футуризма. *Пикассо* Пабло (1881—1973) — французский живописец и скульптор, один из зачинателей кубизма. *Верлибр образов* — здесь: свободная система образов. *Приложение к «Ниве»*. В качестве литературных приложений к журналу «Нива» (СПб.—Пг., 1870—1918) выпускались собр. соч. видных писателей. *Эрдман* Борис Робертович (1899—1960) — старший брат Николая Эрдмана, вначале актер Камерного театра, затем театральный художник, с 1950 г. — главный художник Московского драматического театра им. К. С. Станиславского и *Якулов* Георгий Богданович (1884—1928) — живописец и театральный художник — члены «Имажинистского ордена», оформили большую часть сборников имажинистов.

II. ГПП. 1923, № 2. Можно предположить, что автором этого текста единолично является А. Мариенгоф. В пользу этого говорит, во-первых, отсутствие подписей др. членов группы; во-вторых, тогдашний адрес Мариенгофа, указанный в конце, — *Богословский, 3—46*; в-третьих, следующее сразу после текста дополнение: «Р. С. По личному поводу» (полемика со Львовым-Рогачевским и Л. С. Соновским), подписанное им. *Аттилой пушкинской эпохи был Писарев*. Здесь имеются в виду статьи Дмитрия Ивановича Писарева (1840—1868), посвященные Пушкину и его эпохе («Пушкин и Белинский», «Лирика Пушкина» и др.), где он подверг радикальной переоценке творчество Пушкина, которого считал родоначальником школы поэтов «чистого искусства» и «величайшим представителем филистерского взгляда на жизнь». Аттила (ум. 453) — предводитель гуннов, известный своей жестокостью. *Дряхлеющие педагоги из «Весов*». Орган символистов журнал «Весы» (М.: «Скорпион», 1904—1909), одним из руководителей которого был В. Брюсов, объединил как «старших символистов» — К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба, Н. Минского, Д. Мережковского, так и «младших» — А. Белого, А. Блока и др. *Малая Бронная* — улица в Москве. *Из страны, страны далекой* и т. д. Начальные строки популярной студенческой песни (переделка ст-ния Н. М. Языкова «Песня»). *По Диогеновым рецептам*. Диоген (ок. 400—ок. 325 до н. э.) — др.-греч. философ-киник. *Я ведь только облачко — Видите, плыву*. Не совсем точно процитированные строки ст-ния К. Бальмонта «Я не знаю мудрости» (<1902>). *Хотите, — Буду безукоризненно нежный* и т. д. Неточная цитата из поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» (1914—1915). *Наивные Чуковские <...> апостольствовали о «дыр-бул-щиле»*. Имеются в виду посвященные творчеству футуристов доклады, с которыми К. И. Чуковский выступал с 1913 г. «Дыр-бул-щил» — первая строка ст-ния А. Крученых, образец созданного им «заумного языка». *Расписывался Страстной монастырь*. Одна из многочисленных акций имажинистов, расписавших стену действовавшего женского Страстного монастыря «богоборческими» строками своих стихов (по сведениям М. Ройзмана — в конце мая 1920 г.; по др. сведениям — 28 мая 1919 г. или во 2-й пол. июня 1921 г. — См.: Ройзман. С. 53—54; ВО. С. 598—601). *Переименовывались московские улицы*. Еще одна коллективная акция «Ордена» — замена табличек с названиями улиц в центре Москвы на другие, с фамилиями членов группы (см.: ВО. С. 601—603). *Организовывались потешные мобилизации в защиту революционного искусства*. Речь идет о назначенной имажинистами на воскресенье 12 июня 1920 г. «демонстрации искателей и зачинателей нового искусства». Был выпущен «Приказ о всеобщей мобилизации № 1», подписанный всеми членами группы (за исключением отсутствовавшего Р. Ивнева), который накануне ночью расклеивался по улицам Москвы (см.: ВО. С. 594—598; Ройзман. С. 137—140, 144—145). *В литературных кафе звенели пощечины, раздаваемые врагам образа*. Имеется в виду инцидент между С. Есениным и И. Соколовым, обвинившим Есенина в заимствовании и плагиате у Райнера Рильке (см.: ВО. С. 585—586; Ройзман. С. 85—87).

III. ГПП. 1924, № 1(3). *Пролетарствующий «Лэф»*. «Лэф» (Левый фронт искусств; 1922—1928) — литературная группа, возглавлявшаяся Маяковским, и журнал, выпускавшийся ею. Здесь имеется в виду «Соглашение МАПП и группы Лэф» (заключено в ноябре 1923 г.; опубл.: «На посту». 1924, № 1(5)). *Литературные октябристы из «На посту»* — пролетарские писатели, группировавшиеся вокруг издаваемых РАППом журналов «Октябрь» (с 1924) и «На посту» (1923—1925). Октябристы — здесь игра слов: другой смысл — монархическая партия «Союз 17 октября» (1905—1915) (намек на реакционность позиции РАППа). *Тундровые мхи Петербургской академии*. Имеется в виду Академия художеств как оплот академического искусства.

IV. «Последние новости» (Пг.). 1922, 27 нояб. Неясно, принадлежит ли название авторам или дано редакцией газеты. В составленной Г. Шмерельсоном справке «Воинствующего ордена имажинистов» от 2 апр. 1925 г. (на печ. бланке «Ордена») манифест упомянут под назв.: «Открытое письмо „Петербуржским поэтам“» (РГБ). Был прочитан на вечере в петроградском Доме искусств 20 ноября 1922 г. «Оглашенная на вечере декларация встречена была свистом и выкриками, угрожающими превратиться в непривычный скандал. После того, однако, как удалось успокоить разбушевавшуюся часть публики, прочитаны были стихи» ([Б. п.]. Имажинисты в Доме искусств // Там же). *Пароход современности*. Выражение заимствовано из манифеста кубофутуристов (дек. 1912), где содержится призыв «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. проч. с парохода современности» (Пощечина общественному вкусу. М., 1912. С. 3). *На Шипке все спокойно*. Крылатая фраза; восходит к одноименной картине В. В. Верещагина, употребляется иронически по адресу людей, приукрашивающих, скрывающих истинное положение. «Звучащие раковины». Имеется в виду сборник стихов молодых петроградских поэтов «Звучащая раковина» (Пг., 1922), вышедший с посвящением: «Памяти нашего друга и учителя Н. С. Гумилева»; сборник, как сказано в предисловии, «легко и радостно объединяет и символистов, и акмеистов, и романтиков» (с. 7). *Золотницкий Алексей* — нижегородский поэт; выпустил отд. изданием поэму «Волга» (М., 1922); *Коралевич (Королев) Владимир Владимирович* (1895—1969) — поэт, прозаик, драматург, актер и режиссер, а также автор многочисленных очерков о киноактерах, вышедших отд. изданиями в 1926—1928 гг. Никаких данных об участии Золотницкого и Коралевича в дальнейшей деятельности «Воинствующего ордена имажинистов» не обнаружено.

V. $2 \times 2 = 5$. Помимо публикуемой нами 1-й статьи, без загл., кн. включает еще две: «Лорелея ритма» и «Ломать грамматику». *Революционеры в искусстве очень редко бывают политически революционны. Вагнеры — исключение*. Вагнер Рихард (1813—1883) — немецкий композитор, реформатор оперного искусства. В молодости, ис-

пытав влияние идей М. А. Бакунина, исповедовал революционные взгляды. После разгрома в 1849 г. Дрезденского восстания вынужден был под страхом смертной казни бежать из Германии. *Фриче Владимир Максимович* (1870—1929) — историк литературы и критик-марксист; в своих работах использовал вульгарно-социологический метод анализа; один из наиболее ярких оппонентов имажинистов в литературной полемике, автор статьи «Литературное одиночание» («Веч. известия». 1919, 15 и 22 февр.), направленной главным образом против Шершеневича и Мариенгофа. «*Гвоздь у меня в сапоге кошмарнее, чем Гете*». Неточная цитата из поэмы В. Маяковского «Облако в штанах». *Скрябин Александр Николаевич* (1871—1915) — композитор и пианист. «*Оно давит нас, и против него надо бороться*». Перефраз лозунга одного из первых манифестов футуристов «Прошлое тесно» (Пощечина общественному вкусу /Д. Бурлюк, А. Крученых, В. Маяковский, В. Хлебников // Пощечина общественному вкусу. Альм. М., [1912]. С. 3). «*Оно чуждо нам по духу*». Ср. у футуристов: «Сегодня мы выплевываем навязшее на наши зубы прошлое...» (Идите к черту! /Д. Бурлюк, А. Крученых, Б. Лившиц, В. Маяковский и др. // Рыкающий Парнас. СПб., [1914]. С. 1). *Для поэта важнее один раз прочесть Брема, чем знать наизусть Потебню и Веселовского*. *Брем Альфред Эдмунд* (1829—1884) — немецкий зоолог, автор многотомного труда «Жизнь животных». *Потебня Александр Александрович* (1835—1891) — филолог и лингвист, автор фундаментальных работ по проблемам поэтического языка, писавший, что «поэтичность слова» художественного произведения — «это его образность». *Веселовский Александр Николаевич* (1838—1906) — филолог, автор работ по исторической поэтике. Ср. далее, в статье «Ломать грамматику»: «Дон Кихот русской поэтики А. Потебня (известно, что Веселовский или Белый только Санчо Панксы...)». С. 36. *Боччиони* (Боччони) *Умберто* (1882—1916) — итальянский живописец и скульптор, один из лидеров футуризма в Италии и его теоретик. *Посмотрите, у женщины третий и т. д.* Неточная цитата из поэмы Есенина «Кобыльи корабли» (ст-ние № 94). «*Звуки строящихся небоскребов — гулкое эхо мира, шагающего наугад*». Неточная цитата из ст-ния Шершеневича «Над гневным лицом бульваров осенневших...» (Авто в облаках. Одесса, 1915). *Бенедиктов Владимир Григорьевич* (1807—1873) — русский поэт, почитавшийся эталоном вычурности, безвкусыя в поэзии. *Веспуччи Америго* (1454—1512) — мореплаватель; впервые высказал предположение, что Америка — новая часть света. *Бурлюк Д., Крученых А.* — см. примеч. I. *Языков Николай Михайлович* (1803—1846) — русский поэт. В доимажинистский период своего творчества Шершеневич выделял его из литераторов XIX в. и издал кн. *Языкова «Лирические стихотворения»* (М., 1916), во вступит. ст. к которой писал о языке поэта: «Это богатство выражений, эта точность слов, своеобразное построение фраз и бесконечные раскаты подлинного поэтического грома, блистающего молниями красот» (с. 18) В «2 x 2 = 5» Шершеневич подверг переоценке свои прежние воззрения. *Вампука*. «Вампука, невеста африканская, образцовая во всех отношениях опера» (музыка и либретто В. Г. Эренберга; пост.

в 1909 г. в петербургском театре «Кривое зеркало») — пародийная опера, высмеивающая условности и штампы в оперных спектаклях; назв. стало нарицательным для обозначения всего банального, ходульного. *Карбид* — химическое вещество, реакция которого с водой сопровождается бурным выделением газов. *Рекламировали радий № 606, потом перешли на 914*. Имеется в виду популяризация В. Брюсовым идей «научной поэзии», главным представителем и теоретиком которой был французский поэт *Рене Гиль* (наст. фамилия Гильбер, 1862—1925). «Научную поэзию» отличает стремление включить в сферу поэзии разнообразный научный материал, а также проблемы современной жизни.

Лито — литературное объединение; существовали при фабриках, заводах, редакциях журналов и газет как студии и кружки *Пролеткульта*. Пролеткульт (Пролетарская культура) — массовая культурно-просветительная и литературно-художественная организация (1917—1932), главной своей задачей считавшая создание нового пролетарского искусства, при этом отрицавшая культурное наследие прошлого. *Надсон* Семен Яковлович (1862—1887) — русский поэт. *Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт-символист. *Ясинский* Иероним Иеронимович (1850—1931) — писатель, поэт и журналист, принимал активное участие в работе Пролеткульта. *Князев* Василий Васильевич (1887—1937 или 1938) — поэт, сотрудничал во многих периодических изданиях; был репрессирован, посмертно реабилитирован. *Родов* Семен Абрамович (1893—1968) — поэт и литературный критик, секретарь МАПП (1923—1924) и РАПП (1925—1926), один из редакторов журнала «На посту». *Соединение отдельных образов в стихотворение есть механическая работа, а не органическая, как полагают Есенин и Кусиков*. Имеется в виду как поэтическая практика этих поэтов, так и книга Есенина «Ключи Марии» (1918). *Попытка Мариенгофа доказать связанность образов между собой и т. д.* Вероятно, имеется в виду главка «В чреве образа» книги Мариенгофа «Буян-остров» (см. наст. изд., с. 32). *Якулов Г., Эрдман Б.* — см. примеч. I. *«Сыграть ноктюрн на флейтах водосточных труб»* — неточная цитата из ст-ния В. Маяковского «А вы могли бы?» (1913). *Критикой Верхаррена или Рене Гиля являются не статьи о них, а стихи Брюсова, написанные под их влиянием*. Верхаррен — Верхарн Эмиль (1855—1916) — бельгийский поэт; популярности в России в нач. XX в. во многом обязан многочисленным переводам В. Брюсова, выпустившего три книги его стихов и поэм. Вероятно, Шершеневичу была известна статья «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» М. Волошина, который писал: «Связь между Брюсовым и Верхарном я вижу в тех поэмах Брюсова, которые он зачал от Верхарна. Таковы, например, „Конь Блед“ и „Слава толпе“. Это — настоящий Верхарн и в то же время — настоящий Брюсов» («Весы». 1907, № 2. Цит. по: Волошин М. Лики творчества. Л., 1989. С. 128). Брюсову принадлежат ряд статей и большой очерк о Рене Гиле «Литературная жизнь Франции: Научная поэзия» (Собр. соч. М., 1975. Т. 6. С. 162—173). *Коган* Петр Семенович (1872—1932) — историк литературы, президент Академии художеств. Здесь имеются в виду его выступления в «Кафе поэтов» с критикой имажинистов (см.: ВО. С. 608—610). *Соколов* Ипполит Васильевич (1902—1974) — поэт, автор кн. стихов «Бунт экспрессиониста»

([М.], 1919) и теоретической брошюры «Имажинистика» (М., 1921); впоследствии известен как теоретик кино. *Некогда критик Фриче упрекал Мариенгофа в белогвардейщине* и т. д. См. примеч. 111. *Критик Фриче только следует своей фамилии* и т. д. Намек на бытовавшее в те годы прозвище критика — «Вриче». *Центрифугное устремление некоторой части футуристов*. «Центрифуга» — одна из футуристических групп, возникла в 1913 г. Участники: Б. Пастернак, Н. Асеев, С. Бобров и др.; в 1922 г. часть из них перешла в ЛЕФ. *Символизм с головой увяз в прошлом философском трансцендентализме*. Имеется в виду ориентация символистов на идеалистическую философию И. Канта, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, стремление творчески воплотить предельно общие — трансцендентальные понятия добра, истины, красоты. *Весна ощупывает голубыми ручьями тело земли* — цитата (с купюрой) из кн.: Шершеневич В. Вечный жид: Трагедия великолепного отчаяния. 3-е изд. М., [1919]. (Осень 1915—январь 1916). С. [22]. Приводим фрагмент более полно:

За табуном дачек, где горбы верблюжьи
Смешных и ненужных бугров,
Где торчит тупое оружие
Телеграфных присевших столбов,
Там весна ощупывает голубыми ручьями,
Страстнее и задыхаясь, тело земли,
И зеленое «Христос Воскресе» листьями
Леса
К небесам
Возвели!

Козлов Иван Иванович (1779—1840) — русский поэт и переводчик; ослеп после тяжелой болезни. *Бальмонт Константин Дмитриевич* (1867—1942) — поэт-символист. *«Граждане, души меняйте белее исподнее!»* — цитата из поэмы Мариенгофа «Магдалина» (см. ст-ние № 125). *«Зреет час преображенья»* и т. д. — цитата из поэмы Есенина «Преображение» (см. ст-ние № 87). *«Люди, рассмейтесь, а я буду первый...»* и т. д. Источник цитаты не обнаружен.

VI. Мариенгоф А. Буян-остров: Имажинизм. М., 1920. Якулов Г. — см. примеч. I. *Марсельеза* — песня марсельских волонтеров, ставшая затем национальным гимном Франции (слова и музыка К.-Ж. Руже де Лилия, 1792). *Бахари* — древнерусские профессиональные сказочники; творчество их осуждалось церковью как «бесовское». *Фидий* (V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор. *Рафаэль Санти* (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор. *Леонардо да Винчи* (1452—1519) — итальянский художник. *Рублев Андрей* (ок. 1360—1370—ок. 1430), *Дионисий* (ок. 1440—после 1502) — древнерусские живописцы. *Едет на кобыле Новый к миру Спас* — цитата из поэмы Есенина «Инония» (1918). *Метлами ветру будет Говядину чью подместь* — цитата из ст-ния Мариенгофа «Кровью плюем зазорно...» (ст-ние № 111). *Разве не один и тот же*

дух Божий и т. д. — цитата из статьи Белинского «Литературные мечтания» (см.: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1976. Т. 1. С. 59—60). *Солнце стынет, как лужа, которую напрудил мерин; над рощами, как корова, хвост задрала заря* — неточные цитаты из поэмы Есенина «Кобыльи корабли» (см. ст-ние № 94) и «Преображение» (см. ст-ние № 87). *Гонококк соловьиный не вылечен в мутной и лунной моче* — цитата из ст-ния В. Шершеневича «Лирическая конструкция» (см. ст-ние № 59). *10 февраля 1919 года*. Имеется в виду дата опубликования имажинистами «Декларации» (см. наст. изд., с. 7) в газ. «Советская страна». *Там за млечными холмами и т. д.* — цитата из поэмы Есенина «Пантократор» (см. ст-ние № 93). *Спенсер Герберт* (1820—1903) — английский философ, один из родоначальников позитивизма. *Хлебников В.* (см. примеч. V) и *Каменский Василий Васильевич* (1886—1961) участвовали в сборниках, выпущенных имажинистами: первый — в «Харчевне зорь» (М., 1920), второй — в «Яви». *Белый Андрей* (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева, 1880—1934); здесь приведена цитата из его статьи «Будущее искусство» (1907), вошедшей в кн.: Белый Андрей. Символизм. М., 1910. С. 449. *Клиштер* (клистир) — клизма. *Кольцов Алексей Васильевич* (1809—1842) — русский поэт. *Бальмонт К. Д.* — см. примеч. V. *На господ Коганов и Фриче* — см. примеч. V. *Писарев Д. И.* — см. примеч. II. *Анна Иоанновна* (1693—1740) — российская императрица. *Арлекин, Панталоне* — персонажи итальянской народной комедии дель арте. *Николай Морозов, рассматривая Книгу пророка Иезекииля* и т. д. Имеется в виду книга русского писателя, ученого и революционного деятеля Николая Александровича Морозова (1854—1946) «Пророки: История возникновения пророчеств и их литературное изложение и характеристика» (М., 1914. С. 57). Морозов действительно не совсем точно приводит фрагмент из Книги пророка Иезекииля, входящей в Ветхий Завет (ср.: Иезек. 2, 9—3, 1). *Апокалипсис, Иоанн*. Апокалипсис (греч.: Откровение) — одна из книг Нового Завета, содержащая пророчества о конце света, была написана, по библейскому преданию, евангелистом Иоанном Богословом. *Финикие* — жители Финикии, древней страны на восточном побережье Средиземного моря; активно торговали со многими странами и народами. *Надсон С.* — см. примеч. V. *Верхарн <...> канонизирован*. Верхарн — см. примеч. V; после революции о нем писали В. М. Фриче (кн. «Эмиль Верхарн». М., 1919), А. В. Луначарский и др. *Менее всего мы мыслим, подобно Пушкину, поэзию «глуповатой»*. Имеются в виду слова Пушкина из его письма к П. А. Вяземскому (2-я пол. мая 1926): «...поэзия, прости Господи, должна быть глуповата» (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1962. Т. 9. С. 232). *Новалис* (псевдоним Фридриха фон Харденберга, 1772—1801) — немецкий писатель-романтик.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«ОРДЕН ИМАЖИНИСТОВ»

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

1. Шершеневич В. Весенние проталинки. М.: Тип. Торгового дома «М. В. Балдин и К^о», 1911.

2. Carmina. Эпиграф — из ст-ния М. Ю. Лермонтова «К другу В. Ш.» (1831). Включено в раздел «Маки в снегу», посвященный А. Блоку (там же — ст-ния № 3—5). В примеч. к сб. Шершеневич признавал, что некоторые ст-ния были написаны в период, «когда творчество Блока оказывало подавляющее влияние на мои произведения» (Carmina. С. 139). Н. Гумилев в отзыве на сб., высоко оценив поэтический язык Шершеневича, отмечал, что «в эйдологии (системе образов) он ученик Александра Блока, иногда более покорный, чем это хотелось бы видеть» (Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 170). Шершеневич указал на некоторые ритмические особенности своего стиха: «В некоторых строках я позволяю себе отступить от общепринятых до сих пор правил: так, в словах, оканчивающихся на „брь“, „бль“, „брь“ и т. д., я считаю на один слог более, чем это принято грамматикой. Это нововведение обусловлено длительностью произношения этой группы букв, заставляющей подзревать скрытую гласную (по-моему, среднее между „о“ и „е“). Рассматривая эти слова в их первоначальной форме или в иностранном правописании, мы можем приблизительно раскрыть эту гласную. Так, слово „корабль“ сочтено мною за трехсложное — но ведь в старину это слово имело начертание „корабель“ (корабельный), и я склонен думать, что никакая сила времени не в состоянии удалить этот звук „е“...» (Carmina. С. 139). Я знаю: мрачный жребий вынут Из Книги Голубиной мной. Голубиная книга — книга апокрифов, по преданиям упавшая с неба и хранящая все мировые тайны. В более поздних произведениях воспринималась автором как нечто враждебное человеку: «Жгите Голубиную книгу! В обложке лазури она! Человечество при смерти от книжного поноса!» (Шершеневич В. Быстрь: Монологическая драма. М., 1916. С. 26). *Метá* — здесь: предмет желаний, стремлений. Употребление этого слова, устаревшего для современного поэту языка, навеяно поэзией Н. Языкова:

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей.
(Элегия, 1825)

3. Carmina (см. примеч. 2). Связано с образами из циклов ст-ний А. Блока «Город» (1904—1907) и «Снежная маска» (1907). В примеч. к сб. автор отметил, что рифма «густодебреньый — серебряный» заимствована из С. Соловьева (Carmina. С. 140).

4. Carmina (см. примеч. 2). Эпиграф — из ст-ния Н. Языкова «Элегия» («Скажи, воротись ли ты...», 1824).

5. Carmina (см. примеч. 2).

6. Carmina, в разделе «Полдень», посвященном Софье Михайловне Альтшулер, близкой знакомой Шершеневича (там же — ст-ние № 7).

7. Carmina (см. примеч. 6). Письма и записки Шершеневича В. Брюсову (РГБ, фонд Брюсова) позволяют предположить, что ст-ние адресовано будущей жене поэта Евгении Давидовне Шершеневич. Годы ее жизни установить не удалось; в 1923 г. вместе с дочерью Ириной она эмигрировала (см. об этом в «Автобиографин» Шершеневича — РГАЛИ).

8. Carmina, в разделе «Осенние ямбы», посвященном Е. Д. Шершеневич. Эпиграф — из ст-ния Н. Языкова «Элегия» («Вы не сбылись, надежды милой...», 1827).

9. Пир во время чумы. М., 1913. Вып. 2, октябрь. — АП. *Огненные саламандры* — вид земноводных с яркой золотисто-желтой окраской; выделения их кожных желез ядовиты. По преданиям, саламандры не горят в огне и даже способны потушить его. *Меморандум* — здесь: память, сознание. *Сельтерская* — минеральная вода.

10. РП. Посвящено Ивану Васильевичу *Игнатьеву* (псевдоним Казанского, 1892—1914), поэту, редактору издательства «Петербургский глашатай». Шершеневича связывали с ним деловые и дружеские отношения. Об этом издательстве, выпустившем в свет альманахи эгофутуристов «Всегда», «Засахаре Кры», «Паук» и др., Шершеневич вспоминал в ВО (с. 495—497). Об участии поэта в альманахах издательства см.: Марков В. К истории русского эго-футуризма // *Orbis Scriptus: D. Tschizewskij zum 70. München, 1966. S. 505—510.* В предисловии к РП, обращаясь к Игнатьеву, Шершеневич писал: «Мне искренно жалко Вас, милый Иван Игнатьевич, что Вы издаете эти поэзы, читателей которых не будет, что они глупы, что их души более банальны, чем стихи Рапгауза; а больше всего жаль самого себя — что я написал эти поэзы, тратя то время, которое можно было провести в веселом бархате кафешантана под конфетти поцелуев и серпантин ласк» (с. 1). *Эзрет* — украшение из перьев на дамской шляпке. *Среди зал Академий* — имеются в виду залы Академии художеств в Петербурге (Конференц-зал, Рафаэлевский и Тициановский залы), известные своим богатым декором. Украшающие эти залы произведения живописи и скульптуры являются образцами классического, строгого и величественного стиля.

11. РП.

12. РП. В экз. из б-ки В. Брюсова (РГБ) ст. 5—6 помечены: «Иг. Сев.» (Игорь Северянин). *Лафорг* Жюль (1860—1887) — французский поэт, один из любимых поэтов Шершеневича. Переводы, сделанные В. Брюсовым, Н. Львовой и В. Шершеневичем, составили книгу стихов Лафорга «Феерический собор» (М., 1914), к которой Шершеневич написал вступ. ст., коммент. и библиогр. справку. *Viba-vo* (фр.) — бибабо, комическая кукла, надеваемая на руку и приводимая в движение пальцами руки, или просто кукольная головка,

надеваемая на палец. *Rimbaud* — Рембо Артюр (1854—1891) — французский поэт. Переводы Шершеневича из Рембо не были напечатаны, в настоящее время хранятся в РГАЛИ. *Остроугол* (неологизм Шершеневича) — шпиль.

13. РП. Ж. Лафорг — см. примеч. 12. *Бутоньерка* — цветок или букетик цветов, прикалываемый к платью или вдеваемый в петлицу.

14. РП, под загл.: «Сумерки», с эпиграфом из ст-ния А. Рембо, с вар. — АП. На экз. АП из б-ки В. Брюсова (РГБ) дарственная надпись Шершеневича: «Многоуважаемому В. Я. Брюсову — учителю в поэзии и моему противнику по школам — с неизменным уважением и любовью. Вад. Шершеневич. Москва. 1915. Декабрь»; справа от ст. 2—3 помета В. Брюсова: «Bis», в ст. 1 рукой Шершеневича исправлена опечатка.

15. ЭФ. *Пастели* — произведения живописи, выполненные в светлых, приглушенных тонах сухими мягкими цветными карандашами. *Аграф* — застежка.

16. ЭФ, под загл. «Городская охота», с вар. — АП, б. д. Датируется по ЭФ. В рец. на ЭФ Ю. Эгерт особо выделил это ст-ние: «С первой страницы глядит уже ужас города <...>. И везде и всюду ужас и растоптанное сердце» — и далее писал о лирической героине ст-ния: «И она брошена, невырываемо брошена в объятия толпы, и на ее губах бессилие ответа, распятой на том же кресте <...>. А как сделаны эти стихи, кричащие о боли строчки! Ритм? Это не продолжение работы, начатой символистами в области свободного стиха, это самостоятельно разработанный ритм остроугольных рисунков и переламывающихся линий. <...> Вадим Шершеневич давно, уже с „Carmina“, исключительный мастер рифмы, а в „Флаконах“ и это изощренное мастерство достигает своего апогея» (ПЖРФ. С. 136—137). Б. Лившиц, обвиняя В. Шершеневича в волюнтаристском редактировании 2-го изд. альм. «Дохлая луна» (М., 1914) и ПЖРФ, так откликнулся на эту восторженную рецензию: «А с журналом получилось еще хуже: он весь оказался нафарширован безответственными писаниями каких-то Эгиков, Гаеров, Вагусов, превозносивших гений Вадима Шершеневича <...>. Не надо было обладать особой прозорливостью, чтобы заметить, что все эти статьи если не писаны одной рукой, то инспирированы одним лицом — кем, у меня не оставалось никаких сомнений. К сожалению, это обнаружилось слишком поздно, когда два объемистых сборника, внешне изданные прекрасно, были вконец испакощены самовлюбленным графоманом, опьяневшим от неожиданного раздолья» (Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 460—461).

17. ЭФ, под загл.: «Городское», с вар. — АП, б. д. Датируется по ЭФ.

18. ЭФ, под загл.: «Фривольные диссонансы», с вар. — АП, б. д. Датируется по ЭФ. *Диссонанс* — вид рифмы, в которой не сов-

падают ударяемые гласные, звуковой повтор состоит главным образом из согласных звуков. Практикой русского классического стиха XIX в. диссонанс отвергался. Ст-ние Шершеневича полемично по отношению к классической традиции: 1-е и 2-е четверостишия построены на диссонансных рифмах, постоянно применявшихся поэтом. *Скунс* — небольшой зверек; в случае опасности выбрызгивает в сторону врага резко пахнущую едкую жидкость. *Ассонанс* — неточная рифма, в которой совпадают ударные гласные при большой свободе согласных. Редко использовался русскими поэтами XIX в.; в широкую поэтическую практику введен символистами. Шершеневич использовал ассонансные рифмы в 3-й и 4-й строфах.

19. ЭФ. Посвящено, вероятно, Е. Д. Шершеневич (см. примеч. 7).

20. ЭФ, под загл.: «Только тоска», с эпиграфом из ст-ния Шершеневича «Усталость» («Задыхаюсь, плача, задыхаюсь...», 1913), с вар. — АП, б. д. Датируется по ЭФ.

21. ЭФ. *Хочется даже «Miserere» Спеть по-гаерски на мотив кекука.* «Miserere» (лат.) — здесь: молитва. Имеется в виду «Покаянный псалом», в котором грешник молит Бога об очищении от греха. *По-гаерски* — по-балаганному, шутовски (гаер — балаганный шут). Георгий Гаер — псевдоним Шершеневича футуристического периода. *Кекуок* — танец (возник у североамериканских негров), исполняемый под мелодию с остросинкопированным ритмом; был популярен в 1900-е гг.; в России на эстраде получила распространение кафешантанная форма, близкая по характеру к канкану.

22. ЭФ. *Метрессы* — любовницы. *Кодак* — марка фотоаппарата.

23. ПЖРФ, с вар. — АП. Это ст-ние, а также № 24, 25 связаны с литературной полемикой двух групп футуристов. Подборка ст-ний Шершеневича в ПЖРФ вызвала резкую отрицательную оценку Б. Пастернака. Критике были подвергнуты принципы метафорического языка Шершеневича: «...Шершеневич, жертва юридической доступности стихотворчества как эмансипированного ремесла. В последних его фабрикатах совершенно отсутствует все то, тайна чего и не подозревается непосвященными, и напротив, они изобилуют зато всем тем, в чем публика всегда видела родовой признак поэзии <...> Последовательный прозаизм Шершеневичевых строф <...> пристраивает вовсе не от того бытового балласта, которым он обременяет метафорический свой аппарат. <...> Тематизм, другими словами, *quantité imaginaire* (мнимая величина. — Э. Ш.) в стихах Шершеневича отсутствует <...> Однако и строй метафоры Шершеневичевой таков, что не кажется она вызванной внутренней потребностью в ней поэта, но внушенной условиями внешнего потребления. Если метафору хочется сравнить с тем узорчатым замком, ключ от коего хранит один лишь поэт, <...> ключи от шершеневичевских затворов — в руках любителей из толпы. <...> Образ мыслей Шершеневича — научно-описательный. <...> Простые предложения, нескончаемые вереницы подлежащих, сказуемых и

обстоятельств ложатся правильными рядами, разделенные точками...» (Вассерманова реакция // Пастернак Б. Об искусстве. М., 1990. С. 123—125). Острота полемики была вызвана тем, что материалы критико-библиогр. раздела ПЖРФ, который вели В. Шершеневич и К. Большаков, содержали негативные отзывы на издания «Лирики», обвинения основоположников «Центрифуги» в эпигонстве. Впоследствии редакция ПЖРФ направила в редакцию «Руконога» письмо, подписанное К. Большаковым, В. Маяковским и В. Шершеневичем, в котором предложила встретиться и разрешить возникшие недоразумения. обстоятельный анализ этой литературной полемики см.: Флейшман Л. «История Центрифуги» // Борис Пастернак = Boris Pasternak. Colloque de Cerisy-la-Salle. 1890—1960. Париж, 1979. С. 21—23. Оценку полемики двух групп футуристов см.: Фриче В. Война мышей и лягушек: (Письмо из Москвы) // «День». 1914, 9 мая.

24. ПЖРФ, с вар. — АП.

25. ПЖРФ, с вар. — АП. *Эгрет* — см. примеч. 11. *Наксероформленные зрачки*. Ксероформ — лекарственный препарат, применяемый при воспалительных процессах; здесь — в знач.: «воспаленные».

26. Дохлая луна. 2-е изд. М., 1914, с вар. — АП. Ст-ние открывает сб. Своей лирической интонацией напоминает ст-ние В. Маяковского «Послушайте, ведь если звезды зажигают...» (1914).

27. «Новый журнал для всех». 1915, № 11, под загл.: «В поезде», с вар. — АП — оба б. д. Датируется, как и ст-ния № 28—30, с учетом даты предисловия АП: «Лето 1914».

28, 29, 30. АП. Дата — см. примеч. 27.

31. АП, в разделе «Священный сор войны», стихи которого были созданы в 1915 г. по непосредственным военным впечатлениям; раздел был добавлен в уже подготовленный к изданию накануне войны сб. *Бризантный чемодан* — артиллерийский снаряд, дающий при взрыве множество осколков.

32. АП, в том же разделе. *Сергей Михайлович Третьяков* (1892—1939) — поэт, прозаик и драматург; в 1913 г. примкнул к эгофутуристам, в 1920-е гг. активный участник ЛЕФа. В 1937 г. был незаконно репрессирован. Шершеневич и Третьяков неоднократно посвящали друг другу стихи. «Нас связала на долгие годы не только поэтическая дружба. Сережа много жил у меня <...>. Третьяков как-то безоговорочно примкнул к футуризму и никогда ему не изменял, отстаивая его всюду и всегда» (ВО. С. 525). *Для отбывающих в синих*. В дореволюционное время железнодорожные вагоны первого класса были окрашены в синий цвет.

33. Студенчество жертвам войны. М., 1916, в составе цикла «Стихи о любви» (2 ст-ния), с вар. — ЛкЛ. В ст-нии предпринята

попытка отказаться от служебных частей речи (предлогов, союзов). Теоретическое обоснование принципу «ломать грамматику» поэт дает в кн. « $2 \times 2 = 5$ » (с. 41). *И все, даже комиссары, заговорят про Данта И Беатриче.* Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, воспевший в стихах свою возлюбленную — Беатриче.

34. «Мир». 1918, 5 окт., под загл.: «Стихи о любви», без посвящ., с вар. — ЛкЛ. «Вокруг света» — журнал (М., 1885—1930) с ежемесяч. ил. прилож., в котором в течение ряда лет публиковались приключенческие романы Жюль Верна. *Трен — шлейф платья. Как же могут сближаться влажные губы, Говорившие о капусте полчаса назад.* Реминисценция строк ст-ния В. Маяковского «Нате!» (1913): «Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста где-то недокушанных, недоеденных щей...»

35. ЛкЛ.

36. ЛкЛ. *Святятся <...> лоско* (от «лоск») — зеркально блестят. *Это ногти на длинных пальцах Тверской.* Имеется в виду икона Богородицы. «*Ах, как мертвенно золото всех Калифорний Возле россыпи ваших волос!...*» Ср. у В. Маяковского: «Моих желаний разнузданной орде не хватит золота всех Калифорний» («Себе, любимому, посвящает эти строки автор», 1916; опубл. — 1918). О перекличке этого и др. образов в стихах Шершеневича и Маяковского см.: Ку克林 Л. «...Но ведь я поэт — чего же вы ждали?»: О В. Шершеневиче // ВЛ. 1991, № 9/10. С. 51—83).

37. Альманах муз. М., 1918, под загл.: «Здравствуй, июль», с вар. — ЛкЛ. Образный ряд ст-ния связан с евангельским сюжетом хождения Христа по водам (см.: Ев. от Матфея. 14, 22—33).

38. ЛкЛ. Автограф (РГАЛИ), без загл., с вар.

39. ЛкЛ. *Вот вам хлеб ваш насущный даю!* Перифраз слов молитвы из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день». *Сын влюбился лишь раз, но с Марией любимой Эшафотом распятий был тогда разлучен.* Ни один из библейских сюжетов не дает оснований для такой реминисценции.

40. «Раннее утро». 1918, 11 апр. (29 марта), под загл.: «На чашку чая», с вар. — ЛкЛ. Автограф (РГБ, архив Н. В. Рыковского), с вар.

41. ПС, без загл., с вар. — ЛкЛ. Современные исследователи, анализируя ст-ние, приходят к выводу, что «образы и интонации раннего Маяковского встречаются очень часто. <...> Но это очевидное сходство носило чисто внешний, поверхностный характер» (Меньшутин, Синявский. С. 110). М. Ройзман вспоминает, как на литературном вечере «Суд имажинистов над литературой» в Большом зале Политехнического музея в 1920 г. Маяковский, споря с Шершеневичем, крикнул: «„Вы у меня украли штаны!“ — „Заявите в уголовный розыск! — ответил Шершеневич. — Нельзя, чтобы Ма-

яковский ходил по Москве без штанов!»» (Ройзман. С. 106). *Мое сердце не банк увлечений*. Эта строка вызвала яростную критику В. Фриче (см.: Пора отмежеваться! // «Веч. известия». 1920, 24 февр.).

42. ЛкЛ. Ст-ние открывает сб. *И от чистого сердца на зов чьих-то чужих стихов Закричать, словно Бульба: «Остан мой! Я слышу!»* — импровизация на тему повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

43. «Вестник Воронежского округа путей сообщения». 1919, № 6/7, под загл.: «Жуть», с вар. — ЛкЛ. Шершеневич пишет, что ст-ние особенно понравилось В. Брюсову: «...прочитав Брюсову одно из стихотворений, печатавшихся в „Лошадь как лошадь“, я увидел, как лицо учителя просияло, он заставил меня перечитать это стихотворение <...> еще раз и еще. Потом крепко пожал мне руку и сказал: „По-настоящему хорошо! Завидно, что не я написал! — И, уже улыбаясь, добавил: — Может, поменяемся? Отдайте мне это, а я вам в обмен дам пяток моих новых“» (ВО. С. 446).

44. ЛкЛ.

45. ЛкЛ. «*На сопках Маньчжурии*» — популярный в начале XX в. вальс, музыка И. А. Шатрова.

46. ЖТРМ. 1919, № 28/29, под загл.: «Малиновый звон. (Импровизация 1918 года)», без 1-й строфы, с вар. — ЛкЛ.

47. ЛкЛ.

48. ЛкЛ. *И в вокзал, словно в ящик почтовый разлук*. Аллюзия на строки ст-ния Б. Пастернака «Вокзал» (1913): «Вокзал, несгораемый ящик Разлук моих, встреч и разлук».

49. ЛкЛ. *Архиерей* — лицо, принадлежащее к высшему чину священнослужителей Православной церкви.

50. ЛкЛ. Заключительное ст-ние сборника. Об использовании здесь образов ранней лирики В. Маяковского см.: Меньшутин, Синявский. С. 110. *Говорят, что когда-то заезжий фигляр* и т. д. Аллюзия на новеллу А. Франса «Жонглер Богоматери», повествующую о бродячем жонглере, который «в честь Божьей Матери» «вниз головой, подняв ноги кверху, жонглировал шестью медными шарами и двенадцатью ножами» перед алтарем Святой Девы (Франс А. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1958. Т. 2. С. 705). Исследовательница творчества Есенина А. Марченко в кн. «Поэтический мир Есенина» (2-е изд. М., 1989. С. 176) неверно утверждает, что Шершеневич здесь «прямо использовал замеченную Есениным ситуацию...» (имеется в виду статья Есенина «Искусство и быт» («Знамя». 1921, № 9(11), май, опубл. три года спустя после появления ст-ния).

51. Мы, под загл.: «За нас тост», с вар. — ЛкЛ. Ст-ние было популярно в 1920-е гг., часто исполнялось автором на литературных вечерах (см.: Ройзман. С. 147). *Архитектоника* — построение худо-

жественного произведения, обуславливающее соотношение и взаимосвязь его частей.

52. ЖТРМ. 1919, № 30/31, без загл. и посвящ., с вар. — ЛкЛ. Яков Григорьевич *Блюмкин* (1898—1929) — близкий приятель Шершеневича, завсегдатай литературного кафе «Стойло Пегаса»; был левым эсером, одним из организаторов левоэсеровского мятежа 1918 г., принимал участие в покушении на германского посла В. Мирбаха. В 1919 г. порвал с эсерами и вступил в РКП(б). Сведения о его гибели противоречивы. См. о нем: ВО. С. 612—614. Б. Глубоковский в эссе «Маски имажинизма» так откликнулся на это ст-ние: «Шершеневич курит. В том, что ему нужно десятка два (о поэтическая скромность!) папирос, — я не сомневаюсь. Но любви? Ах, уж это вы оставьте. Вы романтик письменного стола и чернилницы. Может быть, вы и любите, но не иначе, как прохожую с 5 этажа вашего кабинета. <...> Я не знаю, что больше огорчит Вадима: сломанная пишущая машинка или умирающая жена. Но Шершеневич имеет свое *люблю*. Любит он суетный город, в котором женщина — только атрибут. <...> Шершеневич немыслим без города. Без этой единственной, подлинной, неизменной своей любовницы» (ГПП. 1924, № 2(4). С. [10]). В. А. Мануйлов вспоминает о своем выступлении на одном из вечеров в кафе «Стойло Пегаса» после чтения Шершеневичем этого ст-ния, сопровождавшегося бурными овациями публики, с экспромтом-пародией на ст-ние — «Самогимн» («Тебе бы любви немножечко...»). Пародия имела шумный успех и исполнялась по требованию слушателей на «бис» (см.: Мануйлов В. О Сергее Есенине // Есенин в воспоминаниях. Т. 2. С. 167). Меньшутин и Синявский, при общей негативной оценке творчества Шершеневича, считали ст-ние творческой удачей поэта: «Справедливо будет сказать, что эта „личная тема“, исполненная откровенных признаний в своей внутренней опустошенности, нищете, безверии и окрашенная двойственным, извращенным чувством „веселого отчаяния“, иронической нежности, ласкового цинизма по отношению к самому себе, звучала <...> наиболее правдиво» (с. 112). *Дант* — Данте Алигьери (см. примеч. 34). *Был последним в уже вымиравшей фамилии Агасферов единой любви*. Агасфер (Вечный жид) — герой средневековых сказаний, еврей-скиталец, осужденный Богом на вечную жизнь в наказание за то, что не дал Христу отдохнуть на пороге своего дома по пути на Голгофу. Этот образ тесно связан с поэмой В. Шершеневича «Вечный жид» (1919). *Арбат* — улица в Москве.

53. Автографы. [М., 1919], под загл.: «Аграмматический крик», с вар. — ЛкЛ. Первоначальное и измененное заглавия ст-ния декларируют принципы «поломки грамматики». «...уничтожение старых форм и создание новых, аграмматичность, — это выдает смысл с головой в руки образа», — писал Шершеневич (2 x 2 = 5. М., 1920. С. 44). Две первые строфы наиболее наглядно отражают применение этого принципа на практике. *И аппаратиком Морза По ленте вен не стучи!* Имеется в виду электромеханический телеграфный аппарат, изобретенный С. Морзе (1791—1872).

54. ПС, под загл.: «Предложение имажиниста». — ЛкЛ. *Мачиш* (матчиш) — танец бразильского происхождения, появился в России в начале XX в.; здесь: исполнитель этого танца. *Ворвань* — жидкий жир с резким, неприятным запахом, вытапливаемый из сала морских животных и рыб; находит различное применение в промышленности и быту.

55. ЛкЛ. Мемуарист описал исполнение этого ст-ния на вечере на филологическом факультете Московского университета (см.: Ройзман. С. 147). В. Фриче, один из рецензентов ЛИТО Наркомпроса, написал о ст-нии: «Поэт сравнивает себя с лошадей, задравшей трубою хвост, а свои стихи с конским пометом, в котором люди, как воробьи, будут рыться. Разрешить только в четвертую очередь» (Лит. наследство. Т. 85. М., 1976. С. 242). Кий (П. Пятницкий), также отрицательно оценив ст-ние, высказал автору упрек в безнравственном отношении к учителю: «Вызывают ли они (образы ст-ния. — Э. Ш.) в читателе чувство эстетического наслаждения или отвращение, ему (Шершеневичу. — Э. Ш.) безразлично, потому что у него нет мерила ни хорошему, ни худому» («Грядущее». 1921, № 4/6. С. 63). О полемическом пафосе этого ст-ния по отношению к ст-нию В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» (1918) см.: Кацис Л. Семантическое поле слова «ассенизатор» в поэтическом языке Маяковского: (Материал к словарной статье) // Русская альтернативная поэзия XX века. М., 1989. С. 37—38.

56. ПС, без загл., с вар. ст. 17: «И похабную надпись заборную». — ЛкЛ. А. Крученых оставил воспоминания о «чистке поэтов», устроенной в 1922 г., где В. Маяковский прочел это ст-ние, прокомментировал его и дал такую оценку творчества Шершеневича: «Братся мне за Шершеневича немножко совестно и невозможно отвратительно. Шершеневич рубит поэтическую капусту из всех поэтов. Огромная способность, не краснея, тащить ото всех. <...> Согласимся с этим автопортретом Шершеневича и, принимая во внимание прекрасные физические данные автора, зачислим его в (зачеркнуто: ассенизаторы) разряд „сочувствующих“, т. к. он всем очень „сочувствует“» (Крученых А. Воспоминания о Маяковском: Чистка поэтов. Цит. по: Кацис Л. Семантическое поле слова «ассенизатор» в поэтическом языке Маяковского: (Материалы к словарной статье) // Русская альтернативная поэзия XX века. М., 1989. С. 38). Публикация ст-ния вызвала яростные нападки В. Фриче (см.: Пора отмежеваться! // «Веч. известия» (М.). 1920. 24 февр.). Ст. 17 (в ред. ПС) — 18 («И похабную надпись заборную Обращаю в священный псалом») служили визитной карточкой Шершеневича и были запечатлены на стене кафе «Стойло Пегаса», которую Г. Якулов расписал портретами имажинистов и строчками из их стихов (см.: Ройзман. С. 36). В. Брюсову принадлежит пародия на это ст-ние — «Пародия стихов В. Шершеневича» («Мое сердце — выгребная яма...», 25 сент. 1920; впервые опубл.: Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1961 (Б-ка поэта, БС). С. 564). *Эстетические стансы*. Загл. ст-ния полемично по отношению к классической традиции: стансы — небольшое элегическое ст-ние медитативного содержания. *Мотосакош* — здесь: мотоцикл. *И тащу продавать на Сухареву*

в рай билет... Имеется в виду Сухаревский рынок (Сухаревка), превращенный в годы гражданской войны и нэпа в центр спекуляции. Решением Моссовета был закрыт в 1920 г.

57. ПС, без загл. — ЛкЛ.

58. ЛкЛ. Б. *Эрдман* — см. примеч. I. «Эрдман, — вспоминал Шершеневич в своих мемуарах, — стал присяжным графиком, рисовавшим почти все обложки наших книг» (ВО. С. 557). Шершеневич знал Б. Эрдмана и по совместной работе в Камерном театре, где Шершеневич заведовал литературной частью, а Эрдман делал первые шаги как актер и художник (см. о нем: ВО. С. 564—565). Загл. ст-ния отражает один из принципов имажинизма, полемичный по отношению к футуризму: «Футуризм красоту быстроты подменил красотой суеты. Динамизм не в суетливости, а в статическом взаимодействии материалов» (2 x 2 = 5. — См. наст. изд., с. 27).

59. ПС, без загл., с подзаг.: «Как я Сергею Есенину отвечаю на „Преображение“», с вар. — ЛкЛ. *Челтанов* Георгий Иванович (1862—1936) — психолог и философ, автор исследований по вопросам пространства и времени; популярностью пользовалась его кн. «Мозг и душа» (1900). *Клирос* — место для певчих в церкви. *Гонококк* — микроб, возбудитель гонорреи. *Джек-потрошитель* — оставшийся неизвестным преступник, совершивший в 1888 г. в Лондоне по меньшей мере семь убийств.

60. Ч а с т и ч н о: «Знамя». 1920, № 3/4(5/6). Май-июнь, под загл.: «Отрывки из поэмы „Песня Песней“» — ст. 1—4; 13—20; 4 ст., не вошедшие в окончат. вар.; 61—64; 151—158. П о л н о с т ь ю: *Коробейники счастья*. Киев, 1920, без посвящ., с делением на главы и нумерацией строф, дата: 19 июля 1919. — Шершеневич В. Кооперативы веселья: Поэмы. [М.]: «Имажинисты», 1921. *Песня Песней* (Книга Песни Песней Соломона) — одна из книг Библии, сборник любовно-свадебных песен, посвященных страстной любви др.-евр. царя *Соломона* (X в. до н. э.; ему традиция и приписывает авторство) и сельской красавицы Суламифи. Дерзкая образность произведения, густо насыщенного метафорами, и послужила основанием Шершеневичу для того, чтобы начать ст-ние с посвящения *Соломону* — *первому имажинисту*. Б. *Эрдман* — см. примеч. I. *От горба Воздвиженки до ладони Пресни*. Имеются в виду улица и площадь в Москве. *Киноарс* — кинотеатр «Арс». *Демон Бензина и Тамара Трамвайных Звонков*. Аллюзия на поэму М. Ю. Лермонтова «Демон», герои которой перенесены в обстановку Москвы 1920 г. *Кузнецкий мост* — улица в Москве. *Адажио* — медленный темп в музыке, часть музыкального произведения в медленном темпе. *Двухнадесятник* — дюжина. *Брюссель*. Здесь, вероятно, ассоциация с брюссельскими кружевами. *Политехнический зал* — зал Политехнического музея, где постоянно устраивались литературные вечера и диспуты. *Сокольники* — парк в Москве. *Запах бензина за фордом*. Имеется в виду марка автомобиля. «*Со святыми упокой*» — слова заупокойной молитвы.

61. О т р ы в о к: «Знамя». 1920, № 2(4). Май, под загл.: «Из поэмы „Слезы зажать кулак“» — ст. 113—178, с вар., дата: Осень 1919. П о л н о с т ь ю: Шершеневич В. Кооперативы веселья: Поэмы. [М.]: «Имажинисты», 1921. В Иерусалим Христа ввозивший осел. Имеется в виду библейский эпизод о въезде Иисуса в Иерусалим (см.: Ев. от Матфея. 21, 1—10). Ханжа — здесь: водка (ср. ст-ние № 48, ст. 19—20). Имени моего всуе... Имеется в виду одна из десяти заповедей, данных Богом Моисеем на горе Синай: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно...» (Исход. 20, 7). «В начале Было слово...» — первые слова Евангелия от Иоанна.

62. Мы Чем Каемся. М.: «Имажинисты», 1922. Сборник, включивший также ст-ние М. Ройзмана «Моя любовница» («Ах, какая осень...»), был конфискован. В архиве М. Ройзмана (РГАЛИ) хранится выданное ему разрешение на печатание кн. от 27 февр. и протокол обыска у него на квартире от 21 июня 1922 г. (было изъято 1074 экз. кн.). «Мы с Матвеем выпустили тонкий сборничек под интригующим заглавием: „Мы Чем Каемся“, — вспоминал Шершеневич. — Первые буквы слов (худ. В. Комарденков выделил их так, что они читались аббревиатурой МЧК, т. е. Московская Чрезвычайная Комиссия. — Э. Ш.) заинтересовали кой-кого, и хотя в сборнике не было ничего недозволенного, но книга была конфискована» (ВО. С. 628). В своих мемуарах, которые он рассчитывал напечатать, Шершеневич, естественно, обошел политическую небезобидность своего ст-ния. Обложка, разумеется, выглядела вызывающе, но и текст не мог, конечно, привлечь внимания органов. В. Комарденков в своих воспоминаниях рассказывает, вероятно, о том же эпизоде, называя сб. — «Всё, Чем Каемся» (подразумевается аббревиатура ВЧК), а участниками его, вызванными повестками в ЧК, кроме себя и Шершеневича, — Есенина. О Ройзмане, который фактически и был инициатором издания кн., он не упоминает (см.: Комарденков В. Дни минувшие: (Из воспоминаний художника). М., [1972]. С. 80—81). Можно прийти к выводу, что речь идет о другом, также вышедшем из печати сборнике. Однако представляется сомнительным, чтобы имажинисты дважды вступили в конфликт по тому же вопросу с органами ЧК. А кроме того, никаких реальных следов сборника, о котором пишет Комарденков, нет. По-видимому, это ошибка памяти мемуариста. К стенке поставлен поэт. Здесь, несомненно, имеется в виду Н. Гумилев, расстрелянный за месяц до создания ст-ния Шершеневича (25, 26 или 27 авг. 1921 г.). Выщипывает рука голодухи С подбородка Поволжья село за селом. Речь идет о страшном голоде в Поволжье в 1921 г. Не мы ль хотели быть паровозом Всех народов, племен и стран? Речь идет о не оправдавшемся расчете советского руководства на то, что вслед за Россией революция охватит страны Европы. «Отче наш» — начало основной православной молитвы.

63. Им 1925, без загл., с вар. — ИИ. Анализ ст-ния лег в основу отрицательной рецензии В. Инбер на ИИ: «По-своему хороши следующие строчки: „Итак, итог: ходячий труп Со стихотворною вязанкой“. Возникает вопрос: великодушно ли стараться взвалить эту

вязанку на плечи читателя? Думаю, что нет» («Веч. Москва». 1926, 10 нояб.). *Солнечный циклон* — солнце.

64. Им 1925, без загл., с вар. — ИИ. В первонач. ред. — со строфой между 3-й и 4-й строфами:

Пусть тобой прорастут черноземные ночи,
В них сам-десять плодится печаль,
И когда я дрожу от пленительной встречи —
Так дрожит на кусте иммортель.

65. ИИ.

66, 67. ГПП. 1924, № 1(3), в составе цикла «Июль и я» из пяти ст-ний (2-е и 1-е; там же — ст-ние № 69 — 3-е), без загл., с посвящ. Юлии Дижур. — ИИ. «...Вадим полюбил артистку необычайной красоты, обаяния, ума — Юлию Дижур. Она ответила ему взаимностью. Когда он познакомил меня с Дижур, я от души поздравил их, понимая, что они станут мужем и женой. Но вот Дижур повздорила с Вадимом, и он ушел от нее, заявив, что никогда не вернется: он хотел проучить ее. Она несколько раз звонила ему по телефону, но он не поддавался ее уговорам, и она выстрелила из револьвера себе в сердце. Почти все стихи, как и последняя книга Вадима, посвящены памяти Юлии...» (Ройзман. С. 137).

68. «Огонек». 1923, № 32, под загл.: «Родине», с вар. — «Накануне». 1924, 20 янв., без загл. — оба б. д. Датируется по ИИ. *Окно, пробитое Петром в Европу, Кронштадтской крепкой ставнейю закрыв.* Окном в Европу Пушкин назвал Петербург в поэме «Медный всадник». Город-крепость Кронштадт был основан Петром I для защиты Петербурга с моря. Здесь и далее — *В повстанческих ухабах* и т. д. — явный намек на Кронштадтский мятеж (март 1921), вспыхнувший под лозунгом «Советы без коммунистов!» в результате недовольства народных масс политикой военного коммунизма. *Герб наш орлий.* Имсется в виду двуглавый орел — герб России до 1917 г. *Пюссе* — загнанная, больная запалом лошадь.

69. ГПП. 1924, № 1(3) (см. примеч. 66, 67), без загл. — ИИ. Мемуарист считает, что толчком для создания этого ст-ния послужил упрек С. Есенина, высказанный им в статье «Быт и искусство» (1921): «...У братьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова...» (см.: Ройзман. С. 132). *Наполеон* Бонапарт (1769—1821) последние годы жизни провел на острове *Святой Елены*.

70. ИИ. Авториз. маш., без загл., с вар. (РГАЛИ).

71, 72, 73. ИИ.

74. ИИ. *Офелия* — героиня трагедии Шекспира «Гамлет». *Кровавые мальчики в глазах Годунова.* Перефраз ст. «И мальчики кровавые в глазах...» (монолог царя Бориса) из трагедии Пушкина «Борис

Годунов». Я выиграю ценою моих морщин, Словно Пирр, строчек побище — т. е. выиграю, но слишком дорогой ценой. Исступлен разгулом тяжелым моим, Как Нерон. Нерон (37—68) — римский император, стяжавший известность своей жестокостью. Кчемно — неологизм. Я куда, во сто крат, несчастливее Цезаря, Ибо Брут мой — Мой собственный ум — т. е. мой ум — мой убийца. Римский император Гай Юлий Цезарь (102 или 100—44 до н. э.) был убит в результате заговора одним из своих военачальников Брутом. Бредет, как за лодкой Христос. Имеется в виду евангельский эпизод, повествующий о том, как ученики Иисуса отправились на лодке по озеру, Иисус же, увидев их «бедствующих в плавании, потому что ветер им был противный, <...> подошел к ним, идя по морю, и хотел миновать их. Они, увидевши Его идущего по морю, подумали, что это призрак, и вскричали...» (Ев. от Марка. 6, 48—49). Как за Фаустом встарь, За мной черным пуделем гонится. В «Фаусте» Гёте «обыкновенный пудель, пес лохматый», прибившийся к Фаусту во время его прогулки, обращается затем в Мефистофеля. Петь на севере о пальме южной. Аллюзия на ст-ние М. Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...» (вольный перевод ст-ния Г. Гейне). Агасфер — см. примеч. 52.

75. АК, по черновому автографу (РГАЛИ), с вар. ст. 8: «Лишь бред сердец веками льется»; ст. 15: «Знаменный пурпур, нож убийцы»; ст. 17—18: «Как ни грохочет динамит, и как ни польхнет восстанье». Печ. по авториз. маш. (там же), с датой и пометой М. М. Волковой: «6 июля 1931 г.», отражающей, возможно, этап работы над текстом.

76, 77. АК. Авториз. маш. с пометами М. М. Волковой (РГАЛИ).

78. Печ. впервые по авториз. маш. с пометами М. М. Волковой (РГАЛИ); там же — черновой автограф, с вар., с датой: 23 июля 1932. Эпиграф — из ст-ния В. Брюсова «Демон самоубийства» («Своей улыбкой, странно-длительной...», 1910). О черный ангел кастроф. Образ восходит к романтическим поэмам М. Ю. Лермонтова «Ангел смерти» (1831), «Азраил» (1831), «Демон» (1829—1839). Ангел смерти, появлявшийся когда-то в последний час человека для того, чтобы утешить его и проводить в загробный мир, становится враждебным и страшным: «И льда хладней его объятье, И поцелуй его — проклятье!..» («Ангел смерти»). Уже успел коснуться дважды моих избранниц ты плащом. Вероятно, имеется в виду трагическая смерть возлюбленной поэта Юлии Дижур (см. примеч. 66—67) и его матери, Е. Л. Львовой-Шершеневич (ум. 15 апр. 1919 г. в Бобруйске).

79. Печ. впервые по авториз. маш. с пометами М. М. Волковой (РГАЛИ); там же — черновой автограф, с вар., с датой: 23 июля 1932 г. Палаццо (ит.) — дворец, особняк с величественным и пышным фасадом; здесь: символ богатства и известности.

80. Печ. впервые по авториз. маш. с пометами М. М. Волковой (РГАЛИ), с датой: 1935 г. Датируется с учетом пометы М. М. Волковой (?): «19 марта 1933 г.» *И шорох имени Марши*. Ст-ние обращено к жене поэта М. М. Волковой. *Ты кудри скрала у валькирий Иль обронил их аргонавт*. Валькирии (сканд. миф.) — воинственные девы, решающие исход сражений и уносящие храбрейших из павших воинов во дворец бога Одина — Вальхаллу, где прислуживают им. *Аргонавт* (греч. миф.). Аргонавты — герои, отправившиеся на корабле «Арго» за золотым руном. Здесь, вероятно, намек на золотой цвет волос героини.

81. АК. Авториз. маш. (РГАЛИ), с датой: 23 марта 1933 г. и пометой М. М. Волковой: «1935 г.»; там же — черновой автограф, с датой: 23 марта 1933 г.

82. Печ. впервые по авториз. маш. (РГАЛИ), с датой: 1933 и пометами: «30 июля <1933>» и «(1938)» М. М. Волковой; там же — черновой автограф, с вар. ст. 13: «И властной путаешь морокой» и ст. 22: «И реже, чем прибой в крови», с датой: 30 июля 1933 г. Эпиграф — из ст-ния А. С. Пушкина «Тургеневу» (1817).

83. Печ. впервые по авториз. маш. (РГАЛИ); там же — черновой автограф, с вар. Адресат заглавия тщательно вымаран автором, восстановить его не представляется возможным.

84—85. Печ. впервые по авториз. маш. (РГАЛИ); там же — белой автограф, с вар. Источник эпиграфа обнаружить не удалось. 1. *Мы нити Парок сами режем*. Парки (рим. миф.) — богини судьбы, которые прядут нить жизни и обрезают ее в назначенный час.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

86. ССт. Т. 1. Зачеркнутые ст. 3—4 — в черновиках ст-ния «Хулиган» (№ 96) — РГБ. Ю. Н. Либединский приводит свою беседу с Есениным, относящуюся к данному ст-нию: «„Я же с первых своих стихотворений стал писать чистыми и яркими красками“. — „Это и есть имажинизм?“ — спрашивал я. — „Ну да, — говорил он недовольно. — То есть все это произошло совсем наоборот... Разве можно предположить, что я с детства стал имажинистом? Но меня всегда тянуло писать именно такими чистыми, свежими красками, тянуло еще тогда, когда я во всем этом ничего не понимал“. И он тут же прочел — я услышал тогда впервые это маленькое стихотворение <...>. (Приводится его текст. — Э. Ш.). — „Это я написал еще до того, как приехал в Москву. Никакого имажинизма тогда не было, да и Хлебникова я не знал. А сколько лет мне было? Четырнадцать? Пятнадцать?“» (Мои встречи с Есениным // Есенин в воспоминаниях. Т. 2. С. 143—144).

87. «Знамя труда» (М.). 1918, 13 апр.; «Наш путь». 1918, № 1, апр. — в обоих с посвящ.: «Р. В. Иванову». — Есенин С. Триптих: Поэмы. Берлин: «Скифы», 1920, с вар. — Есенин С. Преображение. М.: «Имажинисты», 1921, с посвящ.: «Разумнику В. Иванову». — Поэзия большевистских дней. Берлин, 1921, без посвящ. — ССтП — всюду б. д. ССт. Т. 1 — с датой: 1918. Датируется по авт. помете в верстке неизд. сб. «Ржаные кони» (ИМЛИ). *Содом* (библ.) — один из двух городов, уничтоженных в наказании за грехи и падение нравов их жителей Богом, который «пролил <...> на Содом и Гоморру дождем серу и огонь <...> и ниспроверг <...> всех жителей городов сих...» (Бытис. 19, 24—25). *Егудилл* (Иегудилл, библия) — имя одного из семи архангелов. *Не глядя назад... выходит Лот*. Житель Содома праведник Лот вместе с женой и двумя дочерьми был выведен из обреченного города двумя ангелами и тем самым избег Божьей кары. Однако жена его, вопреки запрету оглянувшаяся назад, была превращена в соляной столп. *Омеж* — лемех.

88. КБ-2. — «Знамя» (Берлин). 1921, № 2, авг., без ст. 13—16. — Избранное 1922 — всюду б. д. Датируется по ССт. Т. 1. Положено на музыку Р. С. Бунным, В. Ф. Веселовым, А. Н. Покровским.

89. КБ-2. — Трерядница 1921, без посвящ. — Поэзия революционной Москвы. Берлин, 1922, под загл.: «Клюеву», с вар. — Избранное 1922. Датируется по ССт. Т. 1. Ст-ние обращено к поэту Николаю Алексеевичу Клюеву (1887—1937). Познакомившись с Клюевым в 1915 г., Есенин сначала испытал его влияние, однако уже три года спустя пишет о глубоких творческих расхождениях, о неприятии творчества Клюева, которое сохранилось у Есенина до конца жизни: «Клюев, <...> за последнее время, сделался моим врагом. <...> То единство, которое Вы находите в нас, только кажущееся» (письмо Р. В. Иванову-Разумнику, апр. 1918 //Есенин С. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1980. Т. 6. С. 86). *О друг, кому ж твои ключи Ты золотил поющим словом?* Ср. в том же письме Р. В. Иванову-Разумнику: «Говорю Вам это не из ущемления „первенством“ Солнценосца (имеется в виду Клюев. — Э. Ш.) <...>, а из истинной обиды за Слово, которое не золотится, а проклевывается из сердца самого себя птенцом...» (Там же. С. 87). (Ср. последние слова со ст-нием № 87, гл. 5, ст. 19—20.)

90. КБ-2. Датируется по ССт. Т. 1.

91. «Москва». 1920, № 4. Датируется по ССт. Т. 1. Беловой авторграф РГАЛИ. Положено на музыку В. Ф. Веселовым.

92. «Сирена» (Воронеж). 1919, № 4/5, 30 янв. Датируется по ССт. Т. 1. *Верша, вентерь* (вентер) — рыболовные снасти, первая — в виде воронки из прутьев, вторая — с сетчатыми крыльями по бокам.

93. «Советская страна». 1919, 17 февр., с посвящ.: «Р. Ивневу», с вар. — КБ-2. — Трерядница 1921. — Есенин С. Березовый ситец. М., 1925 — всюду б. д. Датируется на основании авт. помет в на-

борном экз. ССт (ГЛМ) и в верстке неизд. сб. «Ржаные кони» (ИМЛИ). Автограф гл. 3 с авт. пометой: «1919, февраль, 18. Москва» (дата записи) — альбом И. В. Репина (РГАЛИ). О работе над ст-нием при подготовке Есениным сб. Трерядница 1920 весной 1920 г. вспоминает И. В. Грузинов: «Отдельные неприклеенные листки дает мне: „Прочти и, если что заметишь, скажи!“ Читаю поэму „Пантократор“. Предлагаю переделать строку: „Полярный круг — на сбрую“. Спорим. Он не соглашается. Защищает строчку» (Есенин в воспоминаниях. Т. 1. С. 351—352). *Пантократор* (всевластитель, греч.) — поясное изображение Христа Благословляющего. *Водолей* — зодиакальное созвездие. *Верша* — см. примеч. 92.

94. Харчевня зорь. М., 1920, с вар., дата: сентябрь 1919. — Трерядница 1920, б. д. — ССт. Т. 2, дата: 1920. Датируется по «Харчевне зорь» и верстке неизд. сб. «Ржаные кони» (ИМЛИ). Беловой автограф РГАЛИ.

В «Харчевне зорь» — с чтением гл. 3, ст. 14—16:

Жуй твой хлеб и расти овес.
Славься тот, кто наденет перстень
Обручальный овце на хвост;

гл. 5, ст. 10—12:

Череп с плеч только слов мешок.
Всё познать, ничего не взять
В мир великий поэт пришел.

Об авт. правке гл. 5, ст. 10—12 при составлении сб. Трерядница 1920 весной 1920 г. см. воспоминания И. В. Грузинова в кн.: Есенин в воспоминаниях. Т. 1. С. 352. В письме Р. И. Иванову-Разумнику из Ташкента (май 1921) Есенин, критикуя рифмы, «какими переполнено все наше творчество» (речь идет о точных рифмах и рифмовке одинаковых частей речи), пишет: «Я <...> отказался от всяких четких рифм и рифмую теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но разномысленно, вроде: почва — ворочается, куда — дал и т. д. Так написан был отчасти „Октоих“ и полностью „Кобыльи корабли“» (Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1980. Т. 6. С. 108). Н. Клюев с осуждением откликнулся на данное ст-ние стихами:

И груз «Кобыльих кораблей» —
Обломки рифм, хромые стопы.
Не с Коловратовых полей
В твоём венке гелиотропы, —

Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с никотином...

(«В степи чумацкая зола...», 1921)

95. ЖТРСМ. 1919, № 34/35, под загл.: «А. Кусикову». — ПС; Трерядница 1920. Датируется по ССт. Т. 1. Положено на музыку Г. В. Свиридовым.

96. «Знамя» (М.). 1920, № 5(7), ноябрь, без загл. — ССтП. Датируется по ССт. Т. 1. Автограф, без загл., с вар. РГБ.

97. Ч а с т и ч н о. «Творчество». М., 1920, № 7/10, июль—окт. — гл. 3-я и 2-я, под загл.: «Отрывки из поэмы „Сорокоуст“». П о л н о с т ь ю. Им 1921. — ССтП. В ССт Т. 2 — дата: 1920. Датируется по Им 1921 и кн.: Есенин С. Исповедь хулигана. [М.], 1921. В посмертных изд. печ. с купюрой в гл. 1, ст. 5. Ст-ние написано во время поездки вместе с Мариенгофом на Кавказ летом 1920 г. О реальном происшествии, послужившем толчком для создания гл. 3, сообщает Есенин в письме к Е. И. Лившиц от 11—12 авг. 1920 г.: «Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец стал уставать, и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни и ликом Махно. Она и он в революции нашей страшно походят на этого жеребенка, тягательством живой силы с железной. <...> Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний» (Есенин С. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1980. Т. 6. С. 99—100). О том же эпизоде пишет Мариенгоф: «Мы лежали в своем купе. <...> В хвосте поезда вдруг весело загалдели. От вагона к вагону — пошел галдеж по всему составу. Мы высунулись из окна. По степи, вперегонки с нашим поездом, лупил обалдевший от страха перед паровозом рыжий тоненький жеребенок. Зрелище было трогательное. Надрываясь от крика, размахивая штанами и крутя кудлатой своей золотой головой, Есенин подбадривал и подгонял скакуна. Железный и живой конь бежали вровень версты две. Потом четвероногий стал отставать, и мы потеряли его из вида. Есенин ходил сам не свой. <...> А в прогоне „от Минеральных <Вод> до Баку“ Есениным написана лучшая из его поэм — „Сорокоуст“» (РБВ. С. 92—94). Известны воспоминания нескольких очевидцев об авторском чтении ст-ния на «Вечере современной поэзии» под председательством В. Брюсова в Политехническом музее 17 окт. 1920 г. «Ни одно из произведений Есенина не вызвало такого шума, как „Сорокоуст“, — вспоминал И. Н. Розанов. — <...> Уже четвертый или пятый стих вызывает кое-где свист и отдельные возгласы негодования. В стихах этих речь идет о блохах у мерина. Но когда поэт произносит девятый стих и десятый, где встречается слово, не принятое в литературной речи, начинается свист, шиканье, крики: „Довольно!“ и т. д. Есенин пытается продолжать, но его не слышно. Шум растет. Есенин ретируется. <...> С невероятным трудом при

помощи звучного и зычного голоса Шершеневича председателю удастся наконец водворить относительный порядок. Брюсов встает и говорит: „Вы слышали только начало и не даете поэту говорить. Надеюсь, что присутствующие поверят мне, что в деле поэзии я кое-что понимаю. И вот я утверждаю, что данное стихотворение Есенина самое лучшее из всего, что появилось в русской поэзии за последние два или три года“. Есенин начинает, по обыкновению размахивая руками, декламировать сначала. Но как только он опять доходит до мужицких слов, не принятых в салонах, поднимается рев еще больше, чем раньше, топот ног. <...> „А все-таки он прочтет до конца!“ — кричит Шершеневич. Есенина берут несколько человек и ставят его на стол. И вот он в третий раз читает свои стихи, <...> но даже в передних рядах ничего не слышно: такой стоит невообразимый шум» (Есенин в воспоминаниях. Т. 1. С. 434—435). О том же чтении вспоминает М. Сви́рская, приводящая слова Брюсова, который «во всю силу своего небольшого голоса крикнул: „Доколе же мы будем бояться истинно русских слов!“» (Знакомство с Есениным // «Наш современник». 1990, № 10. С. 169). См. также: Ройзман. С. 82—83. В печати с неприязнью отмечалась связь поэмы с имажинизмом: «В прекрасную поэму Сергея Есенина „Сорокоуст“, в его „Исповедь хулигана“ уже просочились „ароматы“ из „черпака“ Вадима Шершеневича» (Львов-Рогачевский. С. 7). «Меня спрашивают, — записал И. Н. Розанов 26 февр. 1921 г. „только что рассказанную <...> перед этим Есениным его автобиографию“, — зачем я в стихах своих употребляю иногда неприятные в обществе слова — так скучно иногда бывает, так скучно, что вдруг и захочется что-нибудь такое выкинуть. А впрочем, что такое „неприличные слова“? Их употребляет вся Россия, почему не дать им права гражданства и в литературе» (Есенин в воспоминаниях. Т. 1. С. 422). *Аллилуйя* («Восхваляйте Господа», ивр.) — славословие в иудейском и христианском богослужениях.

98. Золотой кипяток. М.: «Имажинисты», 1921; Есенин С. Исповедь хулигана. [М.], 1921. — Поэзия революционной Москвы. Берлин, 1922 — ст. 22—39, под загл.: «Отрывок из „Исповеди хулигана“». — Есенин С. Стихи. (1920—1924). М.; Л., 1924 — без ст. 70—71, 74—75. — ССт. Т. 2. В посмертных изд. печ. с купюрой в ст. 71. Автограф ст. 70—71 — альбом А. Крученых (ИМЛИ). *С головой, как керосиновая лампа, на плечах*. Ср.: «Голова моя — темный фонарь с перебитыми стеклами» (Саша Черный. Стилизованный осел. <1909>).

99. Трерядница 1920. — «Творчество» (Чита). 1921, № 7, без посвящ., без ст. 13—20. — Справочник-альманах. Берлин, 1922, без посвящ. — Избранное 1922; ССтП; Поэзия революционной Москвы. Берлин, 1922 — всюду б. д. ССт. Т. 1 — с неверной датой: 1921. Написано весной 1920 г. в с. Константиново (Есенин побывал там, вероятно, в начале мая). «На третий день, перед отъездом, Сергей сказал мне, — вспоминала сестра поэта Е. А. Есенина, — а скорее самому себе: „Толя (А. Мариенгоф. — Э. III.) говорил, что я ничего не напишу здесь, а я написал стихотворение“. В этот приезд Сергей

написал стихотворение „Я последний поэт деревни...“ (Есенин в воспоминаниях. Т. 1. С. 54).

100. Звездный бык. М., 1921, дата: 1921. Др. даты: Есенин С. Стихи. (1920—1924). М.; Л., 1924: 1920; ССт. Т. 1: 1919. Беловой автограф (РГАЛИ). Датируется по первой публикации, а также на основе свидетельства Рюрика Ивнева, писавшего В. Белоусову 27 мая 1969 г.: «Есенин прочел мне свою „Песнь о хлебе“ в начале 1921 года в книжном магазине имажинистов. Вспомнить точно числа я, конечно, не могу, но, по-видимому, это было в средних числах января, в один из самых морозных дней <...>. Я помню хорошо: он сказал мне, что прочтет только что написанное им стихотворение» (Белоусов В. Сергей Есенин: Литературная хроника. М., 1970. Ч. 2. С. 8. См. также: Ивнев Р. О Сергее Есенине // Воспоминания о Есенине. Т. 1. С. 335). «Его „Песнь о хлебе“ является образцом мифотворчества молодого поэта» (Львов-Рогачевский. С. 55).

101. «Накануне». Лит. приложение № 4. 1922, 21 мая. — Есенин С. Стихи. (1920—1924). М.; Л., 1924. — ССт. Т. 1. Черновой автограф РГАЛИ, под загл.: «Уезд», ст. 23—24 в неск. вар., последний из них:

И стою я, кривясь от корчи,
Черных дум заглушая вой.

Ройзман сообщает, что он был свидетелем работы над этим стихом осенью 1921 г. и первым его слушателем (см.: Ройзман. С. 149—150).

102. «Культура и жизнь». 1922, № 2/3, 1—15 марта, с вар. — «Вещь» (Берлин). 1922, № 3, май, с вар. — в обоих под загл.: «Волчья гибель». — ССтП. — ГПП. 1923, № 2, под загл.: «Волчья гибель». — Есенин С. Москва кабацкая. Л., 1924, под загл.: «Волчья гибель» — всюду б. д. — ССт. Т. 1. Автограф (РГАЛИ). с загл., зачеркнутым автором. «Я только один раз видел Есенина пишущим стихи. Это было днем: он сидел за большим красного дерева письменным столом Айседоры (Дункан. — Э. Ш.), тихий, серьезный, сосредоточенный. Писал он в тот день „Волчью гибель“. Когда я через некоторое время еще раз зашел в комнату, он, без присущих ему порывистых движений, как будто тяжело чем-то нагруженный, поднялся с кресла и, держа листок в руках, предложил послушать...» (Шнейдер И. И. Из книги «Встречи с Есениным» // Есенин в воспоминаниях. Т. 2. С. 40. См. также: Старцев И. И. Мои встречи с Есениным // Там же. Т. 1. С. 413).

103. ГПП. 1922, № 1. В прижизненные сб-ки Есенина не включалось. Написано весной, вероятно в начале мая 1922 г. Автограф стиха был вручен Мариенгофу 7 мая, за три дня до отъезда Есенина и Айседоры Дункан за границу (см. примеч. 143).

104. ГПП. 1924, № 1(3), в цикле «Москва кабацкая», вместе со стихами «Да! Теперь решено. Без возврата...» и «Я усталым таким

еще не был...», б. д. В ССт. Т. 1 также б. д. Датируется на основании сообщения П. Жукова, что после возвращения в 1923 г. из зарубежной поездки Есенин читал это стихотворение в числе «привезенных его стихов (еще не напечатанных)» («Зори» (Пг.). 1923, № 2, 18 нояб. С. 11).

105. О т р ы в к и. Конский сад. М., 1922 — 7-я картина, ст. 52—74, под загл.: «Из трагедии „Пугачев“», дата: 1919; Сб. лит.-худож. революционных произведений. М., 1922 — 1-я картина, ст. 1—88, под загл.: «Из поэмы „Пугачев“». П о л н о с т ь ю. Отд. изд.: Пугачев. М.: «Имажинисты», 1922 (кн. вышла в дек. 1921 г.). — Пугачев. Пг.: «Эльзевир», 1922, без посвящ. — Пугачев. Берлин: Русское универсальное изд-во, 1922, без посвящ. Печ. по ССт. Т. 3 с исправлением опеч. в назв. 7-й картины (напеч.: «Вечер качает рожь»). Черновой автограф (РГАЛИ) под первонач. загл.: «Поэма о великом походе Емельяна Пугачева» (зачеркн.), с многочисл. вар., с ремарками, с датой: «1921, старый стиль: февраль—август, новый: март—август». В посмертных изд. печ. с купюрой в 4-й картине, ст. 102. Подготовкой к работе над поэмой Есенин занимался в ноябре—декабре 1920 г. «Зайдя как-то в книжный магазин, — вспоминает Е. Р. Эйгес, — я застала Есенина, сидящего на корточках где-то внизу. Он копался в книгах, стоящих на нижней полке, держа в руках то один, то другой фолиант. „Ищу материалов по Пугачевскому бунту. Хочу писать поэму о Пугачеве“, — сказал Есенин» (Белусов В. Сергей Есенин: Литературная хроника. М., 1970. Ч. 1. С. 174). Есенин начал писать поэму в марте 1921 г. в Москве и продолжил во время поездки в Ср. Азию (апр.—нач. июня). Во время пребывания в Ташкенте Есенин, по рассказу В. И. Вольпина, 27 мая «почти целиком прочитал свою трагедию» у него на квартире (Есенин в воспоминаниях. Т. 1. С. 426). Работа была завершена в августе в Москве. В окончательный текст не вошел фрагмент 6-й картины (маш., хранилась у Г. А. Бениславской; в наст. время — РГАЛИ; впервые опубл.: Есенин С. Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1962. Т. 4.).

6

ЛУННЫЙ ПАРУС НАД САРАТОВСКОЙ
КРЕПОСТНОЙ СТЕНОЙ

З а р у б и н

Ст. 1—16 — как в основном тексте первые 16 строк монолога Зарубина из 6-й картины. Далее следует:

Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля
И еще тысячи возьмем крепостей,
И в Казани, и в Перми, и в Саратове
Точит чернь топоры на властей.
Скоро брызнет она в зверской стычке,
Как прибоем пурги буран.
Он пришел к нам, наш царь мужицкий,
Чтоб спасти нас от лапиц дворян.

Всех, кто жил в подъяремной обиде,
Он под парус грозы — по волнам!

Полюбилась душе моей жизнь простая,
Понял я, что вот здесь над степным пустырем
Лучшим сыном земли человек вырастает,
Вместе пищу и дружбу деля со зверьем.
Не случайно, не случайно, совсем не случайно
Жег я пламенем глаз путевые столбы.
Я открою вам страшную, жесткую тайну,
Тайну несчастливой моей судьбы.
Голубую звезду над простором отыскивая,
Сердце светильником неся во мгле,
Я — законный хозяин страны Российской —
Как бездомная собака бродил по земле.

Слушайте ж, слушайте, я вам расскажу,
Я расскажу вам, как это случилось.

Всем известно, что с первых же дней к мужику,
Лишь взойдя на престол, я струил свою милость.
Знал я, знал, что крестьянскую Русь
Чтут дворяне за скот иль еще того хуже;
Что над всеми пространствами тяжкая грусть
Свищет, как ветер декабрьской стужи.
И решил я, решил я, решил я тогда
Круто взять над дворянами правительственные вожжи,
Эти пастбища отдать тем, кто водит стада,
Эти пашни отдать тем, кто сеет их рожью.
Я постиг, я постиг: чтоб страна расцвела,
Надо волю мужицкую вместе с солнцем числить.
Но не счесть вам коварства, не вымерить зла,
Что чинили мне дворяне за эти мысли.

П у г а ч е в

Так сражайтесь же, бейтесь беспощадней и злей,
Не желайте и не ждите исхода скорого!
Знаю я, против нас с Измаильских полей
Двигутся полки полководца Суворова.
Трудно смирить этого сукина сына,
Озорного и бойкого в военном взмахе,
И деньгами и ляжками покупает Екатерина
У продажных мерзавцев мою голову для плахи.
Только плевать мне, плевать на мразь!
Знаю я, что не в бабьей говядине сила.
Это отбиваются за грабительскую власть
Сволочные и подлые дворянские рыла.
Так крошите ж, губите и рушьте на части
Всё, что пахнет, как падалью, этими стервами.
Зарубите на носах, что в своем государстве
Вы должны не последними быть, а первыми.

Впервые в Москве Есенин читал поэму в Доме печати 1 июля 1921 г. «Я был председателем собрания, — вспоминал В. Т. Кириллов. — Как и всегда, Есенин читал прекрасно, увлекая аудиторию мастерством своего чтения. Поэма имела успех. Все выступавшие с оценкой „Пугачева“ отметили художественные достоинства поэмы и указывали на ее революционность. Я сказал, что Пугачев говорит на имажинистском наречии и что Пугачев — это сам Есенин. Есенин обиделся и сказал: „Ты ничего не понимаешь. Это действительно революционная вещь“» (Есенин в воспоминаниях. Т. 1. С. 483). «„Пугачев“, — писал И. Старцев, — доставлял ему самое большое удовлетворение. Он долго ожидал от критики заслуженной оценки и был огорчен, когда критика не сумела оценить значительность этой вещи» (Там же. С. 414). И действительно, в большинстве из двух десятков откликов, появившихся в печати, поэма критиковалась за отсутствие историзма, несценичность и черты имажинизма. «Стих „Пугачева“ вял и неуклюж, — писал Б. Аннибал, — образы громоздки и надуманны. В одних автор повторяет себя, в других заметно постороннее влияние Мариенгофа и Шершеневича. Например, „листоlet“ от мариенгофского „тучелета“ <...>. Влияние имажинистов сказывается и в общей структуре „Пугачева“, и в образах, и в нецензурных словечках...» («Вестник литературы». 1922, № 2/3. С. 23). В. Шамурин, отмечая «интересный замысел», «прекрасные отдельные места», в целом отрицательно оценил поэму: «Что такое есенинский Пугачев? Меньше всего это историческая фигура. <...> Он — романтическая фигура, плод творческой мечты поэта. <...> „Имажинированы“ и испорчены не только Пугачев, но и другие действующие лица. <...> Все они нет-нет да и сбиваются на язык В. Шершеневича и В. Маяковского...» («Культура и жизнь». 1922, № 2/3. 1—15 марта. С. 75, 76). «Не кажется ли вам, — писал А. Лежнев, — что этот начитанный в имажинизме джентльмен (имеется в виду главный герой поэмы. — Э. Ш.) еще прошлым летом декламировал в „Стоиле Пегаса“...» (Пугачев Есенина, или О том, как лирическому тенору не следует петь героических партий // «Вестник искусств». 1922, № 3/4. С. 19). С тех же позиций выступили в печати И. Груздев («Книга и революция». 1923, № 3(27)), Н. Чужак («Жизнь искусства». 1925, № 26) и др. В других рецензиях высказана противоположная точка зрения. С. Городецкий: «Сработана она (поэма. — Э. Ш.) серьезно, написана ярким, могучим языком и полна драматизма. Все свое знание деревенской России, всю свою любовь к ее звериному быту, всю свою деревенскую тоску по бунту Есенин воплотил в этой поэме. Это — лучшая его вещь. <...> „Пугачев“ написан не для сегодняшнего дня. Он войдет в сокровищницу новой пролетарской литературы» («Труд» (М.). 1922, 5 апр.). М. Павлов: «...самое важное в поэме — это внутренняя правдивость ее, которая волнует нас, современников, и которая будет волновать, может быть, многих поздних читателей потому, что „Пугачев“ — это поэма наших дней, нашего героизма и нашего предательства» («Книга и революция». 1922, № 7(19). С. 58). П. С. Коган: «Пугачев Есенина — не исторический Пугачев, он немного подкрашен в имажинистские цвета. Но самая природа мужицкого бунта постигнута своеобразно в духе есенинского мироощущения. Нет ничего исторического, большого в этих сценах, а есть обыкновенные люди»

(Литература этих лет: 1917—1923. Иваново-Вознесенск, 1924. С. 123). «Пугачев» предназначался автором для сцены, о чем свидетельствуют многочисленные ремарки в черновой рукописи, в окончательный текст не вошедшие. Пьесу намеревался поставить В. Э. Мейерхольд. В Театре РСФСР I состоялось (вероятно, в январе 1922 г.) чтение «Пугачева», а также трагедии Мариенгофа «Заговор дураков» (см. ст-ние № 140). Однако постановка не была осуществлена. «Пугачев» был поставлен лишь 45 лет спустя, в 1967 г. в Московском театре драмы и комедии на Таганке; ставился также в Польше («Театр польски», Варшава, 1967), Италии («Театро мобиле», 1981). *Пугачев* Емельян Иванович (1740 или 1742—1775), донской казак, под именем Петра III возглавил восстание крестьян и казаков в 1773—1775 гг. 1. *Яицкий городок* (с 1775 г. — Уральск) расположен при впадении в р. Урал р. Чагана; центр яицкого казачества; отсюда началось восстание Пугачева. После подавления восстания был переименован именованным указом «для предания всему случившемуся полного забвения». *Яик* — старинное назв. р. Урал; также был переименован указом Екатерины II. *Третий Петр* — Петр III (1728—1762), российский император (1761—1762), сын дочери Петра I Анны Петровны и голштейн-готторпского герцога Карла-Фридриха. В 1745 г. вступил в брак с будущей императрицей *Екатериной II* (1729—1796); был убит в результате дворцового переворота, устроенного с ее ведома. После переворота циркулировали слухи, что причиной убийства послужило намерение Петра III освободить крестьян. 2. *Иргис* (Иргиз) Большой и Малый — реки в Самарской губ., притоки Волги. *Траубенберг* — генерал-майор, был прислан в 1771 г. в Яицкий городок для формирования из казаков гусарских эскадронов. В результате возмущения был убит вместе с яицким войсковым атаманом *П. Тамбовцевым* в январе 1772 г. *Прогон* — здесь: дорога в изгородях, по которой гонят скот на выгон или водопой. 3. *Озирка* — оглядка. *Таловой умет*. Вероятно, имеется в виду хутер Таловой Самарской губ. Умет — постоялый двор. *Джигильда* — Джигертау, горная цепь в Оренбургской губ. *Алатырь* — река в Нижегородской и Симбирской губерниях; впадает в р. Суру, приток Волги. 5. *Хлопуша* (А. Т. Соколов, 1714—1774) — беглый каторжник, один из видных сподвижников Пугачева. *Вспург* — снежный вихрь. *Рейнсдорп* — оренбургский губернатор. *За Сакмарой рабочие... пушки льют*. Сакмара — правый приток Урала, впадающий в него возле Оренбурга; вдоль ее берега находились медные рудники. Сакмарский городок, станица в 30 верстах от Оренбурга, был взят восставшими. *Оса, Сарануль* — небольшие города на берегу Камы, захваченные отрядами Пугачева. *Черемшан* — Большой, левый приток Волги, и Малый, приток Большого, — реки в Самарской и Казанской губерниях. 7. *Сарепта* — поселок на р. Сарпе, немецкая колония; в 1774 г. была взята восставшими. *Свадьбище* — скопище. *Наше войско разбито вконец Михельсоном*. Генерал И. И. Михельсон (1740—1807) наиболее успешно действовал против Пугачева и нанес ему решающее поражение. *Золоторотец* — оборванец, босьяк. 8. *Тамерлан* (Тимур, 1336—1405) — среднеазиатский полководец.

106. Исход. Альм. 1-й [Пенза], 1918, с посвящ.: «Эльзе фон Модрах». — ВС. В рец. на ВС Р. И. (Рюрик Ивнев), отметив, что автор «находится под сильным влиянием Маяковского», далее, однако, пишет: «Из этого не следует, что у него нет ничего „своего“». Мариенгоф безусловно талантлив. Он находится во власти образов подлинных и несомненных. Вы не найдете у него ни одного трафарета, ни одной „заезженности“. <...> Он не анемичен, не вял — подобно могим юным поэтам. Даже больше: среди поэтической молодежи сегодняшнего дня он выделяется. Он обращает на себя внимание. О его стихах стоит говорить и писать» («Советская страна», 1919, 10 февр.). *Как голову Иоканана*. Иоканан (Иоанн Креститель) — евангельский пророк. Осуждал царя Иудеи Ирода Антипу, отнявшего у своего брата жену Иродиаду. Дочь ее Саломея так угодила Ироду своей пляской на пиру, что он пообещал исполнить любое ее желание. Саломея, по наущению матери, потребовала голову Иоанна. Отрубленную голову «принесли <...> на блюде и дали девице, и она отнесла матери своей» (Ев. от Матфея. 14, 3—4). *Как голову Олоферна*. Согласно Библии, красавица Юдифь пришла к ассирийскому полководцу Олоферну, чьи войска подвергали длительной осаде еврейскую крепость Ветулию, обольстила его и, когда он после пиршества уснул, своим мечом отрубила ему голову, после чего ассирийцы бежали. *Как нож гильотины — Марату*. Марат Жан Поль (1743—1793) — один из вождей якобинцев в период Великой французской революции, был заколот кинжалом Шарлоттой Корде. Гильотина применялась в период революции, с 1792 г. *Как Еве — змий*. Ева (библ.) — жена Адама, праматерь рода человеческого. Змей-искуситель соблазнил ее вкусить от запретного плода с древа познания добра и зла, что повлекло за собой Божий гнев и изгнание Адама и Евы из рая. *Как, за Распятого, Иуде — осины Сук*. Иуда (еванг.), один из двенадцати апостолов, предал Иисуса; затем, еще до распятия его, терзаясь угрызениями совести, «пошел и удавился» (Ев. от Матфея. 27, 5); согласно устной легенде, повесился на осине.

107. ВС, без эпитафии. — Явь. Два автографа (СтРЛ), др. ред. *Старцев Иван Иванович* (1896—1967) — соученик Мариенгофа по пензенской гимназии, участник имажинистской группы; впоследствии редактор и библиограф. В альм. «Явь» опубликовал ст-ние «Что Данте...» с посвящ. Мариенгофу. *Савонарола* (1452—1498) — доминиканский монах; выступал против тирании во Флоренции, яростно призывал служителей церкви к аскетизму, осуждал гуманистическое искусство; был объявлен еретиком и сожжен на костре. *Давида псалмы*. Давид (ок. 1010—970 до н. э.) — царь Израиля; по Библии — автор книги псалмов (песнопений религиозно-философского характера) Псалтырь.

108. ВС. *Встала печаль, как Лазарь*. Лазарь (еванг.) на четвертый день после смерти был воскрешен Иисусом и восстал из гроба. «И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком» (Ев. от Иоанна. 11, 44).

109. Явь. Три автографа (СтРЛ), др. ред. «Анатолию Мариенгофу, — отмечал критик, приводя ст-ние целиком, — Октябрьская революция также (подобно С. Есенину. — Э. III.) представляется бунтом азиатского начала против Европы, — он также упоминает про любимых героев Хлебникова и Каменского — Пугачева и Разина» (Шапирштейн-Лерс Я. Е. Общественный смысл русского литературного футуризма: (Неонародничество русской литературы XX века). М., 1922. С. 48).

110. ВС.

111. Явь. Ст-ние вызвало целый ряд негодующих откликов в печати. Так, один из рецензентов возмущался тем, что автор «обращается к Богу — нахально, на ты» (Меньшой А. Оглушительная тьяканье // «Правда». 1919, 12 марта). В. Фриче, процитировав ст-ние целиком, писал: «Здесь каждый образ рисует великую пролетарскую революцию как восстание разбойников и мясников, купающихся в крови, а не как борьбу сознательных коммунистов. <...> это не пролетарская, а лжепролетарская поэзия» (Литературные заметки. 2. Лжепролетарская поэзия // «Веч. известия». 1919, 22 февр.). Цитируя ст-ние, В. Фриче допустил существенное искажение — ст. 16 напеч.: «За рабочих годов позор» (вместо «рабьих»), что изменило смысл ст-ния на противоположный. Мариенгоф в «Письме в редакцию» отметил «досадную опечатку (иного объяснения не хочу и не могу искать)», которая «злостно искажает смысл моих строк» (Там же. 1919, 26 февр.). См. также: $2 \times 2 = 5$ (наст. изд., с. 30). Вероятно, ст-ние навеяно увиденным из окна изд-ва ВЦИК в Москве, где Мариенгоф летом 1918 г. начал работать в качестве ответственного литературного секретаря: «Стоял теплый августовский день. Мой стол в издательстве помещался у окна. По улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, что шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано: „Мы требуем массового террора“» (РБВ. С. 12). «Массовый террор» — Красный террор, объявленный Советской властью после убийства М. С. Урицкого и покушения на Ленина 30 авг. 1918 г.; уже в сентябре, по официальным данным, было расстреляно пятьсот заложников. *Каин* (библ.). — старший сын Адама и Евы, земледелец, убивший из зависти своего брата Авеля, «пастыря овец», и за это проклятый Богом.

112. Явь. В «Сборнике литературно-художественных революционных произведений» (М., 1922) ошибочно напечатано как одно ст-ние с № 118. Два автографа (СтРЛ), др. ред.: «Очень рад. Очень!..» (на основе ст. 9—16) и «В красной баньке подбавим жару...» (на основе ст. 25—32). *Бедлам* — здесь: сумасшедший дом, хаос. *Канкан* — французский эстрадный танец; характерное па — высокое вскидывание ног. *Варавва* (еванг.) — был посажен в иерусалимскую тюрьму «за произведенное в городе возмущение и убийство» (Ев. от Луки. 23, 19). Народ, подстрекаемый первосвященниками и старейшинами, пришел к римскому наместнику Понтию Пилату с требованием освобождения Вараввы и смерти Иисуса. «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл

руки перед народом, и сказал: невиновен перед Праведником я в крови сего; смотрите вы» (Ев. от Матфея. 27, 24). *Тверской* — бульвар в центре Москвы. *Марсельеза* — см. примеч. VI.

113. Исход. Альм. 1-й. [Пенза], 1918. — Явь. *Еще не одна революция Нянчиться будет в твоей зыбке...* — популярная в тот период в публицистике, а также в художественной литературе тема перерастания Октябрьской революции в мировую. Ср., напр., у Блока: «Мы на горе всем буржуйам Мировой пожар раздуем...» («Двенадцать», янв. 1918); о том же — у Шершеневича (см. примеч. 62).

114. Явь. *Новый Иерусалим*. Вероятно, здесь ассоциация с крестовыми походами в Иерусалим для освобождения Гроба Господня от «неверных».

115. Явь. Одно из ст-ний Мариенгофа (наряду с № 111), обративших на себя наиболее пристальное внимание критиков и часто ими цитировавшееся. Так, В. Львов-Рогачевский, неоднократно высказывавшийся против имажинистской поэзии, целиком приводит оба ст-ния как «позорнейшие» в альм. «Явь»: «<...> два образчика этой поэзии, которая ничего общего не имеет с пролетарской». Полагая, что «весь сборник посвящен борьбе с религиозными предрассудками и суевериями», он пишет далее: «Можно быть атеистом, пламенно бороться против духовенства и оставаться человеком в борьбе против человека Христа, но Мариенгофы, хлещущие святость нагайками, вздергивающие на дыбу „хилое тело Христа“, пострадавшего за идею, не смеют всеу призывать имя человека. Их „я“ не имеет никакого отношения к великой революции, которая шагает через изжитые ценности, но не пляшет отвратительный канкан...» (Львов-Рогачевский В. *Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин*. М., 1919. С. 181—182). Ср. в примеч. 123. С подобной точкой зрения полемизирует С. Григорьев: «Во многих возбуждает ужас то, что написал Мариенгоф о кровавых днях революции. Оно и должно возбуждать Священный Ужас <...>. Неподражаемый и неповторимый вопль (далее полностью цитируется ст-ние. — Э. Ш.). Казалось бы, такое не подлежит повторению. Это не литература. Так проклянем и литературу, если она, бумага, этого „вытерпеть не может“. Ведь где-нибудь должно быть записано и *это*, чтобы было не забыто. Омерзительная русская ругань. Но надо было дойти нам, русским людям, до последних ступеней пафоса в матерщине, чтобы почувствовать ее омерзение» (Григорьев. С. 41—42). *Чрезвычайка* — Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), специальный орган по борьбе с контрреволюцией; создана на главе с Ф. Э. Дзержинским в декабре 1917 г.; в 1922 г. реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ). *Спасай, как на Голгофе разбойника*. Голгофа («лобное место») — холм в окрестностях Иерусалима (ныне в городской черте), на котором, по евангельскому преданию, был распят Христос. По обе стороны от него распяли двух разбойников; один из них на кресте воскликнул: «Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал. <...> И сказал ему Иисус: ис-

тинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю» (Ев. от Луки. 23; 41, 43). *Мария* — мать Иисуса.

116. Явь. *Ушкуйничать поплывем* и т. д. Ушкуйники (от др.-рус. «ушкуй» — речное весельное судно) в Новгородской земле XIV—XV вв. — члены вооруженных дружин, формировавшихся для захвата земель и торгово-разбойничих экспедиций на Волгу.

117. Явь. Два автографа (СтРЛ): ст. 1—8 как отд. ст-ние, с датой: 1917. Ср.: В. Маяковский. *Война объявлена* (1914). *Артиллерия была по «Метрополю», Выкусывая ключья из Врубеля*. Здание московской гостиницы «Метрополь» украшает керамическое панно «Принцесса Греза», выполненное по эскизу М. А. Врубеля. В дни Октябрьского вооруженного восстания (7—16 нояб. 1917 г.) «Метрополь», один из пунктов обороны юнкеров, подвергся обстрелу, и панно было повреждено. В первые недели своего пребывания в Москве, летом 1918 г., Мариенгоф жил в «Метрополе» (тогда — 2-й Дом Советов). «Второго Христа пришествие...», «Антихриста окаянного...» — контрастное восприятие представителями разных социальных групп революции: как второго пришествия Христа, «чтобы воздать каждому по делам его» (Откровение. 22, 12), или, напротив, как победы Антихриста — злого духа, противника Христа. *Саваоф* — одно из имен Ягве (Иеговы), Бога в иудаизме.

118. Явь. Два автографа (СтРЛ), др. ред., с датой: 1917.

119. Явь.

120. Явь. Два автографа (СтРЛ), без посвящения, без 2-й строфы, с датой: 1918. Позднейшие исследователи, приводя это ст-ние, справедливо характеризуют его как «подготавливающее и предвещающее некоторые мотивы позднейшей лирики Есенина»; далее, однако, отмечают с оттенком осуждения: «Помимо дословных совпадений с известным есенинским стихотворением 1925 года („Эх вы, сани! А кони, кони! Видно, черт их на землю принес...“), здесь важно указать на ведущую „идею“, выраженную столь решительно — „Не надо кучера!“, которая так же порой увлекала Есенина по рытвинам и бездорожью и, в частности, занесла его лихих коней в имажинистское „Стойло Пегаса“» (Меньшутин, Синявский. С. 115, 116). *Каменский В. В.* (см. примеч. VI) вместе с Мариенгофом и другими участвовал в альм. «Явь». Ст-ние перекликается с фрагментом поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», где Русь отождествляется с летящей тройкой: «Эх, тройка, птица-тройка!.. <...> Эх, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах...».

121. ЖТРМ. 1919, № 30/31 (4 мая).

122. ЖТРМ. 1919, № 32/33 (18 мая).

123. Мариенгоф А. *Кондитерская солнц*: Поэма. М.: «Имажинисты», 1919. В поэму вошли отд. строфы и строки ст-ния «Будем капища старых вер жечь...» (1918): гл. 3, ст. 3—6, с вар.; гл. 6, ст.

6—10; гл. 7, ст. 10—11, с вар. Критики предъявили автору, как это было и относительно ст-ний № 111 и 115 (см. примеч. к ним) политические обвинения: «...для Маяковского революция — это праздник обновления и братства, для Анатолия Мариенгофа революция — это „мясорубка“ (словечко из его поэмы „Кондитерская солнц“» (Львов-Рогачевский. С. 38). См. также: Евгеньев А. Перлы и адаманты имажинизма // «Вестник литературы». 1921, № 10(34). С. 6. Как одно из характерных свойств имажинистской поэзии отмечалось стремление к отказу от применения глаголов, что проявилось, в частности, и в этой поэме. «Глагол — это даже не печальная необходимость, это просто болезнь нашей речи, аппендикс поэзии. И поэтому началась ревностная борьба с глаголом; многочисленные опыты и достижения Мариенгофа („Магдалина“, „Кондитерская солнц“), Шершеневича (в „Плавильне слов“, в „Суламифи Городов“), др., наглядно блестяще доказали случайность и никчемность глагола» (2 x 2 = 5. С. 40; см. также: Грузинов И. Имажинизма основное. М., 1921. С. 8). «Эксперименты на пути к канонизации безглагольности наблюдаются у итальянских футуристов, а также в новой русской поэзии (например, поэма Мариенгофа „Кондитерская солнц“» (Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 292). «Как воздух, человечьего мяса полтора фунта!» Мотив войны — кровавой бойни звучит и у других современных Мариенгофу поэтов (ср., напр.: В. Маяковский. «Война объявлена», 1914; «Война и мир», 1915—1916; В. Хлебников. «Берег невольников», 1921). *Святополк I Окаянный* (ок. 980—1019) — князь Туровский, затем Киевский; убив трех своих братьев, завладел их уделами. *Кегельбан* — сооружение из досок для игры в кегли. *Из Москвы в Берлин, в Будапешт, в Рим* и т. д. Здесь, как и в ст-нии № 113, речь идет о мировой революции. В конце октября 1918 г. Венгрия была провозглашена независимой республикой; в ноябре произошла революция в Германии. *Стаканы* — здесь: снаряды. *Канкан* — см. примеч. 112.

124. «Сирена» (Воронеж). 1919. № 4/5 (30 янв.) и Автографы. [М., 1919], с вар. Печ. по «Сирена». *Руки царя Ирода* и т. д. Ирод I Великий, царь Иудеи (ок. 73—4 до н. э.); согласно Евангелию, узнав о рождении в Вифлееме Иисуса и опасаясь его как возможного претендента на власть, приказал убить всех вифлеемских младенцев в возрасте до двух лет. Родители Иисуса бежали с ним в Египет. Возвратившись после смерти Ирода в Иудею, они поселились в Назарете (ст. 4 — «Родившегося в Назарете» — неточен); в дальнейшем Иисус проповедовал там. *Крестные муки Разделил Он с двумя разбойниками!* — см. примеч. 115.

125. Г л 1 - я. «Советская страна». 1919, 10 февр., без жанрового обозначения. П о л н о с т ь ю. Мариенгоф А. Магдалина. М.: «Имажинисты», 1919 (на обл.: 1920). Автограф гл. 1-й (СтРП), др. ред., с датой: 1919—1920. Строки из поэмы (гл. 1, 12, ст. 1—4) были запечатлены имажинистами, наряду со стихами др. членов «Ордена», на стене действовавшего Страстного монастыря в Москве (см. об этой акции: примеч. II). В. И. Ленин, прочтя поэму (газ. публикацию), отнесся к ней отрицательно (см.: Мой век... С. 303—305). «В „Магдалине“, — писал В. Шершеневич, — приятно радуется почти

полное отсутствие содержания как темы, как анекдота. Отсутствует в ней и готовая легкая сентенция; в ней нет также заранее приготовленных „умных“ мыслей и „выигрышных“ выражений. Она крепко спаяна не внутренним лиризмом <...>. Спайка производится по принципу многотемия (политематизма). <...> Мариенгоф строит свою поэму на инструментовке образом. И в самом деле, в этой небольшой поэме почти каждая строка являет нам новый образ, сравнение, параллелизм. <...> и именно эта быстрая смена образов и производит впечатление той уличной суматохи, того галопа автомобилей и лошадей, пляски небоскребов, о которой так мечтали футуристы <...>. Его сочные образы, определяющие самую сущность мира, вещьность его, прокладывают новые пути материалистической поэзии, его слова так реальны, что их можно укусить, понюхать, попробовать на вкус. Это есть прообраз того настоящего реалистического лиризма, который является идеалом имажинизма...» (Шершеневич В. Поэма имажиниста // «Советская страна». 1919, 17 февр.). В. Фриче возмутило то обстоятельство, что поэма и др. произведения имажинистов «нашли себе место и приют на столбцах советских органов, под сенью советской республики» (Литературное одичание // «Веч. известия». 1919, 15 февр.); ему вторил другой рецензент (Тис. Литературные спекулянты // Там же. 20 февр.). *Магдалина* (Мария Магдалина) (еванг.) — раскаявшаяся грешница из Галилеи (сведения о ней в Евангелии отрывочны). Вместе с другими женщинами стояла «при кресте Иисуса» (Ев. от Иоанна, 19, 25); затем, после воскресения, «Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов» (Ев. от Марка, 16, 9).

Г л. 1. *«Катенька»* — дореволюционная российская сторублевая ассигнация с изображением Екатерины II. *Железо крестных гвоздей*. Речь идет о гвоздях, которыми Иисус был прибит к кресту при распятии. *В реве трубы Иерихонской* (библ.). Иерихон, расположенный к северо-востоку от Иерусалима, был первым городом, осажденным израильтянами в их войне за землю обетованную после исхода из египетского плена (см. примеч. 251). Покорён он был при помощи чуда: «Затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом; и обрушилась стена города до своего основания, <...> и взяли город» (Иисус Навин. 6, 19). *Соломоновой разве любовью любить бы хотел?* и т. д. Соломон, *«Песнь Песней»* — см. примеч. 60. *Голгофа* — см. примеч. 115. *Четвертым Анатолию Предложили воссесть одесную*. Вероятно, имеется в виду Небесный Престол и Святая Троица. *«Смеее-й-ся, па-яц»* — слова арии Канио из оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». *Завет* — здесь: Новый Завет. *Нашим скрижалям не выстроют скинию*. Скиния — походный храм (шатер) у древних евреев; в нем находились скрижали — две каменные плиты с высеченными на них десятью заповедями. По Библии, скиния была выстроена царем Моисеем во время странствий по пустыне после исхода из египетского плена. *Канкан* — см. примеч. 112. Г л. 2. *Святцы* — православная церковная книга, список святых и праздников в календарном порядке. *Ave Maria!..* — католическая молитва «Богородице, Дево, радуйся!..» *Плакать, как об Эдеме Ева* (библ.). Имеется в виду изгнание Адама и Евы из рая. *Саломея об Иоканане* — см. примеч. 106. *Плащаница* (др.-рус.) — по-

лотно с изображением лежащего во гробе Иисуса Христа. *Просфора* — круглый хлеб специальной выпечки с оттиснутым сверху рисунком креста; употребляется в христианском обряде причащения. *Глетчер* — ледник. *Кекуок* — см. примеч. 21.

126. Плавильня слов. М.: «Имажинисты», 1920. — Тучелет. *Авраамов Арсений Михайлович* (1886—1944) — композитор и литературовед, примыкал к имажинистам. *Безумные, как глаза Ницше*. Ницше Фридрих (1844—1900) — немецкий философ, с 1889 г. душевнобольной. *Острог* — здесь: частокол из свай, заостренных сверху. *Ирод* — см. примеч. 124. *И тысячи кормить единым песни хлебом*. Аллюзия на евангельскую притчу о том, как Иисус насытил пятитысячную толпу голодных пятью ячменными хлебами. *Страстной монастырь* — см. примеч. II. *Кухмистерская* — небольшой ресторан, столовая.

127. КБ-2. — Тучелет. «В „Коннице“ помещена поэма Мариенгофа „Анатолеград“, — писал А. Константинов. — Впервые у него зазвучали нотки радости сквозь обычную мрач. Нам думается, что Мариенгоф действительно поэт больших вещей — поэм, а не лирических строк» («Знамя». 1920, № 3/4. Стб. 62). *Скинция* — см. примеч. 125; здесь: храм. *Благовест* — колокольный звон перед началом церковной службы. *Скуфья* — остроконечная шапочка у православных священников. *Стихарь* — длинная с широкими рукавами одежда дьяконов для богослужения. *С масляной ветвью нет голубя*. Имеется в виду следующий библейский эпизод. Когда Всемирный потоп пошел на спад, Ной трижды выпускал голубя из ковчега, чтобы узнать, сошла ли вода с поверхности земли. В первый раз «голубь не нашел места покоя для ног своих и возвратился к нему в ковчег»; во второй раз «голубь возвратился <...>»; и вот, свежий масличный лист во рту у него: и Ной узнал, что вода сошла с земли; через семь дней снова «выпустил голубя; и он уже не возвратился к нему» (Бытие. 8, 9—12). *Безумья пес, безумья лапу дай*. Ср. в ст-нии С. Есенина «Собаке Качалова» (1925): «Дай, Джим, на счастье лапу мне...».

128. Мариенгоф А. Руки галстуком. [М.]: «Имажинисты», 1920, с рис. Г. Якулова, без нумерации главок, с вар. Печ. по СЧ, с исправлением в гл. 4 ст. 6 («губы» вместо «гуд») по 1-му изд. Автографы (СтРЛ): строфы 3, 5, 10 — как отдельные ст-ния, с вар., дата: 1919. «О том, что Мариенгоф трудный поэт, — об этом нет спора, — писал В. Шершеневич в рец. на 1-е изд. поэмы. — <...> Мариенгоф принадлежит к школе имажинизма, и нам кажется единственно правильным подходом к его стихам — это оценка образов поэмы. Образ Мариенгофа не абстрактен, как образ Блока, но и не так дисциплинирован, как образ Есенина. Архитектурное построение образов Мариенгофа — это буйство города, это стиль небоскребов; ритм образов, а не ритм строк отображает динамику. <...> Нам кажется, что Мариенгоф, автор „Магдалины“, больше становится лириком, чем он был. <...> „Руки галстуком“ — прекрасная книга, упирающаяся в завтра. Она почти выпрыгнула из сегодня» («Знамя».

1920, № 2. Стб. 55—56). *Чалок* — канат для причаливания судна к берегу.

129. КБ-1. Посвящено памяти отца, Бориса Михайловича Мариенгофа, который погиб в 1918 г. в собственном доме от влетевшей в окно шальной пули наступавших на Пензу белых чехословаков; в это время поэт находился на крыше дома, помогая оборонявшимся красноармейцам (см.: *Мой век...* С. 295—299). *Годовалый брат* — сводный брат поэта, Борис Борисович Мариенгоф.

130. КБ-1, с исправлением в ст. 7: «в плечи» вместо «и плечи» (по аналогии со ст. 10, 14, 16, 21, 24).

131. СЧ. Вместе с помещенным здесь же ст-нием «Встреча» («Какой земли, Какой страны я чадо?..», март 1920) — первые стихи, посвященные Мариенгофом Есенину; см. также ст-ния № 142, 143, 150, 161, 162. *И там, где, оседлав, как жеребенка, месяц* и т. д. Ср. у Есенина: «Рыжий месяц жеребенком Запрягался в наши сани...» («Нивы сжаты, рощи голы...», 1917).

132. Харчевня зорь. М., 1920. — СЧ. И. Грузинов, констатируя в своей книге «смерть глагола» у имажинистов, в том числе и у Мариенгофа (см. примеч. 123), далее пишет: «Иногда глагол, подобно акушеру, помогает рождению образа. Организует образ. Резче и определенной очерчивает его» — и в подтверждение приводит строфу 9 данного ст-ния (Грузинов И. Имажинизма основное. М., 1921. С. 9). *Вавилон* — здесь: большой шумный город. *Собор Исаакия* — Исаакиевский собор в Петербурге. *Колокольня Ивана* (Ивана Великого) находится на территории Московского Кремля.

133. СЧ.

134. Тучелет. *Иннаф* — вероятно, перевернутое: Фанни.

135. Им 1921 и Тучелет. Приведа ст. 1—4 главки 6, критик отмечает: «Так обращается, надо полагать, к гарцующему на своем Аль-Барраке Кусикову (см. ст-ние № 234. — Э. Ш.) Анатолий Мариенгоф. Или он видит перед собой Есенина на Небесной Кобылице с задранным хвостом красногривым жеребенком ей вослед?» (Григорьев. С. 34). *Тяжелым яблоком Свисает стих... И празднует поэт Свой августовский Спас*. Здесь имеется в виду Преображение (яблочный Спас) — второй из трех августовских церковных праздников, посвященных Иисусу Христу.

136. Золотой кипяток. М.: «Имажинисты», 1921 и Мариенгоф А. Развратничая с вдохновеньем. М.: «Имажинисты», 1921 (загл. на обл.: «Мариенгоф развратничает с вдохновеньем»). *Благовест* — см. примеч. 127. *Стаей вороньей... уллюлю!* — отзвук ст-ния Э. По «Ворон». *Новейший Завет* — некий третий Завет, считая Ветхий и Новый, входящие в Библию; вероятно, имеется в виду марксистское учение. Ср. у С. Есенина: «Гибни, Русь моя, Начертательница Третьего Завета» («Сельский часослов». 3, 1918). *Лыкова Дамба* — район

Нижнего Новгорода. *В ночь под Ивана Купала* и т. д. Иван Купала (Иванов день) — праздник летнего солнцестояния в ночь с 23 на 24 июня ст. ст., соединивший элементы язычества с христианским днем Иоанна Крестителя; по народным поверьям, в эту ночь цветет папоротник и открываются клады. В «Автобиографии» (ЦГАЛИ СПб.) Мариенгоф также подчеркивает, что родился «в ночь на Ивана Купала».

137. СЧ. Автограф (РНБ). *Словно руки омыл Пилат* — см. примеч. 112.

138. Тучелет. Поэма состоит из 5 главок; здесь печ. 4-я и 5-я. *Октябрь сразил Смертями каркающую птицу*. Имеется в виду двуглавый орел — герб Российской империи.

139. Мариенгоф А. Разочарование. [М.]: «Имажинисты», 1922. «Изумительны по чеканности и меткости образы друзей-имажинистов...» — отмечал О. Савич в своих заметках «Имажинист» (1922), цитируя далее гл. 4, ст. 36—37, 42—49 (ВЛ. 1989, №12. С. 274). *Писал: не склоню над женщиной мудрого лба*. Ср.: «Отныне и вовеки не склоню над женщиной мудрого лба» (ст-ние №136, 2). *Заратуштра* (Заратуштра, между X и VI вв. до н. э.) — пророк и основатель древнеиранской религии; действующее лицо кн. Ф. Ницше (см. примеч. 126) «Так сказал Заратуштра» (1883). *Буян-остров* — вероятно, отзвук «Сказки о царе Салтане...» А. Пушкина и собственной кн. А. Мариенгофа «Буян-остров: Имажинизм», посвященной теоретическому обоснованию имажинизма (см. наст. изд., с. 00). *Вадим* — В. Г. Шершеневич. *Сергей* — С. А. Есенин. *Гривна* — здесь: денежная единица в Древней Руси, слиток серебра весом в полфунта. *Грозный Иван Васильевич* (1530—1584) — русский царь.

140. Мариенгоф А. Заговор дураков: Трагедия. [М.]: «Имажинисты», 1922, с посвящ.: «Сергею Есенину», дата: «Закончена 4 августа 1921 г.». Публикуемый отрывок завершает 2-е действие. Драма писалась летом 1921 г., одновременно с «Пугачевым» Есенина (см. ст-ние № 105). В. Мейерхольд намеревался поставить ее в своем театре, но этот замысел не был осуществлен. В 1923 г. была поставлена в Проекционном театре (Москва). В. Шершеневич писал о драматических опытах Есенина и Мариенгофа: «Если бы меня спросили, какие лучшие книги стихов я читал за этот год, я не колеблясь ответил бы: „Пугачев“ Есенина и „Заговор дураков“ Мариенгофа. <...> Может быть, никогда сочность есенинских образов и точность мариенгофских не достигала такой исключительной силы, как в этих двух книгах». Выделяя далее «то прекрасное, что есть в „Заговоре“, — поэтический, словесный материал», критик, однако, отметил, недостаточную сценичность пьесы ((Поэты для театра) // «Театральная Москва». 1925, № 34 (4—12 апр.). С. 8, 9). В опубликованном вскоре ответе Мариенгоф писал: «Моя ошибка во время работы над „Заговором“ заключалась в том, что, вычерчивая сценический узор, я в какой-то мере исходил из современного театра характера. <...> Мой новый грандиозный фарс, над которым я сейчас работаю (имеется в виду пьеса «Вавилонский адвокат». —

Э. Ш.) <...>, будет уже окончательно не пригоден для театра, идущего под знаменем незыблемых от века законов» (Да, поэты для театра: Ответ Вадиму Шершеневичу. (Письмо в редакцию) // Там же. 1925, № 37 (25—30 апр.). С. 7). Во «вдохновенной оде», декламируемой Тредиаковским в драме, автор не использует впрямую оды Тредиаковского, однако отдельные реминисценции здесь различимы. Ср., например, у Тредиаковского:

Красят иных всех златые скипетры,
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украсила
И лицом светлым венец почтила...

(«*Стихи похвальные России*», 1728);

Княгиня христианска света!
Тела славна уме преславный!
Мы тобою живем и есмы,
Движемся мы на твоём мире,
Крилами покрыты твоими,
Обняты твоими руками.

(«*Стихи всемилостивейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне послове похвальном*», 1732);

Народ, всё войско, благородство,
Синклит и весь духовный чин,
Науки, суд и мореходство,
Всяк вернейший российский сын,
Всё, в виде от Петра что новым,
Молило так молчащим словом:
«О! буди, время, наша мать...»

(«*Императрице Елизавете Петровне в день ее коронования*», <1752>)

Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1769) был придворным поэтом императрицы *Анны Иоанновны* (1693—1740). *Бирон Эрнст Иоганн* (1690—1772) — курляндский дворянин, граф, фаворит *Анны Иоанновны*.

141. **Мариенгоф А.** Разочарование. [М.]: «Имажинисты», 1922. В своих заметках «Имажинист» (1922), наиболее значительной работе о поэзии Мариенгофа, к сожалению своевременно не опубликованной, О. Савич, в частности, пишет: «Имажинисты <...> — Есенин, Мариенгоф и Кусиков — возродили лирическую поэму, сначала как объединенное из нескольких малых большое стихотворение, где отдельные части были обособлены. Затем части пришли в непрерывную связь между собою (Мариенгоф: „Разочарование“, Есенин: „Исповедь хулигана“). <...> Мариенгоф знаменует собою возврат или, по крайней мере, большое тяготение к Пушкину. Я считаю Мариенгофа одним из интереснейших поэтов эпохи — большой и обособленной, поэтически-замкнутой и одинокой величиной. <...> Начав с обыденных рифм <...>, Мариенгоф стал разлагать рифму, пользуясь всеми видами концевых окончаний, и пришел к белому

— то есть самому трудному, стиху, оставив и виртуозно творя лишь внутреннюю напевность стиха. Вместе с ритмическими и мелодическими достижениями у Мариенгофа появляется необычайная четкость выражения, образ делается легче и метче, порой конкретизируется до простой картинности<...>. (Далее цитируется гл. 3, ст. 30—39. — Э. Ш.) Я недаром говорил о пушкинской традиции. Параллель Пушкин—Мариенгоф ждет своего исследователя» (ВЛ. 1989, № 12. С. 273, 274).

142. Тучелет, с посвящ.: «Есенину», с вар., дата: Ноябрь 1920. — СиП, в разделе «Сергею Есенину». Два автографа (СтРЛ) как отдельные ст-ния: 1-е — «Утихни, друг...» (соединены, с вар., 1-я строфа данного и 2-я и 4-я строфы ст-ния № 150), дата: 1923; 2-е, с датой: 1919 (ср. ст. 9—10):

Идешь.

Как первый луч тебя встречаю.

Поют, как девушки, ступени.

Я голову — крылом балтийской чайки —

Тебе кладу на острые колени.

А завтра седина, что снеговая пыль. «Любили мы в ту крепкую и тугую юность потолковать о неподходящих вещах — выдумывали январский иней в волосах, несуществующие серебряные пятачки, осеннюю прохладу в густой горячей крови» (РБВ. С. 81). См. также ст-ния № 135, 141, 3; 144, и у Есенина: «Облетает моя голова, Куст волос золотистый вянет» («По осеннему кычет сова...», 1920).

143. «Накануне». Лит. приложение. 1922, 11 июня, под загл.: «Другу на прощанье», др. ред. — СиП, в разделе «Сергею Есенину». Автограф (СтРЛ), под загл.: «Отъезд и возвращение», др. ред. Написано по поводу отъезда Есенина за рубеж. 10 мая 1922 г. Есенин вместе с Айседорой Дункан вылетел самолетом из Москвы в Кенигсберг и на следующий день прибыл в Берлин; в Германии пробыл май—июнь; вернулся из путешествия 3 авг. 1923 г. О состоявшемся 7 мая 1922 г. свидании перед его отъездом за границу, а Мариенгофа и Никритиной — на Кавказ Мариенгоф вспоминал в мемуарах: «Наш поезд на Кавказ отходит через час. Есенинский аэроплан отлетает в Кенигсберг через три дня. „А я тебе, дура-ягодка, стихотворение написал“. — „И я тебе, Вяточка“. Есенин читает, вкладывая в теплые и грустные слова теплый и грустный голос...» (РБВ. С. 134). Поэты прочли друг другу свои новые стихи: Есенин — «Прощание с Мариенгофом» («Есть в дружбе счастье оголтелое...»), Мариенгоф — данное ст-ние. Вероятно, Есенин и передал его в ред. газ. «Накануне», где побывал в первый же день по приезде в Берлин.

144. «Известия». 1922, 6 сент., с вар., б. д. — ГПП. 1924, № 1(3), в цикле «После грозы. Второй цикл», с посвящ. всего цикла: «Посвящается Анне Никритиной», с неверной датой: Октябрь 1923. — СиП. Никритина Анна Борисовна (1900—1982) — с 1922 г. жена Мариенгофа; актриса Московского Камерного театра; в

1928 г. перешла в Ленинградский Большой драматический театр им. А. М. Горького (ныне им. Г. А. Товстоногова). *Здесь клен топорищет багровеющие уши*. Ср. позже у Есенина: «И клены морщатся ушами длинных веток» («Русь советская», 1924). *Мой друг сейчас в гостях у иноземцев Пьет рейнское вино* — см. примеч. 143.

145. ГПП. 1923, № 2, в цикле «После грозы». — СиП. Датируется по ГПП.

146. ГПП. 1923, № 2, в цикле «После грозы».

147. ГПП. 1923, № 2, в цикле «После грозы». — СиП. Датируется по ГПП.

148. О т д г л а в а. «Накануне». Лит. приложение. 1922, 7 мая, под загл.: «Отрывок из поэмы „Без шляпы“» — гл. 2, с вар. П о л н о с т ь ю. ГПП. 1922, № 1, ноябрь, с вар., дата: 1921. — СиП. Позже автор подтвердил, что поэма была написана в 1922 г. (см.: *Мой век...* С. 346). Мариенгоф сообщает, что Л. Д. Троцкий, прочтя поэму в журнале, сказал Есенину, имея в виду прежде всего гл. 3, ст. 4—11: «Передайте своему другу Мариенгофу, <...> что он слишком рано прощается с революцией. Она еще не кончилась». «Когда поставили к стенке старика Мейерхольда, — продолжает мемуарист, — он, как мне передавали, воскликнул: „Да здравствует революция!“ Это мой век» (там же). *Скуфья* — см. примеч. 127. *На юру* — на открытом возвышенном месте.

149. «Красная нива». 1923, № 23, 3 июня.

150. «Огонек». 1923, № 24, 9 сент., б. д. — ГПП. 1924, № 1(3), в цикле «После грозы. Второй цикл», с неверной датой: Октябрь 1923. — СиП, в разделе «Сергею Есенину». Автограф (СтРЛ), др. ред. (см. примеч. 142). В «Романе с друзьями» («Октябрь». 1965, № 11) Мариенгоф приводит из этого стихотворения, названного здесь «Прощание», ст. 1—13, с вар. *Как Пушкин с Дельвигом дружили, Так дружим мы теперь с тобой*. Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт, один из ближайших друзей Пушкина с лицейской поры.

151. ГПП. 1924, № 4, в цикле «Шуточные стихи», с посвящ. цикла: «Анне Никритиной», под загл.: «Подруге». Печ. по СиП с исправлением ст. 18 («манжетку» вместо «манжету») по 1-й публ. Маш. с авт. правкой (СтРЛ).

152. ГПП. 1924, № 4, в цикле «Шуточные стихи», под загл.: «Мы». — СиП. *Беатриче* — см. примеч. 33.

153. Им 1925, в цикле «Анне Никритиной». Датируется по СиП. Автограф (СтРЛ), с вар.

154. Им 1925, в цикле «Анне Никритиной». Датируется по СиП. Маш. с авт. правкой (СтРЛ), без 2-й строфы, с вар.

155. Им 1925, в цикле «Анне Никритиной». Датируется по СиП. Маш. с авт. правкой (СтРЛ), с вар. *Мила ли: Пенза толстопятая И косопузая Рязань?* Ср.: «...злые языки называют ее (Пензу. — Э. Ш.) „толстопятой“...» (Мой век... С. 267). Пенза и Рязань — города, с которыми биографически были связаны Мариенгоф и Есенин.

156. Им 1925, в цикле «Анне Никритиной». *Осенний ветер у топей <...> Сердито треплет золотые уши* — см. примеч. 144.

157. СиП. В наст. изд. печ. последняя, 4-я гл. поэмы. В 1-й строфе поэт, вероятно, имеет в виду ссору с Есениным после возвращения того из заграничной поездки осенью 1923 г.

158. Новые стихи. М., 1926. — СиП. Маш. с авт. правкой (СтРЛ), др. ред.

159. СиП.

160. СиП. Два автографа (СтРЛ), с вар. Ст-ние обращено к сыну Кириллу (1923—1940); см. о нем: Мой век..., гл. «Сын». С. 445—472.

161. СиП, в разделе «Сергею Есенину». Три автографа (СтРЛ), др. ред.; 1-й — под загл.: «Воспоминаний праздник редкий». В рец. на СиП отмечалось: «Стихи Мариенгофа — большей частью лирика, проникнутая какой-то особенной грустью. <...> Недурны стихи, собранные в отделе „Сергею Есенину“. Много в них искреннего чувства, воспоминаний о прошлом. (Далее следует цитата из данного ст-ния. — Э. Ш.) Читая стихи Мариенгофа, невольно приходишь к выводу, что жизнь проходит мимо поэта и, погруженный в свои размышления, он ее не замечает. Наш период строительства, подъем молодых сил, достижения — абсолютно чужды поэту, как будто все это от него слишком далеко и решительно не нужно. Прошла, отшумела революция, настала тишина» (Г. Новый Мариенгоф // Лит. страница. Приложение к газ. «Коммуна» (Воронеж). 1928, 19 авг.). *В дни разбежавшихся дорог Мы усомнились в верности друзей.* Речь идет о расхождении Мариенгофа и Есенина (см. также примеч. 157); однако две последние строфы свидетельствуют об их примирении в дальнейшем (см. об этом: РБВ. С. 153—157). *О днях, Когда Форсильи мы вдвоем в одних штанах.* Когда Мариенгоф с Есениным (вероятно, в 1919 г.) остались без жилья, Мариенгоф ночевал однажды в Союзе поэтов, где у него украли все вещи; Есенин принес ему свои брюки и пиджак (см.: РБВ. С. 28—30). *При градусе тепла и т. д. «А зима свирепела с каждой неделей. <...> Стали спать с Есениным вдвоем на одной кровати. Наваливали на себя гору одеял и шуб. По четным дням я, а по нечетным Есенин первым корчился на ледяной простыне, согревая ее дыханием и теплотой тела»* (РБВ. С. 61, 63). *Сам-семь или сам-пять* — урожай, в семь или пять раз превосходящий посеянное. *Вот шляпу рдяную уже напялил клен.* Для создания есенинского колорита поэт строит образ по-есенински: листва — одежда дерева. Ср. у Есенина: «Привет тебе, Мой бедный клен! <...> Твоя одежда в рваном виде, Но будешь Новой наделен.

Без ордера тебе апрель Зеленую отпустит шапку...» («Весна» («Припадок кончен...»), <1924>). *На тихом Богословском*. Есенин с Мариенгофом в 1919—1921 гг. снимали комнату в коммунальной квартире в Богословском переулке (ныне ул. Москвина), дом № 5, а затем в доме № 3.

162. СиП, в разделе «Сергею Есенину». Автограф (СтРЛ), под загл.: «На плачущих руках», др. ред. Вероятно, это ст-ние автор читал на вечере памяти Есенина в Камерном театре 4 янв. 1926 г. (см.: «Правда». 1926, 6 янв.; «Известия». 1926, 6 янв.). *В ночь декабрьскую не она ли Пришла к тебе* и т. д. Речь идет о самоубийстве Есенина в ночь на 25 декабря 1925 г. в ленинградской гостинице «Англетер». *Клен мой златолистый!* Ср. ст-ние Есенина «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» (1925). *Лист уронить отцветшей головы*. Ср. у Есенина: «Скоро белое дерево сронит Головы моей желтый лист...»; «Срежет мудрый садовник Головы моей желтый лист» («Кобыльи корабли». — См. ст-ние № 94).

163. Печ. впервые по автографу (РНБ, в составе рукописного сб. «Анне Никритиной» (1926—1929); авт. приписка на полях: «Гоже! Авг. 1939»).

164. Неизвестный Мариенгоф, с неверной датой: 1937. Датируется по авт. маш. с правкой (РНБ, в числе отдельных ст-ний из рукописного сб. «Стихи о любви»).

165. Неизвестный Мариенгоф. Авт. маш. и автограф с вар. (РНБ, в составе рукописного сб. «Стихи о любви». 1934—1939). *Кто родился в Пензе и Рязани*. Мариенгоф говорит о себе (имея в виду: родился в Пензе как поэт) и Есенине.

166. Неизвестный Мариенгоф. Авт. маш. и автограф с пометой: «Ленин <град>» (РНБ, в составе рукописного сб. «Стихи о любви». 1934—1939). Ст-ние передает тревожную политическую атмосферу тех дней: продолжались военные действия между Германией и Францией; советские и германские войска проводили «планомерное продвижение» к демаркационной линии, и Красная Армия попутно осуществляла «операции по очищению территории Западной Белоруссии и Западной Украины от остатков польской армии» («Правда». 1939, 25 сент.); 27 сент. радио сообщило о прибытии в Москву для заключения германско-советского Договора о дружбе и границах между СССР и Германией министра иностранных дел Германии фон Риббентропа. (Договор был подписан Молотовым и Риббентропом 28 сент. 1939 г.)

167. Неизвестный Мариенгоф, б. д. Датируется по авт. маш. (РНБ, в составе рукописного сб. «Стихи о любви». 1934—1939; там же — автограф). *Война* — советско-финляндская война, начавшаяся 30 нояб. 1939 г. *Литейный мост* — мост через Неву, соединяющий Литейный проспект с Финляндским вокзалом, с которого войска отправлялись в районы боевых действий с Финляндией.

168. Неизвестный Мариенгоф, б. д., с вар. Печ. по авт. маш. (РНБ, в составе рукописного сб. «Стихи о любви». 1934—1939; там же — еще три автографа: два черновых: 1-й — без 3-й строфы, с вар.; 2-й — с датой; авт. маш.). *Сорокин* Сергей Александрович (1896—1974) — известный ленинградский гитарист.

169. Мариенгоф А. Поэмы войны. Киров, 1942, с еще двумя эпиграфами: «Давыдов, пламенный боец...» (Жуковский); «Вальтер Скотт, в кабинете которого висел портрет Давыдова, назвал его человеком знаменитым, чьи подвиги в минуты величайшей опасности для своего отечества вполне достойны удивления» (Орлов), с др. разбивкой строк, б. д. Печ. по маш. с авт. правкой (СтРЛ), с исправлением посл. ст. по 1-й публ. *Давыдов* Денис Васильевич (1784—1839) — поэт, генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г., инициатор партизанского движения и командир первого партизанского отряда в тылу французской армии. Эпиграф — ст. 1 из ст-ния Пушкина «Д. В. Давыдову». «*Стукнем чашу с чашей дружно...*» и далее (ст. 21—35) — цит. из ст-ния Д. Давыдова «Бурцову» («В дымном поле, на биваке...»). *Фланкировка* — обстрел с флангов продольным огнем. *Вы — птенец Багратиона*. В 1807 г. Давыдов был назначен адъютантом к генералу Петру Ивановичу Багратиону (1765—1812) и принял активное участие в войне с Наполеоном 1806—1807 гг. *Ох, в наперстке большие капель* и т. д. В августе 1812 г. Давыдов обратился к Багратиону с предложением дать ему отряд для ведения партизанских действий в тылу противника. Фельдмаршал М. И. Кутузов счел это опасным, и Давыдов получил лишь 50 гусар и 80 казаков. Однако к ноябрю, когда Давыдов на деле доказал колоссальную эффективность партизанской войны, его отряд был значительно усилен. *Кивер* — высокий военный головной убор. *Эстафеты* — здесь: срочные сообщения, доставляемые конными нарочными. *Белов* Павел Алексеевич (1897—1962) — генерал-полковник, Герой Советского Союза; в начале Великой Отечественной войны командовал 1-м гвардейским кавалерийским корпусом, который в период Московской битвы пять месяцев сражался в тылу врага.

170. Неизвестный Мариенгоф, с неверной компановкой фрагментов. Печ. по автографу, б. д. (РНБ). К данному ст-нию примыкает ст-ние «Есенину» (автограф — РНБ; опубл.: «Русская литература». 1970, № 2. С. 153). *Серезжа* — С. Есенин. *Якулов* Г. Б. — см. примеч. 1. *Пикассо кавказский*. Поэт отмечает здесь связь между новаторским творчеством Якулова и П. Пикассо (см.: там же), высоко ценимого Якуловым, писавшим: «Пикассо — это художник, который должен быть определен как ценнейший мастер нашего времени...» («Огонек». 1926, № 20, б. с.). *Там и мой Кируха* и т. д. Сын Мариенгофа Кирилл (см. примеч. 160) покончил жизнь самоубийством в марте 1940 г.

171. О т д е л ь н ы е с т - н и я: 1-е: Мой век... — дважды: в качестве одного из эпиграфов и заключительной главки, оба раза с посвящ.: «Никритиной»; 3-е: Мариенгоф А. Роман с друзьями // «Октябрь». 1965, № 10; 4-е, 5-е, 7-е: Мой век...; 8-е: Мариенгоф

А. Роман с друзьями // «Октябрь». 1965, № 11, др. ред. — Мой век..., с лакуной в ст. 3. П о л н о с т ь ю: Неизданный Мариенгоф. Печ. по автографу (РНБ, в составе рукописного сб. «После этого»). Др. автографы: 1-е, с вар.; 2-е; 3-е; 6-е, с вар.; 7-е, с вар. — РНБ, в составе второй, неполной рукописи того же сб.; 1—3-е, 5—7-е — РГАЛИ, в составе неполной рукописи того же сб., с более поздней припиской на обороте титульного листа: «Все эти стихи написаны после смерти сына»; 1-е, 3-е, 5-е, 7-е, 8-е — РГБ, в составе рукописи кн. Мой век...; те же ст-ния — РНБ, в составе авториз. маш. кн. Мой век... В кн. Мой век... Мариенгоф рассказывает о чтении стихов из сб. «После этого» своему другу, народному артисту СССР В. И. Качалову: 8-го, 4-го, 3-го и др. ст-ний — накануне войны, в пос. Барвиха под Москвой; 5—7-го и др. — вскоре после окончания войны, в московской гостинице «Москва» (см.: Мой век... С. 417—419, 435—438).

РЮРИК ИВНЕВ

172. ГПП. 1923, № 2, в подборке стихов Р. Ивнева «Лирика» (в составе четырех ст-ний, в том числе № 177), б. д. Датируется по: Ивнев Р. Стихотворения. М., 1982.

173. Самосожжение 1913, б. д. Датируется по: Самосожжение 1917.

174. Ивнев Р. Золото смерти. М.: «Центрифуга», 1916.

175. Самосожжение 1917. Второе пришествие — см. примеч. 117.

176. Очарованный странник. Альманах интуитивной критики и поэзии. Вып. 3. СПб., [1914], др. ред. — Самосожжение 1917. С. Есенин ответил на эти стихи ст-нием «Я одену тебя побирушкой...» (29 марта 1915); Игорь Северянин осудил их в ст-нии «Моим братьям»:

И хочется мне крикнуть миллионам
Бездарностей, возвращенных в кабаке:
«Приличней быть в фуражке почтальоном,
Чем лириком в дурацком колпаке».

(Отмечено: Леонтьев Н. П. Человек из легенды // Ивнев Р. Избранное. М., 1988. С. 10.)

177. ГПП. 1923, № 2 (см. примеч. 172), б. д. В кн.: Ивнев Р. Избранные стихотворения. Тбилиси, 1945 — под загл.: «Панихида», с датой и указанием места: «Петроград».

178. Ивнев Р. Золото смерти. М.: «Центрифуга», 1916.

179. Явь, б. д. Датируется по: Ивнев Р. Часы и голоса. М., 1978, с вар.

180. Солнце во гробе.
181. Автографы. [М., 1919].
182. Солнце во гробе.
183. Солнце во гробе. В кн.: Ивнев Р. Избранное. М., 1985 — под загл.: «Персия», с вар. в ст. 19: «аула» вместо «Бахлила» и повторением 1-й строфы после 5-й.
184. Солнце во гробе.
185. Им 1921. В кн.: Ивнев Р. Теплые листья. М., 1979 — под загл.: «Велимиру Хлебникову», с вар. О встречах с Хлебниковым в сент. 1918 г. в Астрахани, куда Р. Ивнев был направлен Луначарским на открытие народного университета, см. воспоминания «Велимир Хлебников» в кн.: Ивнев Р. Образ, временем сожженный. М., 1991.
186. Солнце во гробе.
187. Им 1921. — Солнце во гробе. *Судный день* (библ.) — предстоящий день Страшного суда, когда семь ангелов опрокинут на землю «семь чаш гнева Божия», несущего неисчислимыя бедствия (см.: Откровение. 16).
188. Им 1921.
189. Солнце во гробе.
190. Конский сад. М., 1922.
191. ГПП. 1922, № 1. *Антихрист* — см. примеч. 117. *Мессия* (помазанник, др.-евр.; Христос, греч.) — спаситель, ниспосланный Богом, призванный навечно установить свое царство.
192. ГПП. 1924, № 1(3), в цикле «Город», б. д. Датируется по: Ивнев Р. Избранные стихотворения. Тбилиси, 1945, где опубл. без последней строфы.
193. ГПП. 1924, № 4, в составе цикла «Архангельск», с посвящ.: «Борису Шергину». В кн.: Ивнев Р. Избранные стихотворения. Тбилиси, 1945 — с датой: 1913.
194. Избяная Русь. Этим ст-нием Р. Ивнева И. Грузинов открывает свой сб. *Под досками Батыя*. Имеется в виду казнь, применявшаяся во времена монгольского хана Батыя (ум. 1255).
195. Новые стихи. Сб. 2. М., 1927.

196. Грузинов И. Бубны боли: Стихи. М.: Тип. «Ломоносов», 1915 (фактически вышла в конце 1914 г.: на экз. РНБ — штамп: «ИПБ (Императорская Публичная б-ка. — Э. Ш.). 1914»).

197. Конский сад. М., 1922. Поэма полностью не публиковалась. *Можай* — окрестности г. Можайска. *Как тень мелькнул Наполеон*, <...> *Следы, оставленные Пьером*. Аллюзия на роман Л. Н. Толстого «Война и мир»; вблизи от Можайска и «малой родины» Грузинова, деревни Шебаршино, расположено село Бородино. *Кивот*, киот — поставец (стеклянный ящик) для икон. *Тропарь* — песнопения в честь православного праздника или святого. *Креститель* — Иоанн Креститель — см. примеч. 106. *Мужики несут Миколу* — т. е. икону Николая-угодника, покровителя пахарей; здесь речь идет о крестном ходе.

198. Грузинов И. Западня снов: Лирика. М.: «Имажинисты», 1921, с вар. — Избяная Русь. «Поэт — во сне. Поэт — сомнамбула, — писал Грузинов. — И чудо искусства заключается в том, что другие, воспринимаемая произведение искусства, видят ту связь между вещами, которую открыл поэт. <...> У И. Грузинова сомнамбулический пейзаж...»; далее приведены ст. 7—16 в ред. «Западни снов» (Имажинизма основное. М., 1921. С. 17). *Солнцелень* — словообразование Грузинова.

199. Золотая кумирня. Ч. 1. Киев, [1921].

200. Грузинов И. Западня снов: Лирика. М.: «Имажинисты», 1921, без загл., с посвящ.: «Есенину». — Избяная Русь.

201. Грузинов И. Бычья казнь. М.: «Имажинист<ы>», 1921.

202. «Сопо»: 1-й сб. стихов. [М., 1921]. «Фламандцев любит, — писал Б. Глубоковский. — Больно „скусные“. И баб здоровых, чтоб детей рожали. Смотрите, с каким смаком описывает роды. С аппетитом. Не муку родовую любит, а природу, здоровую, парную, силу-мать» (Маски имажинизма // ГПП. 1924, № 4. С. [11]). *Дух щаной* — запах щей. *Череве* — чрево.

203. Избяная Русь. Б. Глубоковский, имея в виду это ст-ние и, вероятно, № 207, писал: «Не любит движения Грузинов. Что ему город? Неподвижное любит он. Зато ядреное да здоровое. Ничего у него не движется. Хлеб. Не мистический клюевский, а грузиновский. Им не причащается Грузинов — жрет его. И описывает с аппетитом...» (Маски имажинизма // ГПП. 1924, № 4. С. [11]). *Почеревок* (обл.) — «верх живота, где желудок» (В. Даль). *Приздынуть* (обл.) — приподняться невысоко (о дыме, паре).

204, 205. Избяная Русь.

206. ГПП. 1924, № 1/3. *Шпнятра* — вид ружейной дроби. *Пуздро* — пузо.

207. ГПП. 1924, № 4. *Медянка* — зеленая краска. *Поветь* — помещение под навесом на крестьянском дворе.

208. Избяная Русь. *Лопаточник*, лопатник (обл.) — навес. *Копнать*, копнить — складывать сено в копны.

209, 210. Избяная Русь.

211. Грузинов И. *Малиновая шаль*. М.: «Современная Россия», 1926.

212. Грузинов И. *Малиновая шаль*. М.: «Современная Россия», 1926. *Олеарий* Эльшлегер Адам (1603—1671) — немецкий ученый, в составе шлезинг-гольштейнского посольства дважды в 1630-е гг. посетивший Россию; автор записок «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно».

АЛЕКСАНДР КУСИКОВ

213. Кусиков А., Бальмонт К., Случановский А. *Жемчужный коврик*. [М.: «Чихи-Пихи», 1919], без загл., б. д. — В никуда 1922 и Птица безымянная. Автограф (РГБ), без загл. *Коврик жемчужный*. Имеется в виду коврик для совершения намаза (мусульманской молитвы).

214. Сумерки. Датируется по автографу (Тетрадь РГБ).

215. Сумерки.

216. Сумерки.

217. Сумерки. *Визу няню*. О своей «русской няне Анисье» Кусиков упоминает в автобиографии (НРК. 1922, № 3. С. 43). *Страшный Суд* — содержащееся в Библии предсказание о «конце света», когда «многие из спящих во прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Даниил. 12, 2); см. также примеч. 187. *Геенна* — ад. «*Отче наш*» — см. примеч. 62. *Печорин* — главное действующее лицо романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

218. Сумерки. *Бронзовый Гоголь* — памятник Н. В. Гоголю работы скульптора Н. А. Андреева (1909) в Москве; был установлен на Гоголевском бульваре; в настоящее время находится на Суворовском бульваре.

219. Сумерки.

220. Сумерки. Возможно, навеяно полустрокой Пушкина «Жук жужжал» («Евгений Онегин», гл. 7, строфа 15).

221. Сумерки. *Бальмонт* К. Д. — см. примеч. V. *Терцины* — трехстрочные ямбические строфы с перекрестной рифмовкой, завершающиеся отдельной строкой, которая рифмуется со средней строкой последнего трехстишия.

222. ЖТРМ. 1919, № 30—31, 4 мая, без загл., с вар., б. д. — В никуда 1920, без загл. — В никуда 1922. Автограф (Тетрадь РГБ), с вар.

223. Мы и В никуда 1920 — оба без загл. — В никуда 1922 и Птица безымянная. Автограф (Тетрадь РГБ), под загл.: «Четки», вписанным позднее, 4-я строфа — как эпиграф к «Поэме Поэм» (ст-ние № 232).

224. Мы, с датой: 29 VI 1919 и В никуда 1920, с датой: 29 VII 1919 — оба без загл. — «Накануне», 1922, 8 апр., под загл. «Затеряться, забыться мне где бы», б. д. — В никуда 1922 и Птица безымянная. Дата уточнена по автографу (Тетрадь РГБ), без загл.

225. КС; Коевангелиеран 1920 — обе с датой: 6 VIII 1919 и В никуда 1920, с датой: 6 VII 1919 — все три без загл. — «Накануне», 1922, 8 апр., под загл.: «Так ничего не делая, как много делал я», с указанием места: «Москва». — В никуда 1922 и Птица безымянная. В Рябке — с указанием места: «Село Крылацкое». Дата и место уточнены по автографу (Тетрадь РГБ), где имеется также пометка под текстом: «(Воспоминания о Тебердинском лесе)».

226. Мы и В никуда 1920 — оба без загл. и с точной датой. — В никуда 1922. Автограф (Тетрадь РГБ), без загл.

227. Мы и В никуда 1920 — оба без загл., с вар. и точной датой. — В никуда 1922 и Птица безымянная. Автограф (Тетрадь РГБ). *Арбат* — улица в центре Москвы.

228. В никуда 1920, без загл., с датой: 13 IX 1919. — В никуда 1922 и Птица безымянная. — Рябка. Дата уточнена по автографу (Тетрадь РГБ), без загл.

229. В никуда 1920. — Коевангелиеран 1920 — оба без загл. и с точной датой. — В никуда 1922 и Птица безымянная. Автограф (Тетрадь РГБ), без загл. *В семьнебесной дали*. В мусульманской средневековой космогонии небо представлялось разделенным на семь сфер (семь небес), одна внутри другой. *Зодиак*, зодиакальный круг — пояс на небесной сфере, по которому Солнце совершает свой видимый путь в течение года.

230. В никуда 1920 и Коевангелиеран 1920 — оба без загл. и с точной датой. — В никуда 1922 и Птица безымянная. Автограф (Тетрадь РГБ), без загл. «Надрывом утрат веет от всей прекрасной

книги „В никуда“. Горный цветок вырван с корнем и брошен на холодный и рябой асфальт Тверской. И рвется из сердца песня-стон...» (Львов-Рогачевский. С. 61; далее приводится 2-я строфа стиха). *Семь небес* — см. примеч. 229.

231. В никуда 1920 и Коевангелиеран 1920 — оба без загл. и с точной датой. — В никуда 1922. Автограф (Тетрадь РГБ), без загл. *Индра* — в индийской ведической религии бог грозы и бури, царь богов. *Туран* — старинное название Арало-Каспийской низменности в противоположность лежащим к югу от нее гористым районам Ирана. *Красный Ураган* — революция.

232. Кусиков А. Поэма Поэм. Изд. 2-е. М.: «Имажинисты», 1920, с рис. Б. Эрдмана, с датой: 1918—1920. Датировка уточнена по автографу. Эпиграф — 4-я строфа стиха № 223. Как отд. стих: гл. 1, под загл.: «С гор снесенный потоком», с датой: 1918 — Птица безымянная; гл. 2, ст. 1—30, без загл. — ЖТРМ. 1919, № 32/33 (18 мая). Автограф (Тетрадь РГБ), как отд. стих: гл. 1 — под загл.: «С гор снесенный потоком», с датой: 1919; гл. 2, ст. 1—30 — «Мелкие рыбки улыбки Вашей...», с датой: III 1919; гл. 2, ст. 31—124 — «Нину вот так...», с датой: III 1919; гл. 3 — «Закачать, забаякать бы в сердце своем...», с датой: II 1919; гл. 4 — «В асфальтовый скрежет злости...», с датой: 3 I 1920. В рец. на сборники Кусикова, вышедшие в 1920 г., И. Аксенов писал: «Большой нежностью залита <...> книжка, где говорится о попытке сделаться совсем городским и поэтом и человеком. Может быть, это единственная книга, на которую „имажинизм“ (если понимать его как влияние Большакова и Маяковского) может предъявить некоторые претензии» («Художественное слово». Кн. 2. М., 1921. С. 63). «Талант автора вне сомнений и заявляет о себе даже в манере писания <...>, — отмечает Б. П <астернак>, цитируя гл. 1, ст. 1—6. — Разве это не художественное изображение кавказца, слонящегося по шумной улице?» И далее останавливается на ст. 1, 17: «Здесь тоже картинно и сжато выражение „распластанный в спицах“, потому что этим ярко передается моментальность впечатления промчавшего мимо лихача, от которого запечатлелись лишь рыжая борода да спицы. Не будем следовать за всей ритмично построенной поэмой, в которой изображается случайная встреча с женщиной и мимолетная любовь в дымке грусти и неудовлетворенности. Вообще грусть, тоска и неудовлетворенность проходят через все творчество поэта, и это придает его стихам особый колорит» («Книга и революция». 1921, № 8—9. С. 82, 83). *Нина Кирсанова* — балерина; в 1919 г. эмигрировала в Югославию, затем переехала во Францию. Кусиков посвятил ей также стих «Нине Кирсановой» («На небе розовый шрам...», <1918>), № 30 и др. *Тверская* — центральная улица Москвы. *Песнь Песней* — см. примеч. 60. *Бедуин* — араб-кочевник.

233. КС; Коевангелиеран 1920 — обе с датой: 7 III 1920 и В никуда 1920, с датой: 7 II 1920 — все три без загл. — В никуда 1922 и Птица безымянная. Дата уточнена по автографу (Тетрадь РГБ), без загл.

234. КС; В никуда 1920 и Коевангелиеран 1920. Автограф (Тетрадь РГБ), с загл., вписанным позднее, и правой. В воспоминаниях «Две встречи с Валерием Брюсовым» Кусиков рассказывает, что однажды на чтении стихов по просьбе Брюсова «прочел только что написанного „Аль-Баррака“. Он остановился на моем стихотворении. Ему очень понравился „Аль-Баррак“: „Крепкий стих, тугой, жилистый. Хорошо. Работать надо! Учиться!..“» («Накануне». Лит. неделя. 1923, 16 дек.). Критик писал о главном образе ст-ния: «Увы! Конь нынешних поэтов не Пегас, а само время, закованный в латы Аль-Баррак, конь Магомета...» (Григорьев. С. 6). «Впервые слышал я стихи Кусикова в 1918 г. в Москве, — писал И. Э<ренбург>. — Он не читал — он „творил свой намаз“, и щемящие отголоски сазандари заполняли маленькое кафе на Тверской. <...> В новых поэмах Кусикова — иные голоса. Зурну сменили буйные дудки. „Швырнул я сердце звонко в эхо, В расстрелянный раскат грозы“. Но это не наше буянство: не барабан и не тальянка. Как профиль горца, заострена тоска — уж не долина, а зубец, не слеза — кинжал. Глухое, терпкое вино» (НРК. 1922, № 1. С. 24). Еще один критик отмечал: «<...> в любимом поэтическом образе Кусикова — лёте коня — олицетворено само вихревое устремление, само буйное движение, не знающее медлительности отчаяния. <...> Это ветровое стремление, стихийное по своей природе, символично для всего духа поэзии Кусикова. В нем инерция движения поглотила инерцию покоя. <...> На фоне современной бездуховности, холода нарочитости и сиплого безголосья — духовная насыщенность, живой огонь страстей и пленяющая певучесть стиха — все, что так ярко отметило последние вещи Александра Кусикова, громко свидетельствует о несомой им ответственности за дарование того объема, каким наделила его судьба» (Чумаков А. Поэзия современности // «Накануне». Лит. приложение. 1923, 18 марта). *Семь небес* — см. примеч. 229. *Нет в небе Бога, кроме Бога, И Третий Я Его Пророк* — перефраз главного догмата Ислама: «Нет Бога кроме Бога (Аллаха), и Магомет — пророк Божий».

235. В никуда 1922. Автограф (Тетрадь РГБ), без загл., с точной датой. *Газыри* — металлические или деревянные гнезда для патронов, нашитые рядами на черкеску.

236. КС и В никуда 1920 — обе без загл., с точной датой. — В никуда 1922. Автограф (Тетрадь РГБ), без загл.

237. КС; В никуда 1920 и Коевангелиеран 1920. Датируется по первым трем изданиям и Аль-Баррак 1922. Аль-Баррак 1923 — с твердой датой: 1918—1919. О том, что поэма написана после «Поэмы Поэм» (ст-ние № 232), свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, «Поэма Поэм» тематически и образно связана с более ранними «городскими» стихами, тогда как «Коевангелиеран» примыкает к поэмам, написанным позднее (№ 238, 239, 241). Во-вторых, во всех перечнях собственных книг, которые Кусиков помещал в своих сборниках («Поэма Поэм», 2-е изд.; В никуда 1920; Птица безымянная), «Коевангелиеран» следует после «Поэмы Поэм». Поэма вызвала немало отзывов в печати. Поясняя ее суть, вы-

раженную в самом заглавии, критик писал: «Две культуры, два мира, христианский и мусульманский, странно сочетали „полумесяц и крест“, Коран и Евангелие и породили в одной груди „две молитвы“ и „два сердца“ и создали то неожиданно звучащее слово „Коевангелиеран“, которое осветило особенный, индивидуальный оттенок поэзии Александра Кусикова» (Львов-Рогачевский. С. 61). Особое удовлетворение вызвал у критиков образ *Черного Работника*: «Его душа принимает двух пророков: пророка креста и полумесяца, Христа и Магомета. <...> Это двоеверие принимает еще одну веру, коммунистического революционного перелома, и переходит в троеверие. Христос и Магомет в сознании поэта сливаются. <...> третий — „Черный Работник“» (Абрамович Н. Современная лирика: Клюев, Кусиков, Ивнев, Шершеневич. [Рига], 1921. С. 18). «Есенин гармоничен <...>, тих, ласков и прост. Кусиков — весь в дисгармонии. Его заповедь — „Коевангелиеран“ <...>. В примирении непримиримого — содержание поэзии Кусикова. <...> Меч пророка жесток и тверд. Крест Христов благостен и тих. Не отсюда ли контрастность поэзии Кусикова? Аритмичность так идет к его взволнованной душе» (Иванов Ф. Красный Парнас: Лит.-критич. очерки. Берлин, 1922. С. 82). *Муэдзин* — служитель мечети, призывающий с минарета мусульман на молитву. *Нет Бога, кроме Бога* — см. примеч. 234. *Во имя Отца, Святого Духа и Сына* — перифразированный фрагмент ряда ежедневных православных молитв. *Вот закутанный в просесть черкес*. В автобиографии Кусиков вспоминал: «Сперва около меня мудрый черкес, крепостной моего отца, Чеч <...>. Когда я достиг возраста влезать на коня — опять около меня черкес, сын Чеча, Пит. Уже не такой, как его 92-летний отец, кроме Вольного Аула ничего не видевший» (НРК. 1922, № 3. С. 43). *Вот под спицами няня* — см. примеч. 217. *Джинн* (ар.) — злой дух, демон. *Баз* (дон.) — скотный двор. *Кизеки* (прав.: кизяк; дон.) — сухой навоз, формованный навозный кирпич, употребляемый как топливо. *Галима* — кормилица Кусикова, упоминается также в ст-нии «Сизый венник» («Когда в ночи рождается затея...»): «Ужель не я был выкормлен Галимой В разбитой сакле у родной реки?» *Глас вопиющий в пустыне* (прав.: «Глас вопиющего в пустыне») — слова из Книги пророка Исаии (40, 3), повторенные в проповеди Иоанна Крестителя, который, придя в пустыню Иудейскую, призывал всех покаяться, «ибо приблизилось Царство Небесное» (Ев. от Матфея. 3, 2—3). *Озеро Савской царицы*. Царица Савская — легендарная царица Сабейского царства в Южной Аравии; упоминается в Ветхом Завете. Согласно одному из преданий, имела козлиные ноги. Царь Соломон, чтобы проверить это, заставил ее пройти по хрустальному полу, принятому ею за озеро, поднимая подол одежды. Сходный сюжет имеется и в Коране (27, 22—45). *Так не укрылся Ирод, Волхвы не пришли к нему*. Когда волхвы (восточные мудрецы) пришли в Иерусалим, чтобы поклониться «царю Иудейскому», т. е. младенцу Иисусу, Ирод (см. примеч. 124), опасаясь его как претендента на престол, «тайно призвав волхвов», послал их в Вифлеем разузнать о нем. Волхвы принесли Иисусу дары «и, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою» (Ев. от Матфея. 2, 2—12). *Газыри* — см. примеч. 235. *Будут еще потофы, Ковчег и всё новый Ной*. Имеется в виду Всемирный потоп, который,

по Библии, устроил Господь, уничтожив потомков Адама и сохранив жизнь лишь праведнику Ною с семьей, спасшимся во время потопа в построенном Ноем ковчеге. *Назаретский Плотник* (библ.). Иосиф, муж матери Иисуса Марии, жил в городке Назарете. *Погонщик Верблюдов* — основатель ислама Магомет, который в детстве был пастухом и участвовал в караванной торговле. *Из колодца любви Зем-Зем*. Зем-Зем (Замзам) — священный колодец возле храма Кааба в Мекке (см. примеч. 241), воду которого мусульмане считают обладающей чудотворной силой.

238. Звездный бык. [М.]: «Имажинисты», 1921, с посвящ.: «Прекрасному черкесу — отцу моему» и авт. примеч. к загл.: «Аль-Кадр — неизменные определения, ночь определений. В ночь, когда через ангела Джабриэля (Гавриила) был ниспослан Магомету Коран и которую полагают на 23 или 24 число Рамадана, определяют все дела вселенной на год». — Аль-Баррак 1922 — оба с точной датой. — Аль-Баррак 1923. Эпиграф как отд. ст-ние: под загл.: «Глава (97-я): Определение. Мекская. Пять стихов» — Жемчужный коврик; под загл.: «Аль-Кадр. Коран. Сура 97» — Птица безымянная. «И у меня, — писал поэт в программе своего литературного вечера, состоявшегося в Париже 8 июня 1923 г., — есть икона: вздыбленный конь над пнем. Конь — стихия моя, а пень — нежное воспоминание о невозвратном, о далеком... далеком...» В автобиографии он вспоминал о детстве: «<...> я разъезжал по аулам, по казачьим станицам, купал на реке коней, гонял мамино буйвола на выгон, а под вечер, когда оставался один, сидел на пне, помахивал хворостинкой и смотрел на небо» (НРК. 1922, № 3. С. 43—33). Образ пня (см. также ст-ния № 239, 8; 241, 9) привлек внимание критиков: «„Поэма прозрения“ Александра Кусикова „Аль-Кадр“ <...> прославляет любимый пень поэта на Кубани. <...> Старый кавказский пень Александра Кусикова напоминает пень северный у Кнута Гамсуна в его романе „Последняя отрада“. О гамсунский пень не раз спотыкались: как это можно стоять перед пнем и созерцать его! Как это, тоже в *ночь судьбы*, когда пророку был ниспослан Коран, петь песню пню! Чудное дело! А между тем вот это роднит пенек, что стоит на севере диком (от той сосны) с пеньком кавказским; мудрость последней отрады, густым вином разлитая в Коране. <...> пень его любимый и есть тот самый „Аль-Баррак“, способный взмыть в мгновенье ока в „никуда“» (Григорьев. С. 23—24). В Львов-Рогачевский воспринял образ пня по-иному: «В своей прекрасной последней поэме „Аль-Кадр“, в поэме прозрения, поэт рисует старый мир в образе пня с его утратами <...> и поэт ставит его лицом к лицу с мудрым проникновением вечности, в образе черепа, повешенного на плетень, и со взбитой на дыбы молодостью достижения в образе верного коня» (Львов-Рогачевский. С. 62—63). *Баз* — см. примеч. 237. *Тари*, тар — восточный струнный музыкальный инструмент.

239. Кусиков А. Джульфикар: Неизбежная поэма. [М.]: «Имажинисты», 1921, с авт. примеч.: «Джульфикар — один из замечательных девяти мечей Мухаммеда, на лезвии которого были две расходящиеся линии», с точной датой. — Аль-Баррак 1923. *Бакиа* — то

же, что бахча. *Баз* — см. примеч. 237. *Азатки* (прав.: озадки) — здесь: сорное зерно. *Марсельеза* — см. примеч. I.

240. Конский сад: Вся банда. М.: «Имажинисты», 1922. — «Эпопея» (М.; Берлин). 1922, № 1, в цикле «То, чего нет в Коране»; Пересвет: Лит.-худож. альманах. [Кн.] 2. М., 1922, в подборке «Из книги „То, чего нет в Коране“» и Птица безымянная. Автограф (РГАЛИ). *Бедуин* — араб-кочевник. *Дервиш* — нищенствующий мусульманский монах.

241. Кусиков А. Искандар-намэ. М.: «Имажинисты», 1921—1922, с рис. В. Александровой, с точной датой. — Аль-Баррак 1923. В берлинской русскоязычной прессе появилось немало откликов о поэме. Ф. Иванов в своей книге выделил ее в качестве «наиболее зрелого и законченного создания поэта» (Красный Парнас: Лит.-критич. очерки. Берлин, 1922. С. 83); похвалил ее и И. Эренбург] (см.: НРК. 1922, № 1. С. 24). И. Василевский (Не-Буква) в рец. на кн. А. Ветлугина «Записки мерзавца» (Берлин, 1922), посвященной С. Есенину и А. Кусикову, свидетельствует: «<...> г. А. Кусиков <...> на всех вечерах мрачно декламирует поэму, начинающуюся чем-то вроде „Письма в редакцию“ или, в лучшем случае, „стороннего сообщения“: „Обо мне говорят, что я сволочь...“ Перед нами какая-то эпидемия, поветрие. Образовалась странная мода на то, чтобы быть (или слыть?) мерзавцем и вором, хулиганом и сволочью» («Накануне». Лит. приложение. 1922, 27 авг.). *Искандар-намэ*. Искандар (прав.: Искандер) — в иранской мифологии и эпосе («Шахнаме» Фирдоуси и др.) — образ полководца Александра Македонского (356—322 до н. э.). С ним связаны социальные утопии, обработанные в поэме Низами «Искандер-намэ», где дана картина расположенной на Севере счастливой страны свободы и равенства. Заглавием и подзаголовком поэт намекает на некое родство со своим великим тезкой Александром Македонским. *Мюрид* — у мусульман: послушник, обязанный беспрекословно повиноваться своему духовному наставнику. *Двуглавый орел* — см. примеч. 68. *Кортеет стог*. Кортеть (обл.) — поджидать, подстергать с нетерпением. *Арбат* — см. примеч. 227. *Мекка* — город на Аравийском полуострове, религиозный центр ислама. *Кааба* — храм в Мекке, в котором хранится величайшая святыня ислама — «черный камень», по преданию принесенный ангелом Адаму.

242. Пересвет: Лит.-худож. альманах. [Кн.] 2. М., 1922 (см. примеч. 240), под загл.: «Зеленые зайцы». — «Эпопея» (М.; Берлин). 1922, № 1 (см. примеч. 240) и Птица безымянная. — Рябка, с посвящ. в содержании: «Нине Кирсановой». Автограф (РГАЛИ), под загл.: «Зеленые зайцы», с чтением ст. 14: «Тот и умеет петь». *Мюрид* — см. примеч. 241.

243. Рябка. *В имажинизме надоевшая луна*. Имеется в виду образ луны (месяца), часто встречающийся в стихах имажинистов, в особенности у С. Есенина (более 100 раз).

244. «Накануне». 1922, 8 авг., б. д. — Рябка. *До боя под Борисоглебской вышкой У меня был любимый брат*. Памяти брата Георгия, погибшего во время гражданской войны, 14 марта 1919 г., поэт посвятил подборку стихов в Мы, В никуда 1922 и несколько отд. стихов.

245. «Накануне». 1922, 29 июля, с вар. Печ. по Рябка с исправлением явной опечатки в ст. 23 (напеч.: «грудастая») по «Накануне».

246. Рябка.

247. «Накануне». 1922, 16 апр., под загл.: «Посвящение», с точной датой. — В никуда 1922. — Рябка. В рец. на В никуда 1922 А. Вольский, цитируя ст. 1—8, отмечал: «Сила кусиковского „имажинизма“ именно в шарадах сжатых и быстро меняющихся образов» («Накануне». 1922, 23 июня).

МАТВЕЙ РОЙЗМАН

248. Птица безымянная. Чеч — см. примеч. 237.

249. Ройзман М., Шершеневич В. Красный алкоголь. [М.]: «Имажинисты», 1922. *В аптеке Зеленые и синие шары*. В витринах аптек в дореволюционное время в качестве рекламы выставлялись шары, наполненные жидкостью зеленого и синего цвета. *Сокольники* — парк в Москве. *Великий Иван* — колокольня в Московском Кремле. *Орел двуглавый* — см. примеч. 68. *Марсельеза* — см. примеч. V. *Ундервуд* — марка пишущей машинки американского производства. *Вестники Страшных Судов*. Вестник (библ.) — ангел. Здесь имеются в виду семь архангелов, призванных звуками труб возвестить наступление Божьего царства и Страшного суда и надзирать за воскресением из мертвых. *Козьма, Черный Минин-Сухорукий* — Минин (Сухорук) Кузьма (ум. 1616) — нижегородский земский староста, один из организаторов «Второго ополчения», созданного для освобождения Москвы от польских и шведских интервентов; возглавил сбор средств для ополчения. Ранее был мясным торговцем. *Из рук мясника... Принял меч и войска Воевода князь Пожарский*. Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, служил воеводой в Зарайске. По призыву Минина стал военным руководителем «Второго ополчения», освободившего Москву 26 октября 1612 г. *«Не жалеть нам имени своего...»* и т. д. — почти дословно воспроизведенный фрагмент обращения Минина к нижегородцам: «будет нам похотеть помочи Московскому государству, ино нам не пожелети животов своих; да не токмо животов своих, ино не пожелеть и дворы свои прсдавать и жены и дети закладывать...» *Шаги самозванца в столице... Тушинских воров*. Имеются в виду самозванцы Лжедмитрий I (ум. 1606) и Лжедмитрий II (ум. 1610); лагерь последнего находился в с. Тушино под Москвой, за что он и получил прозвище «Тушинский вор». *Николай Второй* (1868—1918) — русский царь. *Георгий* — великомученик Георгий Победоносец, покровитель Москвы. *И го-*

лова *На блюде облака*. Образ, вероятно, восходит к евангельскому эпизоду об отсечении Иоанну Крестителю головы (см. примеч. 106).

250. Конский сад. М.: «Имажинисты», 1922. «*Ато, Адоной!*» (ивр.) — «Ты, Господи!» Адонай — обозначение Ягве, Бога в иудаизме, заместитель его имени, которое имели право произносить только священники и лишь в исключительных случаях; другие заместители: Саваоф, Иегова.

251. Хевронское вино. *Кол нидрей* (кол нидре, ивр.) — провозглашение отказа от обетов и клятв, принятых необдуманно или по принуждению. Зародилось в средние века, когда в Испании и других странах евреев заставляли отречься от своей веры и принимать христианство. Обряд совершается в *Эм-Кипур* (Иом-Киппур, ивр. — день искупления), в еврейской традиции — важнейший из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов, который отмечается на 10-й день месяца *тишрэ* (тишрей) и приходится на сентябрь или октябрь. *Гимн Романовых* — гимн Российской империи «Боже, царя храни» (муз. А. Ф. Львова, сл. В. А. Жуковского). *Марсельеза* — см. примеч. V. *Рог червленый* (шофар, ивр.) — духовой инструмент, в древности из бараньего рога, позже металлический; в него, в частности, трубят в конце Эм-Кипура. *Рэб*, ребе (ид.) — титулование раввина или учителя хедера (начальной еврейской школы). *Я — первенец, я — Саваофу* *Посвященный Торой за Исход*. Вероятно, имеется в виду древний обычай, при котором сан первосвященника переходил по наследству перворожденному сыну. Саваоф — см. примеч. 250. *Тора* — Пятикнижие Моисея, первые пять книг Библии. Исход из Египта — событие, подробно описанное в Пятикнижии. В голодные годы евреи переселились из Ханаана в Египет, где получили обширные плодородные земли в устье Нила. Но затем фараоны стали их притеснять, превратив в рабов, умерщвляли их новорожденных сыновей. Пророк Моисей, вопреки воле фараона, убедил свой народ уйти из Египта и вернуться в Ханаан. Странствование по Синайской пустыне длилось сорок лет. *Не я ль записан тайно в книгу*. Имеется в виду Книга жизни (библ.) — небесная книга, куда вписаны имена праведных. Внесенному в нее суждена жизнь, вычеркнутому — забвение. «...и наступит время тяжелое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге» (Даниил. 12, 1). *Не скорлупу мою ли сердца Я обрезал пред лицом Его*. Образ восходит к след. фрагменту библейской Книги пророка Иеремии: «Вот приходят дни, говорит Господь, когда Я посетую всех обрезанных и необрезанных <...>, а весь дом Израилев с необрезанным сердцем» (Иер. 9, 25—26). *И петух мой, белый и живой* и т. д. Вероятно, подразумевается существовавший в библейские времена культ приношения животных Богу. *Адонай* — см. примеч. 250. *Потоп, ковчег* — см. примеч. 127. *Семь колосьев тощих* *Поглотили тучных семь* — сон египетского фараона, означавший, что после семи лет «великого изобилия во всей земле Египетской» наступят «семь лет голода» (Бытие. 41, 29—30). *Вретище* (др.-рус.) — убогая одежда, рубище. *Вассанский дуб*. Вассан (Басан, библ.) — название области на восточном берегу Иордана; росшие там дубы

упоминаются в Библии как особо прочные. *Язве* — см. примеч. 250. *Аарон* — старший брат и сподвижник пророка Моисея, первый еврейский первосвященник. *Шма, Исроэл!* и т. д. — «Слушай, Израиль! Господь — Бог наш, Господь един» — ст. из Второзакония (6, 4), провозглашающий принцип единобожия; входит в состав утренней и вечерней молитв. *Колокольчики на Торе*. Здесь имеется в виду рукописный пергаментный свиток Торы, хранящийся обычно в синагоге; к ручкам валика, на который свиток намотан, подвязываются колокольчики. *Щит Давида* (могендовед, ивр.) — шестиконечная звезда, национальная еврейская эмблема с древнейших времен. Библейский царь Израиля Давид (царств. 1010—970 до н. э.) расширил государство и укрепил границы.

252. Г л. 1. «Корабль». 1923, № 1/2(7/8), под загл.: «Из поэмы „Пасха“, с вар. П о л н о с т ь ю. Хевронское вино. *Пасха* (песах, ивр.) отмечается с 14-го по 21-е число нисана (месяц, соответствующий марту-апрелю) в память исхода евреев из Египта. *Илия большой бокал*. Илия (ивр. — Элияху, в рус. традиции — Илья-пророк), согласно легенде, живым был взят на небо. В первую ночь еврейской пасхи посещает каждый дом; принято ставить на стол предназначенную для него чашу вина. *Иней плыл В поля библейской манной*. Манна — хлеб, дарованный Богом евреям на все время их странствий по пустыне после исхода из Египта (см. примеч. 251). В Библии повествуется о том, как они увидели «на поверхности пустыни нечто мелкое, круповидное, мелкое как иней на земле» (Исход. 16, 14). *Преломи опреснок средний*. Опреснок (маца) — лепешки из пресного теста, употребляемые в пасху в память об исходе. По идущему от древности ритуалу праздничной трапезы в первую пасхальную ночь кладутся друг на друга три ломтика мацы; затем глава семейства вынимает средний и, разломив пополам, половину (*афикомон*) прячет под подушку, на которую опирается (трапезу надлежит совершать возлегая); в конце праздничной церемонии часть эта делится между сотрапезниками. Ср.: Ройзман М. Минус шесть: Роман. М., [1930], С. 29—33. *Смоквы* (фиги, инжир) — плоды смоковницы (фигового дерева). «*Отпусти мой народ!*» — требование Бога, с которым Моисей и Аарон обратились к фараону для вызволения евреев из египетского плена. *Саваоф* — см. примеч. 250. *Харейшэс... как глина липкая*. Харейшэс — тертые яблоки, финики, орехи и корица, пропитанные вином; своей консистенцией смесь эта напоминает глину. *В Египте сотни рук Слепили кирпичи позора И башню бунта*. Речь идет о египетском плене и исходе. *Как души язва морская Гиеной черной мнет* и т. д. Моровая язва — одна из десяти «казней египетских», которые Бог наслал на Египет за категорический отказ фараона отпустить евреев. *И кровью сердца тайно Помазал эти выступы* и т. д. Строфа восходит к эпизоду Библии (Исход), повествующему о том, как евреи, по наущению Бога, помазали кровью жертвенных агнцев косяки и перекладины дверей, чтобы предохранить своих первенцев от убийства по приказу фараона. *Псалом* — см. примеч. 107. *Ермолка* — шапочка для постоянного ношения у верующих евреев. *Расступалась ночь пред ним, Как море перед Моисеем*. После исхода евреев фараон с войском погнался за ними и настиг у Чермного (Красного) моря. Тогда «простер Моисей руку свою на море <...>; и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше...»; затем «вода возвратилась и покры-

ла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море; не осталось ни одного из них» (Исход. 14, 21—22, 28). *И пейсы рыжие пригладить Крученой буквой «пэй».* Пейсы — длинные пряди волос на висках у набожных евреев. «Пэй» («пэ») — буква др.-евр. алфавита; в рукописном шрифте напоминает спираль. «*Хад гадио! хад гадио!*» («Один козленок, один козленок!..») — народная песенка на арамейском языке «Козлик», которую поют в заключение пасхальной церемонии. *Из камня вода сокрытая Под жезлом пророка — потоком!* Когда во время странствований по пустыне народ, измученный жаждой, стал роптать, Моисей своим чудодейственным жезлом ударил в скалу и высек из нее воду; так повторялось дважды.

253. Хевронское вино. *Ассонанс* — см. примеч. 18. *Погонит... как влюбленный Яков по склонам Лавановых овец.* Яков (Иаков), один из библейских патриархов, считается родоначальником двенадцати колен Израилевых. Чтобы получить в жены Рахиль, младшую дочь Лавана (брата его матери Ревекки), принужден был отработать у него пастухом в общей сложности 20 лет. *Ермонская гора.* Ермон (Хермон) — самый высокий горный массив в Израиле; большую часть года вершину его покрывает снег. *Есевоны.* В числе шести судей Израиля в Библии упоминается «Есевон из Вифлеема. У него было тридцать сыновей, и тридцать дочерей отпустил он из дома в замужество, а тридцать дочерей взял со стороны за сыновей своих, и был судьей Израиля семь лет» (Судьи. 12, 8—9). *Мирра* — благовонная смола, применяемая для воскурений при религиозных обрядах. *Смоковница* — см. примеч. 252.

254. Хевронское вино. *Новый год.* Еврейский Новый год (*Рош Гашоно*, ивр.) приходится на первые два месяца *тишири* (см. примеч. 251). *Весы* — созвездие и зодиакальный знак месяца тишири, символизирующий Божий суд над миром. *Протруби в бараний рог* — см. примеч. 251. *Скрижаль* — см. примеч. 125. *Всё тот же посох Тысячу шестую лет Миндалем розоволосым Расцветает на земле.* Имеется в виду библейское сказание о посохе Аарона (см. примеч. 251), который «расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали» (Числа. 17, 8). Тысячу шестую лет — 1923 году по григорианскому календарю (год выхода кн. Ройзмана) соответствует 5683/5684 год по иудейскому календарю. *Золото Офирских стран.* Офир — мифическая страна, богатая драгоценностями. *О грозе бывших восстаний Маккавейских сыновей* и т. д. Речь идет о восстании Маккавеев в Иудее, направленном против гнета династии Селевкидов, в частности сирийского царя *Антиоха IV Эпифана* (царств. 175—164 до н. э.). Восстание, начавшееся в 167 г. до н. э., возглавили священник *Маттитьяху* (Маттафия, библ.) из рода *Хасмонеев* и пять его сыновей. Наиболее выдающимся из них был третий сын — *Иуда* (Иехуда, погиб в 161 до н. э.), принявший, согласно предсмертной воле отца, руководство восстанием. Он одержал ряд крупных побед, в том числе в 165 г. до н. э. над войском *Горгия*, неожиданно атаковав его лагерь и почти полностью уничтожив его армию; затем взял Иерусалим и освятил храм. За военные успехи был прозван *Маккабием* (маккаби, ивр. — *молот*). *Хеврон* — город к югу от Иерусалима; был освобожден Иудой Маккавеем в 162 г. до н. э. *Пей из книги Хасмонеев.* Известны четыре Книги Маккавеев, дошедшие до нашего времени на греч. яз.; три из них посвящены восстанию

Маккаеев. *В радуге семи свечей*. Имеется в виду семисвечник (менора, ивр.), ритуальный светильник, известный со времен исхода; зажигается по праздникам. Подробно описан в кн. Исход. 25, 31—40. *Руфь*. Лишившись мужа во время голода и оставшись без средств к существованию, моавитянка Руфь вместе со своей свекровью Нооми (в Библии — Ноэминь), тоже овдовевшей, пришла в *Бейс-Лехем* (прав.: Бет-Лехем, в рус. транскрипции: Вифлеем) и, чтобы прокормиться, во время жатвы ячменя «подбирала в поле колосья позади жнецов» (Руфь. 2, 3), в частности в поле *Воаза* (в Библии — Вооз), родственника мужа Нооми, собранным же делилась со свекровью. Восхищенный благородством Руфи, Воаз взял ее себе в жены. *Звезды о поэте грусти, О Давиде прозвонят*. Давид (см. примеч. 107) назван в Библии «сладким певцом Израилевым» (2-я Царств. 23, 1). Руфь была среди его предков по женской линии. *Книга Чисел* (Числа) — четвертая книга Пятикнижия Моисея; содержит исчисление «сынов Израилевых», гражданские и религиозные законы. *Талэс* — см. авт. примеч. к ст-нию № 253.

255. Пальма.

256. Пальма. Авт. маш. с точной датой (РГАЛИ). *Саронская долина* — плодородная равнина в северной части Израиля.

257. Пальма. *Шамэс* (ид.) — синагогальный служака.

258. Пальма.

259. Пальма. Авт. маш. с точной датой (РГАЛИ). *С Ермонской голубой горы* — см. примеч. 253. *Посох Аарона* — см. примеч. 251, 254.

260. Пальма.

261. Пальма. *Семисвечник* — см. примеч. 254. *За семь запорошенных лет* — т. е. за семь лет, прошедших после Октябрьской революции 1917 г.

262. Пальма.

НИКОЛАЙ ЭРДМАН

263. ЖТРС. 1919, № 30/31, 4 мая.

264. «Знамя». 1920, № 2(4). Печ. с предположит. чтением в ст. 16 вместо явной опечатки (напеч.: Данных). В. Шершеневич рассказывает в своих мемуарах, что Эрдман в нач. 1919 г. читал ему ст-ние, где «сравнивался фонарь с ландышем» (ВО. С. 565).

265. «Знамя». 1920, № 3/4(5/6).

266. Конский сад. М., 1922. *Ужив* (от «уживаться»), *болт* (от «болтать»), *вят* (вероятно, близкое по знач. «мят») — неологизмы Эрдмана.

267. ГПП. 1922, № 1. В рецензии на этот номер Б. Горнунг отмечал «высокую художественность стихов, напечатанных в журнале», в частности данного стиха (см.: «Корабль». 1923, № 1/2(7/8). С. 45).

268. ГПП. 1923, № 2. В. Шершеневич называет это стихотворение «чудесным» (ВО. С. 592). *Хитров рынок* («Хитровка») — один из московских рынков, на котором скапливалось большое количество мошенников, жуликов и воров; впоследствии был ликвидирован.

«ВОИНСТВУЮЩИЙ ОРДЕН ИМАЖИНИСТОВ»

ВЛАДИМИР РИЧИОТТИ

269. Осьмина, б. д. Датируется по печ. л. из сб. «Осьмина» с вписанными автором датой и посвящ.: «Сергею Есенину» (ПД).

270. Осьмина. В содержании кн.: Васильев И., Панфилов Е., Ричиотти В. Певучая банда. Пб., 1923 — с надзаг.: «Из книги „Человечьи следы“».

271. Осьмина. *Ночанка* (обл.) — здесь: летучая мышь.

272. Осьмина.

273. Осьмина. — Васильев И., Панфилов Е., Ричиотти В. Певучая банда. Пб., 1923.

274. Осьмина.

275. Осьмина. М. Ройзман, цитируя по памяти ст. 1—2, пишет об этом стихотворении: «Он любил поэзию Есенина, мог, когда нужно, постоять за него, однако в стихах бросал задорный вызов...» (Ройзман. С. 262).

276. Ричиотти В. *Коромысло глаз*: Поэма. Пг.: «Имажинисты», 1923. Печ. с восстановлением в гл. 2 ст. 50—62 (в печ. изд. заменены 4-мя строками точек) и ст. 75 (заменена строкой точек) по автографу гл. 2 (ПД). Автограф гл. 1, с подзаг.: «Выдерок», др. ред. (РГБ). Поэма получила благожелательные отзывы в печати. «У Ричиотти, — писал Мариенгоф, — местами так сколочено слово, что начинаешь ощущать серую массу его мозга. А ведь даже непревзойденный Микеланджело гордился тем, что он рисует не руками, а головой» (ГПП. 1923, № 2. С. [19]). «В „Коромысле глаз“, — отмечал в рец. на обе стихотворные книжки Ричиотти аноним, — поэт более индивидуален, — уже на собственном плече несет „дрожащие озера впечатлений — любовью переполненные ведра“. Внешняя открытость этой поэмы, являющаяся следствием изобилия образов, искупается целостью ее и свежими строками» («Накануне». Лит. неделя. 1924, 1 июня. С. 8). *Коромысло глаз*. Образ восходит к траге-

дии Мариенгофа «Заговор дураков»: «...глаза качаются, Как полные ведра на коромысле» (Мариенгоф А. Заговор дураков: Трагедия. [М.]: «Имажинисты», 1922. С. 23; впервые указано в кн.: Markov V. Russian Imagism. 1919—1924. In 2 vol. V. 2. Giessen, 1980. P. 321). 1. *Ремешками любимых пальцев Головы мой узел Вязать* — реминисценция строк из поэмы Мариенгофа «Руки галстуком», 1: «Обвяжите, скорей обвяжите вокруг шеи Белые руки галстуком...» (см. ст-ние № 128). 2. *Я пролил не вино, А кровь* и т. д. Речь идет о ране, полученной Ричиотти во время штурма Зимнего дворца. *Килем режущим Промчится* и т. д. Ср. у Мариенгофа: «Острым холодным прорежу килем Тяжелую волну соленых дней...» (см. ст-ние № 129). 3. *И шапка синяя С мохнатым Желтым бубенцом*. Ср. у Мариенгофа: «А синий Колпак С бубенцами звезд...» (см. ст-ние № 132, 3). *Овидь* (обл.) — небосклон, горизонт. 4. *Садарь* — садовник. 5. *Семен* — С. А. Полоцкий.

277. Печ. впервые по автографу ПД. Ст-ние приложено к краткой автобиографич. справке, где автор, в частности, отмечает: «Пишу с 1920 года, но что толку — печатать трудно. О себе могу сообщить... впрочем, кому это нужно?»

ИВАН АФАНАСЬЕВ-СОЛОВЬЕВ

278. Афанасьев-Соловьев И. Завоевание Петрограда. Л.: «Имажинисты», 1924. *Николай Григоров* — поэт, примыкал к петроградским имажинистам; автор неизданного сб. «Скифий скит».

279. Афанасьев-Соловьев И. Завоевание Петрограда. Л.: «Имажинисты», 1924.

280. Афанасьев-Соловьев И. Северная поэма. Пг.: «Имажинисты», 1923. В наст. изд. печ. главки 1-я, 2-я и 6-я, заключительная, публиковавшаяся затем отдельно: В кибитке вдохновенья. Пг., 1923, с подзаг.: «Из „Северной поэмы“», без 2-й строфы; ГПП. 1924, № 4, в подборке «Имажинистский молодняк», как отд. ст-ние, подпись: И. Афанасьев. 1. *Ароматы Гречневых смоленских полей*. Ср. в автобиографич. заметке (<1924>): «В 1917 году смоленскими полями выплеснут на асфальтовые ладони Петербурга» (ПД). 2. *Когда щедро мечешь Любимейших дочерей любовницами мне на ложе* — аллюзия на поэму Мариенгофа «Кондитерская солнц» (см. ст-ние № 123, 7). *Стройные ли башни <...> или голубое тело мечети*. Имеется в виду петербургская мечеть и ее минареты (арх. Н. В. Васильев, А. И. Гоген, С. С. Кричинский, 1900-е годы).

ГРИГОРИЙ ШМЕРЕЛЬСОН

281. Петербургское объединение обновленного искусства: Альманах № 1. СПб., 1922; Шмерельсон Г. Города хмуры: Стихи. Пб.: «Распятый Арлекин», 1922.

282. Шмерельсон Г. Города хмуры: Стихи. Пб.: «Распятый Арлекин», 1922.

283. В кибитке вдохновенья. Пг., 1923. Датируется по автографу в рукописном сб. ст-ний Шмерельсона ПД, на обл.: «Григорий Шмерельсон. Меня — Тебе. Поэма. „Имажинисты“, 1923»; на об.: «Выпущена настоящая поэма в количестве десяти рукописных экземпляров. Весна 1923. № 9», с вар.; там же — черновой автограф и 7 маш. экз. с авт. правкой, в том числе маш. сб. с авт. правкой под загл.: «Меня — Тебе. Поэма в 4-х ч.», с авт. пометой: «В Главлит — 28. 08. 23. В наборе». В перечнях вышедших и готовящихся к изданию книг, помещавшихся в сборниках имажинистов за 1923—1924 гг., «Нисти Трац» и «Меня — Тебе» значатся как книги, готовящиеся к печати.

284. Печ. впервые по автографу без пунктуации в рукописном сб. ст-ний Шмерельсона ПД; там же, в блокноте — второй автограф.

285. Собрание стихотворений. Л., 1926. Автографы: РГБ; ПД (2), в том числе в рукописном сб. ст-ний Шмерельсона.

СЕМЕН ПОЛОЦКИЙ

286. Березин М., Полоцкий С. Заповедь зорь. Казань: «Имажинисты России», 1922.

287. В кибитке вдохновенья. Пг., 1923, с надзаг.: «Из „Необычайного свидания друзей“», с посвящ.: «М. Березину». — ГПП. 1924, № 4, в подборке «Имажинистский молодняк». Автограф (РГБ), под загл.: «Поэма на катафалке (отрывок)», с посвящ.: «М. Березину». *Необычайное свидание друзей*. Эта строка стала названием журнала, задуманного ленинградскими имажинистами в 1924 г., но так и не вышедшего в свет; позже ею, в несколько измененном виде, назвал один из своих поэтических сборников примыкавший к имажинистам Вольф Эрлих (*Необычайные свидания друзей*. Л., 1937).

288. Печ. впервые по автографу (ПД).

289. Печ. впервые по автографу (РГБ). *Мерзлое пламя* — название сб. стихов Полоцкого (см. о нем биогр. заметку, с. 432).

290. Собрание стихотворений. Л., 1926. По всей вероятности, в ст-нии имеется в виду В. Ричиотти.

ЛЕОНИД ЧЕРНОВ

291. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших: Лирика. Владивосток, 1924 (фактически сб. вышел из печати в декабре 1923 г.). Ст-ние, автобиографичное в своей основе, навеянное личными обстоятельствами автора, к 1922 г. имевшего около десяти неопубл. книг (стихи, поэмы, пьесы), в то же время подхватывает и развивает один из лейтмотивов поэзии Шершеневича; ср.: «Все мы, поэты, — торгаша и торгуем Строфою за рубль серебряных глаз...» (ст-ние № 47), «И тащу продавать на Сухаревку В рай билет, мои мышцы и мозг...»

и т. д. (см. ст-ние № 56) и в особенности ст-ние № 41. *Продаю вдохновенье* и т. д. Этот мотив (как ранее у Шершеневича) восходит к пушкинским строкам: «Не продается вдохновенье, Но можно рукопись продать» («Разговор книгопродавца с поэтом»); строки Чернова звучат по отношению к ним полемично. «*Воскресшие радости*», «*Искание счастья*», «*Кометный трепет*», «*Динамо-любовь*», «*Дьявол на небе*» — вероятно, стихотворные произведения Чернова. *Двести кусков, триста кусков* — двести и триста тысяч рублей. Кусок (жарг.) — тысяча рублей. *Пол-лимончика* — полмиллиона. Лимон (жарг.) — миллион. *Поэзы* — лирические ст-ния (неологизм Игоря Северянина). «*Квадрат решетки*» (1921) — поэма Чернова; отрывки из нее включены в сб. «Профсоюз сумасшедших».

292. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших: Лирика. Владивосток, 1924. *Месяц-апаш*. Апаш — здесь: хулиган, вор. *Губпродком* — Губернский продовольственный комитет. *Махудрам* — см. биогр. заметку, с. 438.

293. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших: Лирика. Владивосток, 1924. *Белаковская* Виктория Марковна (1901—1965) — художница, первая жена Чернова. Родилась, как и Чернов, в г. Александрия Херсонской губ. Училась на факультете естественных Одесского университета и одновременно на факультете живописи Института изобразительных искусств. В 1923 г. переехала в Петроград, в 1923—1927 гг. училась во ВХУТЕИНе у К. С. Петрова-Водкина. В 1924 г. на выставке ее работ во Владивостоке экспонировался, в частности, живописный портрет Чернова. *Гончаров* Сергей — сведения о нем не обнаружены. *Кричевский* Иосиф Зиновьевич (псевдоним — Осипов, 1905—1975) — прозаик и очеркист, автор около трех десятков книг. *Филянский* Георгий — актер; вместе с Черновым входил в Махудрам (см. биогр. заметку, с. 438). *Упродком* — Украинский продовольственный комитет.

294. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших: Лирика. Владивосток, 1924. На создание ст-ния автора, несомненно, вдохновила одноименная поэма Шершеневича (см. ст-ние № 60). *Бипланы губ моих*. Ср. у Шершеневича: «И биплан твоих губ над моими губами...» («Если голос раскалился в шуме...», посвящ. С. Есенину. Ноябрь 1918. — ЛкII). *Голгофы Страсти*. Голгофа — см. примеч. 115.

295. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших: Лирика. Владивосток, 1924. *А все-таки она вертится!..* — фраза, приписываемая Галилею, вынужденному под давлением инквизиции публично отречься от учения Коперника о движении Земли и других планет вокруг Солнца.

296. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших: Лирика. Владивосток, 1924. *Виктория Белаковская* — см. примеч. 293.

297. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших: Лирика. Владивосток, 1924. *Аллилуйя* — см. примеч. 97. *Екклезиаст* — Книга Екклезиаста, или Проповедника, — одна из книг Ветхого Завета, проповедующая отказ от суетности земной жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

МАНИФЕСТЫ И РАБОТЫ ПО ТЕОРИИ ИМАЖИНИЗМА

I. Декларация	7
II. Почти декларация	11
III. Восемь пунктов	15
IV. <Манифест новаторов>	18
V. Вадим Шершеневич. <Из книги «2 x 2 = 5. Листы има- жиниста»>	20
VI. Анатолий Мариенгоф. Буян-остров. Имажинизм	32

СТИХОТВОРЕНИЯ

«ОРДЕН ИМАЖИНИСТОВ»

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

<i>Биографическая заметка</i>	47
1. Маски	52
2. Берег	53
3. Одиночество	54
4. Мольба	54
5. Судьба	55
6. Смиренье	56
7. Обожание	57
8. Память	58
9. «Порыжела небесная наволочка...»	59
10. L'Art poetique	60
11. Импровизация	61
12. Сегодня	61
13. Усталость	63
14. «Такого вечера не было вовеки...»	63
15. Solo	64

16. «Вы бежали испуганно, уронив вуалетку...»	65
17. «Я осталась одна, и мне стало скучно...»	65
18. «У других поэтов связаны строчки...»	66
19. <i>Orchestre moderne</i>	66
20. «Эпизоды и факты проходят сквозь разум...»	67
21. «Ах, не ждите от меня грубостей...»	67
22. «Неосязаемые вечерние карандашики...»	68
23. «Когда завтра трамвай вышмыгнет, как колоссальная ящерица...»	69
24. «Бледнею, как истина на столбцах газет...»	69
25. «Я не буду Вас компрометировать дешевыми объедками цветочными...»	70
26. «Послушайте! Я и сам знаю, что электрической пылью...»	71
27. «Вежливый ветер схватил верткую талию пыли...»	71
28. «С севера прыгнул ветер изогнувшейся кошкой...»	72
29. «Маленькие люди пронумеровывали по блудячим полкам...»	73
30. «Дом на дом вскочил, и улица переулками смутилась...»	73
31. «...Бой хромой, ковьялющий, с губою закушенной...»	73
32. «Что должно было быть — случилось просто...»	74
33. Принцип альбомного стиха	75
34. Принцип романтизма	76
35. Принцип гармонизации образа	78
36. Принцип обратной темы	79
37. Имажинистический календарь	79
38. Принцип звукового однословия	81
39. Принцип академизма	82
40. Однотемное разветвление	82
41. Принцип архитектурного соподчинения	83
42. Композиционное соподчинение	84
43. Принцип проволоч аналогий	85
44. Ритмическая образность	86
45. Принцип звука минус образ	86
46. Инструментовка образом	88
47. Содержание минус форма	88
48. Принцип примитивного имажинизма	89
49. Принцип мещанской концепции	90
50. Последнее слово обвиняемого	91
51. Эстрадная архитектура	92
52. Сердце частушка молитв	93
53. Принцип поэтической грамматики	94
54. Кооперативы веселья	95
55. Принцип басни	96
56. Эстетические стансы	96
57. Однохарактерные образы	97
58. Динамас статик	98
59. Лирическая конструкция	99
60. Песня Песней	100
61. Слезы кулак зажать	105
62. Ангел катастроф	110
63. Итак итог	112
64. Что такое Италия?	113

65. Ночь слезопротий	114
66. Жернова любви	115
67. Выводок обид	115
68. Аренда у легенд	115
69. Слава пораженья	116
70. Белый от луны, вероятно	117
71. На соленом жаргоне	118
72. Живущих без оглядки	119
73. При каждой обиде	120
74. Бродяга страстей	121
75. «Нет слов короче, чем в стихах...»	125
76. «Ой, какой я старый! Хуже спится...»	125
77. Прощай	126
78. Реминисценция	127
79. Вечер жизни	128
80. Мой май	129
81. «От самых древних поколений...»	129
82. «Смотри: по крышам, шаг ломая...»	130
83. А. Н. А.	131
84—85. П е р в ы й с р е д и п о с л е д н и х	
1. «В былые дни, когда на плаху...»	132
2. «Прспал почти семнадцать лет...»	133

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

<i>Биографическая заметка</i>	135
86. «Там, где капустные грядки...»	138
87. Преображение	138
88. «Я покинул родимый дом...»	142
89. «Теперь любовь моя не та...»	142
90. «Хорошо под осеннюю свежесть...»	143
91. «Закружилась листва золотая...»	143
92. «О Боже, Боже, эта глубь...»	144
93. Пантократор	145
94. Кобыльки корабли	147
95. «Душа грустит о небесах...»	149
96. Хулиган	150
97. Сорокоуст	151
98. Исповедь хулигана	153
99. «Я последний поэт деревни...»	155
100. Песнь о хлебе	156
101. «Сторона ль ты моя, сторона!..»	157
102. «Мир таинственный, мир мой древний...»	158
103. Прощание с Мариенгофом	159
104. «Мне осталась одна забава...»	160
105. Пугачев	161

<i>Биографическая заметка</i>	191
106. «Из сердца в ладонях...»	195
107. «Даже грязными, как торговок...»	196
108. «Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза...»	196
109. «Дикие кочевые...»	197
110. «Пятнышко, как от раздавленной клюквы...»	197
111. «Кровью плюем зазорно...»	197
112. Октябрь	198
113. России	199
114. Днесь	201
115. «Твердь, твердь за вихры зыбим...»	202
116. «Я пришел к тебе, древнее вече...»	202
117. «Толпы, толпы, как неумные рощи...»	203
118. «Каждый наш день — новая глава Библии...»	203
119. «Багровый мятежа палец тычет...»	204
120. «Эй! Берегитесь, — во все концы...»	204
121. «Возьми мою душу, как паникадило...»	204
122. «Словно навозные кучи кабан...»	205
123. Кондитерская солнц. <i>Поэма</i>	206
124. «Руки царя Ирода...»	209
125. Магдалина. <i>Поэма</i>	209
126. Слепые ноги	220
127. Анатолеград	223
128. Руки галстук. <i>Поэма</i>	227
129. «Острым холодным прорежу килем...»	229
130. Марш революций	230
131. «На каторгу пусть приведет нас дружба...»	231
132. Встреча	231
133. Сентябрь. <i>Поэма</i>	234
134. Тучелет	236
135. Фонтаны седины	237
136. Развратничаю с вдохновеньем. <i>Поэма</i>	240
137. Кувшины памяти	246
138. < Из поэмы «Застольная беседа» >	248
139. Друзья	249
140. < Из трагедии «Заговор дураков» >	253
141. Разочарование	254
142. «Утихни, друг...»	258
143. «Какая тяжесть!..»	259
144. «Я не хочу, чтобы печалились и сожалели...»	260
145. «Не много есть у вольности друзей...»	261
146. «Друзья (как быть?), не любят стихотворцев ныне...»	261
147. «Наш стол сегодня бедностью накрыт...»	262
148. Поэма без шляпы	262
149. Ветра марш	265
150. «И нас сотрут, как золотую пыль...»	266
151. «Смешным стихом баклуши бью...»	267
152. «Как встарь — в подвальном кабачке невзрачном...»	268
153. «Столб полосатый, всадник, камень...»	269

154. «Степи, звезды и воды...»	269
155. «Опять безжизненное поле...»	270
156. «Куда бы разумом холодным ни ушли...»	271
157. <Из «Поэмы четырех глав»>	272
158. «Что родина?..»	275
159. «А ну вас, братцы, к черту в зубы!..»	276
160. «И ты, птенец, мое творенье...»	276
161. Воспоминания	276
162. «Не раз судьбу пытали мы вопросом...»	279
163. «И вы совсем уже не те...»	281
164. «Его пожрала эта страсть...»	281
165. «Не умеем мы...»	282
166. 27 сентября 1939	282
167. «Сказал в дверях...»	283
168. «Что-то дождик в Ленинграде...»	283
169. Денис Давыдов	284
170. Там	287
171. <Из рукописного сборника «После этого»>	289

ЮРИК ИВНЕВ

<i>Биографическая заметка</i>	291
172. «Черный вечер. Русская судьба...»	293
173. «Я убил залетевшего в щели...»	294
174. «Кто-то, закрытый звездной маской...»	294
175. «Сумасшедшие, неверные, окаянные...»	295
176. «Я надену колпак дурацкий...»	295
177. «Языческая жизнь. Луна. Свинцовый идол...»	296
178. «Ветерочек, святой ветерочек...»	296
179. Москва	297
180. «Как всё пустынно! Пламенная медь...»	297
181. «Так вот она — смертельная любовь...»	297
182. «Ладони рук к лицу прижаты...»	298
183. «Пока — живое — сердце будет биться...»	298
184. «От чар Его в позорной злобе...»	299
185. «Уста пристегнув к стремени...»	299
186. «Любовь, любовь, так вот она какая...»	300
187. «Короткого, горького счастья всплеск...»	300
188. «Был тихий день, и плыли мы в тумане...»	301
189. «Ртом жадным и мерзлым...»	301
190. «На почерневших от крови досках...»	301
191. Россия	302
192. Ночная чайная	303
193. <Из цикла «Архангельск»>	304
194. Портрет Грузинова	304
195. «Там, на зеленом откосе...»	305

ИВАН ГРУЗИНОВ

<i>Биографическая заметка</i>	306
196. «Зыбь пыльной пелены...»	308
197. Из поэмы «Можай»	308
198. «Виясь над хладным серебром...»	310
199. Веер ресниц	310
200. Русь	310
201. Бычья казнь	311
202. «Ситцевый полог чуть колыхнулся...»	312
203. Из дерева	314
204. «На асфальте вспомнил соты и гвоздики...»	316
205. «Линялой бичевой на пустыри легла...»	316
206. Дичь	317
207. Хлеб	317
208. «Пастух июль прилег в тени леска...»	318
209. «К сердцу седина. Любимой на ресницы...»	319
210. «Вкруг полей веду крутые межи...»	319
211. «В тумане кони потонули...»	320
212. «Сумочку-котомочку за плечи повесил...»	320

АЛЕКСАНДР КУСИКОВ

<i>Биографическая заметка</i>	322
213. Коврик жемчужный	325
214. «А луна, как белый дедушка...»	325
215. «Каждый раз с отходящим Вчера...»	326
216. «Я считаю биенье виска...»	326
217. «Я опять, безразличный, безвольный...»	326
218. «Продрался в небе сквозь синь ресниц...»	327
219. «Мои мысли повисли на коромысле...»	328
220. Жук	329
221. Журавли	329
222. Птица серая	330
223. Четки янтарные	331
224. Черепок	331
225. Лес нагорный	332
226. Буревестник	332
227. На Арбате	333
228. Плывите, плывите, плывите	333
229. Котенок	334
230. Кони золотистые	334
231. Я знаю	335
232. Поэма поэм	335
233. Воронье	341
234. Аль-Баррак	341
235. Кони безногие	342
236. Шатер	343
237. Коевангелисран. <i>Поэма причащения</i>	343

238. Аль-Кадр. <i>Поэма прозрения</i>	346
239. Джульфикар. <i>Неизбежная поэма</i>	348
240. Квочки	354
241. Искандар-намэ. <i>Поэма меня</i>	354
242. Зайцы зеленые	359
243. Куриные потемки	360
244. Ветер	361
245. Кони ветвистые	362
246. Кровь	363
247. А разве ветер с ветром не встречается?	364
248. Птица безымянная	365

МАТВЕЙ РОЙЗМАН

<i>Биографическая заметка</i>	367
249. Прокаженная Москва	369
250. «В емкий, не задетый ничем...»	375
251. Кол нидрей	375
252. Пасха	380
253. Сад	385
254. Новый год	388
255. <Из цикла «Россия»>	391
256. «Уже по Саронской долине...»	392
257. <Из цикла «Суббота»>	393
258. «О, этот глаз твой, как рубин...»	394
259. «О, мне, быть может, и отрадно...»	395
260. «В полях огни — огни широко...»	395
261. «Ах, первый снег — лепной и крупный...»	396
262. «О, в этом черствая суровость...»	397

НИКОЛАЙ ЭРДМАН

<i>Биографическая заметка</i>	398
263. «Осень осенью осень...»	400
264. Керосиновый ландыш	400
265. «Вечер насел петухом и скомкал...»	401
266. Автопортрет	401
267. «Еще вчерашняя толпа не догудела...»	404
268. Хитров рынок	405

«ВОИНСТВУЮЩИЙ ОРДЕН ИМАЖИНИСТОВ»

ВЛАДИМИР РИЧИОТТИ

<i>Биографическая заметка</i>	409
269. «Отделить молодых от старых...»	411
270. «Эва, кружит снежинками пыльными...»	411
271. «Под усмешки нескромных взглядов...»	412

272. «Иней розовый надолго...»	413
273. «Моя муза — фонарь на мосту...»	414
274. «Годы — словно табор очумелый...»	415
275. «Пусть Есенина в строках лвят...»	415
276. Коромысло глаз. <i>Поэма</i>	416
277. «Не гроба ли за лесом точит копь...»	422

ИВАН АФАНАСЬЕВ-СОЛОВЬЕВ

<i>Биографическая заметка</i>	423
278. «Рой серебряных паутин...»	423
279. Марш	424
280. < Из «Северной поэмы» >	425

ГРИГОРИЙ ШМЕРЕЛЬСОН

<i>Биографическая заметка</i>	427
281. «Градом град пуль...»	428
282. «Скачки безумные делать...»	428
283. Из трагедии «Нисти Трац»	429
284. «Я знаю...»	430
285. «Конь бьет копытом передок...»	431

СЕМЕН ПОЛОЦКИЙ

<i>Биографическая заметка</i>	432
286. «У бродяги — мысли о крове...»	433
287. «Опять...»	434
288. «Снова ветры и метели...»	434
289. Красный петух. <i>Выдерок</i>	435
290. Моряк	436

ЛЕОНИД ЧЕРНОВ

<i>Биографическая заметка</i>	438
291. Я хочу есть. <i>Трагический примитив</i>	440
292. Любить. <i>Трилогия</i>	442
293. Профсоюз сумасшедших. <i>Интродукция</i>	445
294. Песнь Песней. <i>Опыт динамизма скульптуры</i>	446
295. А все-таки она вертится!..	448
296. После шторма страстей	449
297. Эквилибристика образа	450
Примечания	451

35000 =

П 67 Поэты-имажинисты /Сост., подг. текста, биограф. заметки и примечания Э. М. Шнейдермана. — СПб.: Пб. писатель, М., Аграф, 1997. — 536 с. (Б-ка поэта. Большая серия).

ISBN 5-88986-016-x

ISBN 5-7784-0026-8

Издание ставит целью с возможной полнотой представить имажинизм — яркое явление в истории поэзии и литературной жизни России конца 1910-х — начала 1920-х годов, течение, давшее множество стихотворных сборников и альманахов, статей, рецензий и книг по теории поэзии, основателями которого были такие поэты, как С. Есенин, В. Шершеневич, А. Мариенгоф.

Исследовательская литература о русском имажинизме практически отсутствует, современный читатель знает об этом литературном течении сравнительно мало. А между тем поэзию имажинистов отличает несомненная внутренняя свобода, независимость от всяческих догм.

Издание предваряют полемические статьи и манифесты имажинистов. Том снабжен обширным комментарием.

ПОЭТЫ-ИМАЖИНИСТЫ

Художник *В. В. Ермин*

Редактор *Т. С. Харькина*

Технический редактор *Л. П. Полякова*

Корректор *Е. Я. Лапинь*

Оригинал-макет подготовлен в
издательстве «Петербургский писатель».

Подписано в печать 30.06.97. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура
«Таймс». Усл. печ. л. 28,14. Уч.-изд. л. 29,0. Печать высокая.
Тираж 5000 экз. Заказ № 692.

Издательство «Петербургский писатель».
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 36.
ЛР № 040718 от 21 апреля 1995 г.

ООО «Аграф LTD».
109117, Москва, ул. Окская, д. 6, корп. 1.
ЛР № 064478 от 26.02.96.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

84P6-5

П-67

12197.

ПС